



ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ



КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

6

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

Создания света,
создания тьмы...

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ



ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ



КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО



КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК **6**

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

Создания света, создания тьмы...

Перевод с английского

МОСКВА
«ТОПИКАЛ»
«ТОНАР»
1992

ББК 84.7
Ж51

Оформление серии
Владимира Катина

Иллюстрации
Александра Яцкевича

Желязны Р.

- Ж51** Создания света, создания тьмы: Романы/Пер. с англ. — М.: Тонар, Топикал, 1992. — 448 с., ил. — (Клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.; Вып. 6).
ISBN 5-900450-07-4

В этом выпуске серии «Клуб “Золотое перо”» научно-фантастические романы широко известного англоязычным любителям фантастики американского писателя Роджера Желязны «Создания света, создания тьмы», «Остров Мертвых», «Этот бессмертный». В основе произведений, пронизанных мифами различных народов, — поведение человека при освоении космического Нового Света, его творческое самоосуществление.

ISBN 5-900450-07-4

ББК 84.7

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление.
«Тонар», 1992

Создания света, создания тьмы...



*Поколения исчезают, уступая место новым,
и так было со времени наших предков.
Те, кто строят здания,
не имеют больше места.
Что сделали с ними?*

*Я слышал слова Имхотеп и Хардедефа,
чьи речи так любят повторять люди.
Где теперь их место?*

*Их стены обвалились,
их домов не существует,
как будто их не было вовсе.*

*Никто не возвращается оттуда,
чтобы сказать нам, где их место,
чтобы сказать нам, как им живется,
чтобы сказать нам, как успокоить сердце,
пока мы сами не отправимся за ними.*

*Так празднуйте и оставайтесь молодыми!
Смотрите, человеку не дано
забрать туда с собой свои владенья.
Смотрите, кто ушел туда, назад
не возвратится.*

Харрис

*И вот, вошел он туда с Волшебной Палочкой в
одной своей руке и Стаканом в другой, а с ним
множество Чудовищ с головами диких Зверей. Они
шли и страшно шумели, с факелами в руках.*

Мильтон

*Людская одежда — железо,
А тело — подарок небес.
Лицо как закрытая книга,
И жадное сердце как бес.*

Блейк

Прелюдия в Доме Мертвых

Человек идет в канун Тысячелетия в Доме Мертвых. Если вам удастся окинуть взглядом огромную комнату, по которой он идет, вы ничего не увидите. Слишком темно для глаз, чтобы что-нибудь различить.

И в это темное время мы будем называть его просто «человек».

Для этого есть две причины: во-первых, он полностью подходит под такое описание — мужчина, модель — человек, ходит прямо, на двух ногах, большие пальцы рук от-

стоят в стороны, обладает и другими характерными признаками человека, и во-вторых, потому что имя его было отнято у него.

И пока что нет причин заострять на этом вопросе внимание.

В правой руке человек держит посох своего Господина, и тот направляет его в темноте. Он тянет его то в одну сторону, то в другую. Он обжигает его руку, его пальцы, его отстоящий большой палец, если только нога его хоть немного уклонится от предназначенного пути.

Когда человек приближается в темноте к определенному месту, он поднимается на семь ступенек к каменному помосту и три раза стучит своим посохом.

И тогда появляется свет, туманный и оранжевый, рассеивающийся к углам. Он освещает огромную пустую комнату.

Человек персворачивает посох и засовывает его в углубление в камне.

Если бы у вас были уши в этой комнате, вы бы услышали звуки крылатых насекомых, кружащихся вокруг вас, — удаляющихся, возвращающихся.

Но только человек слышит их. Здесь присутствуют еще больше двух тысяч людей, но все они мертвы.

Они выходят из прозрачных прямоугольников, которые сейчас появляются в полу, выходят недышащие, неморгающие, в горизонтальном положении, отдыхают на невидимых катафалках на высоте двух футов, их одежда и кожа всех возможных цветов, а их тела — всех веков. У некоторых из них есть крылья, у некоторых — хвосты, у других имеются рога, а у третьих — длинные когти. У четвертых есть абсолютно все, а у пятых встроены механизмы, хотя у шестых их нет вовсе. Многие из них выглядят как обычные люди — вообще без всего.

На человеке надеты желтые брюки и рубашка без рукавов того же цвета. Пояс и плащ черные. Он стоит рядом со светящимся посохом своего Господина и смотрит на мертвых.

— Вставайте, — говорит он. — Все вы!

И слова его смешиваются с жужжанием в воздухе и повторяются вновь и вновь, не как эхо, затихая, а настойчиво и решительно, с силой электрического сигнала тревоги.

Весь воздух заполнен звуками и наэлектризован. Раздаются стоны и скрип суставов, затем дыхание.

Шуршание, звон, кряхтение, они садятся, они встают.

Затем звуки и движение прекращаются, и мертвые стоят, как незажженные свечи, перед своими раскрытыми могилами.

Человек сходит с помоста, стоит мгновение перед ними, потом произносит:

— Следуйте за мной!

И идет обратно тем же путем, которым пришел, оставив посох своего Господина дрожать светом в сером воздухе.

Вот он подходит к высокой женщине с золотистой кожей — самоубийце, смотрит в ее невидящие глаза и спрашивает:

— Ты узнаешь меня?

И оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы шепчут:

— Нет.

Но он смотрит еще пристальней и говорит:

— Ты знала меня?

И воздух гудит его словами, потом она отвечает снова:

— Нет!

И он проходит мимо нее.

Тогда он спрашивает двух других: человека древнего веками, у которого часы встроены в левую кисть, и черного карлика с рогами и копытами и хвостом козла. Но оба говорят:

— Нет.

И они пристраиваются к нему и идут сзади, и следуют за ним из этой огромной комнаты в другую, где под каменным полом находятся другие мертвые, не слишком ожидающие, чтобы их вызвали в канун его Тысячелетия в Доме Мертвых.

Человек ведет их. Он ведет мертвых, которых вызвал к движению, и они следуют за ним. Они следуют за ним по коридорам, и галереям, и залам, вверх, по узким витым лестницам, и вниз, по широким прямым лестницам, и они приходят, наконец, в Большой Зал Дома Мертвых, где его Господин принимает подданных.

Он сидит на черном троне из отполированного камня, а слева и справа от него стоят металлические чаши с огнем. На каждой из двухсот колонн в этом высоком Зале пылает факел, мигая, и дым с искрами завивается и уходит вверх, становясь, наконец, серой частью плывущего облака, которое полностью покрывает потолок.

Господин не двигается, он смотрит на человека, который идет, приближаясь, по Залу с пятью тысячами мерт-

вых за его спиной, и глаза его сверкают красным огнем, когда он смотрит, как человек идет вперед.

Человек простирается у его ног и не двигается, пока к нему не обращаются.

— Ты можешь приветствовать меня и подняться,— слышатся слова, каждое из которых — резкий горловой звук посредине выдоха.

— Хайль, Анубис, Господин Дома Мертвых!— говорит человек.

И встает.

Анубис слегка наклоняет свою черную морду, клыки в его рту белы. Красная молния, его язык, высовывается, опять исчезает во рту. Потом он встает, и тени скользят вниз по его голому человеческому телу.

Он поднимает левую руку, и жужжащий звук раздается по всему залу: он разносит его слова сквозь мигающий свет и дым.

— Слушайте, вы, те, кто мертв,— говорит он.— Сегодня вы будете развлекаться ради моего удовольствия. Пища и вино пройдут между вашими мертвыми губами, хотя вы не почувствуете их вкуса. Ваши мертвые желудки удержат все это внутри вас, а ваши мертвые ноги будут танцевать. Ваши мертвые рты будут говорить слова, которые не будут иметь для вас значения, вы будете обнимать друг друга и ничего при этом не испытывать. Вы будете петь для меня, если я пожелаю. Вы опять ляжете, когда я велю вам.

Он поднимает правую руку.

— Пусть начинается пир,— говорит он и хлопает в ладоши.

И тогда из-за колонн выдвигаются столы, заставленные едой и напитками, и в воздухе слышится музыка.

Мертвые двигаются, чтобы повиноваться ему.

— Ты можешь присоединиться к ним,— говорит Анубис человеку и вновь садится на свой трон.

Человек подходит к ближайшему столу, слегка закусывает и выпивает стакан вина, мертвые танцуют вокруг него, но он не танцует с ними. Они издают шумы, которые являются словами без смысла, он не слушает их. Наливает второй стакан вина, и глаза Анубиса смотрят, как он пьет его. Он наливает третий стакан вина, держит его в руках, отхлебывает из него по глоточку и смотрит в него неотрывным взглядом.

Он не может сказать, сколько проходит времени, пока Анубис не говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Приблизься,— говорит Анубис, и он делает это.

— Ты можешь подняться. Ты знаешь, какая сегодня ночь?

— Да, Господин. Это — канун Тысячелетия.

— Это канун твоего Тысячелетия. Сегодня ночью мы празднуем годовщину. Ты служил мне в Доме Мертвых полную тысячу лет. Ты рад?

— Да, Господин...

— Ты помнишь мое обещание?

— Да. Ты сказал мне, что если я буду верно служить тебе тысячу лет, ты отдашь мне мое имя обратно. Ты скажешь мне, кем я был на Средних Планетах Жизни.

— Прости меня, но я этого не обещал.

— Ты?..

— Я сказал тебе, что дам тебе имя, какое-то имя, а это совершенно разные вещи.

— Но я думал...

— Мне все равно, что ты думал. Ты хочешь получить имя?

— Да, Господин...

— Но ты предпочел бы свое старое? Ты это хочешь сказать?

— Да.

— Неужели ты действительно думаешь, что кто-нибудь вспомнит твое имя после десяти веков? Неужели ты считаешь, что был такой важной персоной на Средних Мирах, что кто-нибудь отметил твое имя, что оно могло иметь для кого-нибудь значение?

— Я не знаю.

— Но ты хочешь получить его обратно?

— Если это можно, Господин.

— Почему? Почему ты его хочешь получить?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Я хотел бы знать, кем я был, когда жил там.

— Почему? Зачем тебе это?

— Я не могу ответить тебе, потому что не знаю.

— Из всех мертвых,— говорит Анубис,— одному тебе дал я полное сознание, чтобы ты служил здесь мне. Ты это знаешь. Может быть, поэтому ты чувствуешь, что в тебе есть нечто такое особенное?

— Я часто задумывался, зачем ты это сделал.

— Тогда разреши мне успокоить тебя, человек. Ты — ничто. И был ничем. Тебя не помнят. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты не веришь мне?

— Нет, Господин...

— А почему? Я забрал воспоминания твоей жизни, потому что они не причиняли бы тебе ничего, кроме боли. А сейчас позволь мне продемонстрировать твою безликость.

В этом зале более пяти тысяч мертвых из многих всков и мест.

Анубис встает, и голос его доносится до каждого присутствующего в зале.

— Слушайте меня, личинки! Поверните свои глаза к этому человеку, который стоит перед моим тронem! Повернись к ним лицом, человек!

Человек поворачивается.

— Знай, человек, что сегодня ты не носишь того тела, в котором спал еще прошлой ночью. Сейчас ты таков, как тысячу лет назад, когда пришел в Дом Мертвых. Мои мертвецы, есть ли кто-нибудь из присутствующих здесь, кто может выйти и сказать, что знает этого человека?

Девушка с золотистой кожей выходит вперед.

— Я знаю этого человека,— говорит она оранжевыми губами,— потому что он говорил со мной в другой комнате.

— Это я знаю,— говорит Анубис,— но кто он?

— Он тот, который говорил со мной.

— Это не ответ. Иди и обнимайся вон с той розовой ящерицей. А ты что, старик?

— Со мной он тоже говорил.

— Это я знаю. Ты можешь назвать его?

— Не могу.

— Тогда иди и танцуй на том столе и поливай свою голову вином. А ты что скажешь, негр?

— Этот человек разговаривал и со мной.

— Ты знаешь его имя?

— Я не знал его, когда он спросил меня...

— Тогда сгори!— вскрикивает Анубис, и огонь падает с потолка, вырывается из стен, и от негра остается один лишь пепел, который затем медленно движется по полу мимо ног танцующих и превращается в пыль.

— Ты видишь?— спрашивает Анубис.— Никто не может назвать тебя именем, которое ты когда-то носил.

— Вижу,— отвечает человек,— но этот, последний, хотел еще что-то сказать...

— Таковую же бессмыслицу! Ты никому не известен и

никому не нужен, кроме меня. И только потому, что ты хорошо знаешь искусство бальзамирования и иногда можешь сочинить неглупую эпитафию.

— Благодарю тебя, Господин.

— Какую пользу принесут тебе здесь твои воспоминания и твое имя?

— Наверное, никакой.

— И тем не менее ты хочешь получить имя, и я дам его тебе. Вытащи свой кинжал.

Человек вытаскивает кинжал, который висит у него с левой стороны.

— А теперь отрежь свой большой палец.

— Какой, Господин?

— Сойдет и левый.

Человек закусывает нижнюю губу, и глаза его сужаются, когда он водит лезвием по суставу большого пальца. Кровь течет на пол. Она стекает с лезвия ножа и скапливается каплями на его кончике. Он падает на колени, но продолжает резать, и слезы текут по его щекам и смешиваются с кровью. Он тяжело и часто дышит, и с уст его срывается рыдание.

Затем...

— Готово, Господин,— говорит он.— Вот.

Он роняет кинжал и протягивает свой большой палец Анубису.

— Мне он не нужен! Брось его в огонь!

Своей правой рукой человек бросает большой палец в жаровню. Он шипит, трещит и сгорает.

— А сейчас сложи горсткой свою левую руку и собери в нее кровь.

Человек делает это.

— А теперь подними ее над головой, пусть кровь протечет тебе на лоб.

Он поднимает руку, и кровь течет на его лоб.

— А теперь повторяй за мной: «Я крещу себя... Оаким, из Дома Мертвых»...

— Оаким, из Дома Мертвых...

— Именем Анубиса...

— Именем Анубиса...

— ОАКИМ...

— ОАКИМ...

— Посланником Анубиса на Средние Миры...

— Посланником Анубиса на Средние Миры...

— ...и те, что за ними...

— ...и те, что за ними...

— А теперь слушайте меня, о мертвые! Я объявляю этого человека Оакимом. Повторите его имя!

— О А К И М!— слышатся слова из мертвых губ.

— Быть по сему! Теперь у тебя есть имя, Оаким,— говорит он.— А следовательно, необходимо, чтобы ты почувствовал рождение своего имени, чтобы ты ушел измененный этим событием, о мой поименованный!

Анубис поднимает обе руки над головой и опускает их.

— Продолжайте танцевать!— приказывает он мертвым.

Они вновь начинают двигаться под музыку.

В зал въезжает телоразделочная машина, а за ней следует машина, заменяющая члены.

Оаким отворачивается от них, но они подъезжают к нему и останавливаются.

Первая машина высовывает зажимы и держит его.

— Человеческие руки слабы,— говорит Анубис.— Пусть их уберут.

Человек кричит, когда видит, как лезвия начинают жужжать. Затем он теряет сознание. Мертвые продолжают свой танец.

Когда Оаким приходит в себя, то видит: серебряные руки висят по обеим сторонам, холодные и бесчувственные. Он сжимает пальцы.

— А человеческие ноги медленны и способны устать. Пусть те, что он носит, будут заменены никогда не устающими металлическими.

Когда Оаким очнулся во второй раз, он стоит на серебряных колоннах. Он шевелит пальцами ног. Язык Анубиса выскакивает вперед.

— Положи свою правую руку в огонь,— говорит он,— и держи ее там, пока она не раскалится добела.

Музыка льется повсюду вокруг них, а пламя ласкает его руку, пока она не становится такой же красной, как и само пламя. Мертвые разговаривают на свои мертвые темы и пьют вино, вкуса которого не чувствуют. Они обнимают друг друга без всякого удовольствия.

Рука раскаляется добела.

— А теперь,— говорит Анубис,— возьми свой член в свою правую руку и сожги его.

Оаким облизывает губы.

— Господин...— говорит он.

— Сделай это!

И он делает это и падает без чувств, не успев довершить дело до конца.

Когда он вновь открывает глаза и смотрит вниз, на

себя, видит: он весь состоит из сверкающего серебра, без признаков пола и сильный. Когда он дотрагивается до своего лба, слышится звон металла о металл.

— Как ты себя чувствуешь, Оаким?— спрашивает Аноубис.

— Я не знаю,— отвечает он голосом странным и хриплым.

Аноубис делает знак, и ближайшая сторона разделочной машины становится зеркалом.

— Посмотри на себя.

Оаким смотрит на сверкающее яйцо — свою голову, желтые линзы — свои глаза, сияющую бочку — свою грудь.

— Люди могут начинать и кончать самыми разнообразными путями,— говорит Аноубис.— Некоторые начинают так, как машины, и медленно завоевывают свою человечность. Другие могут кончить машинами, медленно теряя человечность в течение всей своей жизни. То, что потеряно, всегда может быть возвращено. То, что найдено, всегда может быть потеряно. Что ты, Оаким, человек или машина?

— Я не знаю.

— Тогда разреши мне запутать тебя еще больше.

Аноубис делает знак — и руки и ноги Оакима отпадают в стороны. Его металлическое туловище звякает о каменный пол, катится, потом останавливается у самого трона.

— Теперь ты лишен подвижности,— говорит Аноубис.

Он вытягивает вперед свою ногу и дотрагивается до крохотного выключателя на затылке Оакима.

— Теперь у тебя отсутствуют все чувства, кроме слуха.

— Да,— отвечает Оаким.

— А теперь к тебе делают подсоединение. Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, и сейчас ты станешь частью машины с мониторами, которая поддерживает весь этот мир. Смотри на него, на весь!

— Я смотрю,— отвечает он, и осознает каждую комнату, коридор, зал в этом всегда мертвом, не бывшим живым мире, который никогда и не был миром, миром сделанным, а не созданным звездным взрывом и животворящим огнем, сколоченным и соединенным, склепанным и сваренным, изолированным и украшенным не морями, землями и воздухом, но смазкой, металлом и камнем и стенами энергии, висящими в ледяной пустоте, где не светит никакого солнца, и он ощущает расстояние, вес, давление, материалы и тайное количество мертвых. Он осознает только поддержи-

вающие волны движения, проходящие сквозь Дом Мертвых. И он течет вместе с ними, познавая бесцветный цвет восприятия.

Затем Анубис опять говорит:

— Ты знаешь каждую тень в Доме Мертвых. Ты глядел через все самые сокровенные глаза.

— Да.

— А теперь посмотри, что лежит за всем этим.

Звезды, звезды, звезды, рассеянные звезды, и в промежутках — темнота. Они вспучиваются, сворачиваются и изгибаются, и они бегут к нему, пробегают мимо него. Они сияют светом, чистым, как глаза ангелов, и они проскальзывают близко от него, далеко от него, в той вечности, через которую он, кажется, движется. Нет ни чувства времени, ни чувства движения. Нет — лишь меняется поле. Огромный голубой гигант солнца мгновение висит рядом с ним, потом опять возвращается, окутывает его со всех сторон, и другие огоньки пролетают мимо, как в тумане.

И, наконец, он появляется в мире, который не является миром, лимонным и лазурным и зеленым, зеленым, зеленым. Зеленая корона висит над ним, в три раза больше его самого, и он пульсирует приятным ритмом.

— Смотри на Дом Жизни,— говорит Анубис откуда-то.

И он смотрит. Там тепло, светло и живо. Он чувствует там жизнь.

— Озирис правит Домом Жизни,— говорит Анубис.

И он смотрит на большую птичью голову на человеческих плечах, ярко-желтые глаза, живые, о, какие живые!, и стоит это существо перед ним на бесконечной равнине, вечнозеленой, через призму которой он взирает на весь свой мир, и он держит посох Жизни в одной руке и Книгу Жизни в другой. Он — как источник животворящего тепла.

Затем Оаким опять слышит голос Анубиса.

— Дом Жизни и Дом Мертвых управляют Средними Мирами.

А затем неожиданное бесконечное падение, такое, что кружится голова, и Оаким опять смотрит на звезды, но звезды эти отделены одна от другой видимыми силовыми линиями, потом невидимыми, потом опять видимыми, постепенно исчезающими, появляющимися, уходящими белыми сверкающими линиями, неустойчивыми.

— Сейчас ты воспринимаешь Средние Миры Жизни,— говорит Анубис.

И дюжины миров катятся перед ним, как шарики из

экзотического мрамора, с пунктирными линиями, калиброванные, отполированные, раскаленные.

— ...находятся,— говорит Анубис.— Они находятся внутри поля, которое создается между двумя единственными полюсами, которые имеют значение.

— Полюсами?— вопрошает металлическая голова, которая Оаким.

— Домом Жизни и Домом Мертвых. Средние Миры двигаются вокруг своих солнц, и все вместе идут по дорогам Жизни и Смерти.

— Я не понимаю,— говорит Оаким.

— Жизнь или Смерть. Конечно, ты не понимаешь. Что является в одно и то же время величайшим благословением и величайшим проклятием во вселенной?

— Я не знаю,— отвечает Оаким.

— Жизнь,— повторяет Анубис,— или Смерть.

— Не понимаю,— говорит Оаким.— Ты употребил превосходную степень. На твой вопрос требовался один ответ. Тем не менее ты назвал две вещи.

— Вот как? Правда? Только потому, что я использовал два слова, можно ли сделать вывод, что имелись в виду две совершенно различные вещи? Разве у одной не может быть более чем одно название? А возьми, например, себя. Что ты?

— Я не знаю.

— Значит, это может быть началом мудрости. Ты с такой же легкостью можешь быть машиной, которую я решу инкарнировать, как и человеком на время, который сейчас вернулся в свой металлический облик, так же, как ты мог быть человеком, которого я решил инкарнировать машиной.

— Тогда в чем же разница?

— Ни в чем. Ее вообще нет. Но ты не можешь отличить себя сам. Ты не можешь вспомнить. Скажи, ты жив?

— Да.

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. Я понимаю. Я могу говорить.

— Какая из этих особенностей есть жизнь? Вспомни, что ты не дышишь, что твоя нервная система — путаница проводов, и я сжг твое сердце. Вспомни также, что у меня есть машины, которые умнее тебя, обладают лучшей памятью, умеют лучше разговаривать. Какое еще извинение ты придумаешь себе, говоря, что жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос, а восприятие звуков — субъективный

феномен? Прекрасно. Я отключу и твой слух. Внимательно следи, прекратишь ли ты при этом свое существование. ... одна снежинка, опускающаяся в колодец, колодец без воды, без стен, без дна, без верха. А сейчас убери эту снежинку и подумай о падении...

После безвременного времени опять слышится голос Анубиса.

— Ты знаешь разницу между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь, — отвечает Оаким. — Что бы ты ни дал или забрал от меня, если «Я» остаюсь — это жизнь.

— Спи, — говорит Анубис.

И ничто больше не слышит его там, в Доме Мертвых.

Когда Оаким пробуждается, он осознает, что сидит за столом рядом с тронном, что он опять смотрит на танец мертвых и слушает музыку, под которую они двигаются.

— Ты был мертв? — спрашивает Анубис.

— Нет, — говорит Оаким. — Я спал.

— Какая разница?

— «Я» все еще присутствовал, хотя и не осознавал этого.

Анубис смеется.

— Допустим, я никогда не разбудил бы тебя?

— Тогда, думаю, это была бы смерть.

— Смерть? Если бы я решил не использовать своих сил, чтобы разбудить тебя? Даже несмотря на то, что эта сила все время присутствовала бы, так же как и потенциально спящий «Ты»?

— Если бы это никогда не было сделано, если бы я навечно остался только потенциально способным быть разбуженным, то это была бы смерть.

— Мгновение назад ты говорил, что сон и смерть — это разные вещи. Неужели имеет значение только период времени?

— Нет, — говорит Оаким. — Только существование имеет значение. После сна всегда наступает бодрствование, и жизнь при этом присутствует. Когда я существую, я это знаю. Когда не существую, я ничего не знаю.

— Значит, жизнь — ничто?

— Нет.

— Значит, жизнь — существование? Как эти мертвые?

— Нет, — говорит Оаким. — Это знание о том, что ты существуешь хотя бы незначительное время.

— Тогда что же является выражением этого процесса?

— «Я», — отвечает Оаким.

— А что такое «Я»? Кто ты?

— Я — Оаким.

— Я дал тебе имя совсем недавно! Чем ты был до этого?

— Не Оакимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым!— вскрикивает Оаким.

— Не повышай своего голоса в стенах моего дома,— говорит Анубис.— Ты не знаешь, что ты и кто ты, ты не знаешь разницу между существованием и несуществованием, и тем не менее ты споришь со мной о жизни и смерти! Теперь я не буду спрашивать тебя, я скажу тебе. Я скажу тебе о жизни и смерти.

— Есть слишком много жизни,— начинает он,— и есть ее нехватка. И то же самое можно сказать о смерти. А теперь я отброшу в сторону парадоксы.

Дом Жизни находится так далеко отсюда, что луч света, который оставил его в тот день, когда ты впервые вошел сюда, не успел пройти и незначительной доли самого малого расстояния, которое разделяет нас. Между нами находятся Средние Миры. Они двигаются в прибое Жизни-Смерти, который проходит между моим домом и домом Озириса. Когда я говорю «проходит», я не имею в виду, что они двигаются, как жалкий луч света, который еле-еле ползет во вселенной. Скорее они движутся как волны океана, у которого всего два берега. Мы можем устроить бурю в любом месте, и при этом остальная часть океана останется спокойной. Что это за волны, и что они делают?

— Некоторые миры,— продолжает он,— обладают слишком большой жизнью. Жизнь — ползающая, испражняющаяся, жалкая, миры, слишком милосердные, со слишком развитой наукой, которая позволяет людям жить долго, миры, которые готовы утопить себя в своем семени, миры, которые заполняют все свои земли брюхатыми женщинами,— и таким образом ведущие себя к смерти под тяжестью своей собственной плодовитости. Есть и другие миры, холодные, бесплодные и пустынные, которые перемалывают жизнь, как мельница зерно. Даже улучшая свое физическое тело, имея машины, управляющие всем миром, имеется всего несколько сот миров, населенных шестью разумными расами. На самых неудачных из них жизнь крайне необходима. Она — благословение. Когда я говорю, что жизнь нужна или не нужна в определенном месте, я, конечно, точно так же говорю о том, нужна или не нужна там смерть. Я говорю не о двух разных вещах, а об одном

и том же. Озирис и я — хранители. Кредит и дебет. Мы поднимаем бурю или заставляем ее успокаиваться. Можно ли рассчитывать, что смерть ограничит сама себя? Никогда. Это такое же бездумное желание нуля достичь бесконечности.

— Но должен существовать контроль над жизнью и смертью, — продолжает далее он, — иначе плодовые миры будут возвышаться и падать, с циклами между империями и анархией, а затем кончат полным разрушением. Жизнь не может поддерживать себя внутри статистических данных, которыми она направляется. А следовательно, ее надо направлять, и это делается. Озирис и я держим Средние Миры в своих руках. Они находятся в нашей сфере деятельности, под нашим контролем, и мы даем или отнимаем жизнь, когда захотим. Теперь ты понимаешь, Оаким? Ты начинаешь понимать?

— Ты ограничиваешь жизнь? Вызываешь смерть?

— Мы можем наложить стерильность на любую из шести рас любого мира на такой период времени, который сочтем необходимым. Это может быть сделано на полной или на частичной основе. Мы можем так же увеличивать или уменьшать продолжительность жизни, уничтожать целые народы.

— Как?

— Огонь. Голод. Чума. Война.

— А стерильные миры, бесплодные миры? Как же с ними?

— Можно сильно увеличить деторождаемость и не вмешиваться в продолжительность жизни. Умершие отправляются в Дом Жизни, а не сюда. Там их чинят, или части их используются при создании новых индивидов, которые могут обладать, а могут и не обладать человеческим разумом.

— А остальные мертвые?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. На Средних Мирах нет законных гробниц и могил. Было время, когда Дом Жизни посылал к нам за людьми или их частями. Были и такие случаи, когда они посылали нам излишки.

— Это трудно понять. Это кажется жестоким, зверским...

— Это жизнь и это смерть. Это величайшее благословение и величайшее проклятие во вселенной. Тебе не надо понимать этого, Оаким. Твое понимание или его отсутствие, твое одобрение или неодобрение ни в коей мере не изменит существующего порядка вещей.

— А откуда появился ты, Анубис, и Озирис, как вы управляете всем этим?

— Есть вещи, которые ты не должен знать.

— А как Средние Миры принимают ваше управление?

— Они живут под ним и умирают под ним. Это выше их возражений, потому что необходимо для того, чтобы они продолжали существовать. Это стало законом природы, а следовательно, с одинаковой силой действует для всех, кто живет согласно законам природы.

— Есть и такие, которые не живут согласно им?

— Ты узнаешь об этом больше, когда я сочту нужным сказать тебе, но не сейчас. Я сделал тебя машиной, Оаким. Теперь я сделаю тебя человеком. Кто может сказать, с чего ты начал, кем ты начал? Если бы я стер всю твою память до этой минуты, а затем дал бы тебе новое тело, ты помнил бы только, что был машиной.

— Ты так и сделаешь?

— Нет. Я хочу, чтобы ты обладал памятью, которой обладаешь сейчас, перед тем, как я сообщу тебе твои новые обязанности.

Машина снимает Оакима с полки и отключает его чувства. Музыка пульсирует и льется между танцорами, двести факелов сверкают на колоннах, как бессмертные мысли. Анубис смотрит на почерневшее место на полу Большого Зала, а наверху облако дыма движется, подчиняясь своему собственному ритму.

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство.

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство. Он лежит на спине, глядя вверх. Ему холодно на каменных плитах, а слева от него какое-то мерцание света. Внезапно он сжимает левую руку в кулак, ищет свой большой палец, находит его и вздыхает.

— Да,— произносит Анубис.

Он садится перед тронем, оглядывает себя, смотрит на Анубиса.

— Ты был окрещен, ты вновь родился во плоти.

— Спасибо.

— Не за что. Здесь, у нас, полно исходного материала. Встань! Ты помнишь свои уроки?

Оаким встает.

— Какие?

— Темпоральную фугу. Заставить время следовать за умом, а не тело.

- Да.
- А убийство?
- Да.
- А соединение и того и другого?
- Да.

Анубис встает. Он на целую голову выше Оакима, новое тело которого больше двух ярдов в высоту.

— Тогда покажи мне!

— Пусть прекратится музыка!— громко кричит Анубис.— Пусть тот, кого в жизни называли Даргот, встанет передо мной!

Мертвые перестают танцевать. Они стоят не двигаясь, глаза их не мигают. Несколько секунд длится тишина, не нарушаемая ни словом, ни звуком, ни дыханием.

Даргот продвигается между неподвижно стоящими мертвыми, сквозь тень, сквозь свет факелов. Оаким выпрямляется еще больше, когда видит его, потому что мускулы на его плечах, спине и животе напрягаются.

Металлическая полоса цвета меди пересекает лоб Даргота, закрывая щеки, исчезая под подбородком, как у медведя гризли. Круговая полоса идет по бровям, вискам, заканчивается на затылке. Глаза широко раскрыты, с желтыми зрачками и красными белками. Его нижняя челюсть делает постоянные жевательные движения, когда он идет вперед, и зубы его как длинные тени. Голова качается из стороны в сторону на двенадцатидюймовой шее. Плечи — трех футов в ширину, и выглядит он, как перевернутый треугольник, потому что бока его резко заканчиваются сегментированной нижней частью туловища, которая начинается там, где заканчивается плоть. Его колеса вращаются медленно — левое заднее скрипит при каждом повороте. Его руки достигают в длину четырех футов, так что кончики пальцев почти касаются пола. Четыре короткие острые металлические ноги направлены вверх и сложены по бокам. Лезвия бритв встают на его спине и опадают по мере продвижения. Восьмифутовый хлыст его хвоста разворачивается позади него, когда он останавливается перед троном.

— На эту ночь, канун Тысячелетия,— говорит Анубис,— я даю тебе обратно твое имя — Даргот. Когда-то ты считался одним из самых могущественных воинов на Средних Мирах, Даргот, пока не решил помериться силами с бессмертным и не нашел смерти у его ног. Твое сломанное тело было починено, и сегодня ночью ты должен использовать его, чтобы еще раз вступить в битву. Уничтожишь

этого человека, Оакима, в равном бою — и ты сможешь занять его место первого слуги в Доме Мертвых

Даргот подносит свои огромные руки ко лбу и кланяется, пока они не касаются пола.

— У тебя есть десять секунд,— говорит Анубис Оакиму,— чтобы приготовить свой ум к битве. Готовься, Даргот!

— Повелитель,— спрашивает Оаким,— как я могу убить того, кто уже мертв?

— Это — твоя проблема,— отвечает Анубис.— Но теперь ты потерял все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздается ломающийся звук и серия резких пощелкиваний.

Металлические ноги Даргота опускаются вниз, выпрямляются, поднимают его на три фута выше уровня пола. Он подпрыгивает на месте, поднимает руки, сгибая и разгибая их.

Оаким наблюдает, ожидая.

Даргот поднимается на задние ноги, так что голова его уже на десять футов выше уровня пола.

Затем он прыгает вперед, вытягивая руки, свернув хвост, наклонив голову, обнажив клыки. Лезвия бритв поднимаются на его спине, как сверкающие плавники, его копыта бьют, как молоты по наковальне.

В самую последнюю долю секунды Оаким отступает в сторону и наносит удар, который блокирует предплечье его соперника. Затем он прыгает высоко в воздух, и хлыст безрезультатно хлещет по тому месту, где он только что стоял.

Несмотря на свои размеры, Даргот быстро поворачивается. Он снова нападает и бьет передними копытами, а Оаким опять подпрыгивает, избегая удара, но когда он опускается, руки Даргота падают на его плечи.

Оаким хватает Даргота за обе кисти и бьет ногой в грудь. Хлыст хвоста хлещет его по правой щеке, когда он делает это. Тогда он отрывает эти огромные руки от своих плеч, наклоняет голову и ребром ладони сильно бьет противника в бок. И вновь хлещет хлыст, теперь уже по его спине. Он прицельно бьет в голову, но она на длинной шее отворачивается в сторону, и он слышит, как опять свистит хлыст, чуть не задевая его.

Кулаки Даргота бьют его по скулам, он спотыкается, теряя равновесие, и падает на пол. Потом перекатывается несколько раз, чтобы не попасть под копыта, но кулак вновь посылает его на пол, когда он пытается встать.

Когда ему наносят следующий удар, он хватается за кисть обеими руками, и всей тяжестью своего тела налегает на эту руку, отворачивая голову в сторону. Кулак Даргота ударяет в пол, а Оаким быстро вскакивает на ноги, нанося при этом удар левой рукой. Голова Даргота запрокидывается от удара, а хлыст щелкает над самым ухом Оакима. Он наносит еще один удар по этой запрокинутой голове, а затем отлетает назад, потому что задние ноги Даргота выпрямляются, как пружины, и плечо его бьет Оакима в грудь.

Даргот опять кидается в бой.

Затем, впервые, он подает голос.

— Сейчас, Оаким, сейчас!— говорит он.— Даргот станет первым слугой Анубиса.

Когда молнией мелькают копыта, Оаким, падая вниз, ловит эти металлические ноги обеими руками. Он прочно сидит на корточках, губы его растягиваются, показываются стиснутые зубы, в то время как Даргот висит неподвижно в воздухе, застыв посреди атаки.

Оаким смеется, вновь вскакивает на ноги и вытягивает обе руки, так что его противник висит сейчас высоко в воздухе, с трудом удерживая равновесие, чтобы не упасть на спину.

— Глупец!— говорит он. И голос его странно изменен.

Это слово, как удар большого железного колокола, звучит по всему Залу. Среди мертвых слышится слабый стон, такой же, как тогда, когда их поднимали из могилы.

— «Сейчас»,— говоришь ты. «Оаким»,— говоришь ты.

И он смеется, шагая вперед, держа в руках эти так и не успевшие упасть копыта.

— Ты сам не знаешь, что говоришь!

И он обнимает руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно болтаются за его спиной, а хлыст хвоста щелкает и бьет его по плечам. Руки его лежат на острых бритвах спины, и он прижимает это не поддающееся сегментированию тело из металла к своему собственному.

Огромные руки Даргота находят его шею, но большие пальцы никак не могут сомкнуться на горле, и мускулы шеи Оакима напрягаются и выделяются, когда он чуть сгибает свои колени и начинает давить сам.

Они стоят так, словно замершие на какое-то мгновение, не исчисляемое временем, и свет огня кидает на их тела зловещие тени.

Затем одним мощным рывком Оаким поднимает Дарго-

та высоко над головой, разворачивает и швыряет прочь от себя.

Ноги Даргота бешено дрыгают, когда он, поворачиваясь, летит по воздуху. Лезвия на его спине поднимаются и опадают, а хвост выгибается и шелкает. Он закрывает руками лицо, со страшным треском падает у трона Анубиса и остается лежать там, неподвижный. Металлическое тело его сломано в четырех местах, а расколота голова лежит на нижней ступени трона.

Оаким поворачивается к Анубису.

— Удовлетворительно?— спрашивает он.

— Ты не применил темпоральной фуги,— отвечает Анубис, даже не глядя вниз, на останки того, что было Дарготом.

— В этом не было необходимости. Он был не таким уж могущественным противником.

— Он был могуществен,— говорит Анубис.— Почему ты смеялся, как будто сомневался в своем имени, когда дрался с ним?

— Я не знаю. На мгновение, когда я почувствовал, что меня невозможно победить, у меня возникло такое ощущение, что я — это кто-то другой.

— Кто-то без страха, жалости и угрызений совести? Ты все еще сохранил это ощущение?

— Нет.

— Тогда почему ты перестал называть меня «Господином»?

— Пыл битвы вызвал эмоции, которые пересилили во мне мою покорность.

— В таком случае немедленно исправь это упущение.

— Конечно, Господин.

— Извинись. Проси у меня прощения как можно более униженно.

Оаким простирается на полу.

— Я прошу у тебя прощения, Господин. Смирненно прошу.

— Встань и можешь считать себя прощенным. В твоём желудке совсем не осталось содержимого после того, что ты испытал. Пойди сейчас и освежись едой и питьем. И пусть вновь будут песни и танцы! Пусть все пьют и веселятся, празднуя крещение именем Оакима в канун Тысячелетия! Пусть жалкие останки Даргота пропадут с глаз моих.

И все так и происходит.

После того как Оаким заканчивает есть, и кажется, что пение и танцы будут продолжаться чуть ли не до скончания века, Анубис делает знак, сначала налево, потом на-

право, и огонь каждого факела угасает, уходит внутрь колонны, исчезает. Его рот открывается и слова обращаются к Оакиму:

— Уведи их назад. Принеси мне посох.

Оаким встает и отдает нужные распоряжения. Затем он выводит мертвых из огромного зала. Когда они уходят, столы исчезают за колоннами. Страшный ветер обрушивается на дымный потолок. Однако прежде чем этот большой серый матрац разорван на куски, затухают остальные факелы, единственным освещением в зале остаются две чаши, горящие по обеим сторонам трона.

Анубис пристально всматривается в темноту, и лучи света изгибаются по его воле: он вновь видит, как Даргот падает у подножия трона и лежит неподвижно, он видит того, кому дал имя Оаким, стоящего и улыбающегося улыбкой надменной и страшной, и на мгновение — или это только игра света? — знак на его лбу.

Далеко, в огромной комнате, где свет туманен и оранжев и тени толпятся по углам, мертвые вновь ложатся на свои невидимые катафалки над открытыми могилами. Оаким слышит слабый, затухающий, потом вновь поднимающийся и снова затухающий звук, который не похож ни на один из звуков, слышанных им ранее. Он держит руку на посохе и спускается вниз с помоста.

— Старик, — говорит он тому, с кем разговаривал раньше, борода и волосы которого залиты вином, а на левой руке находятся остановившиеся часы, — старик, услышь мои слова и ответь, если знаешь: что это за звук?

Немигающие глаза смотрят вверх, мимо его головы, а губы двигаются:

— Господин...

— Я здесь не Господин.

— Это... Господин, всего лишь вой собаки.

Оаким возвращается на помост и посылает их всех обратно в могилы.

Затем свет гаснет, и посох ведет его сквозь темноту, по пути, ему предназначенному.

— Я принес твой посох, Господин.

— Поднимайся и приблизься.

— Все мертвые находятся там, где им надлежит быть.

— Очень хорошо... Оаким, ты — мой человек?

— Да, Господин.

— Чтобы делать то, что я велю, исполнять все мои приказы, верно служить мне?

— Да, Господин.

— Поэтому ты и будешь моим посланником на Средние Миры и те, что лежат за ними.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Каким поручением?

— Это долгая история, сложная. На Средних Мирах есть много людей, которые очень стары. Ты знаешь об этом?

— Да.

— И среди них есть люди, не подчиняющиеся течению времени, не умирающие.

— Не умирающие, Повелитель?

— Тем или иным путем определенные индивиды достигли своего рода бессмертия. Возможно, они проследили потоки жизни и пользуются их силой, избегая волн смерти. Возможно, они переделали биохимический состав своего тела, или заменяют одни органы другими, или у них есть много тел и они меняют их или крадут новые. Возможно, они пользуются металлическими телами или не имеют никаких тел вовсе. Каким бы способом они этого ни достигали, ты услышишь разговор о Трехстах Бессмертных, когда появишься на Средних Мирах. Это лишь приблизительная цифра, потому что мало кто знает о них правду. Если быть точным, то всего этих Бессмертных двести восемьдесят три человека. Они обманывают и жизнь и смерть, и само их существование нарушает баланс, вдохновляет других людей думать, что они боги. Некоторые из них — просто безвредные скитальцы, другие — нет. Все они могущественны и неуловимы, все они — адепты по продлению своего существования. Один из них особенно опасен, и я посылаю тебя уничтожить его.

— Кто же это такой, Господин?

— Его называют Принц Имя Которому Тысяча, он обитает за Средними Мирами. Его власть распространяется на владения, лежащие за жизнью и смертью, там, где всегда сумерки. Однако его трудно разыскать, потому что часто он бывает и на Средних Мирах и в других местах. Я желаю, чтобы он погиб, потому что он противник и Дома Жизни и Дома Мертвых уже давно.

— Как он выглядит, Принц Имя Которому Тысяча?

— Как он сам того пожелает.

— Где я найду его?

— Я не знаю. Ты должен искать.

— Как я его узнаю?

— По его делам, по его словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь и другие наверняка тоже противятся вам?

— Уничтожай каждого такого человека, если он встретится на твоём пути. Ты, однако, сразу узнаешь Принца Имя Которому Тысяча, потому что его труднее всего уничтожить. Он ближе других подойдет к тому, чтобы уничтожить тебя.

— Допустим, ему это удастся.

— Тогда мне понадобится еще тысяча лет, чтобы вымуштровать другого посланника и отправить его для решения этой задачи. Я не желаю его падения немедленно, сегодня или завтра. Несомненно, пройдет много веков, прежде чем ты даже сумеешь найти, где он находится. Время мало что значит. Пройдет вечность, прежде чем он станет реальной угрозой для меня или Озириса. Ты узнаешь о нем больше во время своих путешествий и отправившись на поиски его. Когда ты найдешь его, ты его сразу узнаешь.

— Достаточно ли я могуществен, чтобы противостоять ему?

— Думаю, что да.

— Я готов.

— Тогда я направляю тебя по этому пути. Я дам тебе силы призывать меня и в тяжелые времена пользоваться энергией полей Жизни и Смерти, пока ты находишься на Средних Мирах. Это сделает тебя неуязвимым. Ты будешь докладывать мне только тогда, когда сам сочтешь это необходимым. Если я почувствую, что необходимость эта настала, я сам помогу тебе.

— Благодарю тебя, Господин.

— Ты будешь подчиняться всем моим посланиям немедленно.

— Да.

— А сейчас иди и отдохни. После того, как ты поспишь и подкрепишься, ты отправишься выполнять мое поручение.

— Благодарю тебя.

— Это будет твой второй сон в этом доме, Оаким. Медитируй над загадками, которые он будет содержать.

— Я делаю это постоянно.

— Я — одна из них.

— Господин...

— Это часть моего имени. Никогда не забывай этого.

— Господин, как я могу?

Пробуждение Рыжей Ведьмы

Ведьма Лоджии ворочается во сне и даже вскрикивает. Служка подбегает, чтобы успокоить ее, но только все портит и лишь будит ее. Ведьма садится среди подушек в своем высоком, как собор, зале, и Время вместе с Тарквинном уходят от ее дивана крадущимися шагами, но она видит его, и по ее знаку и слову он становится статуей, и слышит свой двойной вскрик, и оглядывается назад, на ту странную вещь, которую она породила в своем сне. Пусть будет десять пушечных салютов, и пусть удалят их из воздуха и из слуха, оставив лишь девять напряженных молчаний между ними. Пусть это будут сердцебиения, чтобы почувствовалась загадка своего тела. В этом спокойствии, в этом центре вселенной положите сухую шкуру, которая покинула тело змеи. Теперь пусть не будет стонов в кабачке, если затонувший корабль вернется в гавань. Вместо этого уберите порожденную сном вещь, с ее дождем, как быстрый огонь розариев твоей вины, холодной и не высказанной в твоём животе. Вместо этого думай об объезженных лошадях, проклятии Летучего Голландца и, возможно, о строчке сумасшедшего поэта Брамина, например, такой:

Электрическая лампочка воскрешает желтый нарцисс, когда приходит пора цветения.

Если вы когда-нибудь любили что-нибудь в своей жизни, попытайтесь запомнить это. Если вы кого-нибудь предали, сделайте на мгновение вид, что вас простили. Если вы когда-нибудь испытывали страх, представьте себе на минуту, что эти дни ушли и никогда больше не вернутся. Покупайте ложь и держите ее у себя так долго, как только сможете. Прижмите своего служку, как бы его ни звали, к своей груди и ласкайте до тех пор, пока он не замурлычет.

Торгуйте жизнью и смертью в обмен на забвение, но свет или тьма дойдут до самых ваших костей или до вашей плоти. Придет утро, а вместе с ним и воспоминания.

Рыжая Ведьма спит в своем высоком, как собор, зале, между прошлым и будущим. Ее быстро убегающий насильник—сон исчезает в темных аллеях, а Время тикает Историей вокруг событий. И сейчас она улыбается во сне, потому что Янус опять делает все только наполовину...

Вернувшись назад, к славе, она купается в ее теплом зеленом взгляде.

Смерть, жизнь, маг и розы

Прислушайтесь к миру. Он называется Блис, и его совсем не трудно слушать: звуки могут быть смехом, вздохами, осторожными отрывками. Они могут «тук-тукать» машинами или бьющимися сердцами. Они могут быть дыханием бесконечного множества их слов. Они могут быть шагами, звуками поцелуя, пощечины, плачем младенца. Музыкой. Да, музыкой. Звуки клавиш машинки всю Черную Ночь — сознание, целующее только бумагу? Возможно. Они забывают о звуках и словах и смотрят на мир.

Во-первых, цвет. Назовите один. Красный? Вот берега реки этого цвета, и между ними струится зеленый ручеек с пурпурными камешками на дне. Желтый, серый и черный — город в отдалении. Здесь, на открытом поле, по обеим сторонам реки, стоят павильоны. Назовите любой цвет — они всюду вокруг. Больше тысячи павильонов, как воздушные шары, как парики, как грибы без ножки, сверкают на голубом поле, украшенные вымпелами, движущиеся разноцветные люди. Три ярко-лимонных моста перекинута через реку. Река течет к тягучему морю, которое волнуется, но редко бушует. Оттуда, вверх по реке, идут барки, и лодки, и другие корабли, которые пристают вдоль берегов. Многие спускаются с неба, приземляются повсюду на голубом газоне поля. Их пассажиры двигаются среди павильонов. Это люди разного сорта и разных рас. Они играют. Они издают звуки и носят разноцветные одежды. Подходит?

Запахи цветущей природы нежны, и их поцелуем приносит ветерок. Когда этот ветерок и эти запахи доносятся до ярмарки, они неуловимо меняются. Появляется запах пыли, который очень неприятен, и запах пота, который не может быть очень неприятен, если часть его — твоя собственная. Затем, там имеются запахи дыма костра, пищи и чистый аромат спиртных напитков. Понюхайте мир. Попробуйте его, проглотите, оставьте в своем желудке. Гори-те им.

... как человек с повязкой на глазу и альпенштоком.

Он ходит среди потаскух и кобыл, толстый, как евнух, каковым не является. У него очень странного цвета кожа, а его правый глаз — вращающееся серое колесо. Недельной давности борода обрамляет лицо, а пятно его одежды вообще лишено какого-то цвета. У него ровная походка. Его руки сильны.

Он останавливается купить кружку пива, подходит, чтобы посмотреть на бой петухов.

Он делает ставку на меньшую птицу, которая разрывает большую пополам, и оплачивает свое пиво.

Он смотрит на представление лишения невинности, пробует образец наркотика, отодвигает в сторону коричневого человека в белой рубашке, который пытается угадать его вес. Затем из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными черными глазами, подходит к нему, дергает его за рукав.

— Да?

Голос у него глубокий, как бы исходящий из какого-то центра внутри, и очень впечатляющий.

— По вашей одежде я могу судить, что вы проповедник.

— Да, я проповедник не-теистического, не-сектантского толка.

— Очень хорошо. Хотите заработать немного денег? Это займет всего несколько минут.

— Что мне надо будет делать?

— Человек собирается совершить самоубийство и будет похоронен в этой палатке. Могила уже вырыта, и все билеты проданы. Но публика уже начинает волноваться. Исполнитель отказывается работать без соответствующего религиозного сопровождения, а нам никак не удастся проत्रезвить проповедника.

— Понимаю. Это будет стоить вам десятку.

— Пятерка.

— Найдите себе другого проповедника.

— Ну, хорошо, десятка. Пойдемте! Они уже начали хлопать в ладоши и свистеть!

Он заходит в палатку, моргает.

— Вот проповедник!— кричит распорядитель.— Теперь мы готовы и можем начинать. Как твое имя, папаша?

— Иногда меня называют Мадрак.

Человек замолкает, поворачивается, облизывает губы.

— Я... я не знал.

— Не важно, давайте начнем.

— Хорошо, сэр. Эй, расступитесь! Дайте пройти! Дорогу!

Толпа расступается. В палатке собралось, наверное, человек триста. Наверху сверкают огни, освещаая огороженный веревкой круг земли, в которой вырыта могила. Насекомые летают в пыльных дорожках, идущих по лучам света. Открытый гроб стоит перед вырытой могилой. На не-

большой деревянной платформе — стул. Человеку, сидящему на стуле, наверное, лет пятьдесят. У него плоское лицо со множеством морщин, худое тело. Глаза слегка нависают. На нем только шорты, и у него много седых волос на груди, руках и ногах. Он наклоняется вперед, косится на двоих людей, пробирающихся через толпу.

— Все готово, Домлин,— говорит коротышка.

— Моя десятка,— напоминает Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную бумажку, которую тот осматривает и кладет в бумажник.

Коротышка взбирается на платформу и улыбается толпе. Затем он сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Теперь все в порядке, друзья,— начинает он,— и мы можем начать. Я знаю, что вы сами увидите, что ждали не напрасно. Как я объявил ранее, этот человек, Домлин, готов совершить самоубийство прямо на ваших глазах. По личным причинам покидает он Большую Гонку и решил заработать немного денег для своей семьи, согласившись сделать это на людях. За его представлением последуют самые настоящие похороны в этой самой земле, на которой вы сейчас стоите. Несомненно, прошло очень много времени с тех пор, как кто-нибудь из вас видел настоящую смерть, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из присутствующих хоть раз видел похороны. Поэтому мы почти готовы передать это наше представление в руки проповедника и мистера Домлина. Похлопаем им обоим.

Раздаются звуки аплодисментов.

— ... И последнее слово предостережения. Не стойте слишком близко. Мы держим наготове пожарных, несмотря на то, что наша палатка обладает полной огнестойкостью. А теперь все, начинаем!

Он спрыгивает с платформы, и Мадрак восходит на нее. Он наклоняется к сидящему человеку, рядом с которым ставят жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ».

— Вы уверены, что хотите этого?— спрашивает он человека.

— Да.

Он глядит ему в глаза, но зрачки не расширены и не затуманены.

— Почему?

— По личным причинам, Отец. Я бы предпочел не говорить об этом. Причасти меня, пожалуйста.

Мадрак кладет свою руку на голову человека.

— Если я только буду услышан чем-нибудь, что может прислушаться, а может и не обратить внимания на мои

слова, если это вообще имеет значение, я прошу, чтобы ты был прощен за все, что мог сделать и не успел сделать и что требует прощения. Соответственно, если не прощение, а что-то другое будет необходимо, чтобы принести тебе хоть малейшую пользу после того, как ты погубишь свое тело, то я прошу, чтобы это другое, каким бы оно ни было, дано было тебе или не дано, как это может оказаться, в общем, чтобы ты получил вышеуказанное прощение. Я прошу об этом, являясь посредником между тобой и тем, что может быть не тобой, но что может получить выгоду в том, чтобы ты получил как можно больше от нее, и на что может повлиять эта церемония. Аминь!

— Спасибо, Отец!

— Как прекрасно!— рыдает в переднем ряду толстая женщина с голубыми крыльями.

Человек по имени Домлин поднимает жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ», отвинчивает крышку, поливает себя с головы до ног.

— Есть у кого-нибудь сигарета?— спрашивает он, и коротышка протягивает ему одну.

Домлин сует руку в карман своих шорт и достает зажигалку. Но останавливается и смотрит на толпу. Кто-то выкрикивает:

— Зачем вы делаете это?

Он улыбается и отвечает:

— Протест против жизни, которая, возможно, всего лишь глупая игра, разве не правда? Следуйте моему примеру...

Он чиркает зажигалкой. К этому времени Мадрак уже далеко ушел за огороженный веревками круг.

Ударная волна пожара следует сразу же за пламенем, единственный крик, как раскаленный гвоздь, заглушает все звуки.

Шестеро, которые стоят с огнетушителями, расслабляются, когда видят, что пламя не распространяется дальше.

Мадрак складывает руки под подбородком и кладет их на свой посох.

Через некоторое время пламя затухает, и люди в асбестовых перчатках выходят вперед, чтобы собрать останки. В публике тихо. До сих пор еще не звучали аплодисменты.

— Значит, вот что это такое!— наконец шепчет кто-то, и этот шепот разносится по всей толпе.

— Возможно,— раздается веселый голос от входа в тент,— а возможно, и нет.

Головы поворачиваются к говорящему, который прохо-

дит вперед. Он — высокого роста с зеленой бородой и соответствующими глазами и волосами, худ, у него длинный и тонкий нос, одет в черное и зеленое.

— Это маг,— говорит кто-то,— из шоу на том берегу реки.

— Верно,— отвечает тот, кивая головой и улыбаясь, и идет вперед сквозь толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. Крышка гроба закрывается.

Он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могушественный.

Мадрак поворачивается и роняет:

— Я искал тебя.

— Я знаю. Поэтому я и здесь. Что это за глупости?

— Шоу самоубийства,— говорит Мадрак.— Человек по имени Домлин. Они забыли, что такое смерть.

— Так скоро, так скоро,— вздыхает пришедший.— Тогда давай дадим им насладиться зрелищем на полную катушку — замкнутым кругом!

— Брамин, я знаю, что ты можешь сделать это, не учитывая состояние, в котором он...

Коротышка в соломенной шляпе подходит к ним и смотрит на них маленькими черными глазками.

— Сэр,— говорит он Мадраку,— будете ли вы исполнять еще какие-нибудь церемонии перед похоронами?

— Я...

— Конечно, нет,— говорит Брамин.— Ведь хоронят только мертвых.

— Что вы хотите сказать?

— Этот человек не умер, он только дымит.

— Вы ошибаетесь, мистер. У нас честное шоу.

— И тем не менее я говорю, что он жив и будет ходить для вашего развлечения.

— Вы, наверное, какой-нибудь сумасшедший.

— Всего лишь скромный драматург,— отвечает Брамин, вступая в круг.

Мадрак идет за ним. Брамин поднимает свою трость и делает ею в воздухе загадочный знак. Она загорается зеленым огнем, который затем по воздуху переносится и падает на гроб.

— Домлин, выйди вон!— взывает Брамин.

Толпа напирает, подается вперед. Брамин и Мадрак двигаются к краю тента. Коротышка последовал было за ними, но его внимание отвлекает стук из гроба.

— Брат, нам лучше уйти,— говорит Брамин и разрезает край тента кончиком своей трости.

Когда они проходят сквозь стену, крышка гроба позади медленно приподнимается.

Позади них раздается какой-то звук. Это сложный звук, который состоит из криков и восклицаний.

— Жульничество!

— Верните нам наши деньги!

— Посмотрите на него!

— Какие глупцы все эти смертные,— говорит зеленый человек, который является одним из немногих живущих на свете людей, могущих делать такие заявления и знать почему.

Он приближается по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. У зверя восемь ног и вороненные копыта. Длина его тела как у двух лошадей. Шея такой же длины, что и тело, а голова китайского божка — из золота. Лучи голубого цвета вырываются из его ноздрей, а хвост разделяется на две антенны. Он движется сквозь темноту, лежащую между звездами, и его механические ноги двигаются медленно, переступая из ничего в ничто, но каждый последующий шаг его в два раза длиннее предыдущего, хотя каждый новый шаг занимает то же количество времени, что и предыдущий. Солнца мелькают мимо, остаются позади, гаснут. Он пробегает сквозь твердое вещество, ад, прокалывает туманности, быстрее и быстрее движется сквозь ураган падающих звезд в лесу ночи. Говорят, что если его только прищипнуть, он может перепрыгнуть через всю вселенную одним прыжком. Что произойдет, если он будет продолжать свой бег после этого, никто не знает.

Его наездник был когда-то человеком. Он тот, кого называют Железным Генералом. Это не тяжелые доспехи одеты на нем, это его тело. Он отключил почти всю свою человечность на протяжении этого путешествия и пристально смотрит сейчас прямо перед собой на чешую, как бронзовые дубовые листья, на шее своего скакуна. Он держит две пары поводьев, каждое толщиной с шелковую нить, пальцами левой руки. На мизинце он носит кольцо из загорелой человеческой кожи, потому что для него бессмысленно и слишком шумно носить металлические драгоценности. Кожа когда-то принадлежала ему, по крайней мере она окружала его со всех сторон много времени тому назад.

Куда бы он ни направлялся, он всегда носит с собой около того места, где было его сердце, складное пятиструнное банджо. Когда он играет на нем, то становится

похожим на некоего Орфея-наоборот, и люди следуют за ним в ад.

Он также один из немногих во всей вселенной мастеров темпоральной фуги. Говорят, что ни один человек не может прикоснуться к нему, если он сам того не пожелает.

Его скакун был когда-то лошадью.

Задумайтесь о мире под названием Блис, о его разноцветности, его схеме, его ветерках. Смотрите на мир под названием Блис, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в калганских Центральном Яслях номер 73, и она знает, что мир — это дети. На Блисе живет примерно десять миллиардов человек, дышащих один на другого, и с каждой минутой прибавляется все больше и больше, а уходят совсем немногие. Больные органы заменяются. Среди детей вообще нет смертности. Вопли новорожденных и смех их создателей — самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана смотрит на весь мир сквозь кобальтового цвета глаза под длинными светлыми ресницами. Красивые пряди ее золотистых волос щекочут ее обнаженные плечи, а два тугих завитка образуют букву X, пересекаясь на ее лбу. У нее маленький носик, а рот — крошечный голубой цветок, у нее такой маленький подбородок, что о нем можно даже не говорить. Она носит на груди серебряную полоску, золотой пояс на талии и короткую серебряную юбку. Она едва пяти футов росту, и от нее естественно пахнет цветами, которых она никогда не видела. На шее у нее золотой кулон, который становится теплым, если мужчины тайком кладут рядом с ней афродизиак.

Мегра ждала девяносто три дня, прежде чем ей удалось попасть на ярмарку. Список ожидающих был долог, потому что ярмарочное место, все разноцветное, с запахами и движением, одно из немногих открытых мест, оставшихся на Блисе. Всего четырнадцать городов имеется на Блисе, но они занимают все четыре континента от моря до моря, погребены глубоко под землей и возносятся в небо. Часть их находится и под морями. Все они соединены между собой как континентальные. ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ, но так как существуют четырнадцать отдельных государств с четкими территориальными правами, говорят, что на Блисе всего четырнадцать городов. Город Мегры — Калган, где она имеет дело с жизнью вопящей и новой, а иногда и с вопящей и старой, жизнью разноцветной, всех форм. Так как генетический код может быть заложен с целью удов-

летворения специальных требований родителей и хирургически помещен в ядро оплодотворенной клетки, она может угадать, кто родится, и редко ошибается. Старомодные родители Мегры хотели девушку с глазами цвета кобальта и сильную, как дюжина мужчин, чтобы в жизни ребенок мог постоять за себя.

Однако, успешно постояв за себя в течение восемнадцати лет, Мегра решила, что пришло время внести свою лепту во всеобщее дыхание. Чтобы стремиться к бесконечности, требуются двое, и Мегра выбрала разноцветную романтику открытых мест ярмарки для своих стремлений. Жизнь — ее занятие и ее религия, и она желает служить ей и дальше. Впереди — целый месяц отпуска.

Все, что ей надо, это найти еще одного...

Вещь Что Плачет в Ночи поднимает свой голос в своей тюрьме без решеток. Она подвывает, кашляет и лает, хнычет, причитает. Она находится в серебряном коконе энергий флуктуации, в невидимой паутине сил, помещенная там, где никогда не бывает дня.

Принц Имя Которому Тысяча опалает ее лазерными лучами, купает в гамма-радиации, бьет ультразвуком и субзвуковыми вариациями.

Тогда она замолкает, на какое-то мгновение Принц поднимает голову от оборудования, которое он принес с собой, и его зеленые глаза расширяются, а уголки тонких губ ползут вверх, за улыбкой, которой им никогда не удастся достичь.

Крики начинаются вновь.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и откидывает назад темный капюшон.

Его волосы — светло-желтый нимб в сумерках Места Без Дверей. Он глядит вверх на почти видимую форму, которая извивается в свете. Как часто он проклинал ее, поэтому и сейчас губы его механически начинают двигаться, образуя слова, которые они обычно образуют, когда его постигает неудача.

Уже десять веков он пытается убить ее, а она все живет.

Он скрещивает руки на груди, склоняет голову и исчезает.

Темная Вещь плачет в ночи.

Мадрак наклоняет кувшин, наполняет стаканы.

Брамин поднимает свой, глядит поверх его на широкую эспланаду перед павильонами, пьет.

Мадрак наливает еще раз.

— Это не жизнь, и это нечестно,— говорит наконец Брамин.

— И все же ты сам активно поддерживал программу.

— Какое это имеет значение? Я говорю о том чувстве, которое контролирует меня в последний момент.

— Чувство поэта?

Брамин перебирает пальцами свою бороду.

— Я никогда не мог полностью посвятить себя кому-нибудь или чему-нибудь,— наконец отвечает он.

— Жаль, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титул погиб вместе с Постом.

— В ссылке аристократия всегда предпочитала сохранить хотя бы свой титул.

— Посмотри на себя в темноте — и что ты увидишь?

— Ничего.

— Вот именно.

— Какая тут связь?

— Темнота.

— Не вижу.

— Для темноты это вполне естественно.

— Прекрати эти загадки, Брамин. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня сейчас с собой самые последние данные о количестве населения. Похоже, они близки к мифическому Критическому Уровню, который никогда не наступает. Хочешь посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Какие бы цифры ты ни привел, они верны.

— Ты чувствуешь это своим особым восприятием в приборах Энергий?

Брамин кивает.

— Дай мне сигарету,— говорит Мадрак.

Брамин делает жест рукой, и зажженная сигарета появляется между его пальцев.

— На этот раз происходит что-то особое,— говорит он.— Это не простое отступление прибора Жизни. Боюсь, будет ураганная волна.

— В чем она будет выражаться?

— Я не знаю, Мадрак. Но я не собираюсь оставаться здесь дольше, чем это будет необходимо для того, чтобы выяснить это.

— Да? Когда же ты отправишься в путь?

— Завтра вечером, хотя я знаю, что опять играю с Черным Прибором. Придется мне снова поработать со своим

желанием, и чем скорее, тем лучше, и желательно в пентограмме.

— Кто-нибудь еще остался?

— Нет, нас всего лишь двое бессмертных на Блисе.

— Откроешь ли ты мне путь, когда уйдешь?

— Конечно.

— Тогда я останусь здесь, на ярмарке, до завтрашнего вечера.

— Я настоятельно рекомендую тебе уйти немедленно. Я могу открыть путь прямо сейчас.

Брамин делает жест рукой и затягивается своей сигаретой. Он замечает свой наполненный стакан и прихлебывает из него.

— Уйти немедленно будет проявлением мудрости,— решает он,— но сама мудрость — это продукт знания, а знание, к несчастью, в основном продукт тех глупостей, которые мы делаем. Итак, чтобы пополнить мои знания и увеличить мудрость, я останусь еще на один день, чтобы посмотреть, что произойдет.

— Значит, ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то необыкновенное?

— Да. Ураганная волна. Я чувствую приход энергии. Недавно было заметно какое-то движение в том великом Доме, куда все уходят.

— Тогда и я тоже хочу приобрести это знание,— говорит Мадрак,— так как оно влияет на моего бывшего Господина Имя Которому Тысяча.

— Ты оправдываешься изношенной преданностью, о могущественный.

— Возможно. А у тебя какой предлог? Почему ты хочешь увеличить свою мудрость такой ценой?

— Мудрость конечна сама в себе. К тому же то, что произойдет, может послужить для меня источником вдохновения для одной из поэм.

— Если смерть является источником вдохновения для великого искусства, то я предпочту его в более жалкой форме. Однако мне кажется, что Принцу следует знать об этих новых изменениях в Средних Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый друг, хотя и чувствую, что наш бывший монарх, по крайней мере частично, ответствен за теперешнюю заварушку.

— Твое отношение ко всему этому мне известно.

Он отпивает глоток вина и ставит стакан. Глаза его становятся одного цвета — зеленого. Белки, окружавшие зрачки, исчезают, так же как и черные точки, которые

были в самом центре. Сейчас его глаза бледно-изумрудные, и в каждом живет желтая искорка.

— Говоря как маг и пророк, — говорит он голосом, ставшим отдаленным и лишенным выражения, — я заявляю, что на Блис уже прибыло то, что предвещает хаос. Я также заявляю, что грядет и другой, потому что я слышу беззвучный топот копыт в темноте, над звездами. Даже мы сами можем быть вовлечены во все это, хотя это против нашего желания.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, и это нечестно.

Мадрак кивает головой.

— Аминь.

Маг скрежещет зубами.

— Такова наша участь — быть свидетелями, — решает он, глаза его горят внутренним блеском, а костяшки пальцев белеют на черной трости с серебряным набалдашником.

... Евнух, священник высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой старых башмаков.

... Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света. Зеркало оживает образами некоего, стоящего перед ним.

Оно висит в комнате, в которой никогда не было мебели, на стене, завешенной темными портьерами, висит перед ведьмой, рыжей, и ее огнем.

Глядеть в него — все равно что глядеть через окно в комнату, заполненную розовой паутиной, колеблемой незапными порывами ветра.

Ее служка стоит на ее правом плече, его безволосый хвост свисает с ее шеи, между грудей. Она гладит его по голове, и тот виляет хвостом.

Она улыбается, и паутину медленно сдувает. Огонь вздымается еще выше над ней, но ничего не загорается.

Затем паутина исчезает, и она смотрит на разноцветный Блис.

Но в основном она смотрит на высокого, окруженного людьми мужчину, который стоит, обнаженный до пояса, в середине круга в тридцать пять футов.

У него широкие плечи и очень узкая талия. Он босиком, на плечах его видны шрамы. На нем черные обтягивающие брюки. Он смотрит вниз. У него песочного цвета

волосы, большие руки с великолепно развитой мускулатурой, очень бледная кожа. На талии широкий черный пояс со зловещим рядом кнопок на нем. Он смотрит вниз своими желтыми глазами на человека, который пытается подняться с земли, где лежит.

Человек, лежащий на земле, тяжел в плечах, груди и животе. Он приподнимается, опираясь на одну руку. Борода его скользит по его плечу, когда он запрокидывает голову наверх и смотрит в небо. Губы его двигаются, но зубы сжаты.

Стоящий человек делает движение ногой, практически небрежное, по опирающейся руке. Лежащий падает лицом вниз и больше не двигается.

Через некоторое время в круг входят двое и уносят упавшего.

— Кто? — спрашивает служка.

Рыжая Ведьма, однако, качает головой и продолжает наблюдать.

Четырехрукий человек входит в круг. Ступни его ног огромны и широки, как еще одна пара гигантских рук в самом конце его кривых ног. Он безволос, весь сияет, и когда подходит близко к стоящему человеку, то пригибается таким образом, что верхние руки касаются земли. При этом колени его расходятся в стороны, и он отклоняется назад, так что голова его и плечи все еще остаются перпендикулярными земле, хотя сейчас он всего лишь на три фута над ней.

Прыгая как лягушка, он не достигает своей цели, а вместо этого сзади получает удар ребром ладони по шее и второй удар — ниже пояса. Потом обе руки описывают полукруг, и он летит: голова-ноги-голова-ноги. Он весь сжимается на том самом месте, где упал, бока его вздымаются три раза, и он опять прыгает.

На этот раз высокий человек хватается его за лодыжки и держит головой вниз, на расстоянии вытянутой руки от своего тела.

Но четырехрукий изворачивается, хватается за кисти, держащие его, и ударяет головой в живот. На его черепе появляется кровь, потому что он ударился об одну из кнопок на поясе высокого человека, который не отпускает его. Высокий поворачивается на носках и начинает вертеть его. Он поворачивается снова и снова, пока не начинает двигаться со скоростью пропеллера. Через минуту он замедляет вращение. Глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опускает его на землю, падает на него, делает быстрое движе-

ние руками, встает. Четырехрукий лежит неподвижно. Через некоторое время его тоже уносят.

И еще трое падают перед ним, включая Колючку Вилли, Чемпиона Блиса С Механическими Щипчиками. После этого человека сажают на плечи и украшают гирляндами, несут на платформу и чествуют чашей победы и деньгами. Он не улыбается, пока глаза его не падают на Мегру из Калгана, стоящую там, останавливаются на золотом знаке Х, и ждет, пока освободится, чтобы последовать за этим знаком.

Она ждет его.

Рыжая Ведьма смотрит за губами толпы.

— Оаким,— наконец говорит она.— Они зовут его Оаким.

— Почему мы наблюдаем за ним?

— Я видела сон и поняла, что его нужно читать следующим образом:

Наблюдай за тем местом, где меняется прибор. Даже здесь, за Средними Мирами, мысль колдуньи связана с приливами и отливами энергии. Хоть я и не могу ими сейчас пользоваться, я все еще воспринимаю их.

— А почему этот человек, этот Оаким, в том месте, где меняется прибор?

— Достоинство этого зеркала — всезнание. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Но оно выбирает направление, руководствуясь моим сном, поэтому мне остается интерпретировать все виденное через медитацию.

— Он силен и очень быстр.

— Верно, я не видела таких, как он, с тех пор, как солнцезлазый Сет пал от Молота Разбивающего Солнца в битве с Безымянным. Оаким — более того, чем он кажется толпе или этой маленькой девочке, с которой сейчас идет. Смотри, как от моих слов зеркало становится все ярче и ярче. Вокруг него черная аура, которая мне не нравится. Он имеет отношение к причине, по которой был тревожен мой сон. Мы должны сделать так, чтобы за ним следили. Мы должна узнать, кто он.

— Он отведет девушку за тот холм,— говорит ее служка, засовывая свой холодный нос в ее ухо.— Ох, давай посмотрим за ними!

— Хорошо,— соглашается она, а он виляет хвостом и радостно чешет свою кудрявую голову.

Человек стоит на земле, которая окружена забором из розового кустарника и где растут цветы всевозможных рас-

цветок. Повсюду скамейки, диваны, стулья, стол и растут розы, и все это находится под гигантским зеленым зонтичным деревом, которое закрывает собой все небо. Все заполнено запахами и ароматами цветов, слышится музыка, которая висит в воздухе и медленно проникает сквозь него. Бледный свет движется меж ветвей. Крохотный фонтанчик сверкает рядом со столом у корней дерева.

Девушка закрывает калитку. С наружной ее стороны загорается и начинает мерцать надпись: «Не беспокоить». Она подходит к человеку.

— Оаким,— говорит она.

— Мегра,— отвечает он.

— Ты знаешь, зачем я попросила тебя прийти сюда?

— Ведь это сад любви, а мне кажется, я понимаю обычаи этой страны...

Мегра улыбается, снимает полоску со своей груди, вешает ее на куст и кладет руки ему на плечи.

Он делает движение, чтобы привлечь ее, но у него это не получается.

— Ты сильна, малышка.

— Разве я привела тебя сюда, чтобы бороться?— произносит она.

Он бросает взгляд на голубую кушетку, потом опять на девушку, и на губах у него появляется слабая улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен побороть меня. Мне не нужен обычный мужчина, спина которого может сломаться от моих объятий. Не нужен мне и мужчина, который устанет через час или через три. Я хочу мужчину, сила которого будет течь, как река, бесконечно. Ты такой, Оаким?

— Ты видела мою борьбу.

— Что с того? Я сильнее любого из тех, кто встречался на моем пути. Даже сейчас ты все еще пытаешься прижать меня к себе, но у тебя ничего не выходит.

— Я не хочу причинить тебе боль, дитя.

Она смеется, вырывает свою руку из его руки, перекидывает его руку через свое плечо и хватает его за бедро, вариантом *наге-ваза*, который называется *ката-га-рума*, и кидает его через сад любви.

Он встает на ноги и поворачивается к ней. Затем снимает с себя белую рубашку, стягивая ее через голову. Она подходит и останавливается перед ним.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает розу с куста и протягивает ей.. Она

отводит локти далеко назад, стискивая кулаки. Затем обе ее мелькающие руки наносят удар, двойной удар прямо в живот.

— Как я понимаю, тебе не нужен цветок,— говорит он на выдохе, роняя его.

— А теперь ты будешь бороться со мной?

— Да,— отвечает он.— Я научу тебя приему, который называется «Поцелуй».

И он сжимает ее в могучем объятии, все сильнее прижимая к себе. Его рот находит ее губы, хотя она выворачивает голову на сторону. Он выпрямляется, поднимая ее над землей. Она не может дышать в его объятии и не может выйти из него, а их поцелуй продолжается, пока она не ослабевает. Тогда он несет ее к дивану и ложится на нее.

Повсюду розы, розы, розы, музыка, движущиеся огоньки, сломанный цветок.

Рыжая Ведьма молча плачет.

Ее служба не понимает.

Скоро он поймет.

Зеркало заполнилось мужчиной на женщине и женщиной под мужчиной.

Они смотрят на движения мира Блис.

Интерлюдия в Доме Жизни

Озирис сидит в Доме Жизни и пьет кроваво-красное вино. Зеленые сумерки наполняют воздух, здесь нет ни жары, ни холода. Он сидит в Зале Ста Гобеленов, и стены за ними не видны. Пол покрыт ковром, толстым, мягким, золотистого цвета.

Он ставит пустой стакан и встает. Двигаясь через Зал, он подходит к зеленому гобелену, поднимает его и заходит в кабинку, где дотрагивается до трех координационных пластин, находящихся в стене, отодвигает гобелен в сторону и входит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-западу от Зала Ста Гобеленов на глубине 7,754 фута.

Комната, в которую он входит, полутемная, но в ней чувствуются зеленые сумерки.

Тот, кто сидит на полу скрестив ноги, в красной набедренной повязке, замечает его. У него обычное человеческое тело, довольно изящное, мускулатура развита, как у пловца. Он сидит спиной и не двигается. Волосы его густые, темные, но не черные. Белая кожа. Он наклонился и производит впечатление человека, который не дышит.

Мгновение — и еще один сидит напротив него в такой же позе. И одет точно так же. Его фигура, мускулатура, волосы — точно такие же. Он и на самом деле тот же самый, он поднимает темные глаза от маленького желтого хрусталика, в который смотрел. Взглянув вверх, он видит оранжевую, зеленую, желтую и черную птичью голову Озириса, глаза его расширяются, и он произносит:

— Опять у меня все так получилось.

И тот, кто сидит спиной к Озирису, исчезает.

Он берет в руки кристаллик, кладет его в полотняный мешочек, затянутый сверху веревочкой, и вешает его себе на пояс. Затем встает.

— Девятисекундная fuga, — говорит он.

— Это твой лучший результат? — спрашивает Озирис, и голос его звучит как плохая магнитофонная запись, пропущенная со слишком большой скоростью.

— Да, Отец.

— А ты можешь его контролировать?

— Нет.

— Сколько еще времени это у тебя займет?

— Кто знает? Ишибака говорит, что, быть может, триста лет.

— И тогда ты станешь мастером?

— Никто не может сказать это наперед. На всех Мирах меньше тридцати мастеров. Двести лет ушло у меня, чтобы продвинуться до сегодняшнего результата, а ведь еще и года нет, как я почувствовал первые движения. Конечно, после того как что-то получилось, развитие пойдет более быстрыми темпами...

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладя руку на его плечо.

— Гор, сын мой и мститель, я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Если ты станешь мастером fugи, это будет прекрасно, но это не основное. Для выполнения моего поручения вполне достаточно и других твоих сил.

— Какого поручения, Отец?

— Твоя мать, желая вновь приобрести мое благословение и разрешение вернуться из ссылки, предоставила мне дальнейшие сведения о делах моего коллеги. Похоже, что Анубис послал нового посланника в Средние Миры, несомненно для того, чтобы обнаружить нашего старинного врага и уничтожить его.

— Это будет совсем неплохо, — говорит Гор, кивая головой. — У меня, однако, есть на этот счет сомнения, потому что он уже много раз пытался сделать это и терпел

неудачу. Какого по счету он послал сейчас — пятого? Шестого?

— Седьмого. Имя этого человека Оаким.

— Оаким?

— Да, и ведьма говорит мне, что он кажется ей чем-то особенным.

— Как это?

— Возможно, что этот шакал провел тысячу лет, готовя его к этому поручению. Его способность в битве не меньше, чем у самого Мадрака. И он обладает возможностью, которой не обладал ни один до него: он способен брать энергию прямо из поля.

— Интересно, как он до этого додумался? — произнес Гор, улыбаясь.

— По-моему, он просто изучил те приемы, которыми пользуются против нас смертные.

— Что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против нашего врага?

— Нет. Я решил, что тот, кому удалось бы погубить Принца Имя Которому Тысяча, получит поддержку его павших Ангелов, которых не так много среди Бессмертных. Остальные последуют за ними сами. Те, кто не захочет, несомненно, отправятся в Дом Мертвых от рук своих товарищей. Время сейчас хорошее. Старая преданность забыта. Нового, единственного монарха, я уверен, с радостью будут приветствовать, — монарха, который покончит с их изгнанием. А при поддержке Бессмертных один из Домов может стать главенствующим.

— Я понимаю твою мысль, отец. Вполне может быть, что ты прав. Ты хочешь, чтобы я нашел Принца Имя Которому Тысяча до того, как его найдет Оаким, и убил его во имя Жизни?

— Да, мой мститель. Ты думаешь, что способен сделать это?

— Меня беспокоит, что ты задаешь мне этот вопрос, зная мои силы.

— Принц — нелегкая добыча. Силы, которыми он обладает, практически неизвестны, и я не могу сказать тебе, как он выглядит и где он находится.

— Я найду его. Я покончу с ним. Но, возможно, мне лучше будет уничтожить этого Оакима прежде, чем я начну поиски?

— Нет! Он на мире Блис, где сейчас должна будет начаться чума. Но не подходи близко к нему, Гор! Пока я сам не скажу тебе. У меня странное чувство по отношению

к Оакиму. Сначала я должен выяснить, кем он был, прежде чем разрешить тебе эту попытку.

— Но почему, о могущественный Отец? Какое это может иметь значение?

— Воспоминания о тех днях, когда ты еще не появился на свет и о которых нельзя говорить, возвращаются и тревожат меня. Не спрашивай меня больше об этом.

— Хорошо, Отец.

— Эта ведьма, твоя мать, предложила мне несколько планов относительно Принца. Если ты встретишься с ней во время своих поисков, не поддавайся на ее советы о снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, он ей очень нравится. Она могла проинформировать нас насчет Оакима только для того, чтобы спасти ему жизнь. Она скажет тебе любую ложь, лишь бы добиться своего. Не обманывайся ею.

— Хорошо, Отец.

— Тогда я посылаю тебя, Гор, мой мститель и мой сын, как первого посланника Озириса на Средние Миры.

Гор наклоняет голову, и Озирис на какое-то время до трагивается до его головы рукой.

— Считай, что он уже мертв, — медленно говорит Гор, — потому что разве не я уничтожил самого Железного Генерала?

Озирис не отвечает, потому что он тоже однажды уничтожил Железного Генерала.

Темная тень лошади

В Большом Зале Дома Мертвых огромная тень на стене, за тронем Анубиса. Ее можно было бы принять за картину, наклеенную или нарисованную, если бы не ее чернота — абсолютная, как бы содержащая внутри себя бездонную глубину. К тому же она слегка движется.

Это тень гигантской лошади, и сверкающие чаши по обеим сторонам трона не оказывают своим мигающим светом на нее ровно никакого действия.

В Большом Зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но если бы у вас были уши, вы бы слышали легкое дыхание. С каждым выдохом пламя в чашах опускается вниз, потом опять подымается.

Лошадь движется беззвучно, меняя свои размеры и

форму по мере движения. У нсе есть грива, и хвост, и четыре ноги, подкованные.

Затем опять слышится дыхание, как у органных мехов.

Она поднимается на задние ноги, как человек, и ее передние ноги образуют тень наклоненного креста на троне.

В отдалении слышится звук шагов.

Когда Анубис входит, Зал наполняется ураганным ветром, оканчивающимся смешком.

Затем все смолкает, только собачья голова смотрит на тень за тронem.

Изменение прибора

Прислушайтесь к звукам на Блисе: на ярмарке раздаются крики.

В павильоне для гостей обнаружен труп.

Когда-то он был мужчиной. Сейчас — это пятнистый мешок, прорвавшийся во многих местах, и тягучая жидкость течет из него на землю. Он уже начал пахнуть. По этой причине его и обнаружили.

Закричала девушка.

А от крика собралась толпа.

Видите, как они толкаются, задавая друг другу вопросы, на которые никто не может дать ответа.

Они позабыли, что надо делать перед лицом смерти.

Большинство из них скоро узнает это.

Мегра из Калгана пробирается сквозь толпу.

— Я — медицинская сестра, — говорит она.

Многие удивляются, глядя на нее, потому что медицинские сестры обычно заботятся о детях, а не о зловонных трупах.

Высокий человек, идущий рядом с ней, ничего не говорит, но идет сквозь толпу, как будто ее и нет.

Коротышка в соломенной шляпе уже огородил это место веревкой и начал продавать билеты тем, кто проходит мимо останков. Мегра просит высокого человека, которого зовут Оаким, остановить его. Оаким одним ударом разбивает машину, выпускающую билеты, и выгоняет коротышку из павильона.

— Он мертв, — говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно, — соглашается Оаким, который после тысячи лет в Доме Мертвых легко узнает это состояние. — Давай закроем его простыней.

— Я не знаю ни одной болезни, от которой вот так умирают.

— Значит, это — новая болезнь.

— Надо что-то сделать. Если болезнь заразна, то может быть эпидемия.

— Она будет. Люди будут умирать быстро, потому что она распространяется с небывалой скоростью. Такое множество людей находится вместе на Блисе, что ничто не сможет помешать этому. Даже если способ лечения будет найден в несколько дней, население, вне всякого сомнения, уменьшится в десятки раз.

— Мы должны держать этот труп в изоляции, отправить его в Первый Медицинский Центр.

— Если ты этого хочешь...

— Как можешь ты быть таким безразличным при виде такой ТРАГЕДИИ?

— Смерть не трагична. Возможно, она патетична, но трагедии в ней нет. Давай закроем тело простыней.

Она бьет его по лицу, и звук пощечины настолько громок, что разносится по всему павильону. Потом она отворачивается от него. Глазами она ищет кольцо телесвязи на стене, но когда она делает шаг к нему, одноглазый человек, весь одетый в черное, останавливает ее и говорит:

— Я уже позвонил в ближайший Центр. Аэрокар уже в пути.

— Спасибо, отец. Ты не можешь заставить всех этих людей уйти отсюда? Они скорее прислушаются к твоему голосу.

Оаким закрывает тело. Мегра снова поворачивается к нему, в то время как одноглазый уговаривает толпу разойтись. Люди начинают двигаться, повинаясь его словам и его посоху.

— Как можешь ты смотреть на смерть с такой легкостью? — спрашивает Мегра.

— Потому что она происходит, — отвечает он. — Это неизбежно. Я не скорблю о том, что с дерева падает лист или волна разбивается о берег. Я не печалюсь, что падающая звезда сгорает в атмосфере. С какой стати?

— Все, о чем ты говорил, не живое.

— И люди не живые, когда они вступают в Дом Мертвых, а туда идут все.

— Это было очень давно. Никто с Блиса не отправлялся туда уже много веков. Это трагедия, когда жизни человеческой приходит конец.

— Жизнь и смерть не так уж сильно отличаются друг от друга.

— Ты отклонение от социальной нормы!— объявляет она и вновь бьет его.

— Это оскорбление или утверждение?— спрашивает он.

Потом из другой части Ярмарки доносятся новые крики.

— Мы должны немедленно помочь,— говорит она, делая движение, чтобы пойти туда.

— Нет!

Он хватается ее за руку.

— Пусти!

— Нет. Ты ничего не добьешься, стоя рядом со всеми трупами, которые могут тут оказаться. Но чем больше ты будешь рядом с ними находиться, тем больше будешь подвергаться опасности. Мне бы не хотелось потерять такую женщину, как ты, не успев найти ее. Я отведу тебя назад в сад, где мы сможем переждать, пока все это не кончится. Там есть пища и вода. Мы повесим знак: «Не беспокоить»...

— ... и будем трахаться, пока весь мир умирает?! Ты бессердечный!

— Разве ты сама не хочешь создать больше жизней, чтобы заменить те, которые будут потеряны?

Она ударяет его свободной рукой, от силы удара он падает на одно колено и поднимает перед собой руку.

— Отпусти меня!— кричит она.

— Отпустите леди, пусть идет куда хочет.

В павильоне присутствуют еще двое. Тот, кто произнес эти слова,— воин-священник Мадрак, который остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит зеленый маг, известный людям под именем Брамина.

Оаким встает и смотрит на них.

— Кто вы?— спрашивает он.— Кто вы такие, что приказываете мне?

— Меня называют Мадрак, и многие зовут меня Могушественным.

— Мне это ни о чем не говорит. Приказы не принадлежат тебе, чтобы ты мог раздавать их направо и налево. Уходи.

Он хватается Мергу за другую руку, коротко борется с ней, поднимает ее на руки.

— Я предупреждаю тебя. Отпусти леди.

С этими словами Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с моей дороги, Мадрак.

— Лучше я предупрежу тебя, прежде чем продолжу, что я Бессмертный и что о моей силе вести разнеслись по всем мирам. Это я убил кентавра Даргота, послав его в Дом Мертвых. Песни все еще поют об этой битве, которая продолжалась день, ночь и еще один день.

Оаким опускает Мегру на землю.

— Это действительно меняет дело, Бессмертный. С девушкой я разберусь через несколько минут. А теперь ответь мне, ты против могущества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Некоторое время Мадрак жует кончик своей бороды.

— Да,— отвечает он затем.— А тебе что за дело?

— Я сейчас уничтожу тебя и твоего друга, стоящего рядом с тобой, если он тоже относится к числу двухсот восьмидесяти трех Бессмертных.

Маг улыбается и отвешивает поклон.

Мегра уходит из павильона.

— Леди все-таки ушла от тебя,— замечает Брамин.

— Кажется. Но я сделаю так, как будто этого никогда не было.

Оаким поднимает левую руку и приближается к Мадраку.

Посох Мадрака начинает вращаться в его руке, пока практически не перестает быть видимым, потом бьет.

Оаким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему в плечо. Он пытается поймать посох, но ему это не удается. И получает еще один удар. Пытается наброситься на Мадрака, бежит к нему, но посох горизонтально стоит уже у его груди и бьет его. Затем он отступает назад, чтобы быть вне радиуса действия посоха, и начинает кружить вокруг своего противника.

— Как, ты все еще не падаешь?— спрашивает Брамин, который стоит в стороне, покуривая.

— Я не могу упасть,— говорит Оаким.

Затем он прыгает вперед, но его атаку опять отбивают.

Тогда и Мадрак тоже начинает нападать, но каждый раз Оаким избегает ударов и пытается схватить посох.

В конце концов Оаким останавливается и делает несколько шагов назад.

— Хватит заниматься глупостями! Время идет, и я могу не найти девушку! Ты хорошо дерешься своей палкой, жирный Мадрак! Но сейчас это тебе не поможет.

Затем, слегка наклонив голову, Оаким исчезает с того места, где стоял, а Мадрак лежит на земле, и его посох, сломанный, лежит рядом с ним.

Оаким стоит сейчас возле него, с поднятой рукой, как будто после удара, который он только что нанес.

Брамин роняет свою сигарету, его трость подпрыгивает у него в руках, очерчивая вокруг него круг зеленого огня. Оаким поворачивается к нему лицом.

— Фуга!— говорит Брамин.— Настоящий мастер фуги! Да еще вперед идущий! Кто ты?

— Меня зовут Оаким.

— Как могло получиться, что ты знаешь точное число Бессмертных, то есть двести восемьдесят три?

— Я знаю, что я знаю, и этот огонь не спасет тебя.

— Возможно и нет, а возможно и да, Оаким, но я не противник Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты Бессмертный. Одного твоего существования достаточно для того, чтобы оно выдало ложь твоих слов.

— Я слишком безразличен, чтобы быть противником чего-либо в принципе. Моя жизнь, однако, — совсем другое дело.— Его глаза сверкают зеленым.— Прежде чем ты попытаешься повернуть свою силу против меня, Оаким, знай, что уже поздно...

Он поднимает свою трость.

— Либо собака, либо птица послали тебя, а кто именно — не имеет значения...

Зеленый фонтан устремляется вверх, охватывая огнем весь павильон.

— Я знаю, что ты более чем предвестник чумы. Слишком ты силен, чтобы быть кем-нибудь другим, кроме посланника.

Павильон исчезает, и они оказываются на открытом пространстве в центре Ярмарки.

— Знай же, что перед тобой были другие и что ни один из них не добился успеха...

Зеленый огонь вылетает из его трости и устремляется в небо, как ракета.

— Двое из них пали перед тем, кто приближается сейчас...

Свет наверху настойчиво пульсирует.

— Так бойся того, кто приходит в самый хаос и чья холодная металлическая рука поддерживает слабых и угнетенных.

Он появляется, мчась по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. Его восемь ног и копыт — бриллиантовые. С каждым шагом он скачет все медленнее и медленнее, пробегая все меньшее расстояние.

— Его зовут Железный Генерал, и он тоже мастер фуги, Оаким. Он спешит на мой призыв.

Оаким запрокидывает голову и смотрит на того, кто когда-то был человеком. То ли из-за волшебства Брамина, то ли веря своему предчувствию, он понимает, что за всю тысячу лет его памяти это будет первое его серьезное сражение.

Зеленый огонь теперь падает уже на Мадрака, он шевелится и поднимается со стоном.

Восемь бриллиантовых копыт ударяют о землю, и Оаким слышит отдаленные звуки банджо.

Рыжая Ведьма вызывает свою Колесницу Запряженную Десятью и приказывает подать ей золотой плащ. В этот день она направляется по небу к тому кольцу, внутри которого лежат Средние Миры.

В этот день она направляется по небу своими неизведанными путями...

Туда, в миры Жизни и Смерти, миры, которые она когда-то знала.

Теперь же одни говорят, что ее имя — Жалость, другие — что Жажда. Но ее тайное имя — Изида. Ее тайная душа — пыль.

... Евнух, священник высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой старых башмаков.

... Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света.

Место Сокровенных Желаний

Принц Имя Которому Тысяча идет по берегу моря и над морем. Другой разумный обитатель этого мира, по которому он идет, не уверен, создал ли его Принц или открыл.

Это происходит потому, что никогда нельзя быть уверенным, создает ли мудрость или просто находит, а Принц — мудр.

Он идет вдоль берега. Его следы начинаются в семи шагах позади него. Высоко наверху над его головой висит море.

Море висит над его головой, потому что море ничего не может с этим поделать. Мир, внутри которого он идет,

создан таким образом, что кто бы ни приблизился к нему с любой стороны, он покажется приблизившемуся миром, полностью лишенным суши. Если ему, однако, придет в голову опуститься в глубину моря, окружающего этот мир, он вынырнет с другой стороны вод и войдет в атмосферу планеты. Опустившись еще ниже, он достигнет суши. Идя по этой суше, он сможет обнаружить другие водоемы, окруженные землей, под морем, которое висит в небе.

Огромное море течет примерно на тысячу футов над головой. Яркие рыбы плавают по его дну, как подводные создания. А внизу, на земле, все сверкает.

Говорят, что такой мир, как этот, безмятный, с морем вместо неба, не может существовать. Те, кто говорит это, ошибаются. Если подумать о бесконечности, остальное станет совсем легко.

Принц Имя Которому Тысяча — единственный в своем роде. Он помимо всего прочего умеет телепортировать, а это встречается еще реже, чем мастер темпоральной фуги. По правде говоря, он один такой. Он может переносить себя в ничтожные доли секунды в любое место, которое он сможет себе представить.

А у него очень живое воображение. Считая, что любое место, о котором вы только можете подумать и какое можете себе представить, существует где-то в бесконечности, он в состоянии отправиться туда, если ему придет в голову подумать о нем. Некоторые теоретики утверждают, что, когда Принц представляет себе какое-нибудь место и желает попасть туда, это на самом деле есть акт созидания. Никто не может найти его, тогда вполне возможно, что на самом деле он просто делает так, что это происходит. Однако если подумать о бесконечности — остальное станет совсем легко.

Принц не знает, не имеет ну ни малейшего представления о том, где находится этот мир, по крайней мере по отношению к остальной вселенной. Да ему это и безразлично. Он может уходить и приходить, когда только пожелает, беря с собой кого пожелает.

Однако сейчас он один, потому что хочет навестить свою жену.

Он стоит на берегу моря, под морем, и зовет ее по имени — а имя ей Нефита — и ждет, пока легкий ветерок не обовьет его с моря, называя имя, которое является его именем.

Тогда он склоняет голову и чувствует ее присутствие вокруг себя.

— Как живется тебе, любимая?— спрашивает он.

В воздухе раздается сдавленное рыдание, прерываемое монотонным блеском прибоа.

— Хорошо,— слышится ответ.— А тебе, мой повелитель?

— Лучше я буду правдив, чем всжлив, и отвечу «плохо».

— Оно все еще плачет в ночи?

— Да.

— Я думала о тебе, когда струилась и текла. Я создала птиц, чтобы они были со мной в воздухе, но их крики или резки, или печальны. Что могу я сказать тебе, чтобы быть всжливой, а не правдивой? Что я не устала от этой жизни, которая не жизнь? Что я не мечтаю больше стать женщиной, а не просто дыханием, цветом, движением? Что я не мечтаю дотронуться до тсбя и почувствовать твое прикосновение к моему телу? Ты ведь знаешь, что я могу сказать, но ни один бог не обладает всемогуществом. Мне не следовало бы жаловаться, но я боюсь, мой повелитель, я боюсь того сумасшествия, которое иногда находит на меня. Никогда не спать, никогда не есть, никогда не дотронуться до твердого предмета. Как долго это уже продолжается?..

— Много веков.

— ... Я знаю, что все жены — ведьмы по отношению к своим мужьям, и поэтому прошу у тебя прощения. Но кому еще могу я пожаловаться и посетовать, как не тебе?

— Хорошо сказано, моя Нефита. Хотел бы я обнять тсбя вновь, потому что я тоже одинок. Но ты ведь знаешь, я пытался это сделать.

— Да. Когда ты победишь То Что Плачет, ты призовешь к порядку Анубиса и Озириса?

— Конечно.

— Пожалуйста, не уничтожай их сразу же, если они могут помочь мне. Смиловись над ними немного, если они отдадут меня тебе обратно...

— Возможно.

— ...потому что я так одинока. Я бы так хотела, чтобы мне можно было уйти отсюда.

— Ты захотела себе мир, окруженный водой, чтобы выжить. Ты потребовала целый мир, чтобы заниматься им и не скучать.

— Я знаю, знаю...

— Если бы Озирис не был таким мстительным, все могло бы быть по-другому. А сейчас, ты ведь знаешь, я должен буду убить его, как только решу вопрос с Безымянным.

— Да, я знаю, я согласна. Но Анубис?

— Время от времени он пытается убить меня, что не так уж и важно. Может быть, я прощу его. Но моего Ангела с головой птицы — никогда.

Принц Имя Которому Тысяча (среди прочих имен) садится на камень и смотрит в воду, а потом вверх, в море. Огни лениво плещутся над его головой. Высокие вершины гор уперлись своими пиками в бездонную глубину. Свет — бледный и рассеянный, как будто отовсюду. Принц кидает плоский камешек таким образом, что он делает блинчики на воде перед ним.

— Расскажи мне опять о днях той битвы, тысячу лет тому назад, — говорит она, — о днях, когда он пал, тот, кто был твоим сыном и твоим отцом, самым могущественным воином, когда-либо существовавшим, чтобы бороться за шесть рас людских.

Принц безмолвно глядит на воду.

— Зачем? — наконец спрашивает он.

— Потому что каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты непременно предпринимаешь какое-нибудь новое действие.

— ...И оно оканчивается новой неудачей, — возражает Принц.

— Расскажи же, — просит она.

Принц вздыхает, и небеса, в которых плавают яркие рыбы с прозрачными животами, режут над его головой. Он вытягивает вперед руку, и камешек вываливается из нее в море. Ветер затихает и возвращается, лаская его.

Он начинает рассказывать.

Ангел Дома Огня

Вверх смотрит Анубис, видя смерть. Смерть — это тень черной лошади, которую отбрасывает она.

Анубис смотрит, схватившись за свой посох обеими руками.

— Хайль, Анубис, Ангел Дома Мертвых, — раздается голос, глубокий и вибрирующий, как песня, разносящаяся по Большому Залу.

— Хайль, — мягко отвечает Анубис, — Повелитель Дома Огня, которого нет больше.

— У тебя здесь все как-то переменилось.

— Прошло много времени, — говорит Анубис.

— Ты прав.

— Могу я спросить, как твое здоровье сейчас?

— Я нахожу его вполне удовлетворительным, как и всегда.

— Могу я спросить, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Наступает пауза.

— Я думал, что ты мертв,— говорит Анубис.

— Я знаю.

— Однако я рад, что тебе удалось остаться в живых после той смертельной резни.

— Я тоже. Много веков заняло у меня возвращение из того места, куда я был закинут в результате такого идиотского использования молота. Как ты знаешь, я отступил во внесолнечное пространство за мгновение до того, как Озирис нанес свой удар, который разбивает солнца. И меня закинуло дальше, чем я намеревался, в мир, который не является миром.

— И что ты делал все это время?

— Возвращался.

— Ты один, Тайфун, из всех богов мог выжить после такого страшного падения.

— Что ты пытаешься сказать?

— Сет Разрушитель, твой отец, погиб в этой битве.

— Айииииии!

Анубис затыкает себе уши и закрывает глаза, не обращая внимания на то что, что посох падает на пол. Крик, звучащий по всему Залу,— это раздирающий душу крик, получеловеческий, полузвериный, и его больно слушать даже с зажатыми ушами.

Через некоторое время наступает тишина, и Анубис открывает свои глаза и опускает руки. Тень сейчас меньше и ближе.

— Как я понимаю, Безымянный тоже был уничтожен в это же время?

— Я не знаю.

— Тогда что стало с твоим господином Тотом?

— Он отрекся как Повелитель Жизни и Смерти и ушел за пределы Средних Миров.

— В это трудно поверить.

Анубис пожимает плечами.

— Это факт жизни и смерти.

— Зачем он так поступил?

— Не знаю.

— Я хочу видеть его. Где мне найти его?

— Не знаю.

— Ты не слишком услужлив, Ангел. А теперь скажи мне, кто управляет всем в отсутствие моего брата, твоего господина?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Ну-ну, собачья морда, ты достаточно пожил на этом свете, чтобы ответить на простой вопрос. Кто контролирует потоки энергии?

— Дом Жизни и Дом Мертвых, кто же еще?

— «Кто же еще», вот как! И кто же сейчас управляет Домом Жизни?

— Естественно, Озирис.

— Понятно...

Тень вновь надвигается, становится больше.

— Собачья морда,— говорит Тайфун, и тень лошади беспокойна,— я подозреваю заговор, но я никогда не убиваю по одному только подозрению. Мой отец умер и требует мщения, а если и моему брату была причинена несправедливость, то и здесь прольется кровь. А сейчас отвечай мне быстро, не задумываясь. Ты можешь сказать больше, чем хотел бы. Так вот, выслушай меня: я знаю, что больше всего на свете ты боишься меня. Ты всегда боялся тени лошади, и ты правильно делал, что боялся. Если эта тень упадет на тебя, Ангел, ты прекратишь свое существование. И следа от тебя не останется. А она упадет на тебя, если ты имел отношение к вещам, которые я не одобряю. Я ясно высказался?

— Да, могущественный Тайфун. Ты — единственный бог, которому я поклоняюсь.

Внезапно Анубис прыгает, с воем, а в правой руке его неожиданно сверкает уздечка.

Тень от копыта проходит совсем рядом с ним, и он падает на пол. Тень падает на сверкающую серебряную уздечку, и она исчезает.

— Анубис, ты глупец! Зачем ты пытался связать меня?

— Потому что ты заставляешь меня бояться за свою жизнь, о Повелитель!

— Не смей подыматься! Не шелохнись или превратишься в ничто! Единственная причина, по которой ты мог бы бояться меня, это чувство вины.

— Это не так! Я боялся, что ты можешь неправильно понять и напасть на меня, не разобравшись. Я не хочу превращаться в ничто. Я хотел связать тебя для самозащиты, чтобы я мог предоставить тебе факты, а потом отпустить. Потому что я признаю, что мое положение с первого взгляда представляет меня виноватым.

Тень двигается и падает на вытянутую руку Анубиса. Правая рука иссыхает и становится неподвижной, обвисая.

— Никогда ты не сможешь заменить эту руку, которую ты поднял на меня, шакал! Сделай себе новую — и она тоже иссохнет. Приставь металлическую руку — и она откажется служить тебе. Я оставляю тебе лишь левую руку за твой проступок. Я соберу факты — все факты — сам. Если ты виновен в том, в чем я сейчас почти уверен, что ты виновен, я буду судьей, присяжным и палачом в одном лице. Знай, ни серебряная уздечка, ни золотые поводья не остановят Тайфуна. И знай, что, если вся моя тень упадет на тебя, не останется даже пыли. Скоро вернусь я в Дом Мертвых, и если что-нибудь будет не в порядке, новый пес будет править здесь.

Огонь загорается по краям черного силуэта. Он ревет, вырываясь вперед, как бы намереваясь нанести еще один удар, пламя ярко пылает, и вот Анубис остается один на полу Большого Зала.

Он медленно встает и поднимает посох левой рукой. Его красный язык высывается, спотыкаясь, он идет к своему трону. Огромное окно появляется в воздухе, и он смотрит в него на Создание Жизни.

— Озирис!— говорит он.— Дьявол жив.

— Что ты хочешь этим сказать?— слышит он в ответ.

— Сегодня тень лошади упала на меня.

— Это плохо. В особенности сейчас, когда ты послал своего нового посланника.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть свои способы. Но и я сделал то же самое, впервые, и это мой сын, Гор. Надеюсь, что мне удастся отозвать его вовремя.

— Да, мне всегда нравился Гор.

— А как с твоим посланником?

— Я не буду отзывать его. Мне было бы очень любопытно посмотреть, как Тайфун попытается уничтожить его.

— Твой Оаким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если... если окажется, что он тот, кем, я думаю, он может быть,— а ты знаешь, кого я имею в виду,— отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира, если оба мы вообще останемся при этом живы.

Анубис усмехается.

— А был ли между нами когда-нибудь мир?

— Нет,— отвечает Озирис,— раз уж зашел такой откровенный разговор.

— Но Принц действительно начал угрожать нам в первый раз, он грозил, что покончит с нашим правлением.

— Да, уже двенадцатый год на исходе, и мы должны действовать. Может быть, пройдут века, как он говорил, прежде чем он выступит против нас. Но выступит он непременно, потому что он всегда держит свое слово. Кто знает, однако, что у него на уме?

— Не я.

— Что случилось с твоей правой рукой?

— Тень упала на нее.

— Так вот, оба мы погибнем под этой тенью, если ты не отзовешь своего посланника. Появление Тайфуна полностью все изменило. Мы должны связаться с Принцем, попытаться договориться с ним, упротить его.

— Он слишком умен, чтобы быть обманутым фальшивыми обещаниями, и ты недооцениваешь Оакима.

— Может быть, нам надо договориться с ним по-честному, не восстанавливать его, само собой...

— Нет! Мы восторжествуем!

— Докажи это, заменив свою руку такой, которая работала бы!

— Я сделаю это.

— Прощай, Анубис, и помни — даже fuga бессильна против Ангела Дома Огня.

— Я знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты называешь меня моим древним именем?

— Потому что ты боишься, что возвращаются старые времена, Озирис.

— Тогда отзови Оакима.

— Нет.

— Тогда прощай, глупый Ангел, падший из падших.

— Адье.

И окно заполняется звездами и энергией, пока не закрывается полностью от движения левой руки между пламенем чаш.

Молчание наступает в Доме Мертвых.

Наброски

... Евнух, священник высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой рваных башмаков.

... Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной

наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света.

Явление Железного Генерала

Вверх смотрит Оаким, видя Железного Генерала.

— Где-то в глубине моей души я чувствую, что должен знать о нем,— говорит Оаким.

— Перестань,— говорит Брамин, трость и глаза которого сверкают зеленым огнем.— Все знают о Генерале, который скачет в одиночку. По страницам истории раздастся топот его боевого коня Бронзы. Он летал в эскадрилье Лафайэта. Он бился, удерживая Джарамскую долину. Он помогал оборонять Сталинград лютой зимой. С горсткой друзей он пытался захватить Кубу. На каждом поле сражения он оставлял частичку самого себя. Он разбил свой лагерь в Вашингтоне, когда настали тяжелые времена, пока более великий генерал не попросил его уйти. Он был побежден в битве при Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был в черных списках, потому что когда-то состоял членом подполья. Все правые дела, за которые он сражался, давно похоронены, но частичка его умирала каждый раз, когда появлялось новое дело, за которое он бросался в бой. Он выжил, каким-то чудом пережив свой век, с искусственными конечностями и с искусственным сердцем и венами, со вставленными зубами и стеклянными глазами, с пластинкой в черепе и костями из пластика, с кусочками проволоки и фарфора внутри тела, пока, наконец, наука не научилась делать все это лучше, чем то, с чем человек появлялся на свет. Его вновь собрали, кусочек за кусочком, пока в следующем веке он не стал превосходить любого человека из плоти и крови. И вновь он бился в повстанческих отрядах, и вновь его разбивали на мелкие кусочки в войнах, которые отдельные миры вели против федерации. Он всегда в каком-нибудь черном списке, он играет на своем банджо и не обращает внимания на это, потому что он поставил себя вне закона, всегда подчиняясь его духу, а не букве. Много раз он заменял металлические части своего тела и вновь становился полноценным человеком, но всегда бросался на помощь, как бы далеко она ни требовалась — и тогда вновь он терял свою человечность. Он резко спорил с Троцким, который

объяснял ему, что писателям мало платят, он одно время поддерживал Фиделя Кастро — и понял, что юристам тоже платят мало. Почти всегда его побеждают, и используют, и пользуются им, но ему это все равно, потому что его идеалы значат для него больше, чем его плоть. Теперь же, конечно, дело Принца Имя Которому Тысяча не очень кое-кому нравится. Из того, что ты говорил, я понял, что те, кто против Дома Жизни и Дома Мертвых, будут считаться сторонниками Принца, которому никакие сторонники не нужны, хотя это и не имеет значения. Я также рискну высказать предположение, что Генерал будет поддерживать его, так как для него Принц является меньшинством — один против всех. Генерала можно победить, но его никогда нельзя уничтожить, Оаким! А вот и он. Спроси его сам, если желаешь.

Железный Генерал спешивается со своего коня и стоит сейчас перед Оакимом и Брамином, как железная статуя в десять часов вечера, летом, когда нет луны.

— Я увидел твой маяк, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, этот титул исчез вместе с постом, сэр.

— Тем не менее я признаю права правительства в изгнании, — говорит Генерал, и голос его настолько красив, что его можно слушать годами.

— Благодарю вас. Но я боюсь, что вы пришли слишком поздно. Этот Оаким, который является мастером темпоральной фуги, я чувствую, уничтожит Принца, и таким образом уничтожит всякую надежду на наше возвращение. Разве не так, Оаким?

— Конечно.

— Если, конечно, нам не удастся найти Героя, — говорит Брамин.

— Вам не надо его больше искать, — говорит Генерал. — Лучше будет, если ты сдашься мне прямо сейчас, Оаким. Я говорю это, не питая к тебе враждебных чувств.

— А я отвечаю, не питая никаких чувств: убирайся к дьяволу! Если каждый твой кусочек уничтожить, на свете не останется больше Железного Генерала, и никогда больше его не будет. Я считаю, что такой возмутитель спокойствия, как ты, подлежит полному уничтожению, а я нахожусь здесь.

— Многие так думали, а я все еще жду.

— Тогда не жди больше, — говорит Оаким и двигается вперед. — Время здесь, оно ждет, когда его заполнят.

В этот момент Бронза встает на задние ноги, и шесть бриллиантов сверкают среди разноцветного мира Блиса.

Предсказатель города Лигламенти

Гор отправился в Средние Миры и появился на Мире Туманов, который его обитатели называют Д'донори, что означает Планета Удовольствий. Когда он сходит со своей колесницы, которая пересекала холодную и безвоздушную ночь, он слышит, в сильных туманах, которые покрывают всю Д'донори, звуки битвы вокруг себя.

Убив голыми руками трех рыцарей, которые наткнулись на него, он подходит наконец к высоким стенам города Лигламенти, монархи которого в прошлом имели основания полагать, что он — бог, доброжелательно относящийся к их процветанию.

Д'донори — мир, который, хотя и находится внутри прибора энергий, никогда не был подвержен чуме, войнам, голоду, ограничивающим численность населения на других мирах. Это происходит потому, что обитатели Д'донори сами решают свои проблемы. Ведь Д'донори состоит из маленьких городов-государств и герцогств, которые беспрестанно воюют друг с другом, объединяясь только для того, чтобы уничтожить всякого, кто пытается объединить их навсегда.

Гор приближается к огромным воротам Лигламенти и ударяет в них кулаком. Гудящий звук проносится по всему городу, ворота сотрясаются.

Часовой низко опускает факел, чтобы высветить сумрак, и посылает вниз стрелу, которая, конечно, не попадает в цель, потому что Гор может прочесть мысль напавшего на него и отклонить полет стрелы. Когда стрела свистит мимо, он отступает в сторону, так, чтобы оказаться в луче света.

— Открой ворота, или я снесу их с петель! — громко кричит он.

— Кто ты такой, что ходишь в одной набедренной повязке без оружия и приказываешь мне?

— Я — Гор.

— Я не верю тебе.

— Тебе осталось жить меньше минуты, если ты не откроешь мне ворота. Твоя смерть будет доказательством того, что Гор не лжет. Потом я вышибу эти ворота и войду по твоему трупу в поисках твоего господина.

— Подожди! Если ты действительно Гор, то пойми, что я только исполняю свои обязанности и выполняю приказ моего господина. Не считай меня еретиком только потому, что я отказываюсь впустить каждого, кто может назваться

Гором. Откуда я знаю, что ты не враг, который говорит это с целью обмануть меня?

— Неужели хоть один враг осмелится на такую глупость?

— Может быть. Потому что почти все люди — глупцы.

Гор пожимает плечами и опять поднимает свой кулак. Вибрирующий музыкальный звук на одной ноте разносится в воздухе — и ворота Лигламенти начинают дрожать на петлях, а часовой — в своих доспехах.

Гор в этот момент стал больше, достиг почти трехметровой высоты. Его набедренная повязка — цвета крови. Факел горит где-то у его ног. Он отводит кулак как для удара.

— Подожди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Его рост уменьшается на одну треть.

Часовой что-то делает, ворота открываются, и Гор входит в Лигламенти.

Дойдя наконец до окруженного туманом дворца его монарха, Лорда Дилвит, Герцога Лиглы, Гор узнает, что весть о его прибытии уже проникла в эти стены. Торжественный чернобородый Герцог, корона которого когда-то была вделана в его череп, выдавливая из себя такую улыбку, на которую только способен, то есть показывает двойной ряд зубов под тонкими губами. И слегка кивает.

— Ты действительно Гор?— спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что каждый раз, когда бог Гор проходит здесь, его трудно бывает узнать.

— Ничего удивительного,— говорит Гор.— Просто чудо, что вы в таком тумане узнаете друг друга.

Дилвит хрипит, что является для него эквивалентом смеха.

— Верно, часто мы не узнаем сами себя и по ошибке убиваем наших людей. Но каждый раз, когда приходит Гор, царствующий монарх испытывает его. В прошлый раз...

— ...в прошлый раз для Лорда Бульваг я послал деревянную стрелу сквозь толстый куб мрамора, так что ее конец торчал с другой стороны.

— Ты помнишь?

— Конечно. Я — Гор. У тебя еще сохранился этот куб?

— Да. Конечно.

— Тогда отведи меня к нему.

Они входят в освещенный факелами Тронный Зал, где

лохматые шкуры хищников предлагают единственное разнообразие при взгляде на стены, увешанные сверкающим оружием. На небольшом пьедестале слева от трона стоит серо-оранжевый мраморный куб, из которого торчит стрела.

— Вот он, видишь,— говорит Дилвит, указывая рукой.

Гор приближается и оглядывает его внимательно.

— На этот раз я сам придумаю для себя испытание. Я достану тебе стрелу обратно.

— Ее легко можно вытащить. Это не ис...

Гор поднимает правую руку на уровень плеча и резко наносит удар вперед и вниз, ударяя кулаком по камню, который раскалывается на мелкие осколки. Потом берет стрелу и подает ее Дилвиту.

— Я— Гор,— говорит он.

Дилвит берет стрелу, подбирает и осматривает осколки мрамора.

— Ты действительно Гор,— соглашается он.— Чем мы можем служить тебе?

— Д'донори всегда по справедливости славился своими предсказателями. Предсказателей Лигламенти часто называли самыми лучшими. Следовательно, я хочу поговорить с твоим главным предсказателем, так как у меня есть несколько вопросов, на которые мне нужны ответы.

— Тогда надо говорить со старым Фрейдагом,— предлагает Дилвит, отряхивая каменную пыль со своего красного и зеленого пояса.— Он один из великих, это так, но...

— Что — но?— спрашивает Гор, уже прочитав мысль Дилвита, но тем не менее вежливо ожидая.

— Он, Великий Гор, читает будущее по внутренностям, но никакие другие, кроме человеческих, не подходят ему. А мы редко держим пленников, так как это может недешево обойтись, а добровольцев на такое дело найти еще труднее.

— Нельзя ли уговорить Фрейдага погадать по внутренностям какого-нибудь животного в этом одном-единственном случае?

Вновь Гор читает мысли и вздыхает.

— Конечно, о Великий Гор, но тогда он не сможет гарантировать тот же уровень восприятия.

— Интересно, почему так?

— Я не могу ответить на это, о Могушественный Гор, потому что сам я не предсказатель, хотя моя мать и сестра обладали даром ясновидения, но из всех предсказателей скотологисты самый странный народ. А теперь возьмем Фрейдага. Он, очевидно, близорук, как он сам говорит, а это означает...

— Достань ему все необходимое для гадания, а потом сообщи, когда он сможет отвечать на мои вопросы!— приказывает Гор.

— Да, Благородный Гор. Я немедленно пошлю отряд на поиски, так как вижу, что ты очень торопишься.

— Очень.

— ...И у меня как раз есть сосед, которого давно пора научить правильно соблюдать границы!

Дилвит одним прыжком садится на свой трон и, протягивая руку вверх, снимает рог, который висит над ним. Три раза подносит он его к губам и дует, пока щеки его не становятся красными, а глаза не вылезают из орбит. Потом он вешает рог на место и в изнеможении откидывается на спинку трона.

— Военачальники будут здесь через минуту,— с трудом дыша, объявляет он.

Через минуту слышится стук копыт, и три воина в доспехах, верхом на похожих на единорога голинди скачут, скачут, скачут вокруг тронного зала, пока Дилвит не поднимает руку и не кричит:

— Набег! Набег, мои любезные! На Юскига Рыжего. Полдюжины пленных нужны мне от него до того, как туман посветлеет утренней зарей!

— Ты сказал «пленных», Господин?— спрашивает один из черно-коричневых.

— Ты понял правильно.

— До зари!

Поднимается вверх копьё.

Они делают круг по залу и отбывают.

Следующим утром Гора будят и сопровождают в комнату, где лежат шестеро голых людей, руки которых связаны за спиной, а ноги на уровне лодыжек и тела которых покрыты ссадинами и ушибами. Комната небольшая, холодная и освещена только четырьмя факелами: из ее единственного окна видна стена тумана. Множество листов ежемесячного журнала «Лигла таймс» расстелены по полу, покрывая его полностью. Прислонившись к подоконнику, высокого роста старик с розовым лицом, впалыми щеками, нервно дергаясь, затачивает на мокром бруске несколько кинжалов. Его выцветшие глаза смотрят на Гора, и он одобритительно кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов,— говорит он, тяжело хватая воздух ртом перед каждым последующим словом.

— Ты понимаешь правильно. Я хочу задать три вопроса.

— Только три, Святой Гор? Это означает, что потребуется только один комплект внутренностей. Неужели бог, такой мудрый, как ты, не имеет больше вопросов? Раз уж у нас есть необходимый материал, просто стыдно не использовать его. Прошло так много времени с тех пор...

— Тем не менее я желаю задать оракулу только три вопроса.

— Ну что ж, хорошо,— вздыхает Фрейдаг.— В таком случае, мы используем его.— Он указывает кинжалом в сторону седобородого человека, темные глаза которого неотрывно смотрят прямо в его глаза.— Его зовут Болтаг.

— Ты знаешь его?

— Он мой дальний родственник, к тому же он главный предсказатель Лорда Юскига, шарлатан, конечно. Мне повезло, что наконец-то он попал мне в руки.

Тот, кого зовут Болтаг, плюет на раздел «разное» в газете «Лигла таймс», когда произносятся эти слова.

— Ты жулик, о могущественный чтец по внутренностям!— говорит он.

— Лжец!— кричит Фрейдаг, подсакивая к нему и хватая за бороду.— Сейчас я покончу с твоей шарлатанской карьерой!

И он вспарывает ему живот. Сунув руку внутрь, он вытаскивает пригоршню кишок и разбрасывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, лежа недвижно. Фрейдаг режет по изгибающейся длине кишок, перебирая их пальцами. Он приседает на корточки и наклоняется вперед.

— А теперь, что это за вопросы, сын Озириса?— спрашивает он.

— Во-первых, где мне найти Принца Имя Которому Тысяча? Во-вторых, кто посланник Анубиса? В-третьих, где он сейчас?

Фрейдаг бормочет и дует на дымящиеся на полу внутренности. Болтаг опять стонет и чуть шевелится.

Гор пытается прочесть мысли предсказателя, но они настолько туманны, что это все равно что смотреть из единственного окна этой комнаты.

Затем Фрейдаг начинает говорить.

— В Цитадели Марачек, в Центре Средних Миров, встретишься ты с тем, кто отведет тебя пред очи того, кого ты ищешь.

— Странно,— бормочет Болтаг, качая головой,— ты прочитал эту часть правильно. Но твое падающее зрение было затуманено... Этим кусочком ободочной кишки, которую ты по ошибке... положил вместе с другими...

Огромным усилием Болтаг перекатывается ближе, хватая ртом воздух.

— И ты... не сказал... Великому Горы... что ему грозит... страшные силы... и что в результате он будет побежден...

— Молчание!— вскрикнул Фрейдаг.— Я не приглашал тебя для консультаций!

— Это мои кишки, и я не желаю, чтобы над ними гадал жулик!

— Следующие два ответа неясны мне, дорогой Гор,— говорит Фрейдаг, рассекая еще одну кишку.

— Фальшивый колдун!— рыдает Болтаг.— Марачек также приведет его к посланнику Анубиса, имя которого написано моей кровью... там... на передовице журнала! Это имя... Оаким...

— Ах, лгун!— вскрикивает Фрейдаг, рассекая дальше.

— Подожди!— останавливает его Гор. Рука падает на плечо предсказателя. —Здесь твой коллега говорит правду, потому что я знаю, что в настоящее время его действительно зовут Оаким.

Фрейдаг замолкает, внимательно глядя на передовицу.

— Аминь,— соглашается он.— Даже любитель иногда может иметь прозрение.

— Значит, все-таки мне судьба встретиться с этим Оакимом, если я отправлюсь в это место — Марачек, — а я должен туда отправиться. Но как же все-таки насчет моего второго вопроса? Я хочу знать настоящее имя этого человека, которого называют Оакимом. Кем он был перед тем, как Повелитель Анубис дал ему это новое имя и послал его своим эмиссаром из Дома Мертвых?

Фрейдаг водит своей головой почти у самого пола, перемешивает кишки, лежащие перед ним, опять что-то режет.

— Это, Великолепный Гор, скрыто от меня. Оракул не желает открывать...

— Негодяй!— с трудом вскрикивает Болтаг.— ...Это... здесь так ясно... видно...

Гор прослеживает за умирающей мыслью, и волосы поднимаются на его голове по мере того, как он прослеживает ее все глубже и глубже. Но имени он не может прочесть, потому что у колдуна кончились силы.

Гор закрывает глаза и дрожит, потому что имя это, которое он чуть было не уловил, внезапно исчезает совсем.

Когда Гор опускает руку, Фрейдаг опять стоит на ногах и, улыбаясь, смотрит на своего мертвого родственника.

— Шарлатан!— говорит он, фыркая и вытирая руки о передник.

Странная, маленькая, звериная тень шевелится на стене.

Оружие и Железный Генерал

Бриллиантовые копыта бьют в землю, поднимаясь, падая. Поднимаясь...

Оаким и Железный Генерал стоят лицом друг к другу, не двигаясь.

Проходит минута, затем три, и теперь уже копыта звяря по имени Бронза бьют землю с грохотом грома в центре ярмарки на Блисе, потому что с каждым ударом их сила увеличивается в два раза.

Говорят, что битва фуги и ее исход в основном предрешаются в самые первые моменты концентрации внимания, перед началом самой темпоральной фуги, в те самые мгновения, которые будут стерты с лица Времени исходом самой битвы; как будто их никогда не существовало вовсе.

Земля теперь уже дрожит от ударов Бронзы, и голубой огонь вырывается из его ноздрей, прямо на Блис.

Оаким сейчас весь блестит от пота, а пальцы Железного Генерала дергаются, особенно тот, на котором он носит кольцо из человеческой кожи.

Проходит одиннадцать минут.

Оаким исчезает.

Железный Генерал исчезает.

Бронза опять ударяет о землю, и тенты падают, рушатся здания, в земле появляются трещины.

Тридцать секунд назад Оаким стоит позади Генерала, и Оаким стоит перед Генералом, и Оаким, который стоит позади, который только что появился в это самое мгновение, сжимает обе руки вместе и поднимает их высоко над головой, чтобы нанести мощный удар по металлическому шлему... В то время как тридцать пять секунд назад Железный Генерал появляется позади Оакима того момента времени, отводит назад руку, затем резко выбрасывает ее вперед...

... в то время как Оаким тридцати секунд назад, видя себя в фуге, с занесенными вверх руками для удара, освобождается для того, чтобы исчезнуть, что он и делает, на десять секунд назад, где он готовится подражать своему

будущему образу, глядя... как Генерал Тридцатипяти секунд тому назад отводит свою руку для удара и исчезает еще на двенадцать секунд назад. И все это потому, что осторожность во времени необходима, чтобы сохранить свое будущее существование...

Когда идешь вперед во времени...

Или назад...

... В то время, как все это время где-то, вероятно, сейчас...

Бронза вздымается на задние ноги и бьет копытами по земле, и город дрожит до основания.

... И Оаким сорока секунд до начала атаки, видя его появление, отправляется на двадцать секунд назад — таким образом завершая одну минуту вероятного времени битвы фуги, которая, собственно, может быть подвержена изменениям.

... Генерал сорока секунд до начала атаки отступает еще на пятнадцать секунд, чтобы напасть, в то время как его образ этого момента смотрит на него и отступает на восемь секунд...

Оаким одной минуты тому назад отступает на десять секунд...

Фуга!

Оаким за спиной Железного Генерала, атакуя, в минус семьдесят секунд, видит Генерала за спиной Оакима, в то время, как оба они видят его, а он видит их обоих.

Все четверо исчезают, с разницей в одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать секунд.

... и все это время где-то, вероятно, сейчас, Бронза поднимается на дыбы и бьет копытами землю, а волны землетрясения идут все дальше и дальше.

Начало их поединка остается прежним, и Генерал перед Генералом, и Оаким перед Оакимом стоят в фуге.

Пять минут и девять секунд в будущем двенадцать Генералов и девять Оакимов глядят друг на друга, застыв как в трансе... Восемь минут и шестнадцать секунд до начала атаки, сто двадцать три Оакима и сто тридцать один Генерал напряглись, выбирая момент...

Чтобы атаковать всем вместе в пределах этого мгновения, оставив себя из прошлого защищаться, и возможно, если это мгновение выбрано неправильно, пасть и таким образом кончить поединок. Опираясь на свои моментальные решения и интуицию, каждый выбрал именно это мгновение, как самое выгодное для того, чтобы обеспечить себе будущее и держать его в фокусе. В то время как

армии Оакимов и Генералов сталкиваются в битве, земля начинает дрожать под их ногами, а канва самого Времени протестует против такого грубого с ним обращения. Начинает дуть ветер, и все вокруг них становится нереальным, колеблясь между бытием, сознанием и после-бытием. А где-то Бронза бьет своими бриллиантовыми копытами в континент и сжигает его лавинами огня. Окровавленные, с переломанными позвоночниками, трупы Оакимов и куски уничтоженных Генералов несутся в местах, далеких от сражения, и сдуваются ветром. Это вероятностные мертвые, потому что и теперь они не могли быть убиты в прошлом, а будущее не переделывается. Фокус фуги определяется этим напряженным мгновением, и они сталкиваются с такой силой, что перемены происходят по всей Вселенной, поднимающейся, сжимающейся, проходящей мимо, в то время как Время обманывает Историю, обводя ее вокруг событий.

Недалеко от места их схватки Бронза бьет копытами в землю, и где-то начинает разваливаться город. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленый огонь не может затмить голубого огня, который вырывается из ноздрей Бронзы, как фонтан над миром. Теперь на Блисе осталось уже девять городов, и Время сжигает их. Здания, машины, трупы, дети, павильоны — все уносится ветром, раздувающим пламя, и они проносятся мимо ярмарки. Посмотрите, какие они разноцветные. Красный? Вот берега реки, над которыми висит зеленый пар и летят пурпурные камешки. Желтый, серый, черный город под тремя лимонно-желтыми мостами. Теперь море стало небом, в котором гуляют ураганные ветры. Запахи Блиса — дым и горелая плоть. Звуки — крики, звон, быстрый топот бегущих ног, как вина перед черной ночью, которая теперь придет, как потеря сознания.

— Прекратите! — кричит Брамин, становясь огромным, сверкающим великаном посреди этого хаоса. — Вы уничтожите весь мир, если не остановитесь! — кричит он, и голос его громает, как гром, и в нем слышится звон литавр и мощь труб.

— Штатские умирают! — кричит Мгновение Генерал.

Мгновение Оаким смсется.

— Какую разницу может иметь форма в Доме Мертвых?

Большая зеленая дверь начинает открываться в воздухе, материализуется, Брамин уменьшается в размерах.

Когда дверь распаивается настееж, они бегут к ней,

глядя, как за дверью перекатываются большие волны океана.

Армии Оакима и армии Генерала тоже подхватывают волны Хаоса и несут ветрами перемен, пока их тоже, наконец, не доносит до зеленой двери, которая сейчас распахнута настежь, как сверкающий магнит-водоворот. Все еще продолжая сражаться, они влетают в нее, и их всасывает туда одного за другим.

Бронза начинает двигаться более медленно, когда дверь закрывается, но каким-то образом ей удастся протиснуться сквозь нее, прежде чем Хаос возникает на том месте, где она только что была.

Затем рев и движение прекращаются, и весь мир Блис, кажется, вздыхает с облегчением. Многое на нем уничтожено, и люди умирают в эту минуту, которая может быть теми тридцатью секундами до того, как Оаким и Генерал начали фугу, которая сейчас уже не начнется на земле уничтоженной ярмарки, покрытой трещинами и дымящимися кратерами.

Среди сломанных арок, разрушенных башен, остатков зданий идет Спасение с обнаженной огненной шпагой. Лихорадка дня опускается на Блис из Домов Энергии, и где-то лает собака.

Гнев рыжеволосой

Мегра из Калгана бежит, полуослепленная, сквозь многоликую толпу. В это время раздается новый ужасный крик, вырывающийся из многих глоток. Холодный дикий ветер начинает дуть по разноцветной и разнообразной ярмарке. Оглядываясь назад, она видит знак, от которого не может оторвать глаза, и ноги ее начинают заплетаться среди обрушившихся тентов и хлопающих на ветру флагов.

Это Железный Генерал на спине Бронзы, скачущей вперед. Он опускается вниз, все медленнее и медленнее. Она читала о нем, слышала о нем, потому что он существует в апокалипсисах всех наций и народов.

Огромный зверь Бронза меняет направление, замедляя свой бег, замедляя его с каждым шагом, опускаясь на разрушенный павильон, где она оставила Оакима и Мадрака — воина-священника сражаться друг с другом. Она оглядывается в том направлении, но ее маленький рост мешает ей видеть в толпе — перед ее глазами лишь живая стена.

Потом она перестает видеть и Железного Генерала и продолжает протискиваться сквозь множество ног по направлению к павильону, где умер человек.

Сейчас она уже пользуется своей силой, чтобы проложить себе путь, и там, где другим было бы не протолкнуться, она двигается, как пловец среди водорослей рук и ног, машин с лицами и перьями, женщин с мигающими огоньками в грудях, мужчин со шпорами в суставах, обычных людей всех шести рас, женщин, у которых с музыкальной нотой все время вываливается одна голубая грудь, нотой, которая достигает крещендо, которую больно слушать, проходит рядом с человеком, который несет свое сердце рядом с собой в гудящей корзинке, она ударом отбрасывает в сторону существо, похожее на нераскрытый зонтик, которое в страхе пытается присосаться к ней своими щупальцами, пробирается сквозь толпу зеленых карликов, сворачивает на дорожку между павильонами, пересекает открытое пространство, где земля завалена пылью и соломой, она двигается между двумя павильонами, а вокруг нее свет постепенно начинает меркнуть, и она ударяет по чему-то небольшому, которое кругами летает над ее головой и верещит.

Тогда она поворачивается и видит зрелище, равного которому не видела до сих пор.

Там стоит красная колесница, с пустыми местами для лошадей, все еще дымящаяся от пыльного неба. Колеса ее проделали глубокие борозды в земле на расстоянии примерно трех метров. До этого следов нет вообще.

В колеснице стоит закутанная в плащ с капюшоном фигура высокой женщины с лицом, закрытым вуалью. Локон ее рыжих волос, с оттенком красного, как кровь, свисает вниз. Ее красивая рука, почти такая же красная, как и ногти, держит поводья, которые идут к ничему перед колесницей. Летящее создание, которое верещало над головой Мегры, и которое она ударила, сейчас сидит на ее плече, и безволосый хвост его дергается.

— Мегра из Калгана, — говорит голос, что ударяет ее как перчатка, усыпанная драгоценными камнями, — ты пришла ко мне, как я только пожелала.

И пар, который поднимается от колесницы, кружится вокруг красной женщины.

Тогда Мегра начинает дрожать, чувствуя, будто кусок черного льда, лежащего в межзвездном пространстве, дотронулся до ее сердца.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Меня зовут Изидой, Матерью Праха.

— Зачем ты искала меня? Я знаю тебя, Леди, только по легендам.

Изида смсется, и Мегра протягивает руку и хватается за крепление павильона справа от себя.

— Я искала тебя, мой маленький кролик, чтобы наложить страшное заклятие.

— Но почему, Леди? Я ничего плохого не сделала.

— Может быть, и нет. Я могу ошибиться, хотя не думаю. Однако скоро я это узнаю. Мы должны подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, как я предвижу, скоро произойдет.

— Как ни приятно мне находиться в твоём обществе, я не могу ждать, какой бы благородной целью ты ни задавалась. Ты должна извинить меня. У меня есть дело...

— ...Жалости! Я знаю.

И она опять смсется, а рука Мегры сжимается на металлической стойке, так что она подается под ее рукой и вырывается из павильона, который сильно кренится справа от нее.

Смех Изиды затихает в воздухе.

— Наглос дитя! Ты посмела поднять на меня руку?

— Если будет необходимо, хотя я сомневаюсь в этом, Госпожа.

— Тогда замри на месте, как статуя, на том месте, где стоишь!

И вместе с этими словами ведьма дотрагивается до рубиновой подвески на шее, луч света исходит из ее центра и падает на Мегру.

Борясь с параличом, который начинает ее охватывать, Мегра кидает металлический прут по направлению к Изиде. Он сверкает в воздухе, как серое колесо, острые пилы, диск, падая к колеснице.

Выронив вожжи и подняв руку, Изида продолжает держать свою подвеску, из которой сейчас вырываются лучи. Те падают на летящий вращающийся металл, который на мгновение сверкнул, как метеор, а потом исчез, и только расплавленный кусочек металла падает на землю рядом с колесницей.

В течение этого времени Мегра чувствует, что свободна от ледяного оцепенения, охватившего ее, и броском кидается к колеснице, ударяя в нее своим плечом, так что Изида оказывается сброшенной на землю, а ее служка скучит и верещит за большим колесом.

Мегра быстро подскакивает к ней, готовая ударить ребром ладони, видит, что вуаль упала, и мгновение колеблется, не решаясь ударить такую красоту: огромные черные глаза на овальном лице, сверкающем жизненной силой, ресницы, которые порхают, как крылья бабочки, достигая до самых бровей, зубы, розовые, как кожа, обнаженные во внезапной улыбке, которую иногда можно видеть, когда смотришь в огонь.

Темнота продолжает становиться все глубже, а ветер все сильнее, внезапно сотрясается сама земля, как от какого-то далекого удара.

Свет подвески вновь падает на Мегру, Изида пытается подняться на ноги, падает на колени и хмурится.

— Ох, дитя, что тебя ожидает!— говорит она, и Мегра вспоминает старые легенды, молится не только единственному богу существующей официальной религии, но и тому, который давно пал:

— Озирис, Повелитель Жизни, избавь меня от гнева твоей наложницы! Но если ты не услышишь моей молитвы, то я обращусь тогда к мрачному богу Сету, которого одновременно и любит и страшится эта Леди. Спаси мою жизнь!

А затем слова застревают у нее в горле. Теперь уже Изида стоит на ногах и смотрит на нее, а земля дрожит и сотрясается от бешеных ударов, и все небо и земля затянуты пылью. Вдалеке теперь можно видеть голубое сияние, и откуда-то доносится звук битвы двух армий. Раздаются крики, вопли, свист. Горизонт колеблется, будто омываемый волнами моря.

— Может быть, ты думаешь,— вскрикивает Изида,— что все это — ответ на твои кощунственные молитвы! Но ты ошибаешься! Я знаю, что не должна убивать тебя сейчас, но я сделаю с тобой нечто куда более страшное. Я дам тебе в дар то, что будет одновременно и великой человеческой мудростью, и самым большим человеческим стыдом. Потому что я узнала все, для чего и явилась на Ближний Восток, и должна отомстить! А сейчас пойдем со мной в колесницу! Живо! Этот мир может скоро прекратить свое существование, потому что Генерал не побеждает твоего любовника! Проклятье!

Медленно, неохотно подчиняются мускулы Мегры этому приказу, и она входит в колесницу. Рыжая Ведьма входит за ней и становится рядом, поправляя вуаль. Где-то далеко зеленый великан бросает на ветер слова, которые невозможно расслышать. Какие-то блестящие осколки кру-

жаты повсюду на том месте, которое когда-то было ярмаркой. Все туманится, раздваивается, растривается, одни образы исчезают, другие остаются. На земле появляются трещины и пропасти. Вдали рушится целый город. Маленький служка с визгом прячется в плаще ведьмы. Пыль исчезает, и ночь летит на них, как гром, и все разноцветное собирается вместе в тех местах, где вообще не должно быть никакого цвета. Изйда поднимает поводья, и красное пламя поднимается над колесницей, ничего не сжигая, но окружая их рубиновым сердечником или языком феникса, и внезапно, пропадает всякое движение и звук его и все другие звуки, но теперь уже мир, который называется Блис, с его горестями, мешаниной, чумой и его спасением, лежит далеко позади них, как яркое отверстие колодца, в который они опускаются, и по краям которого сверкают уходящие звезды.

То Что Плачет в Ночи

В те дни, когда я правил
Как Повелитель Жизни и Смерти,—
говорит Принц Имя Которого Тысяча,—
в те дни
по просьбе людей
окружил я Средние Миры
океаном энергии,
с его приboями, приливами и отливами,
чтобы все менялось вместе
с этим мирным океаном:
рождение,
рост,
смерть,
волны в нем;

Затем все это я отдал
под управление Ангелам,
создав Посты их
на границах
Средних Миров,
чтобы руки их управляли
приливами и отливами.
И много веков
мы провели так,
поддерживая жизнь,

смягчая смерть,
помогая росту,
расширяя
берега этого огромного,
огромного
океана,
и все больше и больше
Внешних Миров
омывалось
его прибоем
в короне из пены созидания.
Затем однажды,
мечтая в огромной пучине
такого мира,
который был храбр,
прекрасен,
но мертв и бесплоден,
не тронутый тогда еще
жизнью,
я разбудил что-то спящее
поцелуем прибоя,
который бился.

И я, боясь того, что проснулось,
кинулся вперед,
на меня
напало,
выйдя из чрева земли
пыталось меня уничтожить,
то, что пожрало жизнь той планеты,
спало в ней всю зиму,
потом поднялось,
голодное,
и стало жадно искать.
Кормясь приливами жизни,
оно проснулось.
Оно коснулось тебя, моя жена,
и не смог я
сохранить твое тело,
хоть оставил твое дыхание.

Оно упивалось, как человек вином,
Жизнью,
и все оружие
в моем арсенале

испробовал я
на это нечто, но он
не умер,
не отправился в небытие,
только
попытался улизнуть.

Я задержал его.
Забрав энергию
своих Постов,
я создал поле,
поле нейтральных энергий,
заклучив этот мир
весь, как в клетку.

Потому что, если б
оно вырвалось к планетам жизни,
оно бы пожрало их все,
и его
необходимо поэтому
было разрушить.
Я пытался его уничтожить,
но тщетно,
много раз я пытался
и каждый раз тщетно,
и все это время
он был моим пленником
на этом безымянном мире.

Затем в Средних Мирах
начался
хаос
от недостатка моего
управления
жизнью,
ростом
и смертью.
Велика была моя боль.
И новые я
начал строить Посты,
но медленно.

Я мог опять окружить их полем
энергии,
но не мог я

отпустить Безымянного.
И не было у меня такой силы,
такой силы,
чтобы и держать его в плену
и поддерживать
Миры Жизни.
И вот
среди моих Ангелов
начались раздоры и разногласья,
и быстро пресек я их,
но поплатился за это
их преданностью,
как знаю теперь.
Ты, моя Нефита,
была недовольна,
когда мой Отец,
рисуя гневом Ангела Озириса,
возвратился
из крайнего Среднего Мира,
чтобы познать
бесконечность любви,
которая есть разрушение.
Ты была недовольна,
потому что мой отец Сет,
самый могущественный
из всех, кто когда-либо жил,
был также
нашим сыном
в те давно минувшие дни,
нашим сыном
в те дни, в Марачеке,
после того, как я
сломал темпоральный барьер,
чтобы вновь
жить во всех временах
для мудрости Прошлого.

Не знал я тогда,
когда время прошло,
что стану отцом того,
кто моим отцом был,—
солнцезагорелого Сета,
Властелина Звездного Посоха,
Носителя Перчатки,
Горного Насадника.

Ты была недовольна,
но ты
ничего не сказала ему,
и Сет
приготовил себя для битвы.

Всдь Сет никогда
не бывал побежденным,
и не будет.
И не было такой вещи,
которую он победить бы не взялся.
Он знал,
что Железный Генерал
был уничтожен
и развсян
Безымянным.
И он не боялся.

Вытянув правую руку,
одел на нее он
Перчатку Энергии,
которая выросла тут же,
покрыв его тело,
оставив лишь одни глаза, что сверкали.
Потом он обулся,
надсв башмаки,
которые ему позволяли
ходить по воде и по суше,
по воздуху тоже.
Затем черной лентой прикрпил
он к поясу
Звездный свой Посох,
непобедимое оружие,
выкованное слепыми кузнецами
Севера,
ведь только один он
сражаться мог.
Нет,
он не боялся.

Тогда он готов был
покинуть ту крепость,
где мы обитали,
опуститься на мир,
где жил Безымянный,

и ползал,
и тащился,
голодный и злой.
Тогда вдруг
другой его сын появился,
мой брат, мой Тайфун,
черная тень пустоты,
нуля,
чтобы ему разрешили
отправиться вместо него.

Но Сет отказался,
открыл он дорогу,
и сквозь пустоту
он отправился в мир тот.

И триста часов
бились они
по старому исчислению Времени,
прежде чем Безымянный
начал слабеть.
С еще большей яростью
Сет нападать стал,
и ранил он его,
готовясь удар нанести
свой смертельный.

Он бился на водах с ним океанских,
под океаном,
он бился на суше,
и в воздухе
бился холодном,
на горных вершинах.
За ним он гонялся по всей
той планете,
готовя смертельный
последний удар.

Их страшная битва
уничтожила
два континента,
кипели вокруг океаны,
и пар поднимался
на небе,
заполнив его облаками.

И плавилась скалы,
кололись
под лазерными лучами,
сверкавшими, как бриллианты,
в тумане
и паре.

И часто удерживал я Тайфуна,
который все порывался
к Отцу поспешить на помощь.
Затем,
когда отступил Безымянный
на высоту
в три мили
коброй дыма,
а Сет остался на месте,
одною ногою в воде,
а другою — на суше —
тогда эта жалкая тварь,
Ангел Дома Жизни —
Озирис проклятый,
привел в исполнение
свой замысел
страшный, предатель.

Когда еще Сет
наложницу выкрал его Изиду,
что потом родила ему
и меня, и Тайфуна,
Озирис поклялся,
что Сет
поплатится горько за это.
Заручившись
поддержкой Анубиса,
Озирис
сжал часть поля
энергий,
как сжимают его,
чтобы вспыхнуло солнце сверхновой,
и нарушил
он в солнцах стабильность.
Я еле успел понять,
что случилось сейчас.
А Сет не успел.
Никогда еще

удар такой силы
на планету
направлен не был.
Он разрушил весь мир.
Я успел уйти,
переносясь
на много лет световых,
далеко.

Тайфун
попытался бежать
туда, за пространство,
где был его дом.
Но и он не успел.
И больше не видел я брата.
И тебя, дорогая Нефита.
Отца потерял я,
что был мне сыном,
брата
и тело моей жены,
но остался
в живых Безымянный.

Как-то
создание это
выжило после
удара
Молота Разбивающего Солнца.
Оглушенный,
нашел я его позднее
среди обломков мира,
как маленькое созвездие,
окруженное пламенем алым.

Я обвинил его
паутиной энергий,
и, ослабнув,
оно рухнуло само в себя.
Тогда поместил я его
в тайное место,
за Миры Жизни,
где оно до сих пор в плену
в комнате,
где нсту ни окон,
ни дверей.

Часто пытался я его уничтожить,
но не знаю,
что Сет обнаружил,
почему не покончил с ним
своим посохом,
если б не это несчастье.
И оно все живет
и все плачет.

И если его хоть кто-нибудь выпустит
из плена,
то оно
может уничтожить
всю Жизнь,
что на Средних Мирах.
Вот почему
никогда я не бился
против тех узурпаторов,
что власть захватили,
и вот почему
не борюсь до сих пор.
Я должен остаться
надсмотрщиком вечным,
пока будет он для
Жизни угроза.

И не мог я предотвратить того,
что последовало дальше.
Ангелы многих Постов
развернулись,
пока я отсутствовал, и
стали биться друг с другом,
чтоб первыми быть.

И войны Постов
длились примерно лет тридцать.
Озирис с Анубисом
все поделили,
что осталось,
между собой в самом конце.
Других же Постов
не осталось.

Теперь же, конечно, всем полем
великих энергий

стали править те двое,
подвергнув
Миры голоду,
войнам,
чуме,
чтоб баланса достичь,
которого легче достичь было
мирным путем
и с помощью
многих Постов.

Но они не могли
поступить иначе,
потому что боялись
многим открыть к Энергии доступ.
Они не хотели
ту власть уступить, себе что
захватили,
кому-то еще
и даже друг с другом
они не могли поделиться.

А я
все так же ищу,
как Безымянного мне уничтожить,
и когда это сделано будет,
использую я свою силу,
чтобы Ангелов своих сместить
из двух Постов остающихся.

Легко это будет мне сделать,
хоть новые руки
должны быть готовы,
чтоб воле моей поклониться.
Тем временем будет
ужасно,
коль руки, что столько добра творят
в мире,
уничтожены будут,
в то время как власть
вершится другими руками.

И когда
закончу я то, что
должен закончить,

использую я
энергию двух оставшихся станций,
чтоб тело твое
тебе вернуть,
моя Нефита.

И Нефита плачет у самого моря и говорит:
— Это слишком много! Этого никогда не будет!

И Принц Имя Которому Тысяча встает и поднимает
вверх руку.

Внутри облака, которое возникает и колеблется перед
ним, появляется силуэт женщины. Пот выступает у него на
лбу, и силуэт делается более отчетливым. Тогда он делает
шаг вперед, пытаясь обнять ее, но руки его смыкаются
только на дыме, и в ушах звучит произнесенное его имя, а
зовут его Тот.

Затем он остается один у моря, под морем, и свет на
небе — это брюха рыб, которые пережевывают свою рыбью
пищу.

Глаза увлажняются, и он извергает проклятье, потому
что знает, что это в ее власти — прекратить ее собствен-
ное существование. Он зовет ее по имени, но не получает
ответа, не слышит даже эха.

Тогда он узнает, что Безымянный умрет.

Он кидает камушек в океан, но камушек не возвраща-
ется.

Он скрещивает руки на груди и исчезает, а следы его
ног остаются на песке и смываются морем.

Морские птицы кричат во влажном воздухе, и огром-
ные рептилии вытягивают свои длинные шеи на тридцать
футов вверх над волнами, качая головами, а потом опять
исчезают в море, но уже в другом месте.

Марачек

А теперь обратите внимание на Цитадель Марачек в
центре Средних Миров... Мертвое. Мертвое. Цвет —
прах.

Это то место, которое часто посещает Принц Имя Ко-
торому Бог, чтобы завершить множество дел.

На Марачеке нет океанов. Здесь течет лишь несколько
жалких ручейков, пахнувших как мокрые собаки, теплых и
солонюватых. Солнце этого мира — очень усталая крохот-
ная звезда, слишком себя уважающая или просто слишком

ленивая даже для того, чтобы стать сверхновой и засверкать блеском славы, а вместо этого проливающая свой анимичный свет, от которого глубокие синие тени отбрасывают гротескные куски камней, стоящих на огромном желтом и оранжевом пляже, которым является весь Марачек, продуваемый со всех сторон ветрами, и звезды над Марачеком можно видеть в полдень, правда слабо, хотя вечером они светят с яркостью неона, ацетилена, фотовспышки над продуваемыми тусклыми равнинами, и почти весь Марачек плоский, хотя равнины дважды меняются в течение дня, когда ветры достигают своего максимума, наметая горы песка и сметая их, дробя песок все мельче и мельче, так что утренняя и вечерняя пыль целый день висит в воздухе, отчего сверху Марачек кажется еще более неприятным: все там под одну гребенку: горы постоянно изнашиваются и становятся ниже, камни все время приобретают разную форму под руками невидимого скульптора — ветра, и все вечно захоранивается, — такова поверхность Марачека, который, конечно, когда-то был славным, могущественным, плодородным и так далее, к этому заключению можно прийти, даже глядя на его сегодняшнее запустение, но на Марачеке осталось одно здание, Центр Средних Миров, которое сохранилось со старых времен и которое, несомненно, будет существовать так долго, как и сам этот мир, хотя, может быть, пески похоронят и вновь отстроят его много раз. Цитадель настолько старинна, что никто не может точно сказать, когда она была построена. Цитадель, которая может быть самым древним городом во Вселенной, разрушавшаяся и возрождавшаяся (кто знает сколько раз) на том же самом основании, фундаменте, возможно с самого воображаемого начала иллюзий, которая называется Временем, Цитадель, которая своим существованием показывает, что есть вещи вечные, независимые от того, в каком они находятся состоянии, о чем Брамин писал в «Городе Ископаемом»: «...всей сладости уничтожения не испытывали твои порталы; служить, существовать — вот вечный твой удел».

Цитадель Марачек-Карнак, в котором живут всякие твари, в основном насекомые и рептилии, которые пожирают друг друга и одна из которых (жаба) существует в данный момент времени под перевернутым кубком на старинном столе в самой высокой башне Марачека (северо-восточной), в то время как большое солнце поднимается над пылью и тусклостью, и звездный свет становится не так заметен. Это и есть Марачек.

Когда Брамин и Мадрак появляются там из дверей Блис, они усаживаются за этот стол, который сделан из единого куска розовой субстанции, неестественно выглядящей и которую не может уничтожить само время.

Это то самое место, куда духи Сета и чудовищ, с которыми он дерется, переносятся в мраморной памяти уничтоженного и заново отстроенного Марачека, самого древнего и вечного города.

Брамин восстанавливает левую руку и правую ногу Генерала, он поворачивает его голову, так что теперь она снова смотрит в правильном направлении, затем делает какое-то приспособление на шее, чтобы голова держалась.

— А как поживает другой? — спрашивает он.

Мадрак поднимает правое веко Оакима и опускает его кисть.

— Наверное, шок. Интересно, вырывали ли кого-нибудь раньше из самого разгара битвы фуги?

— Насколько я знаю, нет. Мы, несомненно, открыли новый синдром: «усталость фуги» или «темпоральный шок» — можно назвать и так. Может быть, наши имена еще внесут в учебники.

— Что ты собираешься делать с ними? Ты в состоянии их оживить?

— Чего же тут сложного? Но только тогда они все начнут по новой и, вероятно, не остановятся, пока не уничтожат и этот мир.

— Не особенно много придется им здесь уничтожать. Может быть, нам заняться продажей билетов, а потом освободить их? Можем заработать кучу денег.

— О циничное чудовище, продавец индульгенций! Только монах мог придумать такой план!

— Вот еще. Мне подсказали его на Блисе, если ты помнишь.

— Верно, когда выяснилось, что игральная карта Жизни тоже может быть бита. Тем не менее в данном случае я думаю, что нам лучше отправить их каждого на свой мир, и пусть дальше разбираются сами.

— Тогда зачем ты привез их в Марачек?

— Я этого не делал, их вытянуло через дверь, когда я открыл ее. Сам я стремился в это место, потому что центра достичь легче всего.

— Тогда у меня нет больше предложений.

— Давай немного отдохнем, а этих двоих я погружу в транс. В конце концов, мы всегда можем открыть себе новый путь и уйти отсюда.

— Это будет вопреки моим этическим правилам, брат.

— Не говори мне об этике, нечеловечный ты человек! Поставщик лжи жизни, выбираемой человеком! Тоже мне святой!

— Все равно я не могу оставить человека умирать!

— Ну хорошо... Эге! Кто-то здесь был до нас и удушил жабу!

Мадрак поворачивает голову и смотрит на кубок.

— Я слышал рассказы о том, что много веков они могут выдержать в крохотных безвоздушных пространствах. Интересно, как долго находилась здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Подумай только о тех славных событиях, свидетелем которых она могла бы быть!

— Не забывай, Мадрак, что я поэт, и будь так добр, оставь свои замечания для тех, кто умеет лучше тебя разговаривать и рассказывать басни с непроницаемым лицом. Я...

Брамин подходит к окну.

— Кто-то идет,— говорит он.— Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих двоих.

На зубчатой стене, стоя как статуя, Бронза ржет, как паровой свисток, и бьет тремя копытами. Потом она выдыхает лазерные лучи в наступающий день, и ее глаза начинают моргать.

— Что-то приближается, хотя еще неощутимо, сквозь пыль и ночь.

— Так уходим?

— Нет.

— Я разделяю твои чувства.

Они ждут вместе.

Сексоскоп

Каждый знает, что некоторые машины умеют заниматься любовью, плотской, за метафизическими описаниями Святого Иакова, Механофила, который считает мужчину сексуальным органом машины, создавшей его, и чье существование необходимо, чтобы исполнилась судьба механизма, производящего поколение за поколением машиноподобных, совершая все модели механической эволюции через человека, до той поры, пока он не исполнит своего предназначения и не будет достигнуто совершенство, а вот

тогда уже может произойти Великое Кастрирование. Святой Иаков, вне всякого сомнения, еретик. Было доказано в слишком большом количестве случаев, чтобы их здесь перечислить, что машине необходим род. Теперь, когда человек и машина часто обмениваются компонентами и целыми системами, для цельного существа можно начинать когда угодно и добиться любого соотношения человек-машина. Сам человек, орган предположительный, таким образом достигнет своего апофеоза через самопожертвование и искупление. Тогда можно больше не говорить о Великом Кастрировании и не задумываться о том, как бы отделить машину от ее создателя. Человек всегда остается частью Большой Картины.

Все знают, что машины занимаются любовью. Не в грубом смысле этого слова, конечно, как те мужчины и женщины, что по каким-то экономическим соображениям сдают свои тела на год или на два одной из компаний, чтобы быть присоединенными к машинам, когда их кормят внутривенно, дают изомерические упражнения, погружают их в сознание (или скорее отключают его) или подключают мозговые стимуляторы, которые обеспечивают правильные движения на период не более пятнадцати минут за сеанс, на кушетках клубов удовольствия и наслаждений (а часто в лучших домах и просто публичных заведениях) для развлечения других. Нет. Машины занимаются любовью через человека, но многие функции так перемешались, что они в основном занимаются духовной любовью.

А теперь подумайте о том уникальном феномене, который только что возник.

Плежер-Комп — компьютер удовольствий и наслаждений, который, как оракул, может отвечать на бесконечно большой круг вопросов, и делает это, но только в том случае и так долго, если вопрошавший будет правильно стимулировать его, то есть удовлетворять. Многие ли из вас входили в программирующий будуар, чтобы поставить и разрешить важнейшие проблемы, и не замечали при этом, как быстро течет время. Вот именно. Как кентавр наоборот: человек от талии вниз, он представляет собой лучшее из двух миров и их слияние в один. Это самая настоящая история любви, которая следует за всем нашим описанием, когда человек входит в комнату Вопросов, чтобы узнать у машины о своей любимой и ее чувствах. Это встречается повсюду и всегда, и часто не может быть ничего важнее. Но об этом позже.

Поручение

Это идет Гор, который, видя на стене Бронзу, останавливается и говорит:

— Открой эти дурацкие ворота, или я разобью их!

На что Брамин отвечает через стену:

— Я не закрывал их и открывать не собираюсь. Входи сам, как можешь, или ешь пыль.

Гор бьет ногой в ворота, и те падают, при этом Мадрак слегка удивляется, а Гор поднимается по витой лестнице в самую высокую башню. Войдя в комнату, он смотрит на поэта и священника-воина с некоторой угрозой, вопрошая:

— Кто из вас двоих отказался впустить меня?

Оба делают шаг вперед.

— Два дурака! Знаете ли вы, что я Бог Гор, только что пришедший из Дома Жизни?

— Извини, что на нас это не произвело потрясающего впечатления, Бог Гор,— говорит Мадрак,— но нас тоже сюда никто не впускал, и мы тоже вошли сами.

— Как вас зовут, мертвецы?

— Я — Брамин, к вашим услугам, конечно, смотря к каким...

— ...А я — Мадрак.

— А! Я кое-что знаю о вас двоих. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, потому что мы не в другом месте,— говорит Брамин,— а на столе находятся два человека и одна жаба, и должен заметить, что любой из них лучше, чем ты.

— Неприятностей можно легко добиться, хотя, во что они выльются, не всегда можно предугадать,— говорит Гор.

— Могу я поинтересоваться, что привело так скудно одетого бога мести в это злосчастное место?— спросил Брамин.

— Ну конечно же, месть. Кто-нибудь из вас, бродяг, не видел недавно Принца Имя Которому Тысяча?

— Лично я отрицаю, причем говорю правду.

— Я тоже.

— Я пришел сюда в поисках его.

— Почему сюда?

— Оракул назвал мне это место. И хоть мне не очень хочется биться с героями, а я знаю вас как таковых, я считаю, что вы должны извиниться за тот прием, который здесь мне оказали.

— Справедливо, — говорит Мадрак, — потому что знай, что волосы наши стояли дыбом при виде недавней битвы, и за последние несколько часов мы утомились. Может быть, глоток доброго красного вина выразит наши чувства — тем более что во всем этом мире всего одна фляга его?

— Этого достаточно, если вино будет хорошим.

— Тогда подожди немного.

Мадрак достает свою фляжку с вином, делает глоток, чтобы показать, что вино не отравлено, оглядывает глазами комнату.

— Подходящий сосуд, сэр, — говорит он и поднимает перевернутый кубок, который лежит на столе.

Вытирает его чистой тряпкой, наливает вино и протягивает кубок богу.

— Благодарю тебя, священник-воин. Я принимаю его в том духе, в котором он был мне предложен. Что это была за битва, так взволновавшая вас, что вы даже забыли о хороших манерах?

— Это, кареглазый Гор, была битва на Блисе, между Железным Генералом и тем, кого называют Оакимом Ски-тальцем.

— Железный Генерал? Невозможно! Он мертв уже несколько веков. Я сам убил его!

— Многие его убивали. Но ни один не уничтожил.

— Эта куча металлического лома на столе? Неужели это действительно Принц Недовольных, который когда-то стоял передо мною как бог?

— Еще до того, как ты появился на свет, он был могуществен, — говорит Брамин, — и когда люди забудут о Горе, он все еще будет Железным Генералом. Это не имеет никакого значения, на чьей стороне он сражается. Выигрывает он или проигрывает, он — дух восстания, который никогда не может умереть.

— Мне совсем не нравятся эти разговоры, — говорит Гор. — Ведь если разобрать его по частям и уничтожить каждую часть в отдельности, а потом развеять пыль по всему космосу, он перестанет существовать.

— И это тоже было сделано. И много веков подряд его последователи собирали его, пока не собрали заново; этот человек, этот Оаким, похожего на которого я раньше не встречал, — продолжал Брамин, — высказал ту же мысль, что и ты, как раз перед сражением в фуге, которая сотрясла весь мир. Единственная причина, по которой они валяются таким образом — извини меня за то, что я не выбираю выражений, — на этом мире Марачека, это та, что я

не позволяю им пробудиться из состояния темпорального шока.

— Оаким? Это и есть смертоносный Оаким?.. Да, могу в это поверить, приглядевшись к нему повнимательнее. Как вы думаете, кто он на самом деле? Такие герои не появляются просто так, из пустоты.

— Я ничего о нем не знаю, кроме того, что он настоящий силач и мастер фуги, который появился на Блисе в его последние дни, перед черным прибором,— может, для того, чтобы ускорить его приближение.

— И это все, что ты о нем знаешь?

— Это все.

— А ты, могущественный Мадрак?

— Так же, как и я.

— Допустим, мы разбудим его и допросим?

Брамин поднимает свою трость.

— Только дотронься до него, и я буду оспаривать твое право присутствовать здесь. Он слишком опасен как индивид, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор кладет руку на плечо Оакима и слегка трясет его. Оаким стонет.

— Знай же, что жезл жизни также и копьё смерти!— вскрикивает Брамин и одним движением пронзает жабу, которая сидит прямо у левой руки Гора.

Прежде чем Гору удастся повернуться к нему, внезапно по комнате проходит порыв ветра — и жаба взрывается, превращаясь в какую-то огромную форму, сидящую в центре стола.

Его длинные золотистые волосы чрезвычайно густы, его тонкие губы раздвигаются в улыбке, его зеленые глаза смотрят на стол у его ног.

Принц Имя которому Жаба дотрагивается до красного пятна на своем плече и говорит Брамину:

— Разве ты не знаешь, что было написано: «Будь добр к птице и зверю»?

— Киплинг,— говорит Брамин, улыбаясь.— А также Коран.

— Изменяющий свою форму недоносок,— говорит Гор,— ты и есть тот, кого я ищу, называемый многими «Принц»?

— Должен признаться, что я ношу этот титул. И знай, что ты отвлек меня от медитации.

— Приготовься же встретить свою судьбу,— говорит Гор, вытаскивая стрелу, его единственное оружие, из-за пояса и ломая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что я не осведомлен о твоих силах, брат?..— говорит Принц, в то время как Гор поднимает наконечник стрелы, зажатый между большим и указательным пальцами.

— Неужели ты думаешь, брат, что я не знаю, что ты можешь увеличивать силой своего разума массу и скорость любого предмета в тысячу раз?

Что-то сверкает в руке Гора — и на другом конце комнаты раздается громкий треск, а Принц в это время неожиданно оказывается в двух футах слева от того места, где стоял раньше, и наконечник стрелы пронзает шестидюймовую металлическую плиту и продолжает свой полет в пыльное ветреное утро, в то время как Принц продолжает говорить:

— ... и разве ты не знаешь, брат, что я с такой же легкостью могу перенестись на любое расстояние, как и та, с которой я избежал твоего удара? Да, даже покинуть Средние Миры?

— Не называй меня братом,— говорит Гор, поднимая вверх древко стрелы.

— Но ведь ты мой брат,— говорит Принц.— По крайней мере у нас одна мать.

Гор роняет древко на пол.

— Я тебе не верю!

— А как ты думаешь, откуда у тебя вообще силы бога. От Озириса? Косметическая хирургия могла дать ему голову цыпленка, а его наибольшие потуги принесли успехи в математике, но ты и я, оба умеющие изменять наш образ,— дети Изида, Ведьмы Лоджи!

— Будь проклято имя моей матери!

Миг — и Принц уже стоит рядом с ним на полу комнаты и бьет его по щекам обратной стороной ладони.

— Я мог бы убить тебя сотню раз, если бы только пожелал,— говорит Принц,— пока ты стоишь здесь. Но я удержался, потому что ты — мой брат. У меня нет никакого оружия, потому что я в нем не нуждаюсь. Я не желаю никому вреда, потому что иначе жизнь стала бы мне слишком в тягость. Но не говори плохо о нашей матери, потому что то, что она делает,— это ее личное дело. Я не хвалю, но и не упрекаю. Я знаю, что ты явился сюда убить меня. Если ты действительно желаешь получить эту возможность, попрдержи свой язык по этому поводу, брат.

— Тогда давай больше не говорить о ней.

— Очень хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, пото-

му ты должен знать, что я не новичок в воинском искусстве. Я дам тебе шанс убить меня в битве один на один, без оружия, только руками, если сначала ты выполнишь одно мое поручение. В противном случае я уйду и найду себе для этой цели кого-нибудь другого, а ты можешь весь остаток своих дней провести в розысках моей особы.

— Тогда это, наверное, и есть то, что имел в виду оракул,— говорит Гор.— И это принесет мне несчастье. Тем не менее я не могу упустить шанс исполнить свою миссию прежде, чем ее выполнит посланник Анубиса, этот Оаким... Потому что я не знаю о его силах, которые могут и превосходить твои. Я согласен на мир с тобой, согласен выполнить твое поручение и потом убить тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых? — спрашивает Принц, глядя на Оакима.

— Да.

— Ты знал об этом, мой Ангел Седьмого Поста?

— Нет,— говорит Брамин, слегка кланяясь.

— И я не знал, повелитель,— вторит Мадрак.

— Поднимите его и Генерала.

— Наше соглашение не состоится,— говорит Гор,— если это будет сделано.

— Пробудите их обоих,— говорит Принц, складывая руки на груди.

Брамин поднимает свою трость, языки зеленого света выходят из нее и опускаются на распростертые тела.

Снаружи ветер начинает дуть с еще большей силой. Гор переводит глаза с одного присутствующего на другого, потом говорит:

— Ты повернулся ко мне спиной, брат. Повернись так, чтобы я видел твое лицо, когда буду тебя убивать. Как я сказал, наше соглашение не состоится.

Принц поворачивается.

— Эти люди тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

Затем...

— Какая трогательная семейная встреча,— звучит голос, заполняющий собой всю комнату.— Наконец-то мы, три брата, встретились вновь.

Гор отдергивает руку, как от осы, потому что тень черной лошади ложится между ним и Принцем. Он закрывает глаза рукой и опускает голову.

— Я забыл,— ведь сегодня я узнал, что я и твой брат тоже.

— Не расстраивайся так сильно,— звучит голос,— по-

тому что я знал об этом много веков и научился не отчаиваться от этого знания.

И Оаким и Железный Генерал пробуждаются от смеха, который похож на поющий ветер.

Бротц, Пуртц и Дульп

— Передай булавку, пожалуйста.

— Что-что?

— Булавку! Булавку!

— У меня ее нет.

— О! Она у меня.

— Почему же ты не сказал об этом?

— А почему ты меня не спросил?

— Прости. Просто дай ее мне. Спасибо.

— Почему ты все время продолжаешь над ней работать? Она готова.

— Просто чтобы провести время.

— Неужели ты серьезно думаешь, что он серьезно пошлет за ней?

— Конечно нет. Но это еще не причина, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.

— А вот я думаю, что он обязательно пошлет за ней.

— А кто тебя спрашивает?

— Я высказываю свое мнение добровольно.

— Для чего она ему нужна? Орудие, которое никто не может использовать.

— Если он ее заказал, значит, она ему нужна. Он единственный из них всех, кто приходит сюда по делу, и должен сказать, что он настоящий джентльмен. В один из этих дней либо он сам за ней придет, либо кого-нибудь пришлет.

— Ха!

— Вот тебе и «Ха!». Подожди, сам увидишь.

— А что еще нам остается делать?

— На, возьми свою булавку обратно.

— Можешь сесть на нее.

Цербер зевает

Пес швыряет перчатку от головы к голове, пока, зевая, не роняет ее, промахиваясь.

Он выгребает ее из-под костей, которые лежат у его

ног, машет своими хвостами, сворачивается и закрывает четыре глаза.

Другие его глаза горят, как угли, в той плотной темноте, которая лежит за Не Той Дверью.

Наверху, в заваленной пещере, ревет минотавр...

Бог — это любовь

Пятьдесят тысяч молящихся на Старые Башмаки, ведомые шестью кастратами-священниками, поют изумительный гимн на арене.

Тысяча напоенных наркотиками воинов,— слава, слава, слава, слава,— потрясают своими копьями перед алтарем Неносимых.

Начинается дождь, мягко, но мало кто его замечает.

Никогда не может быть

Озирис, держа в руках череп и нажимая на кнопку сбоку, обращается к нему:

— Знай же, смертная, что ты теперь навсегда обительница Дома Жизни. Когда-то красивая, цветущая — ты увяла. Когда-то правдивая — ты дошла до этого.

— А кто,— вопрошает череп,— довел меня до этого? Только ведь Повелитель Дома Жизни и дает мне покой.

И Озирис отвечает ей:

— Знай также, что я использую тебя вместо пресс-папье.

— Если ты действительно когда-то любил меня, то разбей на кусочки и позволь умереть! Не мучай остатки той, что когда-то любила тебя.

— Ах, но моя дорогая, однажды я могу решить опять дать тебе тело, чтобы вновь почувствовать твои ласки.

— Одна мысль об этом мне отвратительна.

— И мне тоже. Но когда-нибудь это сможет развлечь меня.

— Неужели ты мучаешь всех, кто вызывает у тебя неудовольствие?

— Нет, нет, о раковина смерти, не думай так! Правда, Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, и его нервная система живет, вплетенная в ткань этого ковра, на котором я стою, правда также и то, что другие мои враги существуют в элементарных формах в различных местах

моего дома, например в каминах, холодильниках и пепельницах. Но не думай, что я мстителен. О нет, никогда. Как повелитель жизни я чувствую себя обязанным отплатить всем тем, кто угрожает жизни.

— Я не угрожаю тебе, милорд.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Потому что я напоминала тебе покойную жену, леди Изиду?

— Молчать!

— Да! Я напоминала тебе Королеву Проституток! По этой причине ты возжелал меня, а потом возжелал моего уничтожения!

— Молчать!

Слова черепа на этом прерываются, потому что Озирис что есть силы швыряет его о стену.

Когда он распадается на куски, и детали и микросхемы падают на ковер, Озирис ругается и кидается к ряду выключателей на своем столе, после включения которых раздаются различные голоса, один из которых доносится из громкоговорителя, расположенного высоко на стене:

— О, умный череп, так обмануть глупого бога!

Посмотрев на панель управления и узнав, что это говорит ковер, Озирис идет в центр комнаты и начинает прыгать.

Раздаются тяжкие стоны.

Могущество пса

В пространствах темных и чем-то постыдных, на Море Валдик, появляются два героя, Мадрак и Тайфун. Посланные Тотом Гермесом Трисмегустисом украсть перчатку, обладающую необычной силой, они отправились сражаться с хранителем этой перчатки. Мир Валдик давно опустошен, на нем живет орда существ, обитающих под поверхностью планеты — в пещерах и комнатах, далеко от огня и ночи. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, кровосмешение и изнасилование — слова, наиболее употребляемые теми немногими, кто пишет комментарии об этом мире — Валдике. Перенесенные сюда с помощью какого-то пространственного фокуса, известного только Принцу, герои либо выполняют его поручения, либо остаются здесь. Сейчас они проходят по норам, так как им было велено ориентироваться на рев.

— Как ты думаешь, черная тень лошади,— спрашивает

священник,— сможет твой брат помочь нам выбраться в нужный момент?

— Да,— отвечает тень, которая движется рядом с ним.— Хотя если не сможет, то мне все равно. Я способен уйти куда и как захочу, в любое удобное для меня время.

— Да, но я этого не могу.

— Вот ты и волнуйся, толстячок. А мне-то что. Ты вызвался сопровождать меня. Мне это было не нужно.

— Тогда в руки Того Что Может быть больше, чем жизнь и смерть, я отдаю себя, если такой поступок сможет сохранить мне жизнь. Если же нет, то я не отдаю себя в руки Того Что Может быть больше, чем жизнь и смерть. Если же то, что я говорю, самонадеянно, а следовательно не будет принято Тем, что может меня слышать, а может и не слышать, тогда я забираю свои слова назад и прошу прощения, если это прощение для меня необходимо. Если нет, то я не прошу прощения...

— Аминь! И заткнись, пожалуйста!— негодует Тайфун.— Я слышал нечто похожее на рев слева от нас.

Скользя невидимкой вдоль темной стены, Тайфун огibt поворот и идет дальше. Мадрак смотрит сквозь инфракрасные очки и посылает луч, как благословение на все, на что смотрит.

— Эти пещеры глубоки и просторны,— шепчет он.

Нет ответа.

Внезапно он подходит к двери, которая может оказаться нужной дверью.

Открывает ее и видит минотавра.

Он поднимает свой посох, но минотавр исчезает в мгновение ока.

— Куда?..— спрашивает он.

— Прячется,— отвечает Тайфун, внезапно оказавшись рядом,— среди множества извилин и поворотов своего лежбища.

— Но почему?

— Мне кажется, что за такими, как он, охотятся создания, похожие на тебя, и ради мяса, и ради охотничьих трофеев. Поэтому он боится прямого нападения и отступает, ведь люди используют дубинки для скота. Давай войдем в лабиринт и будем надеяться, что больше мы его не встретим. Вход, который мы ищем, чтобы проникнуть в нижние помещения, находится где-то в этом лабиринте.

Примерно полдня блуждали они, безуспешно пытаясь

найти Не Ту Дверь. Три двери находят они, но за каждой лежат лишь белые кости.

— Интересно, а как у других дела?— спрашивает священник-воин.

— Лучше или хуже, а может быть, и так же,— отвечает другой и смеется.

Мадрак не смеется.

Наткнувшись на гору костей, Мадрак едва успевает заметить кинувшегося на него быка. Он поднимает посох, и начинается битва.

Он ударяет его меж рогов и сбоку. Он бьет его, колет, ударяет, отметаает в сторону, борется с ним голыми руками.

Причиняя друг другу боль, они продолжают сражаться, пока наконец его не швыряют через всю комнату, Мадрак поднимается высоко в воздух и падает левым плечом на груды костей. Когда он пытается приподняться, он как бы погружается в заполняющий весь воздух рев. Опустив голову, минотавр кидается на него. Мадрак находит опору для ног.

Но тень черной лошади падает на сознание, и оно исчезает.

Он наклоняет голову и начинает читать Молитву Вероятной Смерти.

— Прекрасно,— фыркает его товарищ, когда Мадрак доходит до последнего «Аминь».— А теперь, толстячок, мне кажется, что мы с тобой нашли Не Ту Дверь. Я могу войти, не открывая ее, но ты этого не сделаешь. Что скажешь?

— Подожди минутку,— говорит Мадрак, наконец-то вставая.— Немного допинга, и я буду совсем как прежде, сильный. Тогда мы войдем вместе.

— Хорошо. Я подожду.

Мадрак делает себе укол и через минуту становится похожим на бога.

— А теперь покажи мне дверь, и давай войдем.

— Сюда.

И вот перед ними дверь, большая,стораживающая и бесцветная в лучах инфракрасного света.

— Открывай!— приказывает Тайфун, и Мадрак повинуется.

В бликах огня пес играет, теребя перчатку. Рост и размер у него примерно как у двух с половиной слонов, и он играет с игрушечной перчаткой, лежа на груды костей. Одна из голов принюхивается; когда внезапный сквозняк по-

является из-за Не Той Двери, две головы начинают рычать, а третья роняет перчатку.

— Ты понимаешь мой голос?— спрашивает Тайфун, но ответного разума не светится за шестью красными глазами. Его хвосты начинают нервно подергиваться, чешуйчатые, сверкающие в свете огня.

— Приятный песик,— комментирует Мадрак, а тот открывает пасти, бьет хвостами и кидается на них.

— Убей его!— кричит Мадрак.

— Это невозможно,— отвечает Тайфун.— По крайней мере, в настоящее время.

Пара башмаков на алтаре

Наконец-то добравшись до мира Интерлюдии, входя через внезапно появившуюся зеленую дверь, которую поэт открывает прямо в темноту ночи, Оаким и Брамин оказываются в безумном мире многих дождей и религий. Налегке, стоят они на влажном торфе рядом с городом, окруженным ужасными черными стенами.

— Мы войдем сейчас,— говорит поэт, перебирая свою небесно-зеленую бороду.— Мы войдем через эту небольшую дверь слева, которую я заставлю для нас открыться. Затем мы загипнотизируем часовых или укротим тех, которые там могут присутствовать, и пройдем в самое сердце города, где находится храм.

— Чтобы украсть башмаки для Принца,— продолжает Оаким.— Это довольно странное поручение для такого, как я. Если бы только он не обещал назвать мне мое имя — мое настоящее имя — перед тем как я убью его, я не согласился бы сделать это для него.

— Я понимаю это, Лорд Рэндалл, сын мой,— говорит Брамин,— но ответь мне, что ты собираешься делать с Гором, который тоже убьет его и который выполняет сейчас другое его поручение только для того, чтобы ему ставилась эта возможность?

— Убью сначала Гора, если понадобится.

— Психология всей этой ситуации просто восхищает меня, потому, я надеюсь, ты позволишь задать мне еще один вопрос. Какая разница, убьешь ты его или Гор? В любом случае он будет одинаково мертв.

Оаким задумывается, явно потому, что эта мысль впервые пришла ему в голову.

— Это моя миссия, а не его,— произносит он в конце концов.

— И тем не менее он умрет и в том и в другом случае,— повторяет Брамин.

— Но не от моей руки.

— Верно, но я не вижу здесь никакой разницы.

— Честно говоря, и я тоже. Но это мне поручили убить его.

— Возможно, и Гору тоже.

— Но не мой Господин.

— Но почему у тебя должен быть господин, Оаким? Почему ты не принадлежишь сам себе?

Оаким трет лоб.

— Я... не... знаю... Но я должен выполнить то, что мне велено.

— Понятно,— отвечает Брамин, и, пока Оаким отвлечен таким образом, крохотная зеленая искорка падает с кончика трости поэта на шею Оакима сзади.

Он шлепает себя по шее и чешет ее.

— Что?

— Местное насекомое,— говорит поэт.— Давай продолжим наш путь к двери.

Дверь открывается перед ними, когда поэт стучит по ней тростью, а часовые засыпают от короткой вспышки зеленого пламени. Оаким и Брамин идут вперед к центру города.

Найти храм очень легко, войти в него — совсем другое дело. Здесь, перед самым входом, стоят часовые, опьяненные наркотиками.

Они смело подходят и требуют, чтобы их пропустили.

Восемьдесят восемь копий наружной охраны нацелены на них.

— Публичного восхищения не будет до дождя перед заходом солнца,— сообщают им.

— Мы подождем.

И они ждут.

Когда на закате начинается дождь, они присоединяются к процессии мокрых молящихся и входят в храм.

Пытаясь пройти дальше, они тут же натываются на трехсот пятьдесят двух опьяненных наркотиками стражников с копьями, которые охраняют вход во внутренний храм.

— У вас есть жетоны поклонников внутреннего храма?— спрашивают их.

— Конечно,— говорит Брамин, поднимая трость.

В глазах капитана они, видимо, являются обладателями таких жетонов, потому что им разрешают войти.

Затем, подходя ближе к Святой Святой, они задерживаются офицером во главе пятисот десяти опьяненных наркотиками стражников с копьями.

— Кастрированы или не кастрированы?— вопрошает он.

— Конечно, кастрированы,— отвечает Брамин красивым сопрано.— Освободи нам дорогу.

Глаза его сверкают зеленым светом, и офицер отступает.

Войдя внутрь Святой Святой, они видят пятьдесят стражников и шестерых странных священников.

— Вот они, на алтаре.

— Как мы добудем их?

— Желательно бы украсть,— говорит Брамин, протискиваясь ближе к алтарю,— до того, как начнется показ службы по телевизору.

— Как мы их украдем?

— Может быть, нам удастся подменить их на наши башмаки и выйти в них отсюда?

— Мне это подходит.

— Тогда предположим, что их украли пять минут назад?

— Я тебя понимаю,— говорит Оаким и наклоняет голову, будто произнося молитву.

Служба начинается.

— Хайль, Башмаки,— шепелявит первый священник,— носящиеся на ногах...

— Хайль!— поют остальные пятеро.

— Хайль, хорошие, добрые, благородные и благословенные Башмаки!

— Хайль!

— ...которые появились у нас из хаоса.

— Хайль!

— ...просветить наши сердца и окрылить наши души.

— Хайль!

— О, Башмаки, которые поддерживали человечество на заре цивилизации...

— Хайль!

— ...Бесподобные пропасти, окружающие ноги...

— Хайль!

— Хайль! Чудесная, удивительная кожа!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы поклоняемся вам во всей полноте Вашего Сияния!

— Слава!

— О, чудесная обувь!

— Слава!

— О, поступь подошв!

— Слава!

— Что бы мы делали без вас?

— Что?

— Били бы пальцы, царапали кожу, вместо подъема имели бы плоскостопие.

— Хайль!

— Защити нас, твоих поклонников, прекрасная и благословенная обувь!

— Которая появилась у нас из хаоса!

— ... в день темный и жуткий...

— ...из пустоты горящей...

— ...но не сгоревшей...

— ...вы пришли успокоить и ободрить нас...

— Хайль!

— ...тогда, сейчас и в будущем, навсегда!

— Навсегда!

Оаким исчезает.

Начинает дуть холодный ветер, и что-то туманно мелькает на алтаре.

Семеро предварительно опьяненных стражников с копьями лежат распростершись, и шеи их выгнуты под неестественным углом.

Внезапно рядом с Брамином Оаким произносит:

— Скорее открой нам путь куда-нибудь!

— Они на тебе?

— На мне.

Брамин поднимает свою трость, останавливается.

— Боюсь, что нам придется немного задержаться, — и глаза его становятся изумрудными.

Внезапно все находящиеся в храме вглядываются в них.

Сорок три опьяненных наркотиками стражника с копьями, как один, издают боевой клич и бросаются на них.

Оаким пригибается и вытягивает вперед руки.

— Таково есть царствие небесное, — комментирует Брамин, на лбу которого холодные капли пота блестят, как асбест. — Хотелось бы мне знать, как это все будет выглядеть по телевизору?

Булавка и жезл

— Что это за место?— спрашивает Гор.

Железный Генерал стоит неподвижно, как будто чем-то удивленный, но удивляться особо нечему.

— Мы находимся в том месте, которое не является миром, не является планетой, а просто место,— говорит Принц Имя Которому Тысяча.— Здесь очень мало света, но те, кто живут здесь, слепы, поэтому для них это не имеет значения. Температура здесь приспособливается к любому живому телу, потому что обитатели этого места так желают. Пища здесь извлекается из воздуха, как и вода, а следовательно, нет нужды и в еде. И такова уж природа этого места, что никто и никогда не нуждается здесь во сне.

— Это очень напоминает мне ад,— говорит Гор.

— Ерунда,— парирует Железный Генерал.— Мое собственное существование точно такое же, так как все, что мне необходимо, находится во мне. И при этом я не испытываю никаких неудобств.

— Ад,— повторяет Гор.

— Как бы там ни было, возьмите меня за руки,— говорит Принц,— и я проведу вас сквозь тьму и свет, пока не найду тех, кого ищу.

И они соединяют руки, Принц закутывается в плащ, и они медленно дрейфуют сквозь сумеречный пейзаж, лишенный горизонта.

— А где это место, которое не является миром?— спрашивает Генерал.

— Я не знаю,— отвечает Принц.— Возможно, оно существует в каком-нибудь глубоком и сверкающем уголке моего темного и грязного ума. Все, что я знаю, это как попасть сюда.

Падая, дрейфуя безвременное количество времени, они, наконец, оказываются у тента, который похож на серый кокон, мерцающий вверху (внизу) перед ними.

Принц разминает руки и касается кончиками своих пальцев его поверхности. Тогда кокон начинает дрожать и в нем появляется отверстие, сквозь которое он проходит, говоря через плечо:

— Следуйте за мной.

Бротц, Пуртц и Дультц сидят внутри, делая что-то такое, что является отвратительным, необычным по человеческим стандартам, но что кажется им вполне нормальным и естественным, потому что они не люди и имеют другие стандарты.

— Приветствую вас, кузнецы Норма,— говорит Принц.— Я пришел получить то, что заказывал довольно давно.

— Я говорил тебе, что он придет!— кричит один из серых холмов, двигая своими длинными ушами.

— Должен признаться, что ты был прав,— ответил другой.

— Да, где эта булавка? Я должен отполировать ее еще раз, перед тем...

— Ерунда, она совершенна...

— Значит, готово?— спрашивает Принц.

— О, она была готова еще несколько веков тому назад. Держи!

Из черной материи говорящий вытаскивает жезл холодного голубого огня и протягивает его Принцу. Принц берет его в руки, осматривает, кивает головой и вновь кладет его обратно в черную материю.

— Прекрасно!

— ...А оплата?

— У меня все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща черный чемоданчик и кладет его на воздух перед собой, где, конечно, он останется лежать.

— Кто из вас будет первым?

— Он.

— Она.

— Оно.

— Так как вы не можете решить сами, придется выбирать мне.

Принц открывает чемоданчик, в котором находится хирургический аппарат и операционный свет, и все три создания начинают дрожать.

— Что происходит?— спрашивает Гор, который только что вошел и встал рядом с ними.

— Я сейчас собираюсь оперировать вот их, и мне потребуется ваша огромная сила — твоя и Генерала. У них нет глаз,— говорит Принц,— и они будут видеть снова. Я принес с собой три пары и намереваюсь их вставить.

— Это потребует предварительной неврологической адаптации.

— Это уже было сделано.

— Кем?

— Мной, когда я в последний раз вставлял им глаза.

— И что с ними стало?

— О, они редко у них держатся. Через некоторое время их тела их выкидывают. Хотя в основном их ослепляют их соседи.

— Это почему?

— Мне кажется, потому, что они ходят и хвастаются, что среди всех остальных только они одни могут видеть... Это убыстряет процесс равноправия, и их ослепляют.

— Ужасно,— говорит Генерал, который сам уже не помнит, сколько раз его ослепляли.— Я хочу остаться здесь и биться за их права.

— Они откажутся от твоей помощи, ведь правда?

— Конечно,— говорит один из них.

— Мы не хотим, чтобы какой-то насмешник воевал против нашего родного народа,— говорит другой.

— Это будет нарушением их гражданских прав,— говорит третий.

— Каких прав?

— То есть как это каких — ослепить нас, конечно. Что ты за варвар, если не знаешь таких простых истин?

— Я снимаю свое предложение.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая помощь тебе нужна?— спрашивает Гор.

— Оба вы должны будете схватить моего пациента и держать его, пока я буду оперировать.

— Но для чего?

— Они не способны впасть в бессознательное состояние, и ни один из обезболивающих препаратов на них не действует.

— Ты хочешь сказать, что будешь проводить на них эту тончайшую операцию вот так просто, даже без анестезии?

— Да. Вот почему мне нужны эти двое — чтобы неподвижно держать каждого пациента. Они очень сильны.

— Но почему ты вообще это делаешь?

— Потому, что они хотят этого. Это цена, которую я должен заплатить за их труд.

— Для чего, чтобы видеть в течение нескольких недель? И к тому же... что вообще можно видеть в таком месте? Пыль, темноту и несколько слабых огоньков.

— Это их желание глядеть друг на друга и на свою работу. Они самые великие искусники во всей вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть булавку, если Дульц ее не потерял.

— А я — гальт.

— А я — фитиль.

— То, чего они желают, будет стоять им много боли, но и воспоминания останутся на много веков вперед.

— Да, игра стоит свеч,— говорит один,— если только не я первый.

— И не я.

— И не я.

Принц раскладывает свои инструменты в воздухе, стерилизует их и указывает пальцем.

— Вот этого,— говорит он, и крики начинаются.

Генерал отключает свой слух, а также почти всю свою человечность на следующие несколько часов. Гору это напоминает кабинет отца, а также Лигламенти на Д'донори. Руки Принца тверды и спокойны.

Когда все сделано, вокруг лиц созданий идут тугие большие повязки, которые им нельзя снимать некоторое время. Все трое стонут и кричат.

Принц вытирает руки.

— Благодарю тебя, Принц Имя Которому Хирург,— говорит одно из созданий.

— ...за то, что ты сейчас сделал для нас.

— ...и для нас.

— Не за что, благородные Нормы. Спасибо за прекрасный сделанный жезл.

— О, это такие пустяки.

— Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— ...и цена будет такой же.

— Тогда сейчас я вас покидаю.

— До свидания.

— Прощай.

— Адье.

— Хорошего вам смотрения, дети мои.

И Принц берет Гору и Генерала за руки и направляет их по дороге в Марачек, который находится всего в одном шаге от них.

Позади них раздается вой, потому что Нормы стали опять заниматься тем, что является для них естественным и нормальным, и быстро с этим справляются.

Они возвращаются в Цитадель так быстро, что Гор почти не успевает вытащить голубой жезл, о котором он все знает, из-за пояса Принца.

Это точная копия того оружия, которое солнцезащитный Сет использовал против Безымянного тысячу лет тому назад.

Искушение Святого Мадрака

У Мадрака есть только один шанс избежать этого убийственного нападения. Он бросает свой посох и ныряет головой вперед.

Это правильный выбор.

Он проскальзывает под собакой, которая прыгает, перекусывая его посох.

Рука его дотрагивается до странной материи перчатки, с которой забавлялось чудовище.

Внезапно он успокаивается, так как к нему неожиданно приходит чувство неуязвимости. Это что-то такое, чего не может дать ни один наркотик.

Он быстро разбирается в чем дело и надевает перчатку на свою правую руку.

Пес поворачивается, а Тайфун чуть отступает.

Черная тень ложится между ними. Щекоча, шевелясь, перчатка уже доросла до локтя Мадрака, распространилась по спине и груди.

Пес прыгает, а затем воет, потому что тень черной лошади падает на него. Одна из его голов висит безжизненно, хотя другие продолжают рычать.

— Уходи, Мадрак, в назначенное место!— говорит Тайфун.— Я займусь этим созданием, пока оно само себя не уничтожит, а потом пойду своим путем!

Перчатка движется по его левому плечу, локтю, закрывает всю руку, еще больше закрывает грудь, доходит до талии.

Мадрак, который всегда был могущественным, внезапно вытягивает руку вперед и, сжимая в ней камень, превращает его в пыль.

— Я не боюсь его, Тайфун, я сам могу его уничтожить.

— Именем моего брата, говорю тебе — иди!

Склонив голову, Мадрак уходит. Позади него раздаются звуки ожесточенной битвы. Он проходит мимо лежища минотавра. Он идет вверх по коридорам.

Бледные создания с зелеными светящимися глазами кидаются на него. Он убивает их с легкостью, голыми руками и продолжает путь.

Когда на него вновь нападают, он отталкивает их в сторону, пробиваясь сквозь них, но не убивая, так как ему надо время, чтобы подумать.

Он говорит:

— Вам было бы неплохо обдумать возможность иметь

части самих себя, которые могли бы выдержать уничтожение ваших тел, и назвать эти гипнотические части душами, чтобы долго не спорить. Вот тогда, начиная с предположения, что...

Но они вновь кидаются на него, и ему приходится прикончить их всех.

— Жаль, — говорит он и произносит Молитву Вероятной Смерти.

Продолжая идти вперед, он наконец приходит в назначенное место.

И там остается стоять.

У Врат Подземного Мира...

На Валдике...

— Вот я и прошел через весь Ад. Я наполовину неуязвим. Должно быть, это перчатка Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Но, возможно, я больше человек, чем был он.

Смотрит на свой живот.

— А может быть, и нет. Но сила, в ней заключенная... Могуущественный! Победить тех, у кого грязные души, и потом обратить их — возможно, поэтому была она вложена в мои руки. Божествен ли Тот? Честно говоря, не знаю. Странно. Если он божествен, тогда я совершил ошибку, не доставив эту перчатку ему. Если, конечно, таковым не было его тайное желание.

Смотрит на свои обтянутые руки.

— Могущество мое сейчас безгранично. Как мне использовать его? Весь Валдик могу я переделать этим инструментом со временем. Но он послал меня со специальным поручением. И все же...

Улыбается. (Перчатка не покрывает его лица.)

— А что, если он божествен? Сыновья, которые зачинают своих отцов, вполне могут быть богами. Я вспоминаю миф о Рае. Знаю, что эта похожая на змею перчатка может указывать на Запретное.

Пожимает плечами.

— Но сколько добра можно сделать с ее помощью... Нет! Это ловушка! Скольким мирам мог бы я принести пользу... Да, я это сделаю! «И пусть разверзнется сам ад!», как говорит Брамин.

Но когда он поворачивается, его затягивает водоворот, слова застревают в горле, а тело падает в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади него шевелятся тени, Валдик судорожно дерга-

ется и куда-то проваливается, ибо Принц отозвал его домой.

Громолазер

...Но Оаким Скиталец надел свои башмаки и сейчас поднимается, стоя в воздухе и смеясь. С каждым его шагом луч лазера вырывается из храма и смешивается с раскатами грома. Стражники и молящиеся низко склоняются перед ним.

Оаким бежит по стене и останавливается на потолке.

За спиной Брамина появляется зеленая дверь.

Оаким опускается и проходит сквозь нее.

Брамин следует за ним.

— Хайль!— неуверенно восклицает один из священников.

Но пьяные от наркотиков стражники с копьями поворачиваются и протыкают его.

Когда-нибудь, много веков спустя после этого чудесного исчезновения, галактика могущественных воинов выступит в поход в поисках Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст и идет вечный дождь.

Выигранный жезл

На Марачеке, в Цитадели, они стоят все вместе, думая о том, что с каждым произошло.

— У меня Башмаки,— говорит Оаким.— Ты можешь забрать их себе в обмен на мое имя.

— А у меня перчатка,— говорит Мадрак и отворачивается.

— А у меня жезл,— говорит Гор, и он выпадает у него из рук.

— Ты не забрал его у меня,— говорит Принц,— потому что он изготовлен не из материи и не из той субстанции, которую ты мог бы контролировать.

И ум Принца приоткрывает завесу перед внутренними глазами Гора.

Гор делает шаг вперед, его левая нога длиннее правой, но он совершенно ровно стоит на теперь уже неровном полу, окно горит, как солнце, за спиной Принца, а Железный Генерал стал золотым и течет, Брамин горит, как свеча, а Мадрак становится толстой куклой, качающейся

на резиновом шнурке, стены вокруг воют и пульсируют в одном и том же четком ритме с музыкой, которая исходит из пола в конце туннеля, который начинается окном и, горя, идет к тому месту, где теперь лежит жезл, выросший до чудовищных размеров, но оставшийся слишком прекрасным для того, чтобы находиться в вечности башенной комнаты в Цитадели Марачека в Центре Средних Миров, где Принц выкормил свою улыбку.

Гор делает еще один шаг, и тело его становится для него прозрачным, так что он немедленно видит все, что происходит внутри него, и это страшно.

Ах, луна как лампа светит,
негритянка, словно ночь,
перед нею я в ответе,
что она со мной не прочь.

Ковер из дней она мне стелет,
пройтись вдвоем когда-нибудь,
на небе в пустоте постели
себе прокладывая путь,—

говорит голос, странно похожий и все же не похожий на голос Брамина.

И Гор поднимает руку против Принца.

Но Принц держит его кисть так, что все горит.

И Гор поднимает другую свою руку против Принца.

Но Принц уже держит вторую руку так, что все мерзнет.

И он поднимает руку, по ней проходит электрический ток.

И он поднимает еще одну руку, и она чернеет и отмирает.

И он поднимает еще сотню рук, и все они превращаются в змей и дерутся друг с другом, и он шепчет:

— Что случилось?

— Таков мир,— говорит Принц,— на который я перенес вас.

— Нечестно выбирать такое поле для сражения,— говорит Гор,— этот мир слишком похож на тот, что я знаю, такой недалекий и такой чужой,— и слова его разноцветные, как на Блисе, и они круглые и капают с его губ.

— А с твоей стороны неприлично желать мне смерти.

— Я был послан с этим поручением, и к тому же это и мое желание.

— Но тебе это не удалось,— говорит Принц, заставляя его опуститься на колени на Млечный Путь, который становится прозрачным кишечным трактом, охваченным неудержимой перистальтикой.

Запах невозможно вытерпеть.

— Нет!— шепчет Гор.

— Да, брат, ты побежден. Ты не можешь уничтожить меня. Я сильнее. Время прекратить это, отказаться от этого дела и пойти домой.

— Не раньше, чем я достигну своей цели.

Звезды, как язвы, горят в его кишечнике, и Гор напрягает все силы своего тела против калейдоскопа, которым стал Принц. Принц падает на одно колено, но когда он стоит коленопреклоненный, осанну ему поют многочисленные цветы с собачьими мордами, которые цветут на его лбу, как пот, превращаясь в стеклянную маску, которая трескается от вылетающих оттуда молний. Гор протягивает руки к девятнадцати лунам, которые пожирают змеи, и кто же еще может так звать: О, Боже!— как не сознание: его Отец, сидящий со своей птичьей головой на небесном троне и плачущий кровью.

— Сдайся и умри!

Затем заброшен...

... далеко

... где Время — пыль

и дни как лилии без счета...

и ночь — пурпурный кадау, в чьем имени забвенье отказало...

Он становится деревом без верхушки, срубленным и вечно падающим.

В конце этого вечно он лежит на спине и смотрит на Принца Имя Которому Его Брат, стоящего во весь рост, с глазами, взявшими его в плен.

— Теперь я разрешаю тебе встать и уйти, брат, потому что я победил тебя в честном бою,— доносятся зеленые слова.

Тогда Гор склоняет голову, и этот мир исчезает, а старый мир появляется.

— Брат, лучше бы ты убил меня,— говорит он, и кашляет с болью от ссадин и синяков.

— Я не могу.

— Не посылай меня обратно после такого позорного поражения. Позволь мне удалиться с Достоинством. Правда, я не знаю как.

— Тогда выслушай меня и иди с честью. Знай, что я

убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если он поможет мне, когда придет время.

— Какое время?

— Это он должен решить сам.

— Я не понимаю.

— Конечно нет. Но тем не менее передай ему это.

— ...

— Договорились?

— Договорились, — отвечает Гор и начинает подниматься на ноги.

Когда он окончательно встает, он понимает, что стоит в Зале Ста Гобеленов и что он один. Но в самое последнее, агонизирующее мгновение он понял одну вещь.

Он торопится записать ее.

Люди, места и вещи

— Где Гор? — спрашивает Мадрак. — Он только что был здесь?

— Он отправился домой, — говорит Принц, потирая плечо. — А теперь я хочу сказать вам о том, что является для меня проблемой...

— Мое имя, — просит Оаким, — скажи мне его. Сейчас.

— Да, — говорит Принц. — Я скажу его тебе. Ты — часть той проблемы, о которой я собираюсь говорить.

— Сейчас, — повторяет Оаким.

— Ты не чувствуешь себя как-то по-другому в башмаках, одетых на твои ноги?

— Да.

— А как?

— Я не знаю... Скажи мне мое имя.

— Дай ему перчатку, Мадрак.

— Мне не нужна перчатка.

— Надень ее, если ты желаешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает перчатку.

— А теперь ты знаешь свое имя?

— Нет, я...

— Что?

— Я чувствую что-то знакомое, очень знакомое в том, как она распространяется по всему моему телу...

— Конечно!

— Этого не может быть! — говорит Мадрак.

— Нет? — спрашивает Принц. — Подними этот жезл и

подержи его, Оаким. Вот возьми, повесь эти тряпичные ножны сбоку у талии...

— Что ты делаешь со мной?

— Возвращаю то, что принадлежит тебе по праву.

— По какому праву?

— Подними жезл.

— Я не желаю! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне назвать мое имя! Говори!

— Не скажу, пока ты не поднимешь этот жезл.

Принц делает шаг по направлению к Оакиму. Оаким пятится.

— Нет!

— Подними его!

Принц продолжает идти вперед. Оаким отступает.

— Я... не могу!

— Можешь!

— Что-то в нем такое... Это запрещено для меня — до-трагиваться до него.

— Подними его, и ты узнаешь свое настоящее имя.

— Я... Нет! Я не хочу больше знать своего имени! Оставь его себе!

— Ты должен поднять его!

— Нет!

— Это написано, ты должен поднять его!

— Где? Когда?

— Мною. Я...

— Анубис!— кричит Оаким.— Услышь мою молитву! Я взываю к тебе во всей твоей мощи! Помоги мне здесь, где я стою в стане врагов твоих! Тот, кого я должен был уничтожить, совсем рядом! Помоги мне против него, так как я отдаю его тебе!

Брамин окружает себя, Мадрака и Генерала сложным кругом зеленого огня.

Стена за спиной Оакима медленно растворяется — и за ней Бесконечность.

С бесполезно болтающейся рукой, усмешкой на собачьей морде, Анубис смотрит вниз.

— Великолепно, слуга!— доносятся его слова.— Ты нашел его, загнал в угол. Остается один последний удар, и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!

— Нет,— говорит Принц,— он не уничтожит меня, даже с помощью фуги, пока у меня для него есть это — ты ведь узнал его, когда увидел тысячу лет назад. Его истинное имя скоро прозвучит в его ушах. Он услышит, как его произносят.

— Не слушай его, Оаким,— говорит Анубис,— убей его сейчас же!

— Господин, это верно, что он знает мое настоящее имя? Старое имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. Подними жезл, и ты узнаешь всю правду.

— Не дотрагивайся до него! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я стал бы делать столько всего только для того, чтобы убить тебя, Оаким? Кто бы из нас двоих не погиб от рук другого, выиграет только собака. Он знает это и послал тебя на выполнение чудовищного поступка. Посмотри, как он смеется!

— Потому что я ВЫИГРАЛ, Тот! Он убьет тебя сейчас!

Оаким приближается к Принцу, потом останавливается и поднимает жезл.

И тогда он закричал, и от его крика даже Анубис вздрагивает и отступает назад.

Затем крик его переходит в смех.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты использовал меня! О, как ты меня использовал! Ты обрек меня на тысячелетие смерти, чтобы я убил своего сына и своего отца, не задумываясь. Но сейчас ты видишь перед собой Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь перчатку, которая теперь уже покрывает все его тело, и он стоит в воздухе над полом. Голубые лучи vyplывают из жезла, который он держит, но Анубис уже исчезает, растворяется, сделав быстрый жест и издав еле слышный вой.

— Сын мой,— говорит Сет, дотрагиваясь до плеча Тота.

— Сын мой,— говорит Принц, наклонив голову.

Позади них падают искры зеленого пламени.

А где-то темная вещь кричит и плачет, окруженная светом в ночи.

Слова

Между мною и тобой
слова,
как раствор,
разделяют и связывают

те части, которые нас составляют.
Связать их,
отбросить их тень на страницу,
все равно что связать наши общие
страсти,
пониманье тебя и меня,
одинаковость нашу под кожей,
это выше высоких молитв
в нас с тобой бесконечность творит.
Потому что коль завтра приходит сегодня,
если это не капля,
то это — вечность,
сверкающая на кончике моего пера,
когда чернила наших голосов
нас окружают, словно ночь,
когда раствор меня с тобою ограничил.

— Что все это значит?— спрашивает Лорд Юскиг Рыжий, который во главе своих двадцати людей совершает налет на владения своего соседа Дилвита из Лигламенти.

Его лейтенант наклоняется в тумане к камню, на котором выбиты эти слова.

— Лорд, я слышал о таких вещах,— говорит он,— это дело рук поэта Брамина, который публикует свои произведения таким образом: он кидает свои поэмы на ближайший мир, и куда бы они ни падали, они запечатлеваются на самом твердом из доступных там материалов. Говорят, что он написал частушки, проповеди и поэмы на камнях, листьях и сучьях.

— Вот оно что! Ну и что должна означать эта его поэма? Следует ли принять ее за добрый знак?

— Это ничего не значит, Лорд, потому что всем известно, что он просто сумасшедший, как голинд в брачный сезон.

— Что ж, тогда можно помочиться на этот камень и отправиться на войну.

— Хорошо, Лорд.

Тени и материя

— О-тец?— удивленно произносит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тайфун.

— Отец!

Раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки, затем:

— Анубис сказал мне, что ты погиб!

— Он солгал. Когда Озирис ударил своим Молотом, он, наверное, сказал, что сделал это для того, чтобы спасти вселенную, так как я проигрываю сражение.

— Это верно,— говорит Принц.

— Однако я не проигрывал, я выигрывал это сражение. Он хотел убить меня, а не Безымянного.

— Как тебе удалось выжить?

— Рефлекс. Я ушел в фугу, когда этот удар опустился. Меня лишь слегка задело, и Анубис нашел меня бесчувственным и увел в свой Дом. Мое оружие он раскидал по всем Средним Мирам. Но при этом он сделал меня своим оружием.

— Чтобы убить Тота?

— Именно это и поручил он мне.

— Тогда он умрет!— говорит Тайфун и пятится, весь обхваченный пламенем.

— Успокойся, брат,— говорит Принц.— Это ему не удалось, а нам еще, может быть, удастся использовать собаку...

Но тень черной лошади уже растворилась, и Принц опускает голову.

Он глядит на Сета.

— Остановить его?

— Зачем? Анубис уже прожил на тысячу лет больше положенного. Пусть сам себя защищает. Да и как его остановишь? Даже если мы его догоним, ничто не может остановить Тайфуна, когда он в ярости.

— Это верно,— говорит Принц и, повернувшись, обращается к Брамину:— Если ты хочешь продолжать служить мне, бывший Ангел Седьмого Поста, отправляйся в Дом Мертвых. Скоро там потребуется присутствие того, кто может управлять энергетическими потоками.

— Тайфун был повелителем Дома Огня,— говорит Брамин.

— Да, но боюсь, он не останется в Доме Мертвых после того, как отомстит. Насколько я знаю своего брата, после этого он отправится на поиски того, кто ударил Молотом. Он погонится за Озирисом.

— Значит, я отправляюсь в Дом Мертвых. Ты пойдешь со мной, Мадрак?

— Если я больше не нужен здесь Принцу.

— Ты мне не нужен. Можешь идти.

— Лорд,— говорит Брамин,— это очень благородно с твоей стороны доверять мне вновь, после того, как ты знаешь, какую роль я играл в войне постов...

— Те дни прошли, и мы сейчас другие люди, разве нет?

— Надеюсь, что да, и благодарю тебя.

Принц скрещивает руки на груди и наклоняет голову. Брамин и Мадрак исчезают.

— А теперь,— говорит Железный Генерал,— скажи, чем я могу помочь тебе?

— Мы опять идем сражаться с Безымянным,— говорит Принц Имя Которому Тысяча.— Ты пойдешь с нами, чтобы быть в резерве?

— Да, только позволь мне вызвать Бронзу.

— Давай.

Ветер на Марачеке теребит пыль. Солнце, мигая, начинает еще один день.

Повелитель Дома Мертвых

Брамин стоит в Большом Зале Дома Мертвых, держа в руках свою трость. Свет от нее входит во все коридоры, видимые и невидимые, которые сходятся в этом месте.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу и оглядывается вокруг.

Глаза Брамина сверкают, внутри них пляшут огоньки,

— Ничего. Ничего живого. Нигде.

— Значит, Тайфун нашел его,— говорит Мадрак.

— А Тайфуна здесь тоже нет.

— Значит, он убил его и отправился дальше. Вне всякого сомнения, он ищет теперь Озириса.

— Интересно...

— Что еще могло случиться?

— Не знаю. Но теперь я здесь повелитель, по приказанию Принца. Я должен найти место выхода энергии и найти машины, ею управляющие.

— И тем не менее ты когда-то обманул Принца.

— Это правда, и он простил меня.

Брамин идет к трону Анубиса, садится на него, а Мадрак склоняется перед ним и говорит:

— Хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Тебе не надо преклонять передо мной колени, старый дружище. Пожалуйста, встань. Мне понадобится твоя помощь, потому что место это сильно отличается от Седьмого Поста, которым я когда-то управлял.

И в течение многих часов Брамин изучает тайные кнопки управления, вмонтированные в трон. Затем раздастся голос, который, как он знает, не является голосом Мадрака:

— Анубис!

И тут же он имитирует и лай, и вой.

— Да?

— Ты был прав. Гор побежден и вернулся сюда. Но он опять ушел.

Это голос Озириса.

Брамин небрежно взмахивает в воздухе тростью — и там появляется огромное окно.

— Привет, Озирис, — говорит он.

— Итак, Принц все-таки решил действовать, — говорит Озирис. — Насколько можно догадываться — я следующий.

— Надеюсь, что нет, — говорит Брамин. — Я могу лично свидетельствовать, что сам слышал, как Принц заверял Гора, что не будет мстить, если ты ему поможешь.

— Тогда что стало с Анубисом?

— Вот этого я точно не знаю. Тайфун помчался сюда, чтобы убить его. Я явился сюда, чтобы прибрать за Тайфуном и возглавить Пост. Либо он убил его и полетел дальше, либо Анубис убежал, а Тайфун бросился в погоню. Так что послушай меня, Озирис. Несмотря на обещание Принца, ты в опасности. Тайфун не знает об этом обещании и не имеет к нему никакого отношения. Узнав, что произошло на самом деле, от самого Сета и услышав подтверждение Принца, он скорее будет мстить опустившему Молот.

— Сет жив?

— Да. Некоторое время он был известен как Оаким.

— Посланник Анубиса!

— Некто другой! Пес украл его память и послал убить собственного сына — и отца. Именно это и вызвало особый гнев Тайфуна.

— Черт бы побрал всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он всего лишь оставил мне эту записку, ну... конечно!

— Что «ну, конечно»?

— Еще не поздно. Я...

— Позади тебя, на стене! — кричит Брамин. — Тайфун!

Озирис двигается со скоростью, которую странно видеть в столь тщедушном теле, он кидается к зеленому гобелену, отбрасывает его в сторону и пропадает.

Тень течет за ним, встает на дыбы.

Когда она отодвигается в сторону, на гобелене и в самой стене возникает огромное отверстие размером и формой с Тайфуна.

— Тайфун,— говорит Брамин.

— Я здесь,— слышится голос.— Зачем ты предупредил его?

— Потому что Тот подарил ему жизнь.

— Я этого не знал.

— Ты слишком быстро отправился в путь, чтоб услышать, как это повторяют. А сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Боюсь, ему удалось скрыться.

— Как это?

— Его не было в помещении, которое я уничтожил.

— Может быть, это и к лучшему. Слушай, мы можем использовать Озириса.

— Нет! Никогда не будет мира между нашими семьями, пока он жив, независимо от рыцарских чувств, которые может выказать мой брат. Я люблю брата, но я никогда не соглашусь на его прощение этого негодяя. Я обыщу весь дом, пока не найду Озириса и пока не отправлю его в Скагтанакскую пропасть!

— Как Анубиса?

— Нет! Анубису удалось скрыться! — доносится то ли всхлип, то ли крик.— Временно!

Затем Тайфун возносится, появляется пламя, и он исчезает.

Брамин вновь машет тростью, и окно исчезает тоже.

— Анубис все еще жив,— говорит Мадрак, глядя через плечо.

— Очевидно.

— Что мы предпримем?

— Продолжим изучение функций Дома Мертвых.

— Я хочу отдохнуть.

— Тогда иди и отдыхай. Найди себе комнату поблизости и располагайся. Ты ведь знаешь, где пища.

— Да.

— Тогда до скорого.

— Да, Лорд!

Мадрак выходит из Большого Зала и блуждает. Через некоторое время он входит в комнату, где мертвые стоят, как статуи. Он садится между ними. Говорит:

— Я был преданным слугой. Послушай меня ты, Женщина с грудями как дыни. Я был его преданным слугой. Поэт отправился на войну с другими Ангелами, зная, что

это против его воли. Но он прощен и возвышен. А где я? Слуга слуги. Это не честно.

— Я рад, что ты согласна со мной. А теперь скажи мне ты, да, вот ты, с лишней парой рук. Разве ты распространял религию и мораль? Разве ты побеждал чудовищ и ужасных зверей среди непосвященных голыми руками? Конечно нет.

— Вот видишь...

Он хлопает себя по бедру.

— Вот видишь, значит, нет на свете справедливости, и добродетель всегда продается, обманывается, подменяется. Посмотрите только, что стало с Генералом, который всю свою жизнь посвятил человечеству: жизнь отняла у него его собственную человечность. Разве это справедливо? Е д - в а л и .

— Все идет к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, независимо от того, какую жизнь мы вели. Вселенная никогда не благодарит. Дающему никогда не воздается. О, Ты Который Может Быть, почему ты все так устроил, если это ты все так устроил, почему? Ты и Принц, Твой Посланник. Что мне это дало? Бесплатный проезд и скудную пищу? Я рад, что Сет будет биться с Безымянным без своей перчатки...

— Что?

Подняв голову, он видит статую, которой не было здесь раньше и которая, в отличие от остальных, двигается.

Ее голова — это голова черной собаки, а ее язык высывается и сворачивается.

— Ты! Как удалось тебе спрятаться от Брамина, скрыться от Тайфуна?

— Это мой дом. Много веков пройдет, прежде чем все его секреты откроет новый хозяин.

Мадрак встает и начинает слегка вертеть посох в своих руках.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Я дрался во всех мирах, повсюду, где только люди умеют говорить и ценят слово. Многих я послал сюда, и сам пришел в этот Дом как победитель, а не как жертва.

— Ты был побежден давным-давно, Мадрак, и только сейчас, кажется, начал понимать это.

— Молчать, собака! Ты говоришь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты говоришь с тем, кто держит твое будущее в своих руках.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты сказал, что Сет опять отправился биться с Безымянным?

— Это правда. А когда Безымянный будет уничтожен, настанет всеобщее счастье.

— Ха! Оставь свою метафизику для кого-нибудь другого, поп! Ответь мне еще на один вопрос, и тогда я действительно тебя порадную.

— Какой вопрос?

Анубис делает шаг вперед, и безжизненная его рука качается справа, как маятник.

— Что ты тут такое говорил о перчатке?

— Ах, это,— говорит Мадрак, вытаскивая перчатку из-под своей темной рясы и одевая ее на правую руку.— Когда я добыл ее, я подумал, что с ее помощью много миров можно обратить в истинную веру.

Перчатка достигает его локтя, тянется к плечу.

— Я тогда не знал, что Оаким — это Сет. Тогда мной овладело искушение оставить ее себе. Вот я и заменил ее своей собственной перчаткой-которая-растет. Такие перчатки довольно часто можно увидеть в некоторых местах Средних Миров. Но эта обладает какой-то странной силой, а не как мои обычные и не очень прочные доспехи.

Перчатка теперь уже закрывает ему грудь, распространяется по спине.

— Я мог бы расцеловать тебя в твои жирные щеки!— говорит Анубис.— Потому, что у Сета теперь будет куда меньше шансов победить Безымянного! И все это время ты строил планы предательства! Ты куда более проницательный человек, чем я думал, Святой Отец.

— Меня использовали, а искушение было велико.

— Но больше тебя никто не будет использовать. О нет! Теперь ты носишь эту перчатку, и я предлагаю тебе союз.

— Прочь, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня есть то, что тебе необходимо, и ты готов теперь лизать мне задницу! О нет! Что бы я ни сделал с той новой силой, которой я обладаю, я делаю лишь для одной личности: Меня!

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне стоит только поднять тревогу, и тебя свяжут так крепко, что вся твоя хитрость не поможет тебе освободиться. Стоит мне лишь крутануть свой посох так, как надо, и твои мозги украсят эти стены. Поэтому говори, но помни, о чем я сейчас тебя предупредил, раздвоенный язык, а я слушаю.

— Если Озирис все еще жив,— говорит Анубис,— и если нам удастся добраться до него, то мы втроем сможем уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис все еще жив, хотя, надолго ли, не могу сказать. В настоящее время Тайфун преследует его по всему Дому Жизни.

— У нас есть шанс очень хороший шанс вернуть себе все: раз у тебя эта перчатка. Я знаю способ попасть в Дом Жизни и, возможно, спасти Озириса.

— А дальше что? Мы даже не знаем, где происходит битва с Безымянным.

— Все надо делать по очереди. Со временем узнаем и это. Так ты со мной?

— Я отправляюсь в Дом Жизни, потому что Тот желает, чтобы Озирис остался жив, и, может быть, мне удастся выполнить это желание. Тем временем я подумаю.

— Этого вполне достаточно.

— Смотри, как растет перчатка! Больше, чем раньше! Теперь уже она покрывает мне бедра!

— Великолпно! Чем большая часть твоего тела будет неуязвима, тем лучше для нас.

— Минутку. Неужели ты серьезно думаешь, что мы втроем сможем победить Тота, Сета и Железного Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь,— говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и повелевает им Озирис.

— Ну ладно, допустим, что ты прав и что нам удастся даже как-то договориться с Браминоном, который сейчас является повелителем твоего Дома, что ты будешь делать с огромной тенью в образе лошади, которая будет преследовать тебя до конца наших дней, которая не живет в космосе таком, как мы его видим, знаем, и с которой нельзя договориться, когда она в гневе?

Анубис отворачивается.

— Тайфуна я боюсь,— признает он.— Много веков тому назад я сделал оружие, нет, не оружие, один аппарат, который, как я думал, может послужить для его обуздания.

Когда я недавно попытался воспользоваться им, тень лошади упала на него и уничтожила. Он также навсегда парализовал мою руку. Должен признаться, мне нечего противопоставить ему, кроме своей силы воли. Но импери-

ями не кидаются из-за страха перед одним индивидом. Если бы только я знал секрет его силы...

— Я слышал, как он упоминал Скагтанакскую пропасть.

— Такого места нет.

— Я раньше никогда не слышал такого названия. А ты?

— Легенды, сказки, научная фантастика.

— Так что же все-таки там о ней говорится?

— Мы теряем время на обсуждение глупостей.

— Если тебе нужна моя помощь, ты мне ответишь. Смотри, перчатка достигла уже моих колен.

— Скагтанакская пропасть, иногда называемая пространственным провалом, где, как говорится, все останавливается и ничто не существует.

— Во вселенной очень много пустых космических пространств.

— Да, но говорят, что в пропасти нет также и космоса. Это бездонная бездна, которая, собственно, и не бездна вовсе. Это — разрыв космоса. Ничто, теоретический пуп вселенной. Это огромный вход, ведущий никуда, под, над, за, из. Вот что такое Скагтанакская пропасть.

— Тайфун и обладает всем этим, разве нет?

— Да, в этом я должен признаться. Но это ни о чем не говорит. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они зачали зверя, чудовище!

— По-моему, ты тут перехватил, Анубис! Разве Тайфун всегда был таким, каков он сейчас? Как могла ведьма разродиться таким, как он?

— Не знаю. Он старше, чем я. Вся эта семья загадочна и парадоксальна. А теперь в Дом Жизни.

Мадрак кивает головой.

— Показывай, Анубис.

Ночь становится Гором

Он идет там, где бушуют энергетические потоки, и никто не знает его имени. Но если каждого из тех созданий, мимо которых он проходит, спросить, они ответят, что слышали что-то о нем. Потому что он Бог. Могущество его почти не знает границ. Однако он был побежден. Принц Имя Которому Тысяча, его брат, добился его падения, чтобы сохранить себе жизнь и тот порядок жизни, который он представляет.

Гор сворачивает на хорошо освещенный проспект, где развлекаются разные особи. Сгустки энергии и ночь — вокруг него.

Он пришел именно на эту улицу именно этого Мира по определенной причине. Он колеблется, не зная, что ему делать. Ему нужны советы. Он любит оракулов.

Он ищет мнений.

Темнота в небе, ярко освещенная улица. Он проходит мимо мест и людей, созданных для развлечений.

Человек движется к нему и преграждает ему путь. Он пытается обойти его, сойдя на мостовую. Человек идет за ним и хватается его за руку.

Гор дует на него, и возникает ветер ураганной силы. Человека уносит, а Гор продолжает свой путь.

Через некоторое время он доходит до того места, где находятся оракулы, гадалки по картам. Астрологи, нумерологи, предсказатели Ии-Чинг, которые зазывают бога в красной повязке. Но он проходит мимо.

В конце концов он приходит туда, где нет людей.

Это место машин, которые предсказывают.

Он выбирает первую попавшуюся кабину, входит.

— Да?— вопрошает машина.

— Вопросы,— отвечает Гор.

— Минуту.

Раздается металлический щелчок — и открывается внутренняя дверь.

— Войдите в комнату.

Гор входит в маленькую комнату. В комнате находится определенного рода постель. Голое женское тело с большой грудью лежит на постели, подсоединенное к сверкающему металлическому аппарату. В стену вставлен громкоговоритель.

— Соединитесь с вопрошающей единицей машины,— говорят ему.— Что бы вы хотели знать?

Снимая с себя набедренную повязку, Гор выполняет указание.

— Наше правило таково, что на все ваши вопросы ответы будут поступать только до тех пор, пока вы будете в состоянии удовлетворять ее. Что бы вы хотели узнать?

— У меня есть проблема. Я в ссоре со своим братом. Я пытался убить его. У меня ничего не получилось. Я никак не могу решить, следует ли мне вновь искать его, чтобы продолжить битву...

— Недостаточная информация для ответа,— слышится голос.— Что за ссора? Какой брат? Кто вы такой?

Отвратительными вырастают лилии, а ряды роз — забор шипов. Сад памяти заполняется бежевыми цветами.

— Возможно, я обратился не туда, куда следовало бы...

— Может быть, и так, а может быть, и нет. Однако очевидно, что вы не знаете правил.

— Правила?— Гор смотрит на тусклый металл говорящего.

Голос, доносящийся из громкоговорителя, сухой, монотонный.

— Я не гадалка и не предсказатель будущего, я — электронно-механико-биологическое устройство бога Логик. Моя цена — наслаждение, и я могу сделать богом любого человека. Однако для этого мне необходим более сложный вопрос. Я не располагаю достаточными данными, чтобы сейчас тебе ответить. Так что продолжай заниматься со мной любовью и скажи мне, что еще.

— Я не знаю, как начать,— начинает Гор.— Когда-то мой брат правил всем на свете...

— Стоп! Твое утверждение нелогично, бессмысленно...

— ... и абсолютно верно. Мой брат — это Тот, которого иногда называют Принцем Имя Которому Тысяча. Когда-то все Средние Миры были его королевством.

— В моих ячейках зарегистрировано существование мифа о Повелителе Жизни и Смерти. Согласно этому мифу, у него не было братьев.

— Вношу поправку. Внутри нашей семьи мы не любим распространяться о семейных делах. У Изиды было три сына, один из которых был законным, от Лорда Озириса, и два — от Сета Разрушителя. Сету она зачала Тайфуна и Тота. Озирису — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты Гор?

— Ты правильно назвал мое имя.

— И ты желаешь уничтожить Тота?

— Таково было мое задание.

— Ты не можешь этого сделать.

— О!

— Пожалуйста, не уходи. Может быть, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать?

— Я не могу придумать ни одного.

Но Гор не может уйти именно в эту минуту, потому что тело его начинает гореть, как в огне.

— Кто ты?— спрашивает он в конце концов.

— Я уже сказала тебе.

— Да, но как ты дошла до этого: получеловек, полумашина?

— Это один из тех вопросов, на которые я не могу ответить, если я даже буду полностью удовлетворена. Однако я попытаюсь утешить тебя, потому что ты очень расстроен.

— Спасибо. Ты добра.

— Это и мое удовольствие.

— Я бы сказал, что когда-то ты была человеком.

— Это верно.

— Почему же ты перестала им быть?

— Я не могу этого сказать, как уже говорила.

— Могу я помочь тебе хоть чем-нибудь, чтобы выполнить какое-нибудь твоё сокровенное желание?

— Да.

— Как?

— Я не могу этого сказать.

— Ты точно знаешь, что Гор не может уничтожить Тота?

— В этом почти стопроцентная вероятность, согласно мифам, записями которых я обладаю.

— Если бы ты была простой смертной женщиной, я был бы добр к тебе.

— Что это значит?

— Я смог бы полюбить тебя за твою потрясающую честность.

— О, боже! Боже! Ты спас меня!

— Что ты хочешь сказать?

— Я была обречена на это существование, пока один из тех, кто выше человека, не посмотрит на меня с любовью.

— Я могу смотреть на тебя с любовью. Ты считаешь это вероятным?

— Нет, потому что я слишком использована.

— Тогда ты не знаешь бога Гора.

— Вероятность ничтожно мала.

— Но мне некого больше любить. Поэтому я люблю тебя.

— Бог Гор любит меня?

— Да.

— Тогда ты мой Принц, и ты пришел.

— Я не...

— Подожди минутку — и произойдет кое-что еще.

— Я подожду,— говорит Гор, вставая.

Вещь, которая называлась сердцем

Брамин идет по Дому Мертвых. Если бы у вас были там глаза, вы ничего не могли бы увидеть. Там слишком темно для того, чтобы глаза могли пригодиться. Но Брамин может видеть.

Он идет через огромную комнату, и когда он доходит до определенного места, появляется свет, туманный и оранжевый, и тени толпятся по углам.

Затем они появляются из прозрачных прямоугольников, сейчас возникающих в полу, и они не дышат, не мигают, в горизонтальном положении, и они отдыхают в невидимых катафалках, на высоте двух футов, а их одежда и кожа всех возможных цветов, а тела их из всех веков. У одних из них есть крылья, у других хвосты, у некоторых рога или длинные когти. У некоторых есть все это, а в некоторых встроены части машин, хотя у остальных нет.

Раздаются стоны, хруст костей и затем движение.

Шурша, скрипя, хрустя, они садятся, они встают.

Затем все склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух:

— Господи н.

Он смотрит своими зелеными глазами на эту толпу, и откуда-то внезапно до его ушей доносится звук падающего смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, он машет своей тростью.

Затем в воздухе возникает движение, и она стоит рядом с ним.

— Брамин, твои новые подданные присягают тебе.

— Леди, как ты сюда попала?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— И я тоже пришла поприветствовать тебя. Хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Ты очень добра, Леди!

— Я более чем добра. Конец близится, и то, чего я желаю больше всего на свете, скоро будет моим.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— А ты знаешь, где сейчас находится Анубис?

— Нет, но я могу помочь тебе найти его.

— Давай дадим мертвым отдых, и тогда я могу попросить твоей помощи. Я также могу спросить тебя, чего ты желаешь.

— А я могу ответить тебе.

И мертвые внезапно ложатся и опускаются в свои могилы. Свет исчезает.

— Ты знаешь, почему убежал Анубис?— спрашивает он.

— Нет, я только что прибыла сюда.

И Рыжая Ведьма улыбается под вуалью.

— То, что Тайфун жив, радует меня несказанно,— говорит она.— Где он сейчас?

— В настоящий момент он ищет Озириса с тем, чтобы убить его. Возможно, он уже разделался с собакой и с птицей.

И она смеется, и ее служка прыгает к ней на плечо и хватается за живот.

— Как радостно все должно быть сейчас! Как прекрасно, если это ему удалось! Но мы должны увидеть это своими глазами!

— Хорошо.

И Брамин чертит в темном воздухе зеленую раму.

Изида приближается к нему и берет его за руку.

Внезапно в раме появляется картина, она двигается.

— Это мало о чем говорит нам,— замечает Брамин.

Это — картина тени черной лошади, в одиночестведвигающейся вдоль стены.

— Да, но как приятно вновь глядеть на своего сына, который содержит Скагганакскую пропасть в самом себе. А где может быть его брат?

— Со своим отцом, так как они опять отправились биться с Безымянным.

Изида опускает глаза, и картина начинает затуманиваться.

— Я хочу поглядеть,— говорит она после паузы.

— Но сначала я должен отыскать Анубиса и Озириса, если они все еще живы, и Мадрака.

— Хорошо.

И в изумрудной раме медленно начинает возникать картина.

На берегу и на мели

Стоя во весь рост, он смотрит на То Что Плачет в Ночи.

Оно больше не плачет.

Освобожденное, оно тянется к нему башней дыма, бородой без подбородка.

Подняв звездный жезл, он вычерчивает огненные струи по его середине.

Оно продолжает двигаться вперед.

Огни вспыхивают всеми цветами спектра, затем исчезают.

Стоя во весь рост над облаками и всем прочим, он пускает в него молнии.

Слышится какой-то жужжащий звук.

Звездный жезл вибрирует у него в руках, стонет, становится ярче.

Оно отступает. Сет шагает по небу нападая на него.

Оно снижается, падает, отступает — к поверхности мира.

Преследуя, Сет становится на вершину горы. Где-то неподалеку от Луны Принц и Генерал следят за ним.

Сет смеется, и жар от взрывающегося солнца опалает это существо.

Но затем оно поворачивается и наносит удар, и Сет отступает в темноту по континенту, и с каждым его шагом вздымается грибовидное облако взрыва.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаровые молнии летают по небу. Вечные сумерки освещаются языком пламени, который падает на его преследователя. Однако оно продолжает приближаться и наступать, и горы падают в тех местах, где оно идет. Далеко внизу дрожит земля, и башмаки на ногах гремят громом с каждым шагом Сета, с каждым его поворотом.

Льют ливни, сгущаются облака. Внизу появляются огненные воронки.

Оно продолжает наступать и наносить удары, и дорога, по которой он идет, раскаляется, становится серой, опять раскаляется.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из своих берегов. Огонь, земля, вода и воздух брошены против создания — все четыре стихии, но оно все еще наступает.

Сет ревет, и скалы искрашиваются в порошок, ураганы разрывают паутину неба посередине, хлопают ей, опять соединяют края.

Оно опять плачет, и Сет, стоя одной ногой в море, улыбается внутри своей перчатки и бьет водоворотами и вихрями.

Но оно продолжает наступать, и воздух становится холодным.

Из-под руки Сета вырывается тайфун, а молнии сверкают без перерыва. Земля трещит и тонет самое в себя.

Сет и существо одновременно наносят удар, и континента под ними больше не существует.

Океаны начинают кипеть, и разноцветная Авропаа покрывает все небо.

Затем три иглы белого цвета пронизывают существо насквозь, и оно отступает к экватору.

Сет преследует, хаос преследует Сета.

Гром непрерывно гремит над экватором, и сверкание, сверкание звездного жезла в небе...

Дым цвета травы заполняет воздух в середине. Лакей Судьбы Время скрывается за ним.

Раздается плач, и опять звон, как колокольный, как будто лопнули цепи, которыми было сковано море, и воды поднимаются ввысь, как колонны Помпеи в тот день, день, когда они были сломаны, уничтожены, и жар, жар от кипящего океана поднимается ввысь вместе с ними, и воздух теперь уже становится плотным, и им невозможно дышать. Играя темпоральную фугу, Сет распиная существо на дымящемся небе, но оно все еще плачет и кидается на него, отступая. На доспехах Сета нет ни царапины, хоть это и не те доспехи, о чем он не знает, потому что То Что Плачет не дотронулось до него. Сейчас Сет полыхает таким пламенем, которым отмечают день Гея Фокса. Существо взрывается в девятнадцати местах, падает внутрь самого себя. Затем раздается мощный рев, и вновь летят копыта молний. То Что Плачет в Ночи становится воющим шаром, одной восьмой этого шара. Оно воет так, чтобы лопнула барабанная перепонка, и Сет хватается за голову, но продолжает со всех сторон омыwać существо в свете своего жезла.

Затем уже воющий визг исходит из самого звездного неба. Розовое лезвие огня опускается на существо.

Оно становится стариком с длинной бородой, несколько миль в высоту.

Оно поднимает руку — и внезапно Сет окружен светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота пожирает свет, и зеленый трезубец ударяет существо в грудь.

Падая, оно становится сфинксом, и он разбивает его лицо ультразвуком.

Рухнув, оно превращается в сатира, и он кастрирует его серебряными ножницами.

Затем оно отступает, раненое, на высоту в три мили, кобра черного дыма, и Сет знает, что минута пришла.

Интермеццо

Армии сталкиваются в тумане планеты Д'донори, и голинды случаются прямо на могилах убитых, когда корона сорвана с головы Дилвита, и он остается без скальпа, вновь Бротц, Прутц и Дульп ослеплены своими соседями, на мире Валдик причитания и темнота, из руин Блиса опять тянется вверх жизнь, Марачек мертв, мертв, мертв, цвет — пыль. Шизм начался на Интерлюдичи, а также вечерние дожди, вместе с которыми монаху по имени Брос приходит видение Священных Башмаков, хотя он опьянен наркотиками, и, скорее всего, сумасшедший, безумный, безумный ветер дует под морем в Месте Сокровенных Желаний, и зеленое морское чудовище, которое живет там, резвится в осенних туманах, созвездиях яркобрюхих рыб, плавающих повсюду.

Трость, подвеска, колесница и прочее

Его рука обнимает ее талию, и они вместе смотрят на картины, которые возникают в раме, там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, который плывет по небу на своем черном луке, который заряжен тем, что может разбить солнце. Он скачет один, и желтые его глаза никогда не мигают на лице, которое не знает других выражений. Они смотрят на темный шар, в котором сидят Анубис и Мадрак, и пустая перчатка, управляющая энергиями.

Брамин вычерчивает две линии кончиком своей трости, продолжая движение обоих предметов. Картина меняется и показывает то место, где эти линии пересекаются. Там находится сумеречный мир, поверхность которого все время меняется по мере того, как они наблюдают.

— Откуда они могут знать это место? — спрашивает Изида.

— Не знаю. Разве что... Озирис! Он нашел записку. Я смотрела на него, когда он читал ее.

— И?..

— Гор. Это Гор оставил ему записку, вероятно, с указанием места.

— Откуда Гор может это знать?

— Он бился с Тотом — вероятно, в собственном мозгу Тота, а Гор умеет читать мысли, знает, кто что думает. Видимо, в один из моментов в течение их поединка Гору

удалось выкрасть эту мысль Принца, который обычно полностью застрахован от подобных неожиданностей. Да, на какую-то секунду он, вероятно, был неосторожен. Его надо предупредить!

— Может быть, Тайфун еще обеспечит ему безопасность.

— Где Тайфун сейчас?

Они смотрят на раму, и все картины начинают мелькать перед глазами.

— Черно, черно, черно... Ничего.

— Такое ощущение, как будто Тайфуна вообще не существует, — говорит Брамин.

— Нет, — говорит Изиди. — Ты смотришь на пропасть, которая называется Скагтанакской. Тайфун покинул эту вселенную, чтобы найти свой путь по другую сторону космоса, такого, каким знают его люди. Возможно, он тоже нашел ту записку, которую написал Гор.

— Этого недостаточно для безопасности Принца. Весь проект может рухнуть, если мы не сможем его предупредить.

— Тогда отправляйтесь к нему немедленно!

— Я не могу.

— Одна из твоих знаменитых зеленых дверей.

— Я могу открыть путь только в Средние Миры. Я беру энергию поля. Я не могу оперировать за его пределами. Леди, как ты появилась здесь?

— Прилетела на своей колеснице.

— Десяти Невидимых Энергий?

— Да.

— Тогда давай используем ее.

— Я боюсь... Послушай, Маг. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю моего сына, но я люблю и свою жизнь. Я боюсь. Я боюсь того места, где происходит битва. Не думай обо мне плохо, если я откажусь сопровождать тебя. Ты можешь взять мою колесницу и можешь пользоваться ей, но ты должен отправиться туда один.

— Я не буду думать о тебе плохо, Леди.

— Тогда возьми подвеску. Она контролирует Десять Энергий, которые управляют ею, и она придаст тебе дополнительные силы.

— Будет ли она действовать за Средними Мирами?

— Да!

И она скользит в его объятия, и какое-то мгновение его зеленая борода щекочет ей шею, в то время как служба обнажает свои крохотные зубки и бьет хвостом.

Затем она провожает его до самой колесницы на крыше Дома Мертвых, и он восходит на нее, высоко держа подвеску в правой руке, и на мгновение становится частью гениально составленной схемы внутри красной бутылки, похожий на отдаленное сверкание на звездном небе, на которое смотрит Изида.

Вся дрожа, она опять заходит в Дом Мертвых, чтобы опять думать о том, кого она боится встретить, кто в этот момент бьется с Безымянным.

Брамин смотрит вперед нефритовыми глазами. В них сверкают желтые огоньки.

В глазах Брамина появляется видение...

Вот стоит Принц, глядя вниз. Поверхность мира охвачена огнем. На носу корабля Принца стоит зверь, чье тело — доспехи, чей всадник стоит неподвижно, сверкая, тоже глядя на место битвы. Лук приближается. Шар летит вперед. Молот спущен с тетивы и летит вперед, ударяя. Затем с него срывается комета с ярким хвостом, которая несется вперед, все разгоняясь.

Где-то звенит банджо, и Бронза встает на дыбы, а Генерал оглядывается через левое плечо, чтобы посмотреть на вторгшегося. Левая река его дергается по направлению к нему, Бронза продолжает пятиться на задних ногах, а потом одним прыжком соскакивает с корабля Принца. Она совершает всего три прыжка. Лошадь и наездник исчезают. Что-то колеблется, туманится, и звезды начинают плясать в том уголке неба, как будто они всего лишь отражения в беспокойных водах озера. Комета захвачена этим ветром, который называется ветром Перемен, становится двумерной, исчезает. Обломки сломанного лука-самострела продолжают лететь в том же направлении, как когда он был еще целым. Шар направляется к поверхности мира, исчезает в дыму, пламени и пыли. Долгое время схема остается прежней, но затем шар улетает. Сейчас в нем уже трое.

Брамин сильнее сжимает руку на кровавой подвеске и поворачивает Колесницу Десяти Энергий в погоню.

Что-то яростное продолжает происходить на планете. Вся ее поверхность кажется жидким и кипящим шаром, изменяющим форму, выбрасывающим в воздух мощные фонтаны. Происходит несколько ослепительных вспышек, слышится страшный треск. Планета раскалывается. Свет, все заполняющий, невыносимо, невыносимо яркий, и пыль — неразбериха, осколки.

Пропасть

Сложив руки за спиной, Принц Имя Которому Тысяча смотрит на уничтоженный мир.

Разбитый мир, остатки которого, сплюсненные и неровные, вращаются под его ногами, исчезая, удлинняясь, горя, горя, горя.

Затем он смотрит через оптический прибор, похожий на розовый лорнет с антенной. Изредка раздается щелчок, и антенна дергается. Он опускает ее, потом поднимает, и так несколько раз. В конце концов он откладывает ее в сторону.

— Что ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову и видит рядом с собой тень черной лошади.

— Я вижу живой огонек света, запутавшийся в тех обломках внизу,— говорит он.— Изувеченный, съежившийся, еле пульсирующий, но все еще живой. Все еще живой...

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не может быть.

И Тайфун исчезает.

Брамин продолжает преследовать шар Анубиса, и он видит то, что не подлежит пониманию.

На изувеченные остатки химических элементов, которые когда-то были миром, падает черная точка. Она растет в самой середине света, пыли, неразберихи, растет, пока ее очертания не становятся более четкими.

Это тень черной лошади, которая падает на руины.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, черная лошадь возвышается над всем. Она пухнет, расширяется, удлиняется, пока обломки целой планеты не попадают в нее.

Затем она очерчивается пламенем.

Ничто не лежит внутри этого сверкающего силуэта. Вообще ничто.

Затем пламя спадает, и тень съеживается, отступая, ускользая вдоль длинного, абсолютно пустого коридора.

Затем — не остается ничего.

Как будто мир не существовал вовсе. Он исчез, пропал, ему капут, и Тому Что Кричит в Ночи вместе с ним. И Тайфуна тоже больше нет.

В голову Брамина приходит строчка из стихов немецкого поэта о берегах Рейна. Он не помнит ее источника, но ощущение ему знакомо.

Высоко держа в руке кровавый меч света, он преследует бога смерти.

Корабль дураков

Пробуждаясь, медленно, скованный, с распростертыми руками и ногами на стальном столе, с ярким светом, бьющим в его желтые глаза и проникающим, как стальные иглы, в мозг, Сет мягко стонет и пробует, насколько крепко он связан.

Его оружие исчезло, а бледный свет в углу может быть звездным жезлом; башмаков, вторые могут ходить по всему, чему угодно, вообще не видно.

— Привет, Разрушитель,— говорит носитель перчатки.— Тебе повезло, что ты выжил в этой битве.

— Мадрак?..— спрашивает он.

— Да.

— Я не могу тебя видеть. Этот свет...

— Я стою позади тебя, и свет этот горит только с той целью, чтобы ты не мог использовать темпоральную фугу с тем, чтобы покинуть этот корабль дураков до тех пор, пока мы не разрешим тебе этого.

— Я не понимаю.

— Битва внизу все еще жуткая. Я сейчас наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже на то, что ты побеждаешь. Через мгновение опять ударит Молот Разбивающий Солнце, и ты, конечно, избежишь этого удара, как и в прошлый раз, с помощью темпоральной фуги. Вот почему мы смогли подобрать тебя несколько минут тому назад, совсем как Анубис сделал это тысячу лет тому назад. Тот факт, что ты здесь появился, говорит о том, что сейчас должно произойти. Ну, вот! Озирис отпускает тетиву, и Молот начинает свой спуск... Анубис! Что-то не так! Смотри, происходят какие-то изменения! Молот... он... исчез...

— Да, вижу,— слышится знакомый, отрывистый, как лай, голос.— И Озирис тоже исчез. Железный Генерал — это был он.

— Что же нам теперь делать?

— Ничего. Вообще ничего. Получилось даже лучше, чем мы смели надеяться. То, что Сет все-таки появился

здесь с помощью фуги, говорит о том, что должен произойти какой-то космический катаклизм. Разве я не прав, Сет?

— Да.

— Твой последний удар, несомненно, уничтожил мир.

— Вероятно. Я не остался, чтобы посмотреть.

— Да, вот он раскалывается,— говорит Мадрак.

— Великолепно! Теперь у нас есть Сет, от Озириса мы избавились, а Железного Генерала, который мог бы нас преследовать, больше не существует. Тот теперь находится именно в том положении, в котором нам нужно.

— Хайль, Мадрак, новый повелитель Дома Жизни!

— Спасибо, Анубис. Я не думал, что этого будет так легко добиться. Но что с Безымянным?

— Ну уж на этот раз он наверняка должен погибнуть. А, Сет?

— Не знаю. Я нанес удар, используя всю силу жезла.

— Значит, все в порядке. А теперь послушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла и не собираемся причинять вред твоему сыну Тоту. Мы спасли тебя, когда ты был беспомощен и мог погибнуть...

— Тогда зачем вы меня связали?

— Потому что я знаю твой характер и твое могущество, и я хотел договориться с тобой, прежде чем освободить тебя. Ты просто мог не дать бы мне объясниться, вот я и застраховал себя на всякий случай. Я хочу договориться через тебя с Тотом.

— Лорд!— кричит Мадрак.— Посмотрите на обломки планеты. На них надвигается чудовищная тень.

— Это Тайфун!

— Да. Интересно, что он делает?

— Ты знаешь что-нибудь, Сет?

— Это значит, что он потерпел неудачу и что-то среди руин Безымянного все еще плачет в ночи. Тайфун заканчивает то, что я начал.

— Появился огонь, повелитель, и... нет, я не могу смотреть на эту пустоту, которая появляется...

— Скагганакская пропасть!

— Да,— говорит Сет.— Тайфун — это и есть Скагганакская пропасть. Он выкидывает Безымянного из Вселенной.

— Кто такой Безымянный?

— Бог, старый бог, который, я в этом уверен, не видел вокруг себя ничего божественного.

— Я не понимаю...— говорит Мадрак.

— Он шутит. Но как же Тайфун? Что нам с ним делать?

— Может быть, вам не придется ничего с ним делать,— говорит Сет.— То, что он совершил, скорее всего, кончится тем, что и он будет изгнан из этой Вселенной.

— Тогда мы выиграли, Анубис! Мы выиграли! Тайфун был единственным, кого ты боялся, ведь так?

— Да. Теперь Средние Миры навечно будут в моих руках.

— И в моих, не забывай этого!

— Конечно. Ну так что, Сет, смотри, как перемещаются звезды. Ты присоединишься к нам? Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын может быть Регентом. Он может сам решать, чем будет заниматься, потому что я не в силах понять всей его мудрости. Что ты скажешь на это?

— Я должен подумать, Анубис.

— Ну конечно, сколько угодно. Однако не забывай, что я сейчас неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил бога в битве.

— Он не мог быть богом,— говорит Мадрак,— иначе его нельзя было бы победить!

— Нет. Ты видел его в самом конце. Ты был свидетелем его силы. И даже сейчас он не умер, а только в изгнании.

Мадрак опускает голову и закрывает лицо руками.

— Я тебе не верю! Я не могу...

— Но это правда, и ты принимал в этом участие, продажный священник, хулитель, еретик.

— Замолчи, Сет!— прикрикивает Анубис.— Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как и слабости всех тех, кто имеет с ним дело. Он хочет втянуть тебя в сражение иного рода, где тебе придется бороться с самим собой и быть побежденным тем чувством вины, которое он тебе внушит. Не обращай на него внимания.

— Но что, если он говорит правду? Я стоял и смотрел, как уничтожают Бога, и ничего не предпринял... даже выгадал в результате...

— Вот это справедливо,— говорит Сет.— Вина в основном моя, но по крайней мере я с гордостью несу ее. Однако и ты был моим соучастником. Ты стоял и смотрел, думая о своей выгоде, когда Он, которому ты служишь, был избиваем, когда Он стоял на коленях...

Анубис наносит ему страшный удар, который рассекает щеку.

— Насколько я понимаю, ты уже подумал и это твой ответ: ты пытаешься обратить Мадрака против меня. Но у тебя это не получится. Не так уж он глуп, как ты думаешь, правда, папаша?

Мадрак не отвечает, но продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается освободиться, но у него ничего не получается.

— Анубис, нас преследуют!

Анубис отходит от Сета, исчезает в темноте. Сильный свет продолжает бить прямо в глаза Сета.

— Это Колесница Десяти,— говорит Анубис.

— Леди Изиды?— спрашивает Мадрак.— Зачем она следует за нами?

— Потому что Сет когда-то был ее любимым. Возможно, и сейчас тоже. Ну что, Сет, не поделишься?

Но Сет не отвечает.

— Как бы там ни было,— говорит Мадрак,— она приближается. Много ли сил у Ведьмы? Может она чем-нибудь повредить нам?

— Не знаю, как там насчет ее силы, но она боялась своего старого Лорда Озириса, избегая его много столетий — а уж у меня сила никак не меньше, чем у Озириса. Нас не победит какая-то женщина, тем более что мы уже зашли так далеко.

Мадрак наклоняет голову, что-то бормочет и начинает бить себя кулаками в грудь.

— Прскрати это! Ты смешон!

Но Сет смеется, и Анубис с рычанием поворачивается к нему.

— Я вырву твоё сердце!

Но Сет поднимает свою окровавленную левую руку, которую он только что освободил, и держит ее перед собой...

— Только попробуй, собака! Одна твоя рука против моей! Твой посох и любое другое оружие — против левой руки Сета! Подойди ближе!

Глаза его сверкают, как солнца-близнецы, и Анубис отступает назад, вне пределов, куда может достать рука Сета.

Свет продолжает вращаться и сверкать.

— Убей его, Мадрак!— кричит Анубис.— Он больше нам не нужен! На тебе перчатка, управляющая энергией! Он не сможет выстоять против нее.

Но Мадрак отвечает:

— Прости меня, Сущий или Существовающий, Где бы Ты Был или Не Был, за мои проступки и дела, которые я делал или не делал, или должен или не должен был делать, за то, что только что произошло,— говорит он, все еще ударяя себя в грудь.— И в том случае, если...

— Тогда дай перчатку мне!— кричит Анубис.— Быстро!

Но Мадрак продолжает говорить, не слыша его.

Весь шар начинает дрожать, а так как маги и поэты умеют прекрасно это делать, то двойная дверь со множеством запоров распаивается, и входит Брамин.

Он машет в воздухе своей тростью и улыбается.

— Как поживаете? Как поживаете?

— Свяжи его, Мадрак!— кричит Анубис.

Но Брамин идет вперед, а Мадрак смотрит в окно и что-то бормочет.

Тогда Анубис поднимает свой посох.

— Ангел Седьмого Поста, Падший, изыди! — говорит он.

— Ты пользуешься моим старым титулом,— говорит Брамин.— Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. Согласно назначению Принца, я сейчас занимаю твой прежний пост.

Мощным рывком Сет освобождает правую руку.

Брамин играет подвеской Изиды, и Анубис пятится от него.

— Мадрак, я велю тебе убить этого человека!— кричит он.

— Брамина?— удивляется Мадрак.— О нет, не Брамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет освобождает свою правую ногу.

— Мадрак, если ты не желаешь убивать Брамина, тогда поддержи Сета!

— Тот, кто, возможно, Отче Наш и кто, может быть, сущий на небесах...— монотонно тянет Мадрак.

Затем Анубис обнажает клыки, рычит и наставляет на Брамина свой посох, как базуку.

— Ни шагу дальше,— объявляет он.

Но Брамин делает еще один шаг.

Ярчайшая вспышка света освещает его, но красные лучи из подвески гасят его.

— Слишком поздно, пес,— говорит он.

Анубис кружит, продвигаясь ближе к иллюминатору, у которого стоит Мадрак.

Сет освобождает свою левую ногу, потирает ее, встает.

— Ты, труп,— говорит Сет и идет вперед.

Но в эту самую минуту в Анубиса вонзается острое ножа Мадрака, протыкая шею сзади и проходя насквозь.

— Я не хотел зла,— говорит Мадрак,— так я честно оплачиваю свою вину. Собака совсем запутала меня. Я раскаиваюсь. Я дарю вам его жизнь.

— Ты глупец!— говорит Брамин.— Я хотел взять его в плен.

Мадрак начинает плакать.

Короткими струями кровь течет из Анубиса на пол шара.

Сет медленно опускает голову и потирает глаза.

— Что дальше?— спрашивает Брамин.

— ... да святится Имя Твое, если у тебя есть Имя и желание, чтобы его святили...— продолжает тянуть Мадрак.

Сет не отвечает, закрыв глаза и погрузившись в сон, который продлится много дней.

Фемина экс-машина

У нее большой живот, потому что она тяжела ребенком, и она лежит внутри машины. Стена комнатки отодвинута в сторону. Провода отпадают с ее головы и спины, разрывая ледяную логику, ячейки памяти, вождение сексокомпа, трубки для внутривенного питания. Она депрограммируется.

— Принц Гор...

— Мегра, отдыхай.

— Ты снял с меня заклятье.

— Кто сделал с тобой эту ужасную вещь?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Она всегда была дикаркой, Мегра. Мне очень жаль.

Он кладет на нее свою руку.

— Но почему она так поступила?

— Она сказала мне то, чего я не знала: что я тяжела ребенком Сета и что именно по этой причине...

— Сет!

И пальцы Гора впиваются в металлический стол и гнут его поверхность.

— Сет... Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет... А что ты чувствуешь по отношению к нему сейчас?

— Я ненавижу его.

— Этого вполне достаточно.

— Ему совершенно безразлична жизнь...

— Я знаю. Я не буду больше расспрашивать тебя о нем. Ты отправишься со мной в Дом Жизни, Мегра из Калгана, и останешься там навсегда.

— Гор, Гор, я боюсь, что мне придется рожать здесь. Я слишком слаба, чтобы отправиться в далекий путь, а мое время очень близко.

— Ну что ж, быть по сему. На некоторое время мы останемся на этом месте.

И она хватается обеими руками за живот и закрывает свои глаза кобальтового цвета. Свет машины заставляет щеки ее пылать алым румянцем.

Гор сидит рядом с ней.

Скоро она заплачется.

Свадьба между Раем и Адом

Цитадель Марачека, безлюдная, с людьми, опять безлюдная. Почему? Послушайте...

Сет твердо стоит на ногах и смотрит на чудовище, которое кидается на него.

Долгое время сражаются они там, во дворе Цитадели.

Затем Сет ломает ему позвоночник, чудовище лежит на земле и стонет.

Глаза его сверкают как солнце, и опять он поворачивается, собираясь идти туда, куда направляется с самого начала.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц Имя Которому Тысяча, опять открывает бутылку с мгновенно растущими чудовищами и берет оттуда еще одно семя.

Он кидает его в пыль, и еще одно чудовище вырастает под его рукой и кидается на Сета.

Глаза Сета, сверкающие сумасшествием, падают на это новое создание, и опять начинается сражение.

Стоя над трупом, Сет наклоняет голову и исчезает.

Но Тот следует за ним, кидая все новых и новых чудовищ, и духи Сета и чудовищ, с которыми он сражается, яростно проносятся в мраморной памяти, что была разрушенным и восстановленным Марачеком, самым древним городом.

И каждый раз, когда Сет уничтожает чудовище, он опять обращает взгляд в то пространство, в тот момент, когда он бился с Безымянным и уничтожил мир и где встает на дыбы и сверкает темная тень лошади его сына, и он пытается попасть в то пространство в тот момент, еще до аннигиляции планеты.

Но Тот следует за ним, отвлекая его чудовищами.

И все это потому, что Сет — это разрушение, и он уничтожит самого себя, если под рукой или в поле зрения, во времени или пространстве не окажется чего-нибудь другого. Но Принц мудр и понимает это. Вот почему он следует за своим отцом по этому темпоральному пути к алтарю аннигиляции, пробудившись из транса битвы с Тем Что Плачет в Ночи. Потому что Тот знает: если ему удастся отвлечь его достаточно долгое время, возникнут другие проблемы, которые потребуют внимания Сета. Ведь проблемы возникают всегда.

Но сейчас они двигаются сквозь время, заполняя, возможно, все время, начиная с этого момента: мудрый Принц и его враг — смертоносный отец-сын, всегда обходя стороной пропасть, которая называется Скагтанакской, сына, брата, внука.

Вот почему духи Сета и чудовищ, с которыми он сражается, яростно проносятся в мраморной памяти, что разрушенный и восстановленный Марачек — самый древний город.

Сон Ведьмы

Она спит в Доме Мертвых, в глубоком, темном, далеком склепе, и сознание ее — тающая и пропадающая снежинка. Но моторный цикл, который называется Временем, открывает картину прошлого, проносясь мимо, и там, в том самом зеркале, появляются битвы последних дней: мертвый? Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Брамина, Брамина — сумасшедшего и поэта. Вряд ли такой Лорд может подойти Ведьме Лоджии. Лучше не просыпаться. Спать целый век, а там видно будет. Здесь, среди пыльных мумий и выгоревших гобеленов, на самом дне погреба Дома Мертвых, где никто не имеет имен, и не ищет их, и не будет их искать, здесь: спать. Спать, и пусть Средние Миры продолжают заниматься своими делами, не ведая о Красной Леди, которая — Жажда, Жадность, Жестокость, Мудрость, Мать и Любовница изобретений и насильственной красоты.

Создания Света, Создания Тьмы танцуют на ноже гильотины, и Изида боится поэта. Создания Света и Создания Тьмы раскидывают по всей вселенной людей, машины и богов, и Изида в восторге от этого танца. Создания Света и Создания Тьмы рождаются в бесчисленных количествах и умирают в одно мгновение, могут опять ожить, могут не оживать, и Изиде это нравится.

Видя эти сны и страхи, служка прижимается к ней еще плотнее, маленький служка, который плачет в ночи.

Рев проносающегося времени становится постоянным, что тоже можно считать за форму тишины.

Ангел Дома Жизни

Они идут глубокой ночью, пешком. Их трое, и они проходят, не задумываясь о вере или ее отсутствии. Они проходят мимо мест развлечения для многих рас, доходя в конце концов до проспекта Оракулов, и идут по нему, проходя мимо астрологов, нумерологов, гадалок и предсказателей Ии-Чинг.

По мере их продвижения яркий свет меркнет, уступая место тусклому свету и естественной ночи. Чистое небо висит над их головами, и на нем сверкают звезды. Улица становится более узкой, здания наклоняются к ним, каналы заполнены отбросами, дети с ввалившимися глазами, не отрываясь, смотрят на них, почти невесомые в кругах рук своих матерей.

Они пробираются через помойку, идут по ней. И никто не осмеливается остановить этих троих. Физически можно почувствовать силу, от них исходящую, а та решительность, с которой идут они, тоже отличает их. Они идут легко и грациозно, и на них богатые одежды. Они идут там, где скребутся кошки и валяются разбитые бутылки, но когда на них смотришь, то кажется, что всего этого нет и в помине.

Вокруг них сверкают небеса, так свет мира, уничтоженного Сетом, наконец-то дошел до этой планеты, похожей на новую звезду в небе, и обливает ее цветом красным сквозь голубой.

Дует холодный ветер, но они не обращают на него внимания. Слово, обозначающее «сношаться» на девяноста четырех языках нацарапано на двери, но они не замечают его.

Только когда они подходят к полуразвалившейся ма-

шине, останавливаются перед неприличным рисунком на двери:

Первый. Это здесь.

Второй. Тогда давайте войдем.

Третий. Да.

Первый дотрагивается до двери тростью с серебряным набалдашником, и она распадается. Он входит, остальные следуют за ним. Они проходят по коридору, и он дотрагивается до еще одной двери. Она тоже открывается, и они вновь останавливаются.

Гор Ты!

Тот, чьи глаза сверкают зеленым в тени, кивает.

Зачем ты здесь?

Человек с железным кольцом. Сказать тебе, что твой отец мертв.

Гор. Кто ты?

Человек с железным кольцом. Ты знал меня как Железного Генерала. Я убил Озириса и сам был разбит на куски. Принц собрал меня, и я опять ношу человеческую плоть, по крайней мере сейчас. Я пришел, чтобы сообщить тебе эти новости и чтобы сказать тебе в лицо, что я убил его не ударом в спину, не хитростью, а в открытом и честном бою во время битвы.

Гор. Ты правдив. Среди всех остальных я всегда готов поверить твоему слову. И я не ищу удовлетворения, если это произошло в честной битве. А чем кончилась она?

Толстяк, весь в черном, один глаз которого — серое поворачивающееся колесо. Принц снова управляет Средними Мирами.

Брамин. А мы, его эмиссары, пришли просить тебя вернуться в Дом Жизни, чтобы ты мог править вместо своего отца, как Ангел этого Поста.

Гор. Понятно. А что с Сетом?

- Б р а м и н . Он исчез. Никто не знает куда.
- Г о р . Это уже лучше. Да, думаю, я вернусь.
- М а д р а к . *(падая на одно колено перед Мегрой из Кал-гана).* Что это за ребенок?
- Г о р . Мой сын.
- М а д р а к . Сын Гора. Ты уже дал ему имя?
- Г о р . Еще нет.
- М а д р а к . Поздравляю.
- Г е н е р а л . Да.
- Б р а м и н . Желаю счастья.
- Г о р . Спасибо.
- Б р а м и н . Я дарю ему подвеску Изида, которая обладает большой силой. Я знаю, она будет рада, что ее внуку сделан этот подарок.
- Г о р . Спасибо.
- Г е н е р а л . Я дарю ему кольцо, которое — часть моего тела, что служило мне верой и правдой. Когда это было необходимо, оно всегда напоминало мне о человечности.
- Г о р . Спасибо.
- М а д р а к . Теперь я должен идти, потому что я начинаю свое паломничество раскаяния. Я дарю ему свой посох, чтобы он мог утешиться, играя с ним. Ведь есть древнее поверье, согласно которому дерево помогает. Хотя я не знаю, почему.
- Г о р . Спасибо.
- М а д р а к . Хайль, Ангел Дома Жизни!
- Г о р . Доброго тебе пути, Мадрак.
- Мадрак уходит.
- Г е н е р а л . А мне надо идти вдохновлять одну революцию, которая здесь готовится. Пойду поищу свою лошадь. Хайль, Ангел Дома Жизни!
- Г о р . Доброй тебе революции, Генерал!
- Генерал уходит.

Б р а м и н . А я отправляюсь в Дом Мертвых, которым теперь управляю. Хайль, Ангел Дома Жизни! В один из дней Принц свяжется с тобой из Марачека. А Ангелы других Постов соберутся, чтобы воздать тебе почести.

Г о р . Доброй тебе поэзии и хорошего сумасшествия, Брамин!

Б р а м и н . Спасибо, и по-моему, сказано уже все, что требовалось.

Г о р . Да.

Брамин поднимает свою трость, и поэма, падая, сверкает на полу. Гор опускает глаза, чтобы прочитать ее, и когда он вновь их поднимает, зеленый человек уже исчез. Поэма растворяется в воздухе, и Ангел Дома Жизни знает, что все в ней правда, но тут же забывает слова, как и должно быть.

Остров мертвых



Глава I

Жизнь — прошу простить за маленькое философское отступление, прежде чем станет ясно, что за историю я собираюсь рассказать,— иногда напоминает мне берег Токийского залива.

Конечно, не одно столетие прошло с тех пор, как я в последний раз видел залив, поэтому сейчас, быть может, я не совсем в курсе, но, как мне рассказывали, изменилось не так уж много, если не говорить о кондомах.

Я помню огромное пространство грязной воды — у горизонта вода была более чистая, наверное, и более яркая,— помню, как она воняла и хлюпала, холодная, и, словно время, приносила и уносила разные предметы. Каждый день волны Токийского залива выбрасывали на берег какую-нибудь вещь. Что ни назови — вода рано или поздно выбросит на песок: мертвеца, раковину, белую как алебастр или розовую, будто тыковка, с завитым в левую сторону спиральным рогом, невинным, как у единорога, бутылку с запиской или без, если с запиской, то ее или можно прочесть, или нельзя, человеческий зародыш, кусок отполированного водой дерева с дыркой от гвоздя — возможно, остаток Того Самого Креста, кто знает?— и белую гальку, и темную гальку, рыбешку, пустые лодки, куски каната, кораллы, водоросли — словом, «не счесть жемчужин...» и так далее. Вы оставляете лежать вынесенную морем вещь, где она лежала, и вскоре вода забирает ее обратно. Вот как все происходит. Ах да, в те времена в заливе было полно использованных кондомов, желеобразных, почти прозрачных свидетельств неумирающего инстинкта к продолжению рода, «но не сейчас, а в следующую

щий раз». Иногда их украшал залихватский рисунок или надпись, а иногда на одном конце имелось перо. Говорят, что теперь они уже исчезли, подобно клепсидам и одежным крючкам, их изничтожили противозачаточные пилюли. Молочные железы так же неизменно увеличиваются в объеме, так кто там недоволен? Иногда я ходил вдоль берега ранним солнечным утром, знобкий бриз помогал мне преодолеть последствия отдыха и восстанавливающего лечения после впечатлений небольшой и строго локальной войны в Азии, где я потерял младшего брата, так вот, иногда я слышал крики птиц, хотя никаких птиц видно не было. Это придавало сцене привкус таинственности, и сравнение становилось неизбежным: жизнь — это что-то такое, что очень напоминает мне берег Токийского залива. Все в движении. Странные и невероятные предметы выбрасывает на берег волна. Один из таких предметов — это вы, другой — это я. Некоторое время мы остаемся на берегу, возможно, бок о бок, а потом хлюпающая, воняющая, вызывающая знобкую дрожь волна холодными пальцами прогребает песок, и какие-то предметы снова исчезают. Таинственные крики птиц — это как бы символ неведомого человеческого будущего, открытый конец жизни. Голоса богов? Возможно. И, наконец, последний штрих к сравнению, прежде чем мы покинем эту часть: во-первых, некоторые исчезнувшие предметы, как мне кажется, могут по воле случая и капризного течения снова вернуться на покинутые берега. Мне такого наблюдать не приходилось, но, видимо, я был недостаточно терпелив. И кроме того, кто-то мог бы прийти на берег, подобрать какой-нибудь предмет и унести с собой.

Когда я понял, что первое из названных выше явлений все-таки возможно, меня стошнило. Я уже три дня как пил и наслаждался ароматами одного экзотического растения. Потом я выставил своих гостей. Шок — отличное отрезвляющее средство, хотя я знал, что явление второго рода, когда подбирают и уносят предмет с берега залива, может иногда случиться, как это уже произошло со мной. Но я и представить не мог, что когда-нибудь столкнусь наяву с происшествием вида первого. Поэтому я проглотил таблетку, за три часа гарантировавшую сделать меня прозрачнее стеклышка, добавил для верности сауну и вытянулся на кровати, пока все мои слуги, механические и немеханические, занимались уборкой дома. Затем меня начала бить дрожь. Я боялся.

Вообще-то я трус.

Да, существует множество вещей, которые меня пугают, и все они из разряда явлений, над которыми у меня нет никакого — или очень маленький, если есть, — контроля. Как, например, над Большим Деревом.

Я приподнялся на локте, взял с ночного столика пакет и в который раз принялся рассматривать содержимое.

Ошибки быть не могло, особенно если такая вот штука адресована лично мне.

Я получил это заказное письмо, сунул его в карман куртки и распечатал на досуге.

Понял, что это уже шестое послание, и мне стало плохо, тогда решил, что пора кончать.

В пакете лежала любопытная объемная фотография Кати в белом платье. Снимок был сделан в прошлом месяце, как указывала отметка.

Кати была моей первой женой, единственной, наверное, женщиной, которую я когда-либо любил, и она умерла пятьсот лет тому назад. Подробнее я расскажу об этом позже.

Я внимательно рассмотрел снимок. Шестая фотография подобного рода за последние месяцы. Снимки разных людей, и все они были мертвы уже многие столетия.

За спиной Кати на снимке были только скалы и голубое небо.

Такой снимок можно было сделать где угодно, имелись бы скалы да голубое небо. Снимок мог быть и подделкой, есть люди, которые могут подделать все, что угодно.

Но кто мог послать его мне и зачем? Кто столько знал, чтобы это сделать? В пакете не было никакого письма, только снимок — так же как и в предыдущих: снимки моих друзей, снимки моих врагов.

И вот почему я опять вспомнил о Токийском заливе. И еще об Апокалипсисе.

Я накрылся одеялом с головой и лежал в искусственных сумерках посреди полудня. Ведь мне было так хорошо все эти годы. И вот рана, давно затянувшаяся, снова прорвалась и начала кровоточить.

Если существовал хотя бы один шанс из миллиона, что в руках у меня не подделка...

Я отложил пакет в сторону. Потом забылся и, проснувшись, не мог вспомнить, какой кошмар заставил меня покрыться потом. И к лучшему, так я думаю.

Проснувшись, я принял душ, надел все чистое, наспех поел и, захватив полный кофейник, отправился в кабинет. Я привык называть кабинет конторой — в те времена, ког-

да я в нем еще работал. Но где-то лет тридцать пять тому назад привычка исчезла. Я перевернул всю рассортированную корреспонденцию за последние месяцы и среди просьб помочь деньгами от неких странных благотворительных учреждений и не менее странных личностей, намекавших на использование бомб, если я не внемлю, четырех приглашений прочесть лекцию, одного письма с предложением работы, которая несколько лет тому назад могла бы быть интересной, кипы журналов и газет, письма от внезапно появившегося наследника, какого-то моего горячо нелюбимого родственника со стороны жены, третьей, с предложением встретиться с ним у меня дома, трех настойчивых просьб любителей искусства, ищущих покровителя, тридцати одной повестки, извещающих о том, что против меня возбуждено уголовное дело, и писем моих адвокатов, сообщающих, что тридцать одно начатое против меня дело было прекращено. Среди этого я, наконец, нашел те письма, которые искал.

Первым было письмо от Марлинга с Мегапен.

В общих чертах в нем говорилось следующее:

«Сын Земли, приветствую тебя всеми двадцатью семью именами, что еще существуют, в надежде, что ты успел погрузить не одну пригоршню жемчужин во мрак и придал им сияние всех цветов жизни.

Боюсь, что время жизни совсем древнего и темно-зеленого тела, которое я имею честь носить, близится к концу и истечет полностью в начале следующего года. Уже давно сии пожелтелые и близорукие глаза не видели моего чужеземного сына. Пусть до начала пятого периода он посетит меня, потому что все мои тревоги явятся тогда ко мне, а его рука на моем плече облегчит ношу».

Следующее сообщение было от «Компании по бурению глубоких скважин» — вывески, под которой, как всем известно, скрывается авангардное отделение Центрального Бюро Безопасности Земли. Компания интересовалась, не хочу ли я приобрести уже бывшее в употреблении, но все еще очень хорошее горное оборудование, находящееся в местах столь отдаленных, что транспортировка его для нынешних владельцев не представляется выгодной.

На самом деле в этом послании кодом, которому я был обучен во времена, когда выполнял одну работу по контракту с федеральным правительством Земли, сообщалось вот что:

«В чем дело? Верны ли вы по-прежнему родной планете? Вот уже двадцать лет мы просим вас вернуться на Землю для консультации по делу жизненной важности для Земли. Вы последовательно игнорируете просьбы. Настоящим удостоверяется необходимость вашего немедленного прибытия по делу чрезвычайной важности. Верим в вашу лояльность и т. д.»

Третье письмо было написано по-английски:

«Я не хочу беспокоить тебя и напоминать о каких-то давно ушедших в прошлое узах, нас соединявших, но ты единственный человек, который может мне помочь. У меня очень большие неприятности. Если у тебя будет возможность, загляни в ближайшем будущем на Альдебаран-5. Адрес тот же, хотя декорации несколько изменились. Искренне твоя Рут».

Три воззвания к человечности Френка Сандау. Какое отношение имеет, если имеет, хотя бы одно из них к снимку в моей куртке в левом кармане?

Веселая пирушка, которую я устраивал у себя, была своего рода прощальным ужином. В данный момент все гости покинули мою планету и находились на пути к родным мирам. Когда я устраивал эту пирушку, чтобы наиболее веселым и эффектным способом отделаться от гостей, я знал, куда потом отправлюсь сам. Но снимок Кати заставил меня изменить планы.

Все три моих адресата знали Кати. Знали, чем и кем она была для меня. Рут в свое время могла заполучить снимок Кати, который теперь мог использовать ловкий монтажер. Марлинг запросто мог сотворить такую штуку тоже. Бюро Безопасности имело достаточно обширные архивы и лаборатории, в которых ничего не стоило подделать снимок. Но все это с таким же успехом могли быть мои пустые домыслы. Странно, что в пакете не было никакой записки. Ведь этот кто-то должен что-то хотеть от меня получить?

Просьбу Марлинга нужно будет уважить, иначе я никогда больше не смогу уважать себя. Но до пятого периода в северном полушарии Мегапеи еще далеко — почти целый год. Следовательно, по дороге можно будет сделать несколько останков.

Какие и где?

Бюро Безопасности не имело никакого права требовать

от меня услуги, и подданным Земли я тоже не был. Конечно, я всегда был готов помочь родной планете всеми силами, но дело было не столь уж жизненной важности, если тянулось двадцать лет. В конце концов Земля, насколько я знаю, по-прежнему существовала и функционировала так же, как и всегда, то есть плоховато. И если я им был до такой степени необходим, как они уверяли во всех письмах, они могли бы уже кого-нибудь прислать встретиться со мной.

Оставалась Рут.

Рут — это было совсем другое дело. Мы прожили почти год вместе, пока не поняли, что просто мучаем друг друга и ничего путного у нас не выйдет. Мы расстались друзьями. Рут значила для меня немало. Хотя я был удивлен, что она все еще жива. Но если ей нужна моя помощь, я сделаю все, что смогу.

Значит, так и сделаем. Я отправлюсь к Рут, быстро вытяну ее из переплета любого рода, потом проследую на Мегапёю. И где-то в пути я могу напасть на след, получить хоть какой-нибудь намек относительно того, кто, когда и зачем и каким образом присылал мне снимки. Если же я ничего не узнаю, то отправлюсь на Землю и свяжусь с ЦДРЗ. Предложу им услугу за услугу.

Я курил и потягивал кофе. Потом, впервые за пять лет, я вызвал порт и приказал готовить «Модель-Т» к отправлению в дальний путь. «Модель-Т» — это мой подпространственный джампер. Приготовления займут весь вечер и ночь, а на рассвете я смогу стартовать к Рут. Затем я справился у моего Автоматического Секретаря и Архивариуса Секара относительно нынешнего владельца «Модели-Т». Секар объяснил, что зовут его Лоуренс Дж. Коппер. Родом он с Лошира. Дж. означало «Джон».

Я велел приготовить необходимые бумаги, которые через несколько секунд мягко стукнули о подбитое бархатом дно приемной корзинки. Я изучил внешность Коппера, потом призвал моего парикмахера на колесах, и он перекрасил мои волосы — я стал блондином, осветлил мой загар, добавил пару морщинок и несколько веснушек, в три раза усилил оттенок глаз и наложил новые папиллярные линии на подушечки пальцев.

Я в свое время заготовил целый список несуществующих людей, с полностью составленными и вполне надежными, если вы вдалеке от «родной планеты», биографиями. Все эти люди поочередно приобретали и продавали «Модель-Т» друг другу, и таким образом они будут посту-

пать и в будущем. У них много общего: все они примерно пяти футов ростом и весом около ста шестидесяти фунтов. В любого из них я могу легко превратиться с помощью минимума грима и небольшого напряжения памяти, чтобы запомнить необходимые факты. Потому что во время путешествий я не переношу регистрировать судно на имя Фрэнсиса Сандау, Планета Вольная, или, как ее еще называют, планета Сандау. Хотя я всегда готов на жертвы, но вот вам маленькое неудобство, от которого никуда не денешься, если ты один из ста самых богатых людей в Галактике. (Кажется, мой номер 87 в настоящий момент, в крайнем случае, наверняка или 88, или 86.)

Кому-то постоянно что-то от меня требуется, как правило, это или деньги, или кровь. Ни то, ни другое я не склонен тратить попусту. Я человек ленивый и тревожный, и деньги, и кровь мне нужны самому. Честолюбие у меня отсутствует, иначе я постарался бы стать 85 самым богатым человеком в Галактике, потом 84 и так далее. Отсутствие честолюбия мало меня беспокоило. Может, только поначалу, и то не очень сильно, потом новизна чувства притупилась. После первого миллиарда у вас возникает философское отношение к деньгам. Я долго мучился мыслью, что наверняка финансирую множество черных дел, даже не подозревая об этом. Потом я придумал Большое Дерево и решил — катись оно все к черту.

Большое Дерево старо, как общество, потому что это оно и есть. Общая сумма всех листьев и листиков на его ветвях, ветках и сучках представляет собой общую сумму всех существующих денег. На каждом листе написаны имена. Некоторые листья опадают, появляются новые, и через два-три сезона все имена меняются, и все начинается снова. Но дерево остается практически тем же самым, оно только успевает еще больше вырасти, и свои жизненные функции оно исполняет тем же старым способом. Было время, когда я думал отсечь все гнилые ветки на Большом Дереве. Оказалось, что едва я успевал отсечь одну ветку, как начинала гнить новая, а ведь мне приходилось делать перерывы для отдыха. Проклятье, в наше время даже деньги нельзя потратить по-человечески, и Дерево — не карликовое растение в горшке, оно не сгибается и не растет в указанном направлении. Ну и пусть себе растет, как ему нравится, и мое имя тоже останется на некоторых листьях, не желтых, увядающих, а зеленых и свежих, и я доставляю себе маленькое удовольствие пры-

гать по его ветвям под именем, какого на листьях не отмечено. Вот и все, что касается меня и Большого Дерева. История же о том, каким образом в моем распоряжении оказалось столько зелени, может навести на еще более забавную, более сложную и менее растительную метафору. Но об этом позже. На сегодня достаточно, и вообще, вспомните, что случилось с бедным Джоном Донном: он перестал считать себя островом. Где он теперь? На дне Токийского залива. А я каким был — таким и остался, нисколько не уменьшился.

Я начал вводить в Секара инструкции по поводу того, что должна и не должна делать прислуга во время моего отсутствия. После множества перезаписей и мучительного напряжения мыслей я, наконец, упомянул все, что следовало. Просмотрев завещание, я решил ничего не менять. Я переложил некоторые бумаги в бокс деструктора и оставил приказ активизировать устройство в таком-то случае. Я послал уведомление одному из моих представителей на Альдебаране-5, гласящее, что если человеку по имени Лоуренс Дж. Коппер случится быть проездом в тех местах и если ему что-то потребуется, то он должен будет это получить. Я не забыл упомянуть и секретный аварийный код — на тот случай, если мне придется доказывать, что я — это я. Потом я обнаружил, что миновало почти четыре часа и мне хочется есть.

— Сколько осталось до заката, округляя до минуты? — спросил я Секара.

— Сорок три минуты, — ответил голос среднего рода сквозь открытый динамик.

— Я буду обедать на Восточной террасе через тридцать три минуты, — сказал я, сверяясь с хронометром. — На обед желаю отведать омара с картофелем по-французски и капустным салатом, ватрушек, полбутылки нашего собственного шампанского, кофе, лимонный шербет, самого выдержанного коньяку из запасов в погребе и две сигары. Спросите у Мартина Бремена, не окажет ли он честь лично подавать мне?

— Понимаю, сэр. А салата не надо?

— Не надо.

Затем я отправился обратно в свои апартаменты сунуть кое-какие вещи в сумку и начал переодеваться. Я задействовал тамошний вывод Секара и, ощущая холодок на шее и пустоту в желудке, отдал приказ, давно уже подготовленный, который я все откладывал и который необходимо было наконец привести в действие.

— Ровно через два часа одиннадцать минут, — произнес я, сверяясь с хронометром, — позвони Лизе и спроси, не захочет ли она выпить со мной на Западной террасе. Приготовь для нее два чека, каждый по пятьсот тысяч долларов. Подготовь также копию рекомендации по форме «А». Доставь названные предметы сюда в отдельных, незапечатанных конвертах.

— Понял, сэр, — последовал ответ, и, пока я вкладывал запонки в манжеты, названные документы скользнули в корзинку приемника на туалетном столике.

Я проверил содержимое каждого конверта, запечатал их, положил во внутренний карман пиджака и отправился на Восточную террасу.

Солнце снаружи уже превратилось в янтарного гиганта. Оно как раз попало в тенета тонких перистых облачков, менее чем в минуту истаявших и уплывших прочь. Купол неба над головой закрывали стада пылающих золотом, желтизной и багрянцем туч. Солнце спускалось на отдых по безжалостной голубой дороге прямо между двух пиков-близнецов, Урима и Тумима, которые я поместил в том месте, чтобы указать ему путь и приютить на ночь. В последние мгновения его радужная кровь расплещется по туманным склонам пиков.

Я сел за стол под вязом. Установленный наверху силовой проектор немедленно пришел в действие, лишь только я коснулся сиденья стула, удерживая своим невидимым конусом сухие листья, насекомых, птичий помет и прочий мусор от попадания на стол. Спустя несколько мгновений показался Мартин Бремен, толкая перед собой тележку с крышкой.

— Добрый вечер, сир.

— Добрый вечер, Мартин. Как дела?

— Фросто замечательно, мистер Сандау. А как фы?

— Я уезжаю.

— О?!

Он расставил тарелки, разложил приборы, поднял крышку тележки и начал подавать.

— Да, — заметил я. — Возможно, что надолго.

Я продегустировал шампанское и одобрительно крякнул.

— Поэтому я хочу, прежде чем уеду, сказать тебе кое-что, что ты, наверное, и так знаешь. Да, так вот, ты готовишь самые лучшие блюда из всех, что я когда-либо пробова...

— Плахотарю вас, мистер Сандау, — его от природы

красноватое лицо потемнело в два раза, и он погасил улыбку, скромно опустив глаза.— Очень пыл рат рапотать с вами.

— Поэтому, если ты не возражаешь против годового отпуска с полной оплатой плюс дополнительный фонд на испытание новых рецептов, если такие интересы возникнут, то я вызову контору Бурсара и все с ним улажу.

— Кохда уезшаете, сир?

— Завтра рано утром.

— Понимаю, сир. Плахотарю фас. Ошень приятное претложение.

— Наверное, забавно готовить блюда, которые даже не можешь попробовать?

— О нет, сир,— запротестовал он.— На пробователи можно полностью положиться. Часто тумал я, какой фкус у того, что я готовил, но это как у химика — он не фсехда шелает знать, какие на фкус его химикалии. Вы понимаете, что я хочу сказать, сир?

В одной руке он держал корзиночку с ватрушками, в другой сжимал ручку кофейника, еще одной рукой подавал блюдо с капустным салатом, а последней рукой опирался на тележку. Сам он был ригелианец, имя его звучало примерно так: Ммммирт'ы Бооон. В Галактике нет лучших поваров, чем ригелианцы, если только снабдить их соответствующими приставками-пробователями. К славе они относятся довольно спокойно. Подобные беседы мы с ним вели уже не раз, и он знает, что я просто шучу, когда пытаюсь заставить его признать, что человеческая пища наводит его на мысли об отходах — производственных и органических. Очевидно, профессиональная этика воспрещает ему подобные признания. Обычно он спокойно отражает мои выпады. Лишь иногда, если ему уж очень досаждают избыток лимонного сока, грейпфрутового или апельсинового, он признается, что готовить еду для гомо сапиенс считается низшим уровнем, до какого может опуститься ригелианец. Я стараюсь от него не отстать, потому что люблю его и то, как он готовит, а раздобыть повара ригелианца очень трудно, независимо от суммы, которую вы можете предложить.

— Мартин, если что-нибудь случится со мной в отъезде, я хочу, чтобы ты знал — о тебе я сделал специальное упоминание в завещании.

— Я... я не знаю, что сказать, сир.

— Тогда ничего не говори. Но я надеюсь вернуться.

Мартин был одним из немногих людей, которым я мог

бы с полной безопасностью говорить подобные вещи. Во всяком случае, он служит у меня тридцать два года и давно заработал хорошую пожизненную пенсию. Готовить еду было его бесстрастной страстью, и по непонятной причине он, кажется, неплохо ко мне относился. Он недурно зажил бы, помри я вдруг на месте, но не настолько уже хорошо, чтобы подбавлять мне в салат муританского яду от бабочек.

— Взгляни-ка только на этот закат!— першел я на другую тему.

Он смотрел минуты две, потом заметил:

— Хорошо вы их подрумянили, сир.

— Благодарю за комплимент. Можешь оставить коньяк и сигары и быть свободным. Я посижу еще немного.

Он оставил коньяк и сигары на обеденном столе, выпрямился во все свои восемь футов, отвесил поклон и произнес:

— Щасливого пути, сир, и спокойной ночи.

— Приятных снов.

— Плахотарю фас,— и он заскользил прочь в сумерки.

Когда подул прохладный ночной бриз и соловьеголосые лягушки затянули вдалеке баховскую кантату, моя оранжевая луна, Флорида, взошла точно в том месте, куда опустилось солнце. Ночецветущие розоодуванчики испускали в индиговый воздух вечера свой аромат, звезды рассыпались по небу, как алюминиевое конфетти, рубиново светящаяся свеча затрещала на столе, омар был словно масло и таял на языке, шампанское было ледяным, как сердцевина айсберга. Меня охватила некоторая грусть и желание сказать всему вокруг: «Я вернусь!»

Итак, я покончил с омаром, с шампанским, с шербе-том, и прежде, чем плеснуть себе глоток коньяку, я зажег сигару, что, как мне говорили, признак дурного тона. В качестве извинения я произнес тост за все, что видят мои глаза, и налил себе чашечку кофе.

Завершив ужин, я поднялся и обошел сложное и объемное строение, которое я называю домом. Я двигался к бару на Западной террасе. Там я опустился на табурет, поставив перед собой рюмку с коньяком, и зажег вторую сигару. Потом в проходе появилась она. На Лизе было что-то шелковистое, голубой шарф, пенящийся вокруг нее в свете фонарей террасы, все такое искрящееся и воздушное. Она надела высокий воротник с бриллиантами и белые перчатки. Лиза была пепельная блондинка, губы бледно-розовые, сложенные таким образом, что между ними появлялась ды-

рочка. Головка слегка склонена набок, один глаз закрыт, второй прищурен.

— Приятная встреча под луной,— проворковала она, и дырочка между губами перелилась в улыбку, влажную и неожиданную. Я все рассчитал правильно, и именно в этот момент вторая луна, чисто белая, взошла над западным горизонтом. Голос Лизы напоминал мне пластинку, которую заело на ноте «до». Пластинку теперь никогда не заедает, но я помню другие времена. Больше никто не помнит.

— Привет,— сказал я.— Что будешь пить?

— Шотландское виски с содовой,— заказала она, как всегда.— Какая ночь!

Я взглянул в ее голубые глаза и улыбнулся.

— Да,— я выбил заказ, и появился бокал.— Действительно.

— А ты изменился. Повеселел.

— Да.

— Полагаю, что ты не задумал ничего недоброго, правда?

— Возможно,— я подтолкнул в ее сторону бокал.— Сколько получается? Пять месяцев?

— Немножко больше.

— Твой контракт на год.

— Да, на год.

Я передал ей конверт:

— Я расторгаю контракт.

— Что ты хочешь этим сказать?— Ее улыбка замерла и исчезла.

— Как всегда, то, что говорю.

— Ты хочешь сказать, что я свободна?

— Боюсь, что так. Здесь соответствующая сумма, чтобы заглушить твою тревогу,— я передал ей второй конверт.

— Я подожду.

— Нет.

— Тогда я поеду с тобой.

— Даже если существует опасность погибнуть вместе со мной? Если до того дойдет?

Я надеялся, что она скажет «да». Но все-таки, как мне кажется, я действительно немного знаю людей. Поэтому запасаясь рекомендациями по форме «А».

— В наше время все возможно,— добавил я. — Иногда человек вроде меня должен идти на риск.

— Ты дашь мне рекомендацию?

— Вот она.

Она сделала глоток из бокала:

— Хорошо.

Я отдал ей конверт.

— Ты меня ненавидишь?— спросила она.

— Нет.

— Почему?

— А с чего мне тебя ненавидеть?

— Потому что я слабая и берегу свою жизнь.

— То же самое делаю я, хотя не всегда уверен в гарантиях.

— Поэтому я принимаю отставку.

— Поэтому я все приготовил.

— Ты думаешь, что все знаешь, так?

— Нет.

— Что мы делаем сегодня вечером?— поинтересовалась она, приканчивая бокал.

— Я же сказал, что мне не все известно.

— Но кое-что известно мне. Ты хорошо ко мне относился.

— Спасибо.

— Я не хотела бы расставаться.

— Но я тебя напугал?

— Да.

— Очень?

— Очень.

Я допил свой коньяк, пыхнул сигарой, рассматривая Флориду и вторую белую луну под названием Биллиардный Шар.

— Но сегодня,— промолвила она, беря меня за руку,— ты забудешь про ненависть.

Она не распечатала конвертов и потягивала вторую порцию виски, также рассматривая Флориду и Бильярдный Шар.

— Когда ты улетаешь?

— Завтра, едва забрезжит утро.

— Боже, ты стал поэтом.

— Нет, я стал тем, чем есть.

— Это я и говорю.

— Не думаю, но приятно было провести время в вашем обществе.

— Становится прохладно,— она допила виски.

— Да.

— Нужно согреться.

— И я не прочь.

Я выкинул сигару, мы поднялись, и она поцеловала

меня. Я обвил рукой ее голубую искрящуюся талию, и мы покинули бар. Пройдя под аркой, мы вернулись в дом, который вскоре должны были покинуть.

Очевидно, состояние, которое я приобрел на пути к себе настоящему, сделало меня тем, чем я стал, то есть в некотором роде параноиком. Но нет. Это слишком просто.

Таким образом я легко бы мог объяснить приступы малодушия, посещающие меня всякий раз, когда я покидаю Вольную. После чего можно повернуть на сто восемьдесят градусов и сказать, что это совсем не паранойя, так как действительно имеются люди, жаждущие добраться до моей глотки. И поэтому я один вместе с моей планетой могу противостоять любому правительству или отдельному лицу, если они пожелают до меня добраться. Им придется убить меня, а это весьма дорогостоящее предприятие, так как повлечет разрушение целой планеты. И даже на этот крайний случай у меня приготовлен запасной выход — правда, его не приходилось пока испытывать в рабочих условиях.

Нет, настоящая причина беспокойства не в мании преследования, а в обычном страхе перед смертью и небытием, что присуще всем людям, но в данном случае усилено в несколько раз. Хотя однажды я все-таки приподнял завесу за краешек и что это было — объяснить не могу. Но оставим этот предмет. Сейчас во всей обитаемой Вселенной только я да несколько секвой остались живым анахронизмом двадцатого века в нынешнем тридцать втором. Но, обладая бесстрастной пассивностью этих представителей растительного царства, я на собственном опыте убедился, что, чем дольше живешь, тем сильнее тебя охватывает чувство смертности всего живого. Следовательно, стремление выжить, занятие, о котором я раньше рассуждал только в терминах теории Дарвина и относил к развлечениям низших видов, становится основной заботой. А джунгли теперь стали значительно сложнее, чем во времена моей молодости. Теперь у нас полторы тысячи обитаемых миров, на каждом — собственные способы лишить человека жизни, чрезвычайно легко экспортируемые в эпоху, когда путешествие между небесными мирами на требует времени вообще. Добавьте к этому семнадцать внепланетных разумных рас, четыре из них, как мне кажется, превосходят людей в умственном отношении, а семь или восемь — также дураки, как и люди, и у них тоже свои способы лишать разумное существо жизни, мириады обслуживаю-

ших нас машин, ставшие такими же привычными, как автомобиль в мою молодость,— и они по-своему способны убивать людей, плюс новые болезни, новые виды оружия, новые яды и новые хищные животные, новые предметы ненависти, жадности, похоти и прочих пагубных привычек — и они тоже могут убивать. Потом есть еще множество, превеликое множество мест, где ничего не стоит потерять драгоценную жизнь. Я видел и сталкивался с множеством образцов этого нового богатства в силу моего несколько необычного занятия, и только двадцать шесть других людей во всей Галактике могут знать о них больше, чем знаю я.

Поэтому мне страшно, хотя никто не стреляет в меня сейчас, как тогда, за две недели до моего прибытия в Японию, куда меня направили на отдых и лечение, и где я увидел Токийский залив. Когда же это было? Да, двенадцать веков назад. Недолгий срок. Всего лишь жизнь.

Я улетел в самый темный предрассветный час, ни с кем не прощаясь. Правда, я помахал рукой неясной фигуре в контрольной башне, и фигура помахала мне в ответ, когда, припарковав свой багги, я пересекал взлетное поле. Но для него я тоже был только смутным силуэтом. Я нашел док, где припала к плитам покрытия «Модель-Т», поднялся на борт, уложил вещи и посвятил полчаса проверке бортовых систем, затем вышел наружу, чтобы осмотреть фазоизлучатели. И закурил мятную сигарету.

Небо на востоке пожелтело. Из-за далеких гор на западе докатился раскат грома. По небу ползло несколько тучек, и звезды все еще цеплялись за выцветшее ночное небо. Теперь они больше походили на капли росы, чем на конфетти.

«Нет,— подумал я,— сегодня этого не случится».

Запели птицы. Откуда-то появился серый кот, потерся о мою ногу и удалился в сторону птичьих голосов.

Бриз сменил направление, теперь он дул с юга, просачиваясь сквозь шелестящий фильтр леса на дальнем конце поля. Ветер нес утренние запахи влажной земли и живой листвы.

Когда я в последний раз затянулся сигаретой, небо уже порозовело. Большая голубая птица села на мое плечо. Я погладил ее хохолок и отправил своей дорогой.

Я шагнул к кораблю...

Носок ботинка зацепился за торчащий из плиты болт,

и я едва не упал. Но успел ухватиться за распорку. И все-таки я упал на одно колено. И не успел подняться, как маленький черный медведь уже лизал мне лицо. Я почесал его за ухом, погладил по голове, потом хлопнул по огузку и встал на ноги. Медведь повернулся и направился в лес.

Я попытался сделать еще один шаг, но тут оказалось, что мой рукав зацепился в том месте, где распорка пересекалась со стойкой.

Пока я освобождал рукав, на плечо мое села еще одна птица и целая стая неслась из леса. Сквозь их крики я услышал новый раскат грома.

Все-таки это началось. Я как угорелый бросился к кораблю, едва не споткнувшись о зеленую крольчиху, сидевшую на задних лапках у люка и следившую за мной розовыми близорукими глазами. По плитам люка ко мне заскользила стеклянная змейка, прозрачная и сверкающая.

Я забыл пригнуться, стукнулся головой о верхний край люка и отшатнулся. За лодыжку меня схватила русошерстая обезьянка, подмигивая мне голубым глазом.

Похлопав ее по макушке, я высвободился. Обезьянка оказалась сильнее, чем я предполагал.

Я проскочил в люк, но крышку заело.

К тому времени, когда я наладил крышку, пурпурные попугаи выкрикивали мое имя и стеклянная змейка пыталась пробраться на борт.

Тогда я нашел электроввод и воспользовался им.

— Ну ладно, черт вас побери!— прокричал я.— Я улетаю! До встречи! Я вернусь!

Засверкала молния, грянул гром, в горах начиналась гроза, и она двигалась в мою сторону. Я освободил крышку люка.

— Уходите с поля!— крикнул я и захлопнул крышку.

Я задраил ее намертво, плюхнулся в кресло управления и задействовал все системы.

На экране я увидел, как уходят звери. Через поле протянулись клочья тумана и первые капли ливня застучали по корпусу.

Я поднял корабль, началась гроза.

Я миновал ее, вышел из атмосферы и лег на нужную орбиту, чтобы установить курс.

И так вот каждый раз, когда я покидаю Вольную, а покидать ее я стараюсь незаметно, без прощания. Но у меня ничего не выходит.

Как бы то ни было, а приятно чувствовать, что тебя где-то ждут.

В соответствующий момент я покинул орбиту и начал удаляться от Вольной. Несколько часов подряд меня мутило и руки ходили ходуном. Я выкурил слишком много сигарет, и во рту пересохло. Там, на Вольной, я отвечал за целый мир и целый мир хранил меня. Теперь я сам выходил на большую арену. На какой-то миг я и в самом деле решил вернуться домой.

Потом я вспомнил о Кати и Марлинге, о Рут и Нике — давно умершем карлике, и о брате Чаке, и, ненавидя самого себя, продолжал приближаться к точке фазоперехода.

Это случилось внезапно, едва только я вошел в фазу и корабль переключился на автопилот.

Я начал хохотать, и чувство пренебрежения опасностью охватило меня, совсем как в старые времена.

Ну и что, если я погибну? Для чего необычайно важного я живу? Развлекаться с наемной куртизанкой? Черта с два! Рано или поздно все мы попадем в Токийский залив, не исключая меня самого, — это я прекрасно понимаю. Пусть лучше костлявая старуха настигнет меня на пути к чему-то хоть в малой доле благородному. Это лучше, чем, подобно цветку в кадке, дожидаться, пока кто-то не вычислит способ прикончить меня в собственной постели.

И тут на меня нашло...

Я затанул старую литанию, написанную на языке более древнем, чем человечество. Впервые за многие годы я пел ее, потому что впервые за многие годы чувствовал себя к этому готовым.

Казалось, свет в кабине померк, хотя я знал, что светильники горят, как всегда, ярко. Казалось, что указатели приборов на панели управления уплыли вдаль и превратились в горящие глаза ночных хищников, следящих за мной из темноты леса. Мой голос теперь, казалось, уже не принадлежал мне и звучал как голос другого человека, сидящего передо мной. И в своем сознании я последовал за ним.

Потом к пению присоединились другие голоса. Мой голос вскоре исчез, но остальные продолжали звучать, слабые, высокие, замирающие, будто несомые бесплотным ветром. Они едва доносились до меня, почти никуда не звали. И вокруг были еще голоса, и не приближаясь и не удаляясь, где-то впереди брезжило слабое зарево, как закат в пасмурный день. Я понимал, что все это мне только

снится и что я могу проснуться, если захочу. Но я не хотел. Я двинулся на запад.

Через некоторое время я оказался на гребне утеса и дальше идти не мог. Надо мной было бесцветное, как в сером сне, небо, передо мной была вода, водное пространство, и я не мог его пересечь. Вода тоже была бесцветной, но иногда вдруг вспыхивала искрами, туманные видения то появлялись, то исчезали над волнами, и вдали от места, где я стоял, наполовину вытянув одну руку, там, где скала вздыбилась на скалу рядами промозглых террас, в окружении гранитных бастионов, где окутанные туманом башни указывали острыми пальцами в небо, в сердце айсберга из полированного эбена, я узрел источник пения — и холод тронул мне шею, и волосы, наверное, встали дыбом.

Я видел тени мертвых, то плывущие, как клочья тумана, то стоящие неподвижно, наполовину скрытые скалами. И я знал, что это мертвые, потому что среди них я видел карлика Ника, и телепата Майка Шендона, того, что едва не поверг во прах мою империю и которого я прикончил собственными руками, и там же был мой старый враг Данго Нож. И Коткор Боджис, человек с мозгом компьютера, и леди Карли с Алгола, которую я любил и ненавидел.

И тогда я воззвал к тому, к чему еще надеялся воззвать.

Грянул гром, и небо осветилось и стало ярким, как озеро лазурной ртути. Я увидел на мгновение, как она стоит там, за пределом вод в сердце темного острова — я увидел Кати, всю в белом, и наши глаза встретились, и она произнесла мое имя, но ничего больше, потому что снова грянул раскат и вместе с ним тьма окутала остров и фигуру, стоящую на утесе с полупротянутой рукой. Кажется, это был я сам.

Когда я проснулся, то едва мог сообразить, что все это могло бы значить. У меня была одна гипотеза, но очень приблизительная. Хотя я пытался проанализировать ее, но тем не менее никакой ценности в ней не обнаружил.

Некогда я создал Остров Мертвых. Это была нелегкая работа, особенно если учесть, что я мыслю в основном в формате книжной иллюстрации. Так вот, всякий раз, когда мне думается о смерти, а это бывает часто, два видения сменяют друг друга в моем воображении. Первое — Долина Теней, большая, темная долина, бравшая начало меж двух серых скальных выступов среди ранних сумерек и

постепенно все темневшая и темневшая, пока она не превратилась во тьму межзвездного пространства, и вы смотрели в нее, полную и беспросветную, без звезд, комет, метеоров — без ничего.

Второе — это сумасшедшая картина Беулина «Остров мертвых». То место, что я видел во сне. Из этих двух мест Остров Мертвых более зловещий. Долина Теней содержит какой-то намек на умиротворение. Это, очевидно, мне только кажется, потому что я так до конца и не создал Долины, проливая ручьи трудового пота над каждым нюансом и выверяя каждую ноту эмоционального звучания. Но в самом центре планеты, которая иначе могла бы быть настоящим Эдемом, я много лет тому назад возвел к небу скалы, Острова Мертвых, и с тех пор это воспоминание горело в моем сознании и за прошедшие годы я сам стал его частью настолько же, насколько оно стало частью меня. И эта часть меня обращалась ко мне теперь единственным возможным способом, отвечая на своего рода молитву. Это было как бы предупреждение, я чувствовал это, и кроме того, Остров Мертвых был еще намеком, зацепкой, которая со временем может обрести большой смысл. Проклятье, символы так же хорошо скрывают, как и указывают!

К а т и, она видела меня, так сплелась ткань сна, и, значит, может быть надежда...

Я включил экран. Световые спирали вращались по и против часовой стрелки над и под невидимой точкой прямо по моему курсу, — это были звезды, но только видимые с моей стороны, с изнанки пространства. И пока я висел там, а Вселенная проплывала мимо, я чувствовал, как десятилетние слои мира, обволакивающие мою душу, затле-ли и начали выгорать. Человек, которым я так долго старался стать, умер, а другой человек по имени Шимбо из Башни Темного Древа, он же Громотворец, все еще жил.

Я смотрел на звездные волчки с благодарностью, с чувством печали и гордости, как человек, проживший предназначенную ему судьбу и почувствовавший, что, возможно, ему выпадет другая.

Немного погодя, водоворот неба всосал меня в свой темный центр, где таился сон, прохладный и без сновидений, спокойный и мирный. Совсем как Долина Теней, наверное.

Прошло недели две, прежде чем Лоуренс Дж. Коппер привел «Модель-Т» к благополучному завершению полета

на Альдебаран-5, который по имени своего первооткрывателя зовется также Дрисколлом. Две недели прошло внутри «Модели-Т», хотя сама фаза не заняла времени вообще. Не спрашивайте, почему. У меня нет сейчас времени написать целую книгу. Но реши вдруг Лоуренс Коппер повернуть обратно и направиться к Вольной, он смог бы еще две недели наслаждаться гимнастикой, чтением и интроспекциями, и вполне вероятно, что прибыл бы назад в тот же день, когда Фрэнсис Сандау покинул планету, но только не утром, а после полудня. Несомненно, вся живность пришла бы в неопишуемый восторг. Но он такого решения не принял, впрочем, вместо этого он помог Сандау обстригать одно дельце, связанное с вересковым корнем, чего ему особо не хотелось, но, пока он изучал части головоломки, которую обнаружил, ему приходилось выдерживать конспирацию. Быть может, это были части нескольких головоломок, перемешанные между собой. Кто знает?

Я нарядился в белый тропический костюм и надел солнцезащитные очки, потому что в желтом небе проплывало лишь несколько оранжевых облачков и солнце низвергало на меня тепловые волны, разбивавшиеся о пастельные плиты тротуара, откуда поднималось ровное тепло мелких брызг. Я въехал на своей взятой напрокат машине-скользке в колонию художников этого города, который назывался Миди. Место это было слишком хрупким, пестрым и слишком приморским, на мой вкус. Почти все его башни, шпили, кубы, овоиды, которые люди называют домами, конторы, студии и мастерские были выстроены из особого вещества, называемого стеклит, который можно было сделать прозрачным, с любым оттенком, или непрозрачным, любого цвета — путем простого контролируемого взаимодействия. Я искал улицу Нуаж (по-французски это означает туча), располагающуюся у самой линии прибоя, и проехал через весь город, постоянно менявший свой цвет, напомним мне фигурный мармелад — малиновый, земляничный, вишневый, лимонный и так далее — со множеством ягод и фруктов внутри.

Я нашел нужное мне место. Адрес был старый, но Рут была права. Здесь многое изменилось, и очень. Раньше это был один из последних оплотов, противостоящих надвигающемуся мармеладу, подавшему город. Это было в те времена, когда мы жили здесь вдвоем. Теперь же там, где раньше каменная стена окружала вымощенный камнем двор, в арке ворот чернели железные створки, внутри раскинулась гасиенда рядом с небольшим прудом, в котором

вода расплескивала солнечные зайчики по грубому камню стен и по плиткам покрытий,— теперь там стоял замок из четырех мармеладовых башен. Малиновых, кстати. Я припарковал машину, пересек радугу-мостик, коснулся пластинки-сигнала на дверях.

— Этот дом свободен,— доложил монашеский голос из спрятанного громкоговорителя.

— Когда вернется мисс Ларри?— спросил я.

— Этот дом свободен,— повторил голос.— Если вы думаете купить его, то обратитесь к Полу Глиддену из «Солнечного Сиона». Его адрес — Авеню Семи Бэдоков, 173.

— Не оставила ли мисс Ларри нового адреса?

— Нет.

— Какие-нибудь сообщения?

— Нет.

Я вернулся к своей скользанке, поднял ее на восьмидюймовой подушке воздуха и отправился искать Авеню Семи Бэдоков, которая некогда называлась Главной улицей.

Он оказался толстым и совершенно лысым, не считая седых бровей с промежутком в два дюйма и таких тонких, будто их нарисовали одним-единственным росчерком карандаша. Его брови располагались высоко над синевато-серыми и серьезными глазами. Еще ниже находился розовый цепкий рот, который улыбался, должно быть, даже во сне. Над ртом имелось некое курносое образование, через которое он дышал, казавшееся еще меньше из-за солидных кусков теста, служивших щеками, угрожавших подняться еще выше и полностью поглотить его. В общем, это был шумнодвигающийся гладкий толстяк (слегка не вписывались в картину маленькие уши с сапфировыми серьгами в них), такой же румяный, как и рубаха с широкими рукавами, покрывавшая его северное полушарие. Это был мистер Глидден, и он сидел за своим рабочим столом в конторе «Солнечного Сиона». Я пожал его влажную руку, и масонский перстень на его пальце звякнул о керамический протуберанец пепельницы, когда он взял сигару, чтобы, наподобие рыбы, изучить меня из глубин озера табачного дыма.

— Присаживайтесь, мистер Коппер,— промычал он, не вынимая сигары.— Чем могу служить?

— Вы занимаетесь домом Рут Ларри по улице Нуаж, так?

— Да. Что, подумываете о покупке?

— Я ищу Рут Ларри. Не знаете, куда она уехала?

В его глазах определенно погас какой-то огонек.

— Нет,— проронил он.— Я даже никогда ее не видел.

— Она наверняка оставила вам указания переслать деньги за дом. Но куда?

— Почему я должен это вам рассказывать?

— А почему нет? Я хочу ее найти.

— Я должен поместить их на счет в банке.

— Здесь в городе?

— Да. Художественный фонд.

— Но она лично с вами не договаривалась?

— Нет. Это сделал ее адвокат.

— Не подскажите, как его имя?

Он пожал плечами, покоясь в водах своего дымного озера.

— Могу сказать. Андре дю Буа, «Венсен, Карлинг и Ву». Восемь кварталов к северу отсюда.

— Благодарю.

— Выходит, дом вас не интересует?

— Наоборот. Я куплю дом. Если только смогу вступить в права владения сегодня после полудня и связаться с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи вас устроят?

Совершенно неожиданно он выбрался на сушу из табачного озера.

— Как мне с вами связаться, мистер Коппер?

— Я остановлюсь в «Спектре».

— Я позвоню вам после пяти, идет?

— Вполне.

Итак, что я должен делать?

Сначала я отправился в «Спектр» и снял номер. Во-вторых, используя секретный код, я связался со своим человеком на Дрисколле и отдал распоряжение подготовить достаточную сумму наличными, дабы Лоуренс Коппер смог произвести покупку дома. В-третьих, я поехал в квартал религиозных заведений, оставил скользянку на стоянке и пошел вдоль улицы.

Я шел мимо храмов и святилищ, посвященных кому угодно: от Зороастра до Иисуса Христа. Я замедлил шаг, когда оказался в Пейанском секторе.

Немного погодя я нашел его. Над поверхностью находился лишь один вход — зеленое сооружение размером с гараж на одну машину.

Я вошел и начал спускаться по узкой лестнице.

В маленьком фойе, которое освещали свечи, я прошел под низкой аркой.

Теперь я оказался в самом святилище, где находился

главный алтарь, выкрашенный в темно-зеленый цвет и окруженный рядами скамей.

На всех пяти стенах сотни стеклитовых панелей изображали деяния пейанцев. Быть может, не стоило мне лететь туда... Как давно это было.

В святилище было шесть пейанцев и восемь людей. Из шести пейанцев четверо были женщины. Все с молитвенными лентами.

Ростом пейанцы достигают примерно семи футов, кожа у них зеленая, как трава. Головы напоминают воронки, плоские на макушках, а шеи — как горловины воронок. Глаза большие, влажно-зеленые или желтые. Носы плоские — просто две морщины, заключающие в себе ноздри с отверстиями в четвертак. Волос на теле у них вообще нет. В большом рту у пейанцев зубов как таковых тоже не имеется. Вместо зубов — роговые наросты на том месте, где должны находиться зубы, а точнее, губы. С их помощью они жуют. Как бы это ни звучало для тех, кто никогда не видал пейанцев, нужно заметить, что они грациозны, как кошки, очень приятны на взгляд, раса их значительно превосходит возрастом человеческую. И они мудры, очень. Кроме всего, они имеют двухстороннюю симметрию тела, по две руки и ноги с пятью пальцами на каждой. И мужчины и женщины носят куртки, юбки и сандалии, преимущественно темных тонов. Женщины несколько ниже мужчин, шире в бедрах и грудной клетке, хотя груди у них нет. Своих детей они, в отличие от людей, не кормят молоком, поскольку те питаются на самом раннем этапе запасом жира в подкожной клетчатке, которого хватает на первые несколько недель. Потом они уже могут употреблять жидкую кашу и всякую морскую пищу. Вот вам и пейане.

Изучить язык пейанцев трудно. Но я его знаю. У них очень сложные философские учения. Некоторые мне знакомы. Многие из них обладают даже даром телепатии или другими необычными способностями. Так же, как и я.

Я уселся на скамье и расслабился. Всякий пейанский храм придает мне сил и энергии благодаря обучению, которое я прошел на Мегане. Пейанцы — исключительные политеисты. Их религия напоминает мне немного индуизм, потому что они никогда ничего не отбрасывают насовсем и, похоже, всю свою историю только и делали, что накапливали богов, ритуалы и традиции. Религия эта называется странги, и в последние годы она значительно распространилась. У нас имеется приличный шанс в один

прекрасный день стать универсальной религией, потому что в ней есть нечто, что удовлетворяет почти кого угодно — от анимистов до пантеистов, включая агностиков и тех, кому просто нравится совершать обряды. Настоящие пейанцы сейчас составляют лишь десять процентов странтиан, и это, наверное, будет первая масштабная религия, которая переживет расу-прародительницу. С каждым годом число пейанцев уменьшается. Как индивиды они отличаются безумно долгим сроком жизни, но не слишком плодотворны. Поскольку их великие мыслители уже дописали великую главу, то есть последнюю в необозримой «Истории пейанской культуры» в 14926 томах, то они вполне могли решить, что нет смысла продолжать тянуть кота за хвост. Они ужасно уважают своих мыслителей. Забавные у них понятия в этом отношении.

Пейанцы создали галактическую империю уже в те времена, когда человек еще обитал в пещерах. Затем целыми веками они вели войны с расой, которая больше не существует — бакулианцами, войны, которые истощали ресурсы обеих сторон, значительно уменьшив оба народа по численности. Потом они покинули свои внешние владения и постепенно сконцентрировались в небольшой планетной системе, где и обитали по сей день. Их родная планета, которую они также называли Мегапея, была уничтожена бакулианцами, которые, судя по всему, были существами безжалостными, злобными, лютыми и до предела развращенными. Конечно, все исторические хроники были написаны пейанцами, поэтому, как я подозреваю, мы никогда не узнаем, какими на самом деле были бакулианцы. Но они не были странтианами, во всяком случае потому, что, как я где-то читал, они поклонялись идолам.

На противоположной от арки входа стороне святилища кто-то затянул литанию, которую я знал гораздо лучше, чем остальные, и я быстро поднял глаза, чтобы посмотреть, случится ли это.

Это случилось.

Стеклитовая панель, изображающая Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца, теперь сияла зеленым и желтым.

Некоторые из пейанских божеств можно, заимствуя термин, назвать пейаномофными, другие же, подобно египетским богам, напоминают результаты скрещивания пейанцев и существ, которых вы найдете в зоопарке. Но, в сущности, у них просто необычный вид. И я уверен, что в

какие-то времена пейанцы определенно посещали Землю, потому что Шимбо — человек. Почему цивилизованной расе вздумалось сделать богом дикаря — это вне возможностей моего понимания, но вот он, Шимбо, стоит передо мной, голый, со слегка зеленоватой кожей, лицо его частично скрыто поднятой левой рукой, в которой он держит посреди желтого неба громовую тучу. В правой руке у него большой лук, и полный громовыми стрелами колчан висит на бедре. Вскоре все шесть пейанцев и восемь людей запели ту же самую литанию.

Появились новые посетители. Помещение наполнялось.

Сильнейшее чувство легкости и силы родилось где-то в области моей диафрагмы и постепенно заполнило всего меня.

Я не понимаю, почему так происходит, но всякий раз, когда я вхожу в пейанский храм, изображение Шимбо начинает светиться, вот как сейчас, и я опять чувствую мощь и восторг. Когда я закончил тридцатилетний курс обучения и двадцатилетний курс ученичества, в области моей профессии я был единственным землянином. Все остальные мирофомисты были пейанцами. Каждый из нас несет имя одного из пейанских божеств, и это странным и сложным способом помогает в нашей работе. Я выбрал Шимбо — или, скорее, он выбрал меня, — потому что он был похож на человека. Я выбрал Шимбо! Считается, что, пока я жив, Шимбо через мое посредство существует в физической Вселенной. Когда я умру, он вернется в счастливое ничто, пока кто-нибудь не примет опять его имя. Всякий раз, когда Имя-носящий входит в пейанский храм, начинает светиться изображение соответствующего божества. В любом святилище, на любой планете Галактики. Я не понимаю, как это происходит. Даже пейанцы не понимают, честно говоря.

Я привык думать, что Шимбо давно уже поставил на мне крест и позабыл меня — за все то, что я сделал с Силой и своей жизнью. И в этот храм я пришел, как мне кажется, проверить, так ли это.

Я встал и направился к входной двери. Когда я проходил через нее, меня охватило неодолимое желание поднять левую руку. Тогда я сжал кулак и поднял его на уровень плеча. Едва я успел это сделать, как откуда-то сверху донесся раскат грома.

Когда я вышел наружу, Шимбо продолжал сиять на своей панели и уши мои наполняло пение. Снаружи легкий дождь начал падать на поднебесный мир.

Глава 2

Мы встретились с Глидденом в конторе Андре дю Буа и заключили сделку на продажу дома за пятьдесят шесть тысяч. Андре оказался невысоким человеком с суровым обветренным лицом и копной снежно-седых волос. Он согласился открыть свою контору, потому что я настаивал заключить сделку в этот же день. Я выплатил деньги, бумаги были подписаны, ключи положены в мой карман. Мы пожали друг другу руки и покинули контору адвоката. Когда мы неторопливо шагали по влажному тротуару к нашим машинам, я сказал, как бы невзначай:

— Проклятье, кажется, я забыл ручку у вас на столе, Андре!

— Я ее вам пришлю. Вы ведь остановились в «Спектре»?

— Боюсь, я очень скоро уеду оттуда.

— Я могу послать вам домой, на улицу Нуаж.

Я отрицательно покачал головой:

— Она мне будет необходима сегодня вечером.

— Вот, пожалуйста, возьмите мою, — и он протянул мне ручку.

К этому времени Глидден уже сел в свою машину и не мог слышать нас. Я помахал ему рукой и объяснил:

— Это все из-за Глиддена. Мне нужно было поговорить с вами наедине.

Вокруг его темных глаз тут же проявились морщинки, от чего глаза потеряли появившееся в них выражение отворачивания и в них загорелось любопытство.

— Ладно, — коротко бросил он, и мы возвратились в здание его конторы, где он снова отомкнул дверь.

— Так в чем же дело? — спросил он, вновь усаживаясь в кресло с мягкой обивкой за своим рабочим столом.

— Я разыскиваю Рут Ларри.

Он закурил сигарету — так всегда делают, когда хотят потянуть время и поразмышлять.

— Зачем? — поинтересовался он.

— Это мой старый друг. Вы знаете, где она?

— Нет.

— А вам это не кажется слегка необычным — вкладывать такие суммы на счет лица, местонахождение которого вам неизвестно?

— Кажется, — согласился он. — Кажется, скажем прямо. Но именно это мне и было поручено.

— Рут Ларри?

— Как прикажете вас понимать?

— Она лично давала вам поручение или кто-то другой сделал это от ее лица?

— Я не понимаю, каким образом это касается вас, мистер Коппер. Думаю, нам пора прекратить этот беспредметный разговор.

Подумав не больше секунды, я принял быстрое решение.

— Но прежде я хочу, чтобы вы знали — ее дом я купил лишь для того, чтобы найти там какие-то намеки на то место, где она может сейчас находиться. После этого я намерен трансформировать его обратно в гасисенду, потому что мне не нравятся архитектурные вкусы в этом городе. Это вам о чем-то говорит?

— Только о том, что у вас, вероятно, не совсем в порядке с головой,— заметил он.

Я кивнул и добавил:

— Сумасшедший, имеющий средства удовлетворить свои безумные прихоти. Ненормальный, способный натворить кучу неприятностей кое-кому. Сколько стоит это здание? Пару миллионов?

— Не знаю,— удивился он. На его лице отразилось некоторое беспокойство.

— Что, если бы кто-нибудь купил его и вам пришлось искать помещение для своей конторы?

— Не так-то просто было бы разорвать мой контракт на аренду, мистер Коппер.

Я тихо засмеялся.

— ... и кроме того,— продолжал я,— вы бы вдруг оказались в поле внимания местной Юридической Ассоциации. А?

Он вскочил на ноги:

— Вы действительно сумасшедший!

— Вы в этом уверены? Я не знаю, в чем вас будут обвинять. Пока не знаю. Но вы понимаете, что даже простое дознание причинит вам массу беспокойства. А потом, если у вас возникнут затруднения с новым помещением...— не люблю вести дела таким образом, но у меня не было времени. Что ж...— Так вы уверены? Совершенно уверены, что я ненормальный?— заключил я свой монолог.

Он помолчал, но затем произнес:

— Нет. Я не уверен.

— Тогда, если вам нечего скрывать, почему вы не расскажете, как Рут договаривалась с вами об этом деле? Ме-

ня не интересуют какие-то личные подробности, лишь обстоятельства, при каких дом был оставлен для продажи. Почему Рут не оставила письма или какого-то другого сообщения, вот что меня удивляет.

Он откинул голову на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня сквозь дым сигареты.

— Переговоры велись по телефону...

— Ее могли одурманить наркотиками, запугать...

— Исключено! Какое вы, собственно, имсете к этому отношение?

— Я уже сказал, она мой старый друг.

Его зрачки расширились, потом снова сжались. Некоторые люди до сих пор помнят, кто был одним из старых друзей Рут.

— Кроме того,— продолжал я,— недавно я получил от нее письмо, в котором она приглашала меня присхать по чрезвычайно важному делу. И вдруг она исчезает, не оставив письма или адреса. Появляются некоторые подозрения. Поэтому я намерен найти ее, мистер Андре.

Он был, конечно, не слепой и видел, какой на мне костюм, и понимал, сколько он может стоить, и, возможно, в голосе моем еще сохранились командирские нотки — после многих лет, когда я только и делал, что отдавал приказы. Во всяком случае, он не вызвал по телефону полицию.

— Все переговоры велись по телефону и почтой,— повторил он.— И я говорю вам совершенно искренне, я не имею представления, где она сейчас. Она просто сказала, что уезжает, и просила продать дом, а деньги поместить на ее счет в банке. Я согласился обо всем позаботиться и передал дом в «Солнечный Сион».— Он посмотрел в сторону, а затем снова на меня.— В общем, она действительно оставила у меня письмо для лица, которое должно обратиться ко мне. Но это не вы. Если же указанное лицо не обратится ко мне вообще, то по истечении тридцати дней я должен буду отправить ему это письмо почтой.

— Могу ли я узнать, сэр, кому оно адресовано?

— К сожалению, сэр, это личное дело клиента.

— Включите телефон,— сказал я,— и наберите 73737373, это в Гленкое. Соединитесь с Домеником Малисти, управляющим «Нашего Объединения» на этой планете. Назовите себя, скажите ему «Бе-бе, черная овечка» и попросите установить личность Лоуренса Джона Коппера.

Андре дю Буа сделал все, как было указано, и когда он выключил телефон, он встал и прошел к небольшому вделанному в стену сейфу, достал оттуда конверт и вручил его мне. Конверт был запечатан, а на его лицевой стороне имелась надпись, напечатанная на машинке: «Френсису Сандау». Мне пришлось сдерживать чувства, пока я рассматривал три предмета, лежавшие в конверте. Там была новая фотография Кати, на несколько изменившемся фоне, фотография Рут, чуть постаревшей и погрузневшей, но все еще привлекательной, и записка.

Записка была написана по-пейански. В приветствии указывалось мое имя и далее следовал условный знак, которым в священных текстах обозначался Шимбо, Громоторец. Подписано послание было именем «Грин Грин» (это имя представляет собой игру слов. «Грин» по-английски — «зеленый». Имя должно читаться как «Зеленый Зеленый». Смысл этого станет ясен позднее) и сопровождалось знаком Белиона, который к двадцати семи существовавшим именам не относился.

Я был сбит с толку. Лишь очень немногим были известны личности Имя-носящих, а Белион — бог Огня, Живущий в Недрах. По традиции он был врагом Шимбо. Он и Шимбо рубили друг друга почему зря в периодах между воскресениями.

Я внимательно прочитал записку. В ней говорилось:

«Ищи своих женщин на Острове Мертвых. Боджис, Данго, Шендон и карлик тоже ждут».

Дома, на Вольной, я оставил объемные фото Боджиса, Данго, Шендона, Ника, леди Карли (ее тоже можно было причислить к женщинам, к «моим женщинам») и Кати. Все шесть фотографий, которые я получил. И вот теперь они захватили еще и Рут.

Кто они?

Я не мог припомнить имени Грин Грин, как ни старался, но что такое Остров Мертвых, я, конечно, знал.

— Благодарю вас, Андре.

— Что-то не так, мистер Сандау?

— Да. Но я все улажу. Не волнуйтесь, это вас не касается. И забудьте мое имя.

— Уже забыл, мистер Коппер.

— До свидания.

— До свидания.

Я направился в дом на улице Нуаж. Там я прошелся по комнатам, нашел спальню Рут и внимательно осмотрел

ее. Вся обстановка полностью оставалась на местах. Одежда Рут тоже оставалась в шкафах и ящиках, включая разного рода мелкие личные вещи, которые люди не оставляют в старых жилищах, если меняют адрес. Было забавно и странно бродить по дому, который не был уже таким, как раньше, и то тут, то там наткаться на знакомые предметы: старинные часы, разрисованную ширму, инкрустированный портсигар,— это напоминало мне о жизни, которая перетасовывает вещи, некогда значимые, с предметами, чужими для вас, уничтожая их особое тонкое очарование, остающееся лишь в вашей памяти о прошлом времени и месте, и это вас беспокоит, недолго, непонятно, каким-то сверхреальным образом, а потом и это очарование умирает, продырявленное фактом встречи с ним, и чувства, которые вы уже успели позабыть, снова исчезают, покидая воображаемую картину в вашем сознании. По крайней мере именно это я чувствовал, пока отыскивал какой-то след, намек на то, что здесь могло произойти. Час проходил за часом, и одна за другой все вещи в доме прошли сквозь сито моего пристального внимания, и тогда мысль, осознанная мною в конторе адвоката, все то, что не покидало меня по пути с Вольной и еще раньше, с того дня, когда я получил первое письмо с фотографией, эта мысль завершила круг обращения: из мозга в чрево и обратно в мозг.

Я присел и закурил сигарету. Фотографию Рут делали в этой комнате, не на фоне голубого неба и скал, как на остальных снимках. Я тщательно обыскал комнату, но ничего не нашел. Никакого намека на насилие, ни одного намека на личность моего врага. Эти слова я сказал вслух: «Моего врага», — первые слова, которые я произнес после «До свидания», с которым покинул седоволосого, внезапно оказавшегося любезным адвоката, и слова отозвались странным эхом в пустом доме-аквариуме. Моего врага...

Теперь все стало ясно. Я был на прицеле. Почему — этого я пока не мог сказать наверняка. Самый простой ответ — меня хотят прикончить. Если бы я только мог знать, кто из моих многочисленных врагов стоит за всем этим, решать было бы гораздо легче. Я постарался припомнить каждую деталь. Я постарался тщательно взвесить выбор моим противником места встречи, нашего поля битвы. Я вспомнил о посетившем меня сне, где я видел это место.

Если кто-то хотел нанести мне вред, то глупо было с его стороны заманивать меня именно сюда, если только

он что-то знал о той силе, которую я получу, едва ступлю на землю созданного мною мира. Но если я вернусь на Иллирию, то найду там союзников во всем, потому что много столетий тому назад именно я пустил эту планету вращаться по ее орбите, и именно там находится Остров Мертвых, мой Остров Мертвых...

...и я вернусь туда. Я это знал. Рут, а может быть, Кати... Это требовало моего возвращения в необычный Эдем, некогда сотворенный моими руками. Рут и Кати... Два образа, которые мне не хотелось бы помещать рядом, но другого выхода не было. Но раньше они не существовали для меня одновременно, и теперь перемена совсем не нравилась мне. Да, я отправлюсь туда, и тот, кто наживил для меня эту наживку, горько пожалеет об этом, но жалеть будет недолго, потому что останется на Острове Мертвых навсегда.

Я раздавил сигарету, запер розовые ворота замка и возвратился в «Спектр». Мне вдруг захотелось есть.

Я переоделся к ужину и спустился в холл. Там я приметил приличного вида ресторанчик, но он, как назло, как раз закрылся. Поэтому у стола регистрации я навел справки о приятном местечке, где бы в этот час я смог поужинать.

— Поезжайте в Башню Барта у Залива,— простонал ночной портье, подавляя зевок.— Они не закрывают до самой ночи. У вас еще есть несколько часов.

Итак, я узнал у него, как туда проехать, покинул отель и уладил одно дело, касающееся верескового корня. Смехотворно, это слово подходит здесь больше, чем «странно», но ведь все мы живем под сенью Большого Дерева, верно?

Я подъехал к ресторану и оставил скользанку на попечение какой-то ливреи. Обычной ливреи, которую встречаешь повсюду, с улыбающимся лицом, они открывают дверь, которую я могу открыть сам, и подают полотенце, которого мне не нужно, подхватывают чемодан, который мне не нужно нести, и правую руку всегда держат на уровне пояса, ладонью кверху при первом же блеске металла или похрустывании соответствующего сорта бумаги, и карманы у них глубокие, туда может войти много. Они не отстают от меня уже тысячу лет, и я вовсе не против этой униформы. Я ненавижу проклятую улыбку, которая включается лишь по сигналу и никак иначе. Моя скользанка была припаркована меж двух полосок краски на покрытии дороги.

В свое время на чай давали лишь в случае, если услугу требовалось оказать быстро и расторопно, и это должно было компенсировать низкий заработок определенного класса служащих. Это понимали и принимали. Но уже в моем веке туризм в развивающихся странах дал понять, что все туристы — это копилки, и таким образом был создан прецедент, распространившийся затем во все страны, даже в родные страны туристов. Теперь все, носившие униформу, знали о выгодах, которые могли бы получить, и поставляли клиентам ненужное и незаконное с любезной улыбкой. Армия ливрейных покорила мир. После их безмолвной революции в XX веке мы все превращаемся теперь в туристов, едва только перешагнем порог дома, мы становимся гражданами второго класса, которых безжалостно эксплуатируют улыбающиеся легионы, коварно и навсегда одержавшие победу.

Теперь в любом городе, стоит только приехать, ливреи кидаются мне навстречу, смахивают несуществующую пыль с моего воротника, суют в руку какую-нибудь брошюру, пересказывают сводку погоды, молятся за мою душу, перебрасывают мостки через ближайшую лужу, держат над моей головой раскрытый зонтик — и в солнечные и в дождливые дни, или светят на меня ультра-инфра-фиолетово-красным фонариком, если день выдался облачным, извлекают торчащую нитку из пуговицы у меня на поясе, чешут мне спину, подбрасывают сзади шею, застегивают ширинку, полируют мне туфли, и улыбаются — и это все прежде, чем я успеваю заявить протест, — и правая рука их уже торчит на уровне пояса. Проклятье, каким приятным местом стала бы Вселенная, если бы мы все носили блестящие, скрипящие униформы-ливреи. Нам бы всем приходилось тогда улыбаться друг другу:

На шестидесятый этаж, где располагалось заведение, я поднялся на лифте. Там я понял, что следовало занять столик еще из отеля по телефону. Все было занято. Я забыл, что завтра на Дрисколле должен быть праздник. Распорядительница записала мое имя и попросила подождать минут пятнадцать—двадцать, и я отправился в один из баров и заказал пиво.

Потягивая из кружки, я огляделся по сторонам. Напротив, через фойе, виднелся в полумраке еще один такой же бар. Там я заметил толстошеекое лицо, которое показалось мне знакомым. Я нацепил очки, функционирующие как подзорная труба, и внимательно изучил лицо, на этот раз в профиль. Волосы были другого цвета, и

кожа тоже стала несколько темнее. Но это ничего не стоило сделать.

Я встал и направился в том направлении, но меня остановил официант, заявив, что я не могу выносить спиртные напитки за пределы бара. Когда я объяснил, что иду в бар напротив, он улыбнулся и предложил отнести кружку за меня, — руку он держал на уровне пояса. Я прикинул и решил, что дешевле обойдется купить новую кружку пива, поэтому я сказал, что он может выпить мою кружку сам.

Толстощекий сидел один. Перед ним на столике стоял бокал с чем-то ярким. Я снял очки и спрятал их, пока подходил к столику. Затем произнес фальшивым фальцетом:

— Позвольте присоединиться, мистер Бейкер?

Он подскочил слегка, внутри собственной кожи, и слои жира немного заволновались на мгновение. Он сфотографировал меня своими глазами величиной с блюдце, и я знал, что машинка внутри его черепа уже набрала полные обороты, как дьявол на тренажере.

— Видимо, вы ошиблись...— начал он, улыбаясь, но затем нахмурился.— Нет, это я ошибся,— поправился он,— ведь прошло столько времени, Френк, мы оба изменились...

— ... и надели походные сюртуки,— промолвил я нормальным голосом, садясь напротив него за столик.

Ему удалось поймать внимание официанта так легко, словно действовал арканом, и он спросил:

— Что будешь пить?

— Пиво. Любого сорта.

Официант принял заказ, кивнул и удалился.

— Ты поужинал?

— Нет, я сидел напротив и ждал места в ресторане, когда заметил тебя.

— А я уже поужинал,— сообщил он.— И не удовлетвори я желания заглянуть сюда на минутку, я бы мог тебя пропустить.

— Странно,— проронил я.— Грин Грин.

— Что?

— Вер вер. Грин Грин.

— Боюсь, что не понимаю тебя. Это что, какой-то код и я должен дать отзыв?

Я спокойно пожал плечами:

— Можешь считать это молитвой, проклятьем моих врагов. Что новенького?

— Ну, теперь, когда ты здесь, нужно с тобой поговорить, конечно. Можно, я к тебе присоединюсь?

— Само собой.

И когда объявили заказ Л. Коппера, мы перешли за столик в одной из бесчисленных комнат ресторана, занимавшего этот этаж Башни. Отсюда мы могли бы иметь прекрасный вид на залив, но небо затянуло тучами и над темными волнами океана лишь изредка посверкивали огни буюв, и вспыхивал случайный режущий луч прожектора. Бейкер решил, что его аппетит еще не погиб окончательно, и заказал полный ужин. Он заглотнул целый холм спагетти в сопровождении кровавого вида колбасы; пока я лишь наполовину прикончил бифштекс, он тем временем перешел к десерту и кофе.

— Да, неплохо,— удовлетворенно откинулся он от стола и тут же воткнул зубочистку в верхнюю половину улыбки, каковую на его лице я видел впервые лет за сорок.

— Сигару?— предложил я.

— Не откажусь.

Зубочистка была извлечена, были зажжены сигары, нам принесли счет. Я всегда так делаю в многолюдных местах, если официанты не спешат со счетом. Закуриваю сигару, один клубок голубоватого дыма — и вот счет уже на столе.

— Плачу я,— объявил Бейкер, когда я принимал счет.

— Чепуха! Ты мой гость.

— Тогда... ладно.

В конце концов Билл Бейкер был сорок пятым богатым человеком в Галактике. Не каждый день выпадает возможность поужинать с удачливым человеком.

Когда мы вышли, он пробурчал:

— Я знаю тут одно местечко, мы можем там поговорить. Я буду вести машину.

И мы поместились в его машину, оставив на стоянке очередную ливрею с досадно нахмуренным лбом, и минут двадцать кружили по городу, освобождаясь от гипотетических «хвостов». В конце концов мы прибыли к многоквартирному дому в восьми кварталах от Башни Барта. Войдя в холл, Бейкер кивнул привратнику, тот кивнул в ответ.

— Завтра будет дождь, как вы считаете?— глубоко-мысленно заметил Бейкер.

— Будет, ясное дело,— не стал возражать привратник.

Потом мы поднялись лифтом на шестой этаж. Обшив-

ка панелей в коридоре была украшена искусственными самоцветами, часть из них по совместительству работала объективами. Он постучал в одну самого обычного вида дверь: три торопливых стука, пауза, два стука, пауза, два стука. Завтра же сигнал будет другой — я-то знаю Бейкера. На стук дверь открыл молодой человек с суровым лицом и в темном костюме. Он удалился лишь после того, как Бейкер указал через плечо большим пальцем. Мы вошли, и он запер дверь, но я все-таки успел заметить, что между двумя фальшивыми деревянными листами заключена на манер бутерброда металлическая пластина. Еще пять или десять минут он проверял комнату поразительно разнообразным набором детекторов, отыскивая прослушивающие устройства, мне он дал знак хранить тишину, — потом в качестве дополнительной предосторожности включил пару помехосоздающих устройств, вздохнул, снял пиджак, повесил его на спинку стула, повернулся ко мне и сказал:

— Порядок, теперь можно поговорить. Выпить желаете?

— Ты уверен, что это не опасно?

С минуту он размышлял и неуверенно кивнул:

— Да.

— Тогда налей мне коньяку с содовой, если она у тебя есть.

Он отправился в соседнюю комнату и вернулся через минуту с двумя бокалами. В одном, по-видимому, находился чай, если он собирался поговорить со мной о деле. А меня это мало волновало.

— Итак, в чем дело?— начал я разговор.

— Черт побери, все истории, которые о тебе ходят, оказываются правдой. Как ты узнал?

Я пожал плечами.

— Но на этот раз ты меня так не обставишь, как тогда, с горными разработками на Веге.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?— удивился я.

— Шесть лет назад.

Я рассмеялся:

— Почти не помню. Послушай, я мало слежу за тем, что делают мои деньги, пока они там, где им положено быть. Я доверяю многочисленным служащим заботиться о них и распоряжаться ими вместо меня. Если я совершил выгодную сделку в системе Веги шесть лет назад, то это потому, что какой-то мой хороший служащий постарался на славу для своего хозяина. Я вовсе не возвышаюсь над

своим состоянием, как бдительный пастух, в отличие от того, что делаешь ты. Я все передал в другие руки.

— Конечно, конечно, Френк! Я понимаю, ты на Дрисколле инкогнито, и ты ухитрился наскочить на меня в самый вечер перед сделкой. Скажи, кого из моих людей ты подкупил?

— Никого, честное слово.

Кажется, он обиделся.

— Я тебя з а в е р я ю , — пропыхтел он. — Я ничего ему не сделаю, просто переведу в другое место, где он мне больше не повредит.

— Но я сюда приехал совсем не по какому-то делу. И тебя я встретил совершенно случайно.

— Что бы ты там ни укрывал в тайне, но весь пирог на этот раз тебе не проглотить, — предупредил он меня.

— Я и не стремлюсь. Честно.

— Проклятье! — воскликнул он. — Все шло так гладко! — и его кулак хлопнул по ладони.

— Я даже не видел его, — проронил я.

Он поднялся, вышел из комнаты, вернулся и протянул мне трубку.

— Отличная трубка! — похвалил я.

— Пять тысяч, — сообщил он. — Дешево.

— Я трубками особенно не увлекаюсь.

— Больше чем на десять процентов в долю не возьму, — произнес он. — Я лично устраивал это дело и не желаю, чтобы ты мне подгадил.

И тогда я разозлился. Этот паразит, кроме еды, думал только о преумножении своего богатства. Автоматически он представлял, что я свое время провожу точно так же, потому что многие листья на Большом Дереве носили имя «Сандау».

— Я беру треть или действую сам, — пригрозил я.

— Треть?

Он вскочил — и началось. Хорошо, что комната была звуконепроницаемой и без «клопов». Многие выражения я слышал впервые за многие годы. Он побагровел и стал мерить комнату нервным шагом. Потом стал при ходьбе подскакивать. А жадное, заgreбущее «я» сидело за столом и спокойно размышляло на предмет курительных трубок, пока Бейкер старался убедить меня в чем-то.

Человек с моей памятью держит в голове много необычных фактов. В дни моей молодости, дома, на Земле, лучшие трубки делались из пенки или эрики, особого рода вереска. Глиняные трубки слишком нагреваются, а дере-

вянные трескаются или быстро прогорают. В более поздний период XX, века благодаря отчетам хирургического общества о заболеваниях органов дыхания, курение трубок пережило нечто вроде возрождения. Если к началу следующего века мировые запасы были истощены, я имею в виду запасы пенки и эрики, то это благодаря хирургическому обществу. Пенка, или гидроксилат магния, скальная порода осадочного типа, встречающаяся в слоях отложившихся за тысячелетия морских раковин, будучи выработанной, исчезла совсем. Вересковые трубки изготавливались из корня белого вереска, или по-латыни «Эрика Арбореа», который рос лишь в ограниченных районах вокруг Средиземного моря, и на достаточное созревание одного растения должно было уйти лет сто, иначе никакой трубки из его корня не получится. Белый вереск был подвергнут бурному сбору, а о сохранении ресурсов на будущее никто даже и не подумал. Вследствие чего курильщикам трубок приходится теперь удовлетворяться веществами вроде пиролитического углерода, а пенка и вереск остались лишь в воспоминаниях и в коллекциях. Небольшие запасы пенки иногда обнаруживались на других планетах, и владельцы этих месторождений мгновенно обогащались. Но Эрика Арбореа или подходящий заменитель был пока встречен лишь на Земле, и нигде больше. А в наши дни подавляющее большинство курило трубки. Я и Андре дю Буа являлись отщепенцами. Трубка, которую показал мне Бейкер, была сделана из отличного вереска. Следовательно...

— Черта с два! Этот вереск стоит с десять раз больше своего веса в платине!

— Ты разорвешь мое больное сердце, если потребуешь больше восемнадцати процентов.

— Тридцать.

— Френк, будь благоразумен.

— Мы разговариваем о деле или не о деле?

— Двадцать процентов — это все, что я могу себе позволить. И это обойдется тебе в пять миллионов.

Я захохотал ему в лицо.

Из чистого упрямства и хулиганства я торговался с ним еще целый час, отменяя предложения Бейкера, и наконец настоял на своем. Мы сошлись на двадцати пяти с половиной процентах и четырех миллионах, и мне нужно было позвонить Доменику Малисти, чтобы перебросить финансы. Честное слово, мне было жаль его будить.

Вот таким образом я уладил дело с вересковым корнем. Смехотворно — это слово подходит больше, чем

«странно», но ведь мы живем в тени Большого Древа, верно?

Когда все было кончено, он похлопал меня по плечу, сказав, что я хладнокровный игрок и что лучше быть на одной стороне со мной, чем на противной, и вновь наполнил бокалы, намекнув при этом на желание перекупить у меня Мартина Бремена, потому что ему никак не удавалось завести повара-регилианца, и снова спросил, кто дал мне знать о деле с вереском.

Он посадил меня у Башни Барта — ливрея открыла мне дверцу машины, получила свою мзду, отключила улыбку и удалилась, после чего он уехал. Я отправился в «Спектр», жалея, что не поужинал в отеле и не лег пораньше спать, а вместо этого весь вечер чертил автографы на листьях.

Радио в машине наигрывало какую-то диксилендовскую мелодию: я сто лет не слышал ее. От этого и еще из-за дождя, который припустил немного спустя, мне вдруг стало одиноко и более чем грустно. Машин на улицах почти не было. Я прибавил скорость.

На следующее утро я послал курьерграмму Марлингу на Мегапее. В ней я заверил его в том, что Шимбо будет с ним до начала пятого периода и поэтому он может почитать спокойно. И еще я спрашивал, не знает ли он пейанца по имени Грин Грин, или с эквивалентным именем, — который каким-то образом может быть связан с именем Белиона. Я просил его ответить курьерграммой на имя Лоуренса Дж. Коппера, ч/п Вольная, и депешу свою я не подписал. Я планировал в этот же день покинуть Дрисколл и вернуться домой. Курьерграмма — один из быстрейших и самых дорогих видов межзвездной коммуникации, и поэтому, как я знал, пройдет пара недель, прежде чем я получу уже оплаченный ответ.

Конечно, я несколько нарушал свое прикрытие на Дрисколле, посылая депешу тайного класса с обратным адресом на Вольной, но я улетаю в тот же день и хотел облегчить себе дело.

Я расплатился за номер в отеле и поехал к дому на улице Нуаж, в последний раз окинуть дом Рут взглядом. По дороге я остановился и съел легкий завтрак.

В Малиновом дворце меня поджидала всего одна новость: что-то лежало в приемнике почты. Это был большой конверт без обратного адреса.

На конверте значилось: «Фрэнсису Сандау, по месту

жительства Рут Ларри». Я извлек конверт и вошел в дом. И не распечатывал конверта, пока не убедился, что в нем нет подвоха. Тогда я снова спрятал в карман небольшую трубочку, способную исторгнуть бесшумную и мгновенную смерть, имевшую вид естественной, уселся в кресло и открыл конверт.

Так и есть!

Еще один снимок.

На снимке был изображен Ник, старый друг Ник. Ник-карлик. Ник-покойник. Он сердито скалился сквозь бороду и явно был готов прыгнуть на фотографа. Он стоял на скалистом утесе.

«Прилетай на Иллирию. Здесь все твои друзья».

Так говорилось в записке, написанной по-английски.

Я закурил первую в этот день сигарету.

Личность Лоуренса Джона Коппера знали тут Малисти, Бейкер и Андре дю Буа.

Малисти был моим агентом на Дрисколле, и я платил ему достаточно, чтобы, как мне казалось, не бояться подкупа. Отметим, что к человеку могут применить другие средства давления, но Малисти сам узнал о моей настоящей личности лишь вчера, после того, как была произнесена кодовая фраза, являющаяся ключом к специальной инструкции. Прошло не так много времени, чтобы к нему могли успеть приложить давление.

Бейкер, с другой стороны, ничего не выигрывал, оценившись ко мне. Мы были партнерами в совместном предприятии, одной из капель в том ведре, о котором столько говорят люди. И это все. Если наши капиталы каким-то образом вступали в конфликт, то это был конфликт совершенно не персонального характера. Бейкер исключался.

Андре дю Буа тоже, как мне показалось, не принадлежал к числу разговорчивых людей, особенно после нашего разговора и моих намсков на применение крайних мер к достижению необходимого мне результата.

На Вольной тоже никто не знал о месте моего назначения, никто, кроме Секара, а его память я предварительно стер перед вылетом.

Я решил рассмотреть другую возможность.

Если Рут была похищена и ее принудили написать записку, которую она мне послала, тогда тот, кто ее похитил, мог предположить, что если яотреагирую, то получу и это письмо, а если нет — то ничего страшного.

Предположение казалось возможным.

Это означало, что на Дрисколле был человек, имя которого я не прочь был бы узнать.

Стоило ли терять время? С помощью Малисти я мог бы, наверное, выловить отправителя последнего снимка.

Но если за этим человеком находился другой человек и если тот второй не дурак, то его подчиненный будет знать очень мало и вообще может не иметь отношения к делу. Я решил пустить по следу Малисти, а о результатах пусть доложит мне на Вольную. Но сразу же звонить ему из Малинового дворца я, конечно, не стал.

Всего несколько часов спустя уже не будет иметь значения, кто знал, что Коппер — Сандау. Я уже буду в пути и никогда больше не буду Коппером.

— Все несчастья в этом мире, — сказал мне однажды Ник-карлик, — происходят из-за красоты.

— Может, из-за правды или доброты? — возразил я.

— Они тоже помогают. Но главный преступник — это красота. Вот где изначальное зло.

— А не богатство?

— Деньги — это тоже красиво.

— Что-нибудь еще, чего не хватает: еда, вода, женщины...

— Точно! — воскликнул он, с такой силой опуская на стол кружку с пивом, что в нашу сторону повернулся десяток голов. — Красота, черт ее побери!

— А как насчет красивых мужчин?

— Все они или подонки — те, которые знают, что получили все даром, или тихони, потому что знают, что остальные парни их терпеть не могут. Подонки портят жизнь остальным людям, тихони — мучают сами себя. Обычно они слегка съезжают с дорожки — и все из-за проклятой красоты!

— А как насчет красивых вещей?

— Они заставляют людей красть или завидовать, если они не могут ими завладеть, черт побери!

— Погоди. Вещь не виновата, что она красива, и симпатичные люди тоже не виноваты, что они такие. Так получилось, и все тут.

Он пожал плечами.

— Вина? А кто говорит в вине?

— Ты говорил о зле. Это уже подразумевает вину, рано или поздно. Это вне сомнений.

— Тогда красота тоже виновата, черт бы ее побрал!

— Красота как абстрактный принцип?

— Да.

— Присущий отдельным вещам?

— Да.

— Это чепуха! Вина подразумевает ответственность, какого-то рода намерение...

— Отвечать должна красота!

— Возьми еще одно пиво.

Он взял и снова рыгнул:

— Ты погляди вон на того смазливового парня возле бара.

Вон того, что старается подцепить девку в зеленом платье. Кто-то скоро даст ему в морду. А если бы он был урод, ничего такого не случилось бы.

Чуть позже Ник доказал свою правоту, расквасив парню нос, потому что тот назвал его коротышкой. Поэтому в том, что он говорил, могла быть доля истины. Ростом Ник был примерно четыре фута. У него были руки и плечи силача. Он мог кого угодно побить на кулачках. Голова у него была нормальных размеров с шапкой нормальных густых русых волос, над бородой и курносый носом голубели глаза. Нос был свернут вправо, и усмешка у него была недобрая, как правило, она открывала только с полдюжины желтоватых зубов. Но ниже пояса он весь пошел узлами. Он вырос в какой-то жутко военной семье. Отец его был генералом, и все его братья и сестры, не считая одного, были офицерами. Детство Ник провел в обстановке, насыщенной приемами военного искусства. Назовите любой вид оружия — будьте уверены, Ник умел с ним обращаться. Он умел фехтовать, стрелять, ездить верхом, закладывать подрывные снаряды, ломать доски и шеи ударом ладони, жить в дикой местности — и проваливался на любой медкомиссии в Галактике, потому что был карликом. Я нанял его в свое время как охотника, приканчивать продукты моих неудачных экспериментов. Он ненавидел все красивое и всех, кто был выше его ростом.

— То, что красивым считаю я или ты, — заявил я, — может вызвать приступ тошноты и отвращения у регилианца, и наоборот. Следовательно, красота — понятие относительное. Ты не можешь низвести ее как абстрактный принцип...

— Дерьмо! — возразил он. — Просто они воруют, насилуют и калечат из-за других вещей. И все равно это потому, что красота сидит себе посиживает и заставляет рвать жизнь на части.

— Тогда как ты можешь обвинять красоту в отдельной вещи...

— Мы с регилианцами ведем дела, так?

— Так.

— Тогда можно сделать перевод. Вот и все, и рассуждать тут нечего. Все ясно.

Потом тот смазливый парень, который пытался подцепить девицу в зеленом, прошел мимо, направляясь в известную комнату для джентльменов, и назвал Ника коротышкой, требуя, чтобы тот убрал с дороги свой стул, и на этом наш вечер в баре кончился. Ник клялся, что умрет в походе, на каком-нибудь экзотическом сафари, но на самом деле нашел свою вершину Килиманджаро в госпитале на Земле, где его вылечили от всего, что его беспокоило, кроме ураганного воспаления легких, которое он подхватил в госпитале.

Случилось это примерно двести пятьдесят лет назад. На похоронах я нес покрывало.

Я раздавил свою сигарету и направился к скользанке. Что бы ни прогнило в Миди, я займусь этим позднее. Сейчас пора было улетать.

Мы слишком крепко связаны с покинувшими этот мир.

Все две недели пути я размышлял над тем, что обнаружил, и поддерживал себя в форме. Когда я вошел в систему Вольной, жизнь моя осложнилась еще более, потому что, как обнаружилось, Вольная раздобыла еще один спутник. Искусственный, разумеется.

«ПРОКЛЯТЬЕ! = В ЧЕМ ДЕЛО?»

— послал я запрос кодом на Вольную.

Пришел ответ:

«ПОСЕТИТЕЛЬ. ЗАПРОШЕНО РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОСАДКУ. ОТКАЗАНО. ПРОДОЛЖАЕТ ОБЛЕТ. ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ОН АГЕНТ ЗЕМНОЙ РАЗВЕДКИ».

«ПУСКАЙ САДИТСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ МОЕЙ ПОСАДКИ!»

— ответил я.

Пришло подтверждение получения моей инструкции, и я вывел «Модель-Т» на низкую орбиту и стал сужать круги все ниже и ниже.

После веселой встречи со зверушками я укрылся в до-

ме, принял душ, избавился от копперовского грима и переселся к обеду.

Итак, что-то все-таки заставило богатейшее правительство из всех существующих санкционировать путешествие какого-то малообеспеченного гражданского чиновника на одном из дешевейших межзвездных средств передвижения.

Я поклялся по крайней мере как следует его накормить.

Глава 3

Льюис Бриггс и я изучали друг друга, разделенные остатками обеда и широким столом, который они занимали. Предъявленные им бумаги удостоверяли, что податель сего является агентом Центрального Департамента Разведки Земли. Внешностью он напоминал выбритую обезьяну. Это был маленький, высохший, сморщенный человек с неотступно-назойливо-любопытствующим взглядом. К тому же ему явно пора было на пенсию. Когда он представлялся, то держался немножко робко, но обед, как оказалось, произвел на него расслабляющее действие, и заикание прекратилось.

— Обед был превосходным, мистер Сандау. Теперь, если позволите, я хотел бы обсудить дело, по которому я прибыл сюда.

— Тогда давайте перейдем наверх. Там мы сможем подышать свежим воздухом.

Мы встали из-за стола, захватив с собой наши бокалы, и я повел его к лифту.

Пять секунд спустя лифт доставил нас в сад на крыше, и я жестом пригласил усаживаться в шезлонги под каштанами.

— Здесь вам удобно?

Он кивнул и опустилсЯ в шезлонг. Сумерки дышали прохладным бризом.

— Это врежется в память и впечатляет,— проронил он, оглядывая погруженный в тени сад.— Вы умеете удовлетворять все свои прихоти.

— Та прихоть, в которой мы сейчас находимся, рассчитана на полную маскировку места при разведке с воздуха.

— О, об этом я даже не подумал!

Я предложил ему сигару, от которой он отказался. Поэтому я закурил сам и поинтересовался:

— Итак, о чем вы должны были со мной поговорить?

— Вы согласитесь отправиться вместе со мной на Землю и встретиться с моим начальником?

— Нет. На этот вопрос я ответил уже дюжину раз в дюжине писем. Земля вредно действует на мою нервную систему. Такое потрясение мне уже не под силу. Поэтому я и живу здесь. На Земле слишком тесно, там полно бюрократов. Это совершенно нездоровое место и страдает к тому же от такого количества массовых психозов, что их не перечислишь. Что бы ни хотел мне сказать ваш начальник, вы можете сказать вместо него, а я отвечу вам, и вы передадите ему ответ.

— Обычно, — произнес он, — такие вещи решаются на уровне отдела.

— Мне очень жаль, и поэтому я готов, если потребуются, оплатить кодированную курьерграмму отсюда на Землю.

— Ответ слишком дорого обойдется Департаменту. Бюджет, вы меня понимаете.

— Ради Бога, я оплачу и ответ! Только прекратите забивать мне почтовый ящик этими письмами, которые до сих пор странным образом именуются почтой наземной доставки.

— Нет! Ни в коем случае! — В его голосе зазвучали панические нотки. — Прежде подобным образом никогда не поступали. Человеко-часы, затраченные на решение вопроса об оплате вашего ответа, окажутся слишком дорогостоящими!

Я глубоко вздохнул о твоей судьбе, мать-Земля. Что за чудесные создания оккупировали тебя? Вот правительство — оно рождается, сторожит границы, потом наступает пора затвердения, специализации, рождаются слои управления и цепи команд. Да-да, об этом говорил еще Макс Вебер. Он считал бюрократию неизбежным результатом эволюции всякого учреждения, и он думал, что это хорошо. Если считаете нужным, после последнего слова поставьте запятую, добавьте восклицание «Боже!». Потому что в истории любой бюрократии наступает время, когда система начинает пародировать саму себя. Вспомните, что сотворила застрявшая машина громадной Австро-Венгерской империи с Кафкой, а русская — с Гоголем. Бедняги, они потеряли разум. И вот теперь я видел перед собой человека, выжившего в общении с бесконечно более сложной структурой. Это указывало на то, что его умственные способности находились на уровне

не ниже среднего и он эмоционально уравновешен, или наоборот: что он был мазохистом с железной волей. И поэтому, мать-Земля, я внутренне рыдал о тебе в тот момент грандиозного парада, называемого Время: мимо проходят клоуны, и все знают, что где-то внутри их сердца навеки разбиты.

— Тогда скажите, что вам от меня нужно, и я отвечу вам сразу на этом самом месте.— Мне все это начинало надоедать.

Он вытащил из внутреннего кармана запечатанный конверт, украшенный многочисленными штампами и значками службы безопасности, которые я не стал внимательно изучать, даже после того, как он вручил конверт мне.

— В случае, если вы откажетесь вернуться вместе со мной на Землю, я должен вручить вам это.

— А если бы я согласился лететь, что бы вы сделали с конвертом?

— Вернул бы его начальнику.

— Чтобы он вручил его мне?

— Вероятно.

Я разорвал конверт и вытащил листок бумаги.

В сумеречном вечернем свете я поднес листок поближе к глазам, чуть прищуриваясь. Это был список шести имен, и я тщательно следил за выражением лица посетителя, пока читал его.

Это были имена людей, которых я ненавидел или любил, и все они были из давно покрывшегося пылью списка некрологов.

А кроме того, все они фигурировали на первом плане в шести фотоснимках, которые мне в недалеком прошлом довелось узреть.

Я выдохнул облачко дыма, свернул лист, положил его в конверт и опустил на столик между нами.

— Что это должно означать?— поинтересовался я немного спустя.

— Все они — потенциально живы. Я прошу вас уничтожить список при первой же возможности.

— Ладно. А почему они считаются потенциально живыми?

— Потому что были похищены их Воспроизводящие Ленты.

— Каким образом?

— Этого мы не знаем.

— И вы прилетели сюда...

— ...потому что вы — единственная зацепка, которую мы смогли обнаружить. Вы знали их всех.

Первой моей реакцией было недоверие, но я не подал виду и ничего не сказал. Воспроизводящие Ленты, как я полагал, — это была единственная вещь во Вселенной, которую невозможно было украсть или раздобыть каким-то способом. Тридцать дней длится их короткая жизнь — и потом не остается и следа. Я сам пытался добраться до такой Ленты однажды — и ничего не вышло. Их охранники не поддаются подкупу, их хранилища абсолютно недоступны.

И по этой причине я тоже никогда теперь не посещаю Землю. Я не переносю необходимости носить воспроизводящую панель, даже короткое время. Все рождающиеся на Земле получают такую панель с первого дня жизни — она подсаживается в их тела. Лица, посещающие Землю или временно живущие там, обязаны носить панель, пока не покинут Землю.

Эти панели транслируют электромагнитную матрицу нервной системы. Они записывают подвижный отпечаток человеческого бытия, каждый из которых так же уникален, как и отпечатки пальцев. Их назначение — передать финальное состояние матрицы в момент смерти человека. Смерть — спусковой крючок, пуля — психика человека, цель — сенсоры машины. Это очень сложная и громоздкая машина, и она записывает принятые сигналы на отрезок Ленты, который спокойно умещается на вашей ладони. Все, чем человек был или надеялся быть, — теперь будет весить меньше унции. А через тридцать дней Ленту уничтожат. Так-то вот! И все.

Но бывали случаи, очень редкие и хранящиеся в секрете, — когда Ленты постигала иная участь. Назначение этого сложного и дорогостоящего процесса состоит в следующем: имеются люди, которые, умирая внезапно во время пребывания на планете Земля, уносят в эту слезную долину небытия информацию, необходимую экономике, технологии, национальным интересам Земли. Вся система воспроизведения и направлена на возвращение этих ценных данных. Но даже сверхмогучая машина не в состоянии извлечь из Ленты всю необходимую информацию. Поэтому у каждого носителя панели берется и замораживается образец ткани. Эту ткань вместе с Лентой хранят тридцать дней и тоже уничтожают. Если необходимо совершить воспроизведение, то из образца ткани выращивается целое новое тело с помощью РУРа, Резер-

вуара Ускоренного Роста, которое полностью дублирует старое, не считая того, что мозг его — чистый лист. На этот чистый лист накладывается затем записанная матрица сознания, и новый индивид обладает теперь всеми мыслями и памятью погибшего оригинала вплоть до самого момента смерти. И он способен теперь сообщить информацию, которую Мировой Конгресс считал требующей воспроизведения. Вся система находится в квадратной, в четверть мили площадью, крепости в Далласе и охраняется, как зеница ока.

— Вы полагаете, что это я похитил Ленты?— спросил я.

Он скрестил и снова расправил ноги и отвел взгляд.

— Согласитесь, что здесь имеется система, и она каким-то образом связана с вами.

— Все это так, но я не крал Лент.

— Но согласитесь, что однажды вы уже были под следствием по обвинению в попытке подкупить работника правительства и получить в свое владение Ленту вашей первой жены, Кэтрин?

— Это зафиксированный факт, и я не буду его отрицать. Но обвинение было отброшено.

— Верно, вы могли позволить себе нанять слишком много отличных адвокатов, и Ленту вы в конце концов так ведь и не получили. Но позже она была похищена, и лишь годы спустя мы обнаружили, что она не была уничтожена в назначенный расписанием день. Вас сюда мы не могли привязать никоим образом. Но и связаться с вами тогда мы тоже не могли.

Я улыбнулся, заметив, как он сделал ударение на слове «связаться». У меня тоже есть своя система безопасности.

— И что же, по-вашему, я сделал бы с Лентой, если бы завладел ею с некоей целью?

— Вы богатый человек, мистер Сандау, один из немногих, кто может позволить себе дублировать оборудование для воспроизведения. И ваше обучение...

— Признаюсь честно, что такое желание у меня однажды было. И поскольку я не получил Ленту, то попытка так и не была осуществлена, к сожалению.

— Тогда как вы объясните остальные происшествия? Последовательные хищения, происходившие на протяжении всков. И все они касаются ваших друзей.

— Я не обязан ничего объяснять, и тем более вам. Но я скажу вам вот что: я их не трогал. И до настоящего момента даже не имел понятия о том, что они похищены.

«Но великий Боже! Это же та самая шестерка!»

— Принимая ваше утверждение за правду на настоящий момент,— продолжал он,— не могли бы вы дать нам какой-нибудь ключ к вопросу: кто мог бы быть так заинтересован в этих людях, чтобы пойти на такие крайности?

— Я не могу вам ничем помочь,— ответил я, видя в своем воображении Остров Мертвых. Я понимал, что мне самому придется выяснять эту загадку.

— Мне кажется,— произнес Бриггс,— что я должен напомнить вам о том, что это дело не будет закрыто до тех пор, пока мы не добудем достоверных сведений о местонахождении Лент.

— Понимаю,— согласился я.— Не скажете ли, сколько незакрытых дел на счету вашего Департамента к настоящему моменту?

— Количество не имеет значения. Дело в принципе. Мы никогда не сдаемся.

— Нет, просто я слышал, что таких дел слишком мало,— заметил я,— и все они очень уж заросли пылью.

— Как я понимаю, вы отказываетесь сотрудничать с нами?

— Не «отказываюсь». Просто не могу. Я ничего не могу вам рассказать.

— И на Землю вы со мной не вернетесь?

— Чтобы ваш шеф повторил все, что вы мне только что сказали? Нет, спасибо. Передайте ему, что я очень сожалею. Скажите, что я помог бы, если бы смог, но просто не вижу, как я могу это сделать.

— Хорошо. Тогда я подумаю. Мне пора. Благодарю за обед.

Льюис Бриггс поднялся.

— Вы вполне можете остаться до утра и отлично выспаться в удобной кровати,— предложил я ему.

Он покачал головой:

— Спасибо, но я не могу. Я должен дать отчет за каждый день, проведенный на задании.

— А как считаются дни, когда вы в субпространстве?

— Это сложная система,— ответил Бриггс.

Итак, я принялся ждать почтальона. Это большая факсимиль-машина, которая превращает полученные по бучу сообщения в письма и передает их Секару, а тот их сортирует и подает в мою приемную корзинку. Тем временем я готовился к посещению Иллирии. Я проводил Бриггса до самого взлетного поля. Я видел, как он сел в

корабль, и проследил за взлетом по своей системе мониторов, пока его корабль не покинул систему Вольной. Я предполагал, что в один прекрасный день я снова увижу Бригтса или его начальника, если мне удастся и в самом деле разузнать, что происходит, и вернуться потом домой. Мне стало ясно, что, кто бы ни ждал меня на Иллирии, банкетов в мою честь он давать не станет. Вот почему подготовка состояла в основном в выборе оружия. Пока я перебирал и откладывал смертоносные игрушки младшего разряда из моего арсенала, я размышлял о воспроизведении.

Бригтс был прав, конечно. Только очень богатый человек может продублировать дорогое воспроизводящее оборудование, такое же, что упрятано в Далласе. Потребуется и определенная исследовательская работа, потому что некоторые тонкости процесса до сих пор содержались в строгом секрете. Я искал подходящие кандидатуры среди моих конкурентов. Дуглас? Нет. Он меня ненавидел, но к таким изощренным способам, чтобы разделаться со мной, прибегать бы не стал. Креллсон? Этот сделал бы, если бы мог, но я держал его под таким скрупулезным наблюдением, что был уверен — ничего столь масштабного он не предпринимал. Леди Гноил с Ригаля? Практически она впала в старческое слабоумие. Империей руководят дочери, и они вряд ли пойдут на такие расходы ради мести, и в этом я был уверен. Кто же тогда?

Я проверил свои записи, в них финансовые операции такого масштаба не отмечались. Поэтому я послал курьерграмму в Центральное Регистрационное Отделение местного астрораиона. Но прежде, чем пришел ответ, я получил сообщение от Марлинга — ответ на мою депешу с Дрисколла.

**«ПРИЛЕТАЙ НА МЕГАПЕЮ НЕМЕД-
ЛЕННО».**

Вот и все, что в нем говорилось. Никаких формальных украшений, характерных для стиля пейанца. Одно лишь голое предположение и повелительное наклонение. Предположение, причем не одно, с моей стороны, а повелительное наклонение в курьерграмме от Марлинга. Значит, требовалось поспешить. Или Марлингу стало хуже, чем я мог предполагать, или мой запрос вызвал большие волны.

Я приказал послать курьерграмму о моем вылете и отправился в путь.

Глава 4

МЕГАПЕЯ. Если вы выбираете место умереть, то вполне разумно выбрать место поудобнее. Пейанцы так и сделали и поступили мудро, как мне кажется. Место это, как мне говорили, было довольно заброшенным, но они сначала как следует поработали над ним, потом переселились и принялись доживать дни тихой старости.

Диаметр Мегапей составляет семь тысяч миль. В северном полушарии имеется два больших континента и еще три поменьше в южном. Большой из северных континентов напоминал высокий чайник с отломанной ручкой, который наклонили, чтобы налить чаю. Второй похож на лист плюща, от которого некая прожорливая гусеница отгрызла приличный кусок на северо-западе. Эти континенты разделены восемью сотнями миль и днище меньшего на пять градусов забирается в тропическую зону. Континент-чайник размерами приблизительно равен Европе. Три континента в южном полушарии выглядят как континенты, то есть неправильной формы осколки зелени и коричневого, окруженного кобальтом моря, и ничего больше они мне не напоминают. По всему шару планеты разбросано много довольно больших островов и множество маленьких. Полярные шапки невелики и тенденций к увеличению не проявляют. Температура приятная, потому что плоскость эклиптики и экватора весьма близки. У всех континентов красивые берега и мирного вида горы, и множество пространств для любого вида приятного пейзажа, какой вы только можете вообразить. Так все задумали пейанцы.

Тут нет больших городов, и город Мегапей на континенте Мегапей планеты Мегапей — совсем небольшой город; следовательно, Мегапей — это тот континент, который похож на надгрызенный лист. Город Мегапей расположен на берегу моря в средней точке выеденного куска. Между двумя ближайшими жилищами в черте города лежит расстояние не менее мили.

Я совершил два оборота на орбите, потому что хотел посмотреть вниз и полюбоваться искусной работой. И по-прежнему не мог найти ни единой детали, которую стоило бы изменить. Во всем, что касалось древнего искусства, они были учителями, и так предполагается во все будущие времена.

Память нахлынула потоком о тех счастливых давних днях, когда я еще не стал богатым и знаменитым, когда у

меня еще не было врагов и завистников. Население всей планеты было меньше миллиона. Вероятно, я мог бы затеряться там, внизу, и провести на Мегатее остаток жизни. Но я знал, что не стану этого делать. Пока, во всяком случае. Но иногда приятно погрезить наяву.

На втором витке я вошел в атмосферу, и немного спустя вокруг запел ветер, и небо из индигового превратилось в фиолетовое, и потом в темно-лазурное. Несколько прядей облачков повисли в глубине между реальностью и небытием.

Местность, на которую я опустился, была практически двором дома Марлинга. Я замкнул корабль и, захватив небольшой саквояж, зашагал к башне. Идти нужно было примерно с милю.

Когда я брел по знакомой дороге в тени широколиственных деревьев, я тихонько засвистел один раз, и птица повторила ноту. Я чувствовал запах моря, хотя видеть его не мог. Все было таким же, как годы назад, в те дни, когда я поставил перед собой неразрешимую задачу и вышел на борьбу с богами, надеясь обрести забвение и найдя нечто совсем другое. Воспоминания, словно диапозитивы, загорались одно за другим, пока я, последовательно, встречал на пути громадный, заросший мохом валун, или необычное гигантское партоновое дерево, или крибла (существо, размером с небольшую лошадь, похожее на собаку бледно-лилового цвета, с длинными ресницами и короной розовых перьев на голове), который быстро убежал прочь, или желтый парус, когда показалось море. Затем я увидел причал Марлинга на берегу бухты, а позже и саму башню, суровую, высокую, вознесшуюся над плещущими волнами под солнечным небом, гладкую, как зуб, и древнюю, еще древнее меня.

Последние сто ярдов я почти бежал и, добежав, застучал по решетке, закрывавшей вход в виде арки, ведущий в небольшой внутренний двор.

Минуты через две показался некий молодой псайанец и остановился по ту сторону, рассматривая меня. Я заговорил с ним по-пейански.

— Меня зовут Фрэнсис Сандау. Я пришел увидеть Дра Марлинга.

Услышав это, псайанец открыл решетку. Но, по их обычаю, он заговорил лишь после того, как я вошел во двор.

— Добро пожаловать, Дра Сандау. Дра Марлинг примет вас после того, как колокол известит о приливе. Позвольте

показать вам место, где вы отдохнете. Я принесу вам туда легкой еды и освежающих напитков.

Я поблагодарил его и последовал за ним по винтовой лестнице.

В комнате, куда он привел меня, я немного перекусил. До прилива оставалось больше часа, поэтому я закурил сигарету и стал наблюдать за океаном из широкого низкого окна, рядом с которым находилась ложе-кровать. Локти я упер в подоконник, который был серым и более прочным, чем интерметаллидный пластик.

Странный образ жизни, говорите? Раса, умеющая практически все, человек, такой, как Марлинг,— умеющий создавать миры? Возможно. Марлинг мог бы быть богаче меня и Бейкера, вместе взятых и помноженных на десять, если бы пожелал. Но он выбрал башню на крутом берегу у моря и лес за ней и решил жить здесь, пока не умрет, что потихоньку и делает. Я не стану выводить мораль и рассуждать о стремлении уединиться от контактов со сверхцивилизованными расами, заплонившими Галактику, или отвращении ко всякому обществу соплеменников. Всякое объяснение будет слишком простым. Он жил здесь, потому что хотел жить здесь, и дальше этого факта я заглянуть не могу. И все же мы с ним были родственными душами, я и Марлинг, несмотря на наши разные крепости. И он заметил это раньше, чем я, хотя каким образом он мог определить, что Сила действительно тлеет где-то внутри несчастного инопланетника, оказавшегося у ворот его башни много столетий тому назад,— этого я понять не могу.

Устав от скитаний, напуганный Временем, я отправился искать совета у расы, которую называли старейшей. Страх, охвативший меня в ту пору, я с трудом могу описать. Вряд ли вы понимаете, что это такое — видеть, как все умирает и все умирают. Но именно поэтому я отправился на Мегапею. Не должен ли я рассказать вам немного о себе? И ожидая удара колокола, я снова рассказал сам себе эту историю.

Я родился на планете Земля в середине XX века. Это был период истории, когда раса человека успешно отбросила в сторону многие табу и традиции, веселилась некоторое время, потом обнаружила, что никакой, собственно, разницы не получилось: человек был таким же мертвым, когда умирал, и по-прежнему перед ним старые проблемы жизни и смерти, как и раньше, осложненные тем фактом, что Мальтус оказался прав. Я покинул колледж в конце

второго курса и пошел в армию. Вместе со мной записался и младший брат — он только что окончил школу. Таким вот образом я открыл Токийский залив. Затем я снова вернулся в колледж, чтобы стать инженером, но решил, что это ошибка, и захотел поступить на медицинский. Где-то на моем извилистом пути стремлений я попал под увлечение биологией, и в особенности экологией. Мне было двадцать шесть лет, и шел 1991 год. Отец мой умер, мать вышла замуж во второй раз. Я влюбился в девушку, сделал предложение, получил отказ и подал заявление на участие добровольцем в одной из первых попыток достичь другой звездной системы. Мне помогла разнообразная подготовка, и я был заморожен для столетнего путешествия. Мы достигли Бартона, начали создавать колонию. Не прошло и года, как меня поразила местная болезнь, от которой у нас не было средств, не говоря уже о ее названии. Тогда меня вторично заморозили в той же камере. Двадцать два года спустя я был выпущен на свет божий. К тому времени прибыло еще восемь транспортов с колонистами, и вокруг простирался новый мир. В тот же год прибыло еще четыре корабля с колонистами, из них осталось лишь два. Остальные должны были продолжить полет к еще более отдаленной системе, чтобы присоединиться к еще более новой колонии. Я раздобыл место на одном из кораблей флотилии, обменявшись с колонистом, который решил, что и первого этапа полета с него хватит. Это была единственная в моей жизни возможность, или мне так показалось, и поскольку я не мог вспомнить даже лица, не говоря об имени, той девушки, что побудила меня на первоначальный порыв, то желание мое было продиктовано, я уверен, единственно любопытством и тем фактом, что окружающая среда старой колонии уже была окультурена и укрощена, и я в этом укрощении не принимал участия. Прошло столетие с четвертью, прежде чем мы достигли цели назначения, и планета мне совсем не понравилась. Поэтому я попросился в экипаж дальнего рейса всего лишь через восемь месяцев, проведенных на планете, для перелета за двести двадцать семь лет на Бифрост, которому предстояло в случае нашей удачи стать самым дальним форпостом человека в космосе. Бифрост оказался мрачным и неприветливым миром, он меня напугал. Я стал подумывать о том, что мне не было предназначено стать колонистом. Я отправился в новый перелет, — и все, было уже поздно. Люди оказались неожиданно расселенными повсюду, были установлены контакты с

разумными существами, межзвездные путешествия занимали недели и месяцы вместо столетий. Смешно? Я тоже так думал. Я подумал, что все это одна большая шутка. Потом мне сказали, что я являюсь, по всей видимости, старейшим из всех живущих людей и, без сомнения единственным представителем XX века. Люди рассказывали мне о Земле. Показывали фотографии. И я уже больше не смеялся, потому что Земля стала совсем другим миром. Внезапно я стал очень одиноким. Все, что я учил в школе, было теперь на уровне средних веков. Что же я сделал? Я решил поискать себе место в жизни. Я вернулся в школу, обнаружил, что в состоянии еще учиться. Но страх не покидал меня ни на минуту. Я чувствовал себя не в своей тарелке. И тогда я услышал об одной вещи, которая могла мне помочь, избавить меня от чувства, будто я — последний житель Атлантиды, бредущий по Бродвею, вещи, которая могла дать мне превосходство над странным миром, в котором я оказался. Я узнал о пейанцах — в те времена только что обнаруженной расе, для которых все чудеса Земли XXVII века, включая и способы лечения, прибавившие позже пару веков к моей средней продолжительности жизни, могут оказаться сущим каменным веком. И я прилетел на Мегапёю — наполовину не в своем уме, подошел к первой попавшейся башне, постучал в ворота, пока кто-то не вышел, и попросил:

— Научите меня, пожалуйста...

Это оказалась башня Марлинга, чего я совсем не мог знать, Марлинга, одного из двадцати шести Имя-носящих, что еще жили.

Когда прозвучал звон приливного колокола, за мной пришел молодой пейанец. Он проводил меня по ступеням винтовой лестницы наверх. Он первым вошел в комнату, и я услышал голос Марлинга, приветствовавший его.

— Дра Сандау решил провести вас, — сообщил пейанец.

— Тогда проси его войти.

Молодой пейанец вышел от Марлинга и произнес:

— Он просит вас войти.

— Благодарю.

И я вошел.

Как я и предчувствовал, Марлинг сидел спиной ко мне, лицом к окну на море. Три широких стены его всеобъемлющей комнаты были светло-зелеными, напоминая цветом кадент, и кровать его была низкой, длинной и узкой. Одна

стена была громадной консолью, немного запылившейся, а возле кровати на столике, который вполне могли не двигать с места уже несколько веков, по-прежнему стояла оранжевая фигурка животного, похожего на прыгающего рогатого дельфина.

— Добрый день, Дра,— промолвил я.

— Подойди сюда, чтобы я тебя увидел.

Я обошел его кресло и остановился перед ним. Он похудел, а его кожа стала темнее.

— Ты быстро прилетел,— заметил он, а его глаза всматривались в мое лицо.

Я кивнул:

— Ты сказал «немедленно».

Он зашипел и защелкал — у пейанцев это означает смехок.

— Что думал ты о жизни в последнее время?

— Что она достойна уважения и боязни.

— А как твоя работа?

— Одну я закончил, за следующую пока не брался.

— Садись.

Он указал на скамью рядом с окном, и я перешел туда.

— Расскажи мне, что случилось?

— Фотографии. Я стал получать снимки людей, которых знал раньше и которые уже давно мертвы. Все они умерли на Земле. Совсем недавно я узнал, что их Воспроизводящие Ленты были похищены. Поэтому возможно, что сейчас они опять живы — в некоем месте. Затем я получил вот это.

Я протянул ему письмо, подписанное «Грин Грин». Он поднес его к самым глазам и медленно прочел.

— Ты знаешь, где находится Остров Мертвых?

— Да. Это на планете, которую я сам создал.

— Ты полетишь?

— Должен полететь.

— Грин Грин... Я думаю, это Грингрин-тари из города Дипек. Он тебя ненавидит.

— Почему? Я его даже не знаю.

— Это не имеет значения. Его оскорбляет одно твое существование. Естественно, он намерен отомстить. Очень печально.

— Действительно, особенно если это ему удастся. Но каким образом мое существование нанесло ему обиду?

— Ты единственный чужепланетник, ставший Имя-носящим. Одно время считалось, что лишь пейанец способен овладеть искусством, которым овладел ты, и далеко не

каждый пейанец был на это способен. Конечно, Грингрин сам прошел обучение и завершил его. Он должен был стать двадцать седьмым. Но он провалился на последнем испытании.

— На последнем испытании? Я предполагал, что это почти чистая формальность.

— Нет. Возможно, это так тебе показалось, но на самом деле все не так. И вот, после полувека занятий с Делгrenom из Дильпеи, он не был принят в наши ряды. Он был несколько этим обеспокоен. Он часто повторял, что последний принятый в Имя-носящие не был пейанцем. Потом он покинул Мегапею. При его знаниях он, конечно, быстро, очень быстро разбогател.

— Как давно это было?

— Несколько столетий тому назад. Кажется, шесть.

— И ты думаешь, что все это время он продолжал ненавидеть меня и планировать святую месть?

— Да. Спешить было некуда, а хорошая месть требует тщательной подготовки.

Всякий раз испытываешь странное чувство, когда пейанец говорит что-то в этом роде. Сверхцивилизованный народ, они тем не менее сделали месть и вендетту образом своей жизни. Несомненно, это одна из причин малочисленности пейанцев. Некоторые из них ведут даже книги вендетт — длинные, подробные списки людей или лиц, с которыми следует свести счеты, чтобы не позабыть кого-нибудь, кого они намерены наказать. Сюда же включаются отчеты о ходе каждой операции по отмщению. Месть ничего не стоит для пейанца, если только это не сложная, тщательно подготовленная и приведенная в действие схема, которая приводит к точно рассчитанному результату через много лет после того, как была нанесена сама обида. Мне объяснили, что все удовольствие заключается именно в планировании и предвкушении результата. Смерть жертвы собственно, а также безумие, унижение или обезображивание, являющееся результатом акции, считаются вторичными эффектами. Марлинг однажды признался мне, что вел одновременно три подготовки к мести, в общей сложности покрывавших тысячелетия. Это и в самом деле образ жизни. Это предмет, занятие которым дает массу положительных эмоций, когда все остальные дела идут отвратительно. Удовлетворение приносит само наблюдение за тем, как развитие акции переходит из одной фазы в другую, как один маленький триумф за другим ведет к окончательной развязке. И в тот момент, когда со стара-

нием вырезанная и отполированная дубина опускается на голову жертвы, автору надлежит получить громадное эстетическое наслаждение, как утверждают некоторые, он может пережить и мистическое озарение. Детей знакомят с этой системой с самого раннего детства, чтобы они успели изучить ее как следует,— это необходимо для достижения ими преклонного возраста. Мне пришлось изучать ее наспех, и до сих пор я хромал по некоторым наиболее тонким вопросам.

— Какие будут предложения?— спросил я.

— Все очень просто — один из вас должен будет умереть. Этим разрешится ваше противостояние и все противоречия. Если погибнет он, тебе не надо торопиться. Если погибнешь ты, мои наследники отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— Не за что.

— А какое к Грингрину отношение имеет Белион?

— Он с ним.

— Каким образом?

— Эти двое сумели каким-то образом договориться.

— И...?

— Больше я ничего не знаю.

Помолчав, он добавил:

— Давай посмотрим, как поднимается вода.

— Посмотрим, Дра.

Я повернулся и смотрел, пока он не заговорил снова, примерно полчаса спустя.

— Вот и все.

— Все?

— Да.

Небо темнело, и больше уже не было парусов. Я слышал море, чувствовал его запах, вдали блеск звездными искрами его громадный черный бок. Я знал, что скоро вскрикнет невидимая птица, и она вскрикнула. Долго я сидел, не шевелясь, и в соответствующем отделе моего сознания я видел и перебирал многие вещи, которые были оставлены мною так давно, что я их почти забыл, и другие вещи, которые я никогда полностью не понимал. Большое Дерево рухнуло, Долина Теней исчезла, а Остров Мертвых оказался лишь обломком скалы, который бросили посреди Залива, и он быстро шел ко дну. Без всплеска. Я был один, я был совершенно один. Я знал, какие слова сейчас я услышу, и затем, немного позже, я их услышал:

— Пойдем со мной этой ночью,— промолвил он.

— Дра...

Молчание.

— Именно сегодня ночью?— спросил я.

Молчание.

— Где же пребудет тогда Лоримель Многорукий?

— В счастливом ничто, дабы прийти опять. Как всегда.

— А твои враги и долги?

— Все и всем уплачено.

— Ты говорил о пятом сезоне в будущем году.

— Теперь срок другой.

— Понимаю.

— Мы проведем ночь в беседе, Землерожденный, чтобы до восхода я успел передать тебе мои главные секреты. Садись.

Я сел у его ног, как в те дни, что различимы далеко за дымом памяти, когда я был моложе. Он начал говорить, и я закрыл глаза, вслушиваясь.

Он знал, что делает, знал, что хочет.

Но от этого моя печаль и страх не уменьшились. Он избрал меня в сопровождающие... Я буду последним живым существом, которое он увидит. Это была высочайшая честь, и я ее не заслужил. Я не воспользовался тем, что он мне дал когда-то, так хорошо, как мог бы. Я многое испортил. И я знал, что он знает это. Но это было не важно. Он выбрал меня. И поэтому во всей Галактике лишь он один мог напомнить мне об отце, умершем тысячу с чем-то лет назад. Он простил мне мои промахи.

Страх и печаль...

Почему сейчас? Почему он выбрал это время?

Потому что другого могло бы и не оказаться.

Было совершенно очевидно, что, по мнению Марлинга, я, скорее всего, не вернусь из рискованного похода. Поэтому эта встреча должна стать нашей последней. «Человек, я пойду с тобой бок о бок, в любой нужде тобою буду я руководить». Эти слова произносит Знание, но они отлично подходят и для Страху. У них много общего, если вы на минуту задумаетесь над этим.

Вот почему я боялся.

О печали мы тоже не говорили. Такой разговор оказался бы не к месту. Мы говорили о мирах, которые мы создали, о планетах, нами построенных и заселенных, о всех науках, участвующих в превращении кучи хлама в жилище, и естественно, мы разговаривали об искусстве. Экологическая игра безмерно сложнее любых шахмат, она за пределами возможностей лучших компьютеров. Это оттого,

что проблемы здесь имеют скорее эстетическую, чем научную природу. Да, она требует напряжения всех мыслительных способностей всех семи черепных зон, но прилив чего-то, что лучше всего описывается словом «вдохновение», играет решающую роль. И мы говорили о вдохновении, и ночной морской ветер стал вдруг резким и холодным, и мне пришлось затворить окно и побеспокоиться об огне, который в богатой кислородом атмосфере пылал, как святая реликвия. Я не могу вспомнить ни одного слова из сказанных в ту ночь, лишь глубоко внутри меня сохраняются безмолвные картины, которыми мы обменивались. Теперь это только память. «Вот и все», — так сказал он, и скоро наступила заря.

Он отдал мне корни ГЛИТТЕНА, когда небо лишь посерело в предвечии рассвета, потом посидел немного, и после этого мы совершили последние приготовления.

Примерно три часа спустя я призвал слуг и велел им нанять погребальников, а также послать людей в горы, подготовить фамильный склеп Марлинга. Используя оборудование Марлинга, я послал формальные приглашения всем двадцати пяти Имя-носящим, что еще жили, и всем друзьям, и тем, кого он хотел пригласить на похороны. Потом я подготовил, как требовалось, старое зеленое тело, которое он носил, и отправился на кухню позавтракать. Затем, закулив сигару, я бродил вдоль ярко-голубого моря, где пурпурные и ярко-желтые паруса опять прочертили горизонт. Я нашел маленькое приливное озерцо, уселся на берег и курил, раздумывая.

Я чувствовал онемение, так точнее всего можно описать мои ощущения. Я был уже здесь — там, откуда я только что вышел, и, как в прошлый раз, я покинул это место с нечитаемыми письменами на душе. Если бы я снова мог почувствовать страх или печаль, что угодно! Но я ничего не чувствовал, даже злости. Это придет позже, я знал, а пока я слишком юн или слишком стар.

Отчего так ярок день и море так искрится у моих ног? Почему соленый воздух так приятно спорает внутри меня и музыкой звучат в ушах крики лесной жизни за спиной? Природа далеко не так сострадательна, как хотели бы поэты. Лишь люди иногда горюют, если вы закрыли за собой двери и больше не откроете их никогда. Я останусь на Мегапее еще немного и услышу литанию Лоримеля Много-рукого, пока тысячелетней давности флейты будут покрывать ее, словно покрывало статую. Затем Шимбо еще раз отправится в горы в процессии с остальными, и я, Фрэнсис

Сандау, увижу, как открывают серую, черную воронку склепа. Я задержусь еще на несколько дней, чтобы помочь привести в порядок дела моего наставника, а потом отправлюсь в путь. Если в конце меня ждет то же самое,— что ж, такова жизнь.

И на том пришел конец ночным мыслям в час разгара утра. Я поднялся и вернулся в башню. Ждать.

В последовавшие дни снова явился Шимбо. Словно во сне, я помню звуки грома. Гром и флейты, огненные иероглифы молний над горами, среди туч.

На этот раз Природа тоже рыдала, потому что Шимбо дернул за проволоку звонка. Я помню серо-зеленую процессию, которая прошла по извилистой дороге через лес, а потом мокрая земля сменилась камнем и лес кончился. Я шел за скрипящей повозкой с положенным убором Шимбо на голове, плечи жег траурный плащ, в руках я нес маску Лоримеля, глаза ее покрывала полоска черной ткани. Никогда больше не будет загораться его изображение в святилищах, пока кто-то другой не получит это Имя. Я понимал, что в этот момент движения процессии он горел в последний раз во всех святилищах по всей Галактике. Потом затворились последние двери, серые, черные, угольные. Какой странный сон, ужели?

Когда все кончилось, я неделю провел в башне, как от меня и ожидали. Я постился, и мысли мои принадлежали лишь мне. В один из этих дней пришел ответ из Центрального Регистрационного Отделения — через Вольную. Но я не дотронулся до него до конца недели, а когда прочел, то узнал, что Иллирия находится в собственности компании «Гриновские Разработки».

Прежде чем день подошел к концу, я уже знал наверняка, что компания «Гриновские Разработки» — это Грингрин-тари собственной персоной, в прошлом — житель Дилпеи, в прошлом — ученик Делгрена из Дилпеи, носящего имя Клиса Радуги Исторгающего. Я вызвал Делгрена и договорился о встрече на следующий день. Наконец, мой пост завершился и я заснул. Я спал долго, очень долго. Если я и видел сны, то ничего о них не помню.

Малисти из Дрисколла ничего не смог выяснить. Никаких следов. Делгрэн из Дилпеи тоже мало чем мог мне помочь, поскольку не видел своего бывшего ученика уже несколько столетий. Он намекнул, что, вполне возможно, он подготавливает сюрприз для Грингрина, если тот когда-

нибудь вернется на Меганею. Я подумал, что чувства и планы могут оказаться взаимными.

Как бы там ни было, все это уже не имело решающего значения. Время моего визита на Меганею подошло к концу.

Я поднял «Модель-Т» в небеса и разогнался, пока время и пространство прекратились для моего собственного времени и пространства. Я продолжал путь.

Заморозив анестезией, я рассек средний палец левой руки, посадил в него лазерный кристалл и несколько пьезоэлектрических контуров, закрыл разрез и четыре часа держал палец в заживляющем аппарате. Шрама не осталось. Будет больновато, и придется пожертвовать клочком кожи, но теперь, если я только вытяну этот палец, сожму остальные и поверну ладонью вверх, луч из кристалла пробьет двухфутовую гранитную плиту. В легкий рюкзак я уложил концентраты, медикаменты, корни глиттена. Компас и карты мне не понадобятся, но вот несколько огневых булавок, полотно тонкой пленки, фонарик и какие-нибудь инфраочки вполне могли пригодиться. Я отложил все, что показалось мне подходящим, включая мои планы.

Я решил не опускаться на «Модели-Т», а выйти на орбиту и совершить посадку на неметаллическом дрейфтере. На поверхности Иллирии, как я решил, мне понадобится провести неделю. «Модель-Т» получит инструкции по истечении этого срока опуститься к поверхности, найти самый мощный узел-энерговод и зависнуть над ним. И затем возвращаться в это место ежедневно.

Я спал, ел, ждал и ненавидел.

Потом в один прекрасный день послышался гул, перешедший в вой, звезды вдруг посыпались огненным дождем и неподвижно застыли. Одна, яркая, повисла впереди.

Я установил точное положение Иллирии и двинулся к точке встречи. Два дня — или две жизни — спустя, я уже рассматривал ее: опаловая планета со сверкающими морями, множеством заливов, островов, фиордов, с буйной растительностью на трех тропических континентах, с прохладными лесами и многочисленными озерами на четырех континентах в умеренной зоне. Без особо высоких гор, но с большим количеством холмов, с девятью небольшими пустынями, разнообразия, одна извилистая река длиной в половину Миссисипи, система океанических течений, которой я действительно гордился, и пятисотмильный скальный мост между континентами, который я возвел лишь потому,

что геологи их ненавидят в той же степени, в какой антропологи обожают. Я наблюдал, как формируется штормовой фронт в зоне экватора, как он движется на север, рассеивая свой влажный груз над океаном. Одна за одной, по мере моего приближения к планете, ее частично затмили луны — Флопсус, Мопсус и Каттонталус.

Я вывел «Модель-Т» на длинную эллиптическую орбиту, за пределами самой дальней из лун и, как я надеялся, за пределами действия всех обнаруживающих устройств. Потом я занялся делом — подготовкой спуска, как моего, первого, так и последующих спусков уже самого корабля.

Наконец, я выверил настоящее положение «Модели-Т», включил таймер и немного соснул.

Проснувшись, я сходил в латрину, проверил дрейфтер и весь свой багаж. Приняв ультразвуковой душ, я оделся в черную рубашку и черные брюки из водоотталкивающей противонасекомной синтетики, название которой я никак не мог запомнить, хотя компания по ее производству принадлежала мне. Затем я застегнул ремешок мягкого кожаного пояса. Две его пряжки могли в случае необходимости превратиться в ручки проволоки удавки, спрятанной в центральном шве ремня. Потом я обулся в тяжелые армейские ботинки, которые в эти дни носят название туристических, и заправил в них низ штанин. Справа на бедро я подвесил ремешок с ручным лазером, а по поясу за спиной прикрепил гирлянду маленьких гранат. На шее у меня покачивался медальон с бомбой внутри, а на правое запястье прицепил хронометр, имевший способность извергать пара-газ, если потянуть за соответствующий штырек. В карманы были уложены носовой платок, расческа и остатки тысячелетней давности кроличьей лапки. Я был готов.

Но мне нужно было обождать. Я хотел совершить спуск ночью, черной пушинкой опуститься на континент Великолепия, в точке, удаленной не более трехсот и не менее ста миль от цели моего назначения. Я влез в лямки моего рюкзака, закурил и направился к отсеку дрейфтера. Загерметизировав его изнутри, я занял место на борту аппарата. Надвинув полусферу, я закрепил соединения, чувствуя, как легкий ветерок шевелит волосы и под ногами прокатывается приятная волна тепла. Потом нажал кнопку, поднимающую створку люка. Открылся выход, и я увидел под собой полумесяц планеты. «Модель-Т» должна была запустить дрейфтер в соответствующий момент. В

мою задачу входило управление скольжением дрифтера, как только он войдет в атмосферу. Сама машина вместе со мной будет весить всего несколько фунтов — благодаря антигравам, встроенным в корпус. У дрифтера имелись рули высоты, элероны, стабилизаторы, а также паруса и парашюты. Но он меньше похож на лайнер, чем можно подумать, услышав его описание. Скорее, это парусник для плавания в трехмерном воздушном океане. Я ждал, сидя внутри него, и смотрел вниз, где волна ночи смывала день с лица Иллирии. В поле зрения показался Мопсус, а Каттонталус, наоборот, исчез. У меня зачесалась правая лодыжка. Пока я ее чесал, над головой загорелся голубой сигнал. Едва я застегнул ремни, как этот сигнал сменился красным. Я расслабился, послышался звонок, красный цвет погас, и в спину меня лягнул мул, а вокруг уже были звезды, передо мной темнела Иллирия, и не было уже рамки из краев люка. Потом был дрейф — не вниз, а вперед. Не падение, а скольжение, и настолько незаметное, что я закрыл глаза. Планета стала входом в темную шахту, черным отверстием, которое медленно увеличивалось в размерах. Капсулу наполнило тепло, и я слышал лишь собственное дыхание, биение сердца и шуршание струи воздуха над головой.

Когда я обернулся, то уже не увидел «Модели-Т». Хорошо.

Я очень давно не пользовался дрифтером, кроме как для развлечения. И всякий раз, как и сейчас, в памяти моей возникало серое предрассветное небо, волны, запах пота и соли, и горький привкус драмина в горле, и первые «Угх» артиллерийского огня, и наша десантная баржа, приближавшаяся к берегу. И как сейчас, я вытер тогда ладони о колени и потрогал старую кроличью лапку в левом боковом кармане. Смешно. У брата тоже была такая же лапка. Ему наверняка понравились бы дрифтеры. Он любил самолеты, планеры, парусники. Он любил кататься на водных лыжах и нырять с аквалангом, и еще любил акробатику и аэробатику — поэтому, видимо, и пошел в авиацию. Поэтому, видимо, и повстречался со старухой. Много ли можно ожидать от одной-единственной паршивой лапки!

Звезды сияли как слава Божия, холодные и далекие, потому что я надвинул на купол фильтр и отгородился от солнечного света. Мопсус же продолжал отражать лучи и отбрасывать их вниз, в яму. Эта луна была средней. Флэпсус располагался на более низкой орбите, но сейчас нахо-

дился по другую сторону планеты. Благодаря тройке лун на Иллирии моря были относительно безмятежными, и лишь раз в несколько лет они сообща поднимали впечатляющую приливную волну. Отхлынувшие воды явят вдруг острова кораллов посреди неожиданно возникших оранжевых и пурпурных пустынь. Воды, взгорбленные в зеленую гору, прокатятся вокруг планеты, и камни, кости, рыбы и всякое плавучее дерево будут лежать на дне, подобно следам ноги Протея. За водами последуют ветры и колебания температуры, инверсия, скопления туч, вздыбливание облаков. В небе соберутся облачные соборы, и придут дожди, и водяные горы разобьются о берега, рухнут сказочные города и волшебные острова вернутся на морское дно, и Протей, спрятавшись бог знает где, станет смеяться, как гром при виде добела раскаленного трезубца Нептуна, что станет вонзаться в волны, а они будут отвечать шипением. Удар — шипение, удар — шипение. Потом вам придется тереть глаза.

Сейчас Иллирия казалась уже тонкой кисеей, на которую падают таинственные лунные лучи. Где-то там, внизу, скоро пробудится ото сна похожее на кошку существо. Оно проснется, потянется, поднимется и примется крадучись обходить окрестности. Немного погодя оно на миг взглянет на небо, на луну, куда-то дальше луны. Затем по долине разнесется бормотание, и на деревьях забеспокоятся листья. Они почувствуют. Они, рожденные от моих нервов, выделенные из моей собственной ДНК, получившие лик в первичной клетке благодаря лишь Силе моего мозга, они почувствуют, все до одного. Предощущение... Да, дети мои, я иду к вам. Ибо Белион осмелился появиться среди вас...

Если там, внизу, меня ждал обыкновенный человек, все было бы просто. Все мое оружие — это просто бутафория. И я понимал это. И если бы там был просто человек, то я даже не стал бы с ним возиться. Но Грин Грин не был человеком. Он даже не был пейанцем, что уже довольно страшно. Собственно, он был чем-то большим, чем первое и второе.

Он носил Имя, а Имя-носящий может странным образом воздействовать на вещи и их элементы, когда они каким-то образом взаимодействуют с тенью, лежащей за Именем. Я вовсе не впадаю в теологию. Мне приходилось слышать вполне наукообразное объяснение всего, что касается феномена Имени, если только вас устроит такой диагноз, как самовызванная шизофрения с комплексом божест-

венного величия и экстрасенсорными способностями. Выберите, что понравится, но не забывайте о времени, которое уходит на обучение миротворца, и количество успешно закончивших обучение.

Я чувствовал, что у меня есть преимущество перед Грин Грином, потому что для встречи он избрал мой собственный мир. Конечно, я не знал, как долго он возился с ним и насколько успел его испортить, и это меня беспокоило. Что удалось ему изменить? Он избрал наилучшую приманку. Но насколько хорошо подстроена его ловушка? Какое, по его мнению, преимущество имеет он надо мной? В любом случае в противоборстве с другим Имя-носящим он не мог полностью быть уверенным во всем. Так же, как и я.

Вам приходилось когда-нибудь наблюдать, как дерутся «бетта сплендес», сиамские боевые рыбки? Это ни на что более не похоже: ни на бой петухов, ни на схватку собак, ни на встречу кобры и мангусты. Это уникальное зрелище. Вы подсаживаете двух самцов в аквариум. Они начинают быстро двигаться, расправив плавники, яркие, как алые, голубые, зеленые лепестки, и раздувая свои жаберные мембраны. От этого возникает иллюзия, будто обе рыбы вдруг распустились, наподобие цветка, и заметно увеличились в размерах. Они медленно приближаются друг к другу, бок о бок. Потом быстрое движение, такое быстрое, что глаз не успевает следить за ним. Потом снова медленно и мирно они плывут рядом. Внезапно рыбы сплетаются в разноцветный вихрь. Опять замирают. И так далее, подобным образом. Мелькание ярких плавников. Немного спустя их уже окутывает красноватый туман. Новая схватка. Оба замирают. Они сцепились ртами. Проходит минута, может две. Один из самцов открывает рот и отплывает в сторону. Второй остается недвижим.

Вот так мне представлялось то, что мне вскоре предстояло.

Я миновал луну. Впереди, затемняя звезды, рос темный диск планеты. Когда дрифтер приблизился к планете, его спуск замедлился. Пришли в действие спрятанные под кабиной устройства, и в тот момент, когда я наконец вошел в верхние слои атмосферы, я заскользил вниз очень медленно. Вокруг сияли под луной сотни озер, будто монеты на дне темного пруда.

Я включил монитор, проверил, нет ли внизу искусственных огней. Ничего не обнаружил. Еще одна луна, Флопсус, показалась над горизонтом, помогая своим сест-

рам. Примерно полчаса спустя я уже мог различить наиболее выдающиеся черты континента подо мной. Я сверился с изображением в моей памяти и начал манипулировать рулями дрифтера.

Словно лист с дерева в безветренный день, я приближался к поверхности планеты. Озеро под названием Ахерон с Островом Мертвых посреди него находилось, как я вычислил, в шести сотнях миль к северо-западу.

Далеко внизу показались облака. Я продолжал скольжение, и они вскоре исчезли. Потеряв совсем немного в высоте, я продвинулся на сорок миль к своей цели. Следят ли за мной снизу какие-нибудь точные приборы, думал я.

Дрифтер попал в полосу высотных ветров. Некоторое время я сражался с ними, но потом пришлось спуститься на несколько тысяч футов, чтобы убежать от самых неприятных из них.

В течение нескольких последующих часов я упорно продвигался на север и запад. На высоте в пятьдесят тысяч футов мне по-прежнему оставалось до цели еще четыреста миль. Следят ли за мной снизу какие-нибудь точные приборы, подумал я.

За следующий час я спустился на двадцать тысяч футов и выиграл еще семьдесят миль. Все шло прекрасно.

Наконец на востоке загорелась высотная зари, и я сбросил милю, чтобы пройти под ней. Скорость увеличилась. Я будто спускался в океан, из освещенной воды в темную.

Но свет преследовал меня. Через некоторое время я снова предпринял побег от зари, пробился сквозь облачный слой, определил свое положение, продолжая спуск. Сколько миль до Ахерона?

Двести, наверное.

Свет настиг меня.

Я опустил до пятнадцати тысяч футов, выиграл еще сорок миль. Я деактивировал еще несколько пластин-антигравов.

Когда я шел на высоте трех тысяч, началась настоящая зари.

Я падал еще несколько минут, подыскал подходящее место и опустил на землю.

В щели расколовшегося горизонта на востоке показалось солнце. Я находился в сотне миль от Ахерона, плюс-минус десять. Я поднял купол кабины, потянул за шнур деструктора, спрыгнул на землю и отбежал подальше.

Минуто спустя дрифтер провалился сам в себя, и остат-

ки его начали тлеть. Я перешел на шаг, сориентировался на местности и взял направление к противоположному концу поля, где начинались деревья.

Глава 5

Через пять минут моя Иллирия уже вернулась ко мне, словно я никуда не улетал. Профильтрованный сквозь лесной туман солнечный свет стал розовым и янтарным. Воздух был прохладен, пахло влажной землей и прошлогодними листьями. На ветвях и цветах блестела роса. Над головой у меня описала круг маленькая желтая птичка, неслышно опустилась на плечо, посидела там чуть-чуть и улетела. Я приостановился, чтобы вырезать себе палку на дорогу, и запах живого дерева напомнил мне Огайо и ручей, где я срезал ивовые ветки и делал свистки, опуская ветки на ночь в воду, и потом снимал кору, предварительно постучав по ней ручкой ножа, чтобы отделить ее от сердцевины. Неподдалску от того места росло много земляники. Я нашел несколько диких ягод: они были крупные, пурпурные. Я раздавил их между пальцами и слизнул сок, кислый и терпкий. Ящерица с плюмажем, яркая, как помидор, медленно сползла с верхушки камня и устроилась на моем ботинке, пока я слизывал сок. Я потрогал ее корону, потом сдвинул зверька в сторону и продолжил путь. Когда я обернулся, крапчато-черно-белые глаза ящерицы встретились с моими. Я проходил под высокими, в тридцать и сорок футов деревьями, и время от времени на меня падали капли влаги. Начали просыпаться птицы и насекомые. Толстобрюхий зеленый свистун завел десятиминутную песню, выпуская накопленный воздух. Где-то слева от меня к нему присоединился товарищ или родственник. Шесть пурпурных «кобра де капелла», это были всего лишь цветы, выпрыгнули из земли, покачиваясь на стеблях, издавая шипение, размахивая лепестками, как флажками, а их мощный аромат распространялся по округе со скоростью и эффективностью разорвавшейся газовой гранаты. Но я не удивился, потому что мне казалось, будто я никогда отсюда не улетаю.

Я продвигался вперед, и трава встречалась все реже. Деревья пошли более высокие, от пятидесяти до семидесяти футов, среди них попадалось довольно много валунов. Отличное место для засады. С другой стороны, хорошее место для укрытия.

Над головой трещали и верещали пара мартышек. Тем временем с запада подполз легион туч. Низкое еще солнце воспламенило их края, пробивая световые шахты сквозь листья. На некоторых лианах, приклеившихся к древесным гигантам, распустились цветы, похожие на серебряные канделябры, и в воздухе вокруг них что-то напоминало о залах соборов и запахе ладана. Я форсировал жемчужный ручей, и хохлатые водяные змейки плыли за мной, ухая, словно совы. Змейки были довольно ядовитые, но дружелюбные.

На другом берегу местность начала немного подниматься, и по мере продвижения я почувствовал, что в мире что-то переменялось. Ни к какому объективному предмету я это чувство отнести не мог, просто ощущал, что в миропорядке произошла некая перемена.

Прохлада утра и лесной чащи не исчезла с развертыванием дня. Наоборот, она, казалось, углубилась. В воздухе повисла явная злобность. Позже холод стал почти что влажным. Правда, небо было наполовину затянуто облаками и ионизация, предшествующая грозе, частенько вызывает подобные ощущения.

Когда я присел отдохнуть и поесть, прислонившись спиной к стволу дерева, я вспугнул пандриллу, который копался в его корнях. Едва он бросился наутек, я понял — что-то не в порядке.

Я заполнил мозг желанием, чтобы пандрилла вернулся, и направил желание на него.

Тогда он замер, повернулся и посмотрел не меня. После чего медленно приблизился. Я угостил его крекером и попытался заглянуть в его глаза.

Страх, чувство благодарности, снова страх... На секунду — непонятная паника.

С чего бы все это? Странно.

Я дал пандрилле свободу, но тот не убежал, намереваясь сожрать все мои крекеры. Но о первоначальной его реакции нельзя было забывать. Она могла означать то, чего я опасался.

Я вступил на вражескую территорию!

Я завершил завтрак и двинулся дальше. Я спустился в полную туманов долину, а когда покинул ее, туман остался вместе со мной. Небо почти полностью закрыли тучи. Животные разбегались при моем появлении, и я не пытался настроить их на мой лад. Я шагал вперед, и дыхание мое вырывалось двумя влажными струйками прелого пара. Я осторожно обошел два энергопровода. Если

я использую хоть один, это выдаст мое местоположение.

Что такое энерговод? Это, в общем, часть любой системы с электромагнитными полями. У каждого мира есть в его гравитационной матрице особые, подвижные точки. Находясь в этих точках, особые машины или наделенные особым даром люди могут как бы подключаться к электромагнитному полю планеты и действовать наподобие батарей, конденсаторов, переключателей. Энерговвод — термин, обозначающий такой энергетический узел, им пользуются люди, способные использовать это явление. Но я не хотел пользоваться им, пока не буду уверен в природе врага, поскольку все Имя-носящие, как правило, обладали такой способностью.

Потому я терпел, пока туман пропитывал влагой одежду и покрывал каплями испарины мои блестящие ботинки, хотя я мог бы высушить их. Я продолжал свой путь: посох — в левой руке, правая — свободная, готовая к стрельбе.

Но никто меня не атаковал. Фактически уже давно ни одно живое существо не пересекало моей тропы.

Я шел до вечера, проделав в тот день миль двадцать. Было очень влажно, но без дождя. Я обнаружил небольшую пещеру в склоне холма, по которому как раз взбирался, расположился на взятом загодя куске пленки — десять на десять, три молекулы толщиной, но страшно крепкой, чтобы предохранить себя от грязи и частично от влаги. Я съел сухой паек и заснул с пистолетом в руке.

День оказался таким же унылым, как и ночь в предыдущие сутки. Туман стал гуще. Я подозревал, что это подстроено специально, и продвигался с большой осторожностью. Однако это мелодрама, подумал я. Если он намерен потрясти мои чувства туманами, тенями, холодом до костей и совращением с пути истинного нескольких моих созданий, то он зря старался. Неудобства лишь раздражают меня, я злюсь и даю слово добраться до их причины, и как можно быстрее.

Почти весь второй день я взбирался на вершины холмов и спускался по склонам вниз. К самому вечеру ко мне привязался попутчик.

Слева от меня появился свет и начал двигаться параллельным курсом. Огонь парил где-то между двумя и восемью футами от земли, и цвет его менялся от бледно-желтого до оранжевого и белого. Расстояние до него в разное время могло быть любым — от двадцати до ста футов. Время от времени он исчезал, но всегда возвращался.

Блуждающий огонь, посланный заманить меня в какую-нибудь расщелину или болото? Может быть. И все же мне было интересно, я восхищался его настойчивостью. Кроме того, приятно идти вдвоем.

— Добрый вечер,— произнес я.— Я иду покончить с тем, кто вас послал, между прочим.

— Но вы можете быть всего лишь болотным огнем,— добавил я.— В этом случае можете не обращать внимания на мое последнее замечание.

— В любом случае,— продолжал я,— забредать в заблуждение я сейчас не намерен. Можете сделать перерыв на обед, если хотите.

Затем я стал насвистывать «Долог путь до Типперери». Огонь продолжал следовать за мной и со мной. Я остановился под защитой дерева, закурить сигарету. Я стоял и урывками курил под деревом. Огонь парил над землей футах в пятидесяти, поджидая меня. Я попытался мысленно потрогать его, но там словно вообще ничего не было. Я вытащил пистолет, но передумал и положил его в кобуру. Докурил сигарету, загасил ее и двинулся дальше.

И вновь огонь тронулся вместе со мной.

Примерно час спустя я разбил лагерь на небольшой прогалине. Прислонившись спиной к скале, я замотался в пленку. Затем разжег маленький костер и подогрел банку с супом. В такую ночь свет издалека не разглядишь.

Блуждающий огонь висел в воздухе как раз за границей светового круга.

— Желаете чашку кофе?— спросил я. Ответа не последовало, ну и хорошо. У меня была всего одна чашка.

Поев, я зажег сигару и наблюдал как угасает костер. Я потягивал сигару и жалел, что на видно звезд. Ночь была безмолвна и холод пробирал до позвонков. Он уже проглотил пальцы ног и успешно переваривал их. Жаль, что я не захватил фляжку бренди.

Мой молчаливый спутник не двигался, замер, и я смотрел не него. Если это не естественный феномен, то он следит за мной. Осмелюсь ли я заснуть? Я осмелился.

Когда я проснулся, хронометр указывал, что прошло полтора часа. Ничего не изменилось. Так же, как и сорок минут назад, я спал, так и два часа спустя я тоже спал, иногда просыпаясь.

Я проспал остаток ночи и утром обнаружил, что огонь ждет меня.

Третий день был таков же, как и второй — холодный и серый. Я свернул лагерь и тронулся в путь. Я находил-

ся примерно с трети пути от моей цели, как и предполагал.

Неожиданно произошло нечто новое. Мой спутник покинул свою позицию слева и медленно выдвинулся вперед. Потом от повернул направо и замер, паря в футах шестидесяти передо мной. К тому времени, когда я достиг этой точки, он передвинулся вперед, предугадывая направление моего движения.

Мне это не понравилось. Получалось, словно кто-то разумный, управляющий этим огнем, издевался надо мной, говоря: «Смотри, старина, я знаю, куда ты идешь и как ты намерен туда добираться. Позволь, я немного облегчу тебе дорогу». Да, это была настоящая насмешка, потому что я почувствовал себя полным дураком. Можно было кое-что предпринять по этому поводу, но я решил подождать.

Итак, я шел за ним до обеда. Огонь вежливо подождал, пока я подкреплялся, и во время ужина тоже.

Лесные цветы уже не подмигивали мне, но я не отчаивался.

Немного спустя огонь изменил свое поведение. Он отплыл влево и исчез. Я остановился и с минуту стоял неподвижно, потому что привык к нему за это время. Может, предполагалось, что за день у меня выработался условный рефлекс и усталость с привычкой заставят меня последовать за огнем, отклонившись от пути? Возможно.

Как далеко заведет он меня, если я дам ему эту возможность?

Я решил, что двадцати минут пути вслед за ним будет вполне достаточно. Я поправил пистолет в кобуре и ждал появления огня.

И он появился. Я повторил предшествующий трюк и пошел за ним следом. Огонь поспешил вперед, подождал, пока я догоню его, и снова заспешил. Минут через пять пошел небольшой дождь. Хотя стало темнее, я мог видеть даже без фонарика. Скоро я совсем промок. Вздрагивая, я уныло ругался.

Через полмили пути, когда день стал еще пасмурнее и холоднее, а чувство отчуждения еще более усилилось, я был оставлен в одиночестве: огонь исчез. Я ждал, но он не возвращался.

Я осторожно пробрался к месту, где видел его в последний раз, обойдя его справа, с пистолетом в руке, ощупывая местность взглядом и мыслью.

Я задел сухой сучок и услышал, как он треснул.

— Не надо! Ради Бога, не надо!

Я бросился на землю и откатился в сторону.

Крик раздался справа, и я взял это место на прицел.

Крик? Был ли это действительно крик или лишь нечто в моем мозгу? Я не был уверен, что именно.

Я терпеливо ждал.

Потом, на пределе слуха, до меня донеслось всхлипывание. Тихий звук трудно определить. Не поймешь, откуда он исходит, и в данном случае трудность определения звука, его источника, увеличивалась в результате моей подозрительности и мнительности. Я медленно повернул голову слева направо, но никого не увидел.

— Кто здесь?— спросил я громким шепотом, потому что шепот тоже трудно зафиксировать.

Молчание. Но всхлипывания продолжались. Проникнув вперед мыслью, я ощутил боль, растерянность, и ничего больше.

— Кто здесь?— повторил я.

Снова молчание.

— Это ты, Френк?— спросил чей-то голос.

Теперь я решил помолчать. Прошла минута, и тогда я назвал себя.

— Помоги мне,— взмолился голос.

— Кто ты и где?

— Здесь...

И тут я осознал ответ, и по шее к позвоночнику побежали мурашки, и ладонь непроизвольно сжала рукоятку пистолета.

— Данго! Данго Нож!

Теперь я знал, что произошло, но у меня духу не хватало включить фонарик и посмотреть как следует. Необходимости такой не было.

Потому что мой блуждающий огонь выбрал этот момент, чтобы вернуться.

Он проплыл мимо, разгораясь все ярче, чем когда-либо раньше, и завис на высоте пятнадцати—двадцати футов, сияя, как осветительная ракета. Под ним стоял Данго. И другого выбора у него не оставалось, кроме как стоять.

На месте его держали корни.

Его худое треугольное лицо обрамляла черная борода, длинные волосы переплелись с листьями и ветвями. Глаза его были темные, провалившиеся, измученные. В стволе, который был его частью, виднелись дыры от насекомых, его пятнал птичий помет, а у подножия чернели следы кострищ. С ветки, которую я обломил, капала кровь.

Я медленно встал:

— Данго...

— Они грызут мои ноги!— воскликнул он.

— Извини, мне очень жаль,— проронил я, опуская пистолет и едва не выронив его.

— Почему он не оставил меня в мертвых?

— Потому что ты когда-то был моим другом, а потом врагом. Ты хорошо знал меня.

— Из-за тебя?— Дерево затряслось, словно стараясь дотянуться до меня. Он принялся проклинать меня, а я стоял и слушал, пока кровь смешивалась с дождем и впитывалась в землю. Когда-то мы были партнерами по одному предприятию, и он попытался обмануть меня. Я обвинил его, он был исключен из доли и пытался прикончить меня. Затем я засадил его в больницу, там, на Земле, и он погиб в автомобильной катастрофе через неделю после выхода из больницы. Он бы меня убил, если бы добрался до меня с ножом, но я не предоставил ему такой возможности. В каком-то смысле можно сказать, что я помог его несчастью, когда дело дошло до аварии. Я знал, что он не успокоится, пока не пригвоздит меня или пока сам не умрет, а мне дыряться совсем не хотелось.

В направленном свете лицо казалось страшным, мертвенно-бледным. Кожа цвета мухомора и глаза злого кота. Зубы, казалось, были выбиты, что и в самом деле соответствовало действительности. На щеке гноилась рана. Затылок его был соединен с деревом, плечи уходили в ствол, и две большие ветви могли скрывать внутри руки. Начиная от пояса и ниже он был деревом.

— Кто это сделал?— спросил я.

— Этот зеленый подонок. Пейанец,— зло буркнул он.— Я вдруг оказался здесь. Ничего не понимал. Была авария...

— Я его достану,— угрожающе процедил я.— Я его убью! Потом я вытащу тебя...

— Нет! Не уходи!

— Но я должен, Данго.

— Ты не понимаешь, что это такое. Я не могу ждать... пожалуйста...

— Всего несколько дней.

— ... и выиграть может он. Тогда я здесь навсегда... Боже! Как больно! Фрэнк, я раскаиваюсь, что старался обмануть тебя, честное слово... Поверь мне!

Я посмотрел вниз, на землю, и навстречу, на огонь.

Подняв пистолет, тряхнул им и опустил.

— Я больше не могу тебя убить, — проронил я.

Он закусил губу, и кровь побежала вниз по подбородку в бороду, и в глазах его показались слезы. Я старался не встречаться с ним взглядом.

Спотыкаясь, я отступил и что-то принялся бормотать по-пейански. И только тогда я понял вдруг, что рядом находится энерговод. Внезапно я почувствовал его. И я стал расти все выше и выше, а Фрэнсис Сандау становился все меньше, и стоило мне пожать плечами, как раздавался раскат грома. Когда я поднял левую руку, громы взревели. Когда я опустил ее к плечу, вспышка ослепила меня, и от потрясения волосы встали дыбом у меня на голове.

Я снова был один. Лишь пахло озоном и дымом. Я находился перед обуглившимися, раздробленными в щепы остатками того, что было Данго Ножом. Даже блуждающий огонь пропал. Порывами налетал дождь и скоро прибил запахи.

Пошатываясь, я направился туда, откуда пришел. Ботинки хлюпали, одежда была мокрее воды.

Не помню, где и когда я заснул.

Вероятно, из всех свойств и способностей человека именно сон в наибольшей степени помогает ему сохранить здравый рассудок. Сон — это скобки, в которые заключается каждый день. Если вы сегодня сделали что-то глупое, что-то неприятное, то стоит кому-то напомнить вам об этом — и вы начинаете злиться. Это сегодня. Но если это произошло вчера, то вы, вполне возможно, только кивнете или усмехнетесь, вот и все. Через нематериальность сна вы уже пересбрались на другой остров Времени. Как много можно сделать во сне и как много можно вспомнить за один раз? Много — так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле — лишь небольшую часть того, что спрятано в закромах вашего мозга. И чем дальше, тем запас ваш обширнее. Поэтому стоит мне проснуться, как на помощь мне приходит множество вещей, и они помогают удалить боль в каком-то отдельном воспоминании. Может показаться, что это черствость. Это не так. Это вовсе не означает, что я живу, не боюсь за все, что прошло, не жалею и не чувствую своей вины. Просто за века у меня выработался мозговой рефлекс. После всякого эмоционального потрясения я сплю. Проснувшись, я чувствую, как заполняют меня мысли о-вчерашнем дне. Немного погодя стервятник-память сужает круги, опускаясь ниже и ниже к причине бо-

ли. И он расчленяет ее, пожирает, и прошлое стоит рядом, как свидетель. Кажется, это называется взглядом со стороны. Многие люди умирали на моих глазах, разными способами. Равнодушным я никогда не оставался. Но сон даст памяти возможность завести двигатель, и на следующий день моя голова снова полностью моя. Потому что кроме смерти есть еще и жизнь, и многие цвета радости, печали, любви, ненависти, умиротворения, удовольствия.

Ее я нашел однажды утром в горах, в дальних горах, и губы ее уже стали синими, а пальцы она едва не отморожила. Одета она была лишь в одно полосатое трико, и лежала свернувшись в клубок у маленького кустика. Я завернул ее в куртку и оставил на той же скале все мешки с образцами и инструментами и даже не вернулся за ними потом. Она бредила, и, кажется, я расслышал имя «Нозль», произнесенное ею несколько раз, пока я тащил ее к машине. На теле ее было несколько серьезных ушибов и много мелких порезов, ссадин и синяков. Я отвез ее в больницу, где ей помогли и оставили на ночь. На следующий день я пришел ее навестить и узнал, что она отказалась назвать себя. Она не могла также заплатить за лечение. Поэтому я уплатил по счету и поинтересовался, что она думает делать дальше. Этого она тоже не знала. Я предложил ей остановиться в коттедже, который снимал, и она согласилась. Всю первую неделю у меня было такое впечатление, будто в доме поселилось привидение. Она постоянно хранила молчание, если только ее о чем-нибудь не спрашивали. Она готовила для меня еду, убирала в доме, а все остальное время проводила, запершись в своей комнате. Во вторую неделю она услышала, как я играю на мандолине — я первый раз за многие годы взял в руки инструмент, — она вышла из своей комнаты, присела напротив меня в гостиной и стала слушать. Поэтому я продолжал играть еще целый час, хотя и не намерсвался сначала делать этого, потому что впервые за все это время она проявила какую-то реакцию. Когда я опустил мандолину, она спросила, можно ли ей поиграть. Я не возражал. Она подошла ко мне, взяла инструмент, склонилась над ним и начала играть. Конечно, она была далеко не виртуоз, впрочем, как и я сам. Я послушал, потом принес ей кофе, пожелал спокойной ночи, и все. Но на следующий день это был уже другой человек. Она причесала и слегка подрезала свои темные волосы. И припухлость под ее глазами тоже уменьшилась. За завтраком мы разговаривали с ней о чем угодно: о погоде, последних новостях,

о моей работе с минералами, о музыке, об антиквариате и даже экзотических раках и тропических рыбках. Обо всем, кроме нее самой. После этого мы начали ходить вместе — в ресторан, театр, на пляж — куда угодно, только не в горы. Так прошло четыре месяца. Я вдруг понял, что, должно быть, полюбил ее. Конечно, я ничего не сказал, но она не могла не заметить. Но, проклятье, я ничего о ней не знал и чувствовал неловкость. Может, у нее где-то муж и шестеро детей. Она попросила пойти с ней на танцы. Мы пошли и танцевали на террасе под звездами до самого закрытия, до четырех утра. Когда я проснулся около полудня, ее уже не было. На столе в кухне лежала записка. В ней говорилось:

«Спасибо. Пожалуйста, не ищите меня. Я должна вернуться. Я вас люблю».

Подписи, конечно, не было. Вот и все, что я знаю об этой девушке без имени.

А когда мне было где-то лет пятнадцать, под деревом я нашел птенца скворца. Я косил траву во дворе и обнаружил птенца, у него были сломаны ножки. По крайней мере, мне так показалось, потому что они торчали в разные стороны под странным углом. Когда птенец заметил меня, он отвел голову назад и раскрыл клюв. Я наклонился и увидел, что его всего покрывали муравьи, поэтому я поднял и отряхнул его. Затем я стал искать место, куда его положить, и решил, что корзина со свежескошенной травой вполне подойдет. Корзину я поставил на летний столик в нашем патио, под кленами. Я попытался пипеткой влить ему несколько капель молока в клюв, но он едва не захлебнулся. Я снова принялся за работу. Попозже я вернулся посмотреть на птенца и рядом с ним заметил на траве пять или шесть больших черных жуков. Я с отвращением выкинул их. На следующее утро, когда я вернулся с молоком и пипеткой, то обнаружил в корзине новых жуков. Я вновь навел порядок. Некоторое время спустя, я увидел, как на край корзины опустилась большая черная птица. Она прыгнула в корзину и мгновение спустя улетела. Я продолжал наблюдение за ней: за полчаса она прилетала еще три раза. Потом я заглянул в корзину и нашел там жуков. Я понял, что птица ловила жуков и приносила их, пытаясь покормить птенца. Есть он не мог, поэтому она просто оставляла их в корзине. В ту ночь птенца обнаружил кот. И на следующий день, когда я пришел к корзине, в ней осталось

всего несколько перьев и капель крови среди больших черных жуков.

А где-то в пространстве есть одно место. Там, вокруг красного солнца, кружит кольцо астероидов. Несколько веков назад в этом месте мы обнаружили разумную расу членистоногих, которые называли себя «виллизами». Контакта с ними мы установить не могли. Они отказывались от предложений дружбы и сотрудничества со всякой разумной расой. Кроме того, они умертвили наших посланников и в расчлененном виде прислали тела обратно. Во время первой встречи с виллизами у них были еще межпланетные корабли. Совсем немного спустя они уже научились межзвездным перелетам. И куда бы они ни отправлялись, они убивали, грабили и потом скрывались в своей системе. Очевидно, они не представляли размеров межгалактического общества того времени, а возможно, их это не волновало. Они верно предположили, если они так думали, что на достижение взаимной договоренности и объявления войны у нас уйдет уйма времени. Собственно, межзвездная война — очень редкое явление. Пейанцы — почти единственная раса, которая имеет о ней представление. Итак, наше нападение не удалось, остатки объединенного флота были отосланы, и мы начали обстреливать их планету издалека. Но технологически виллизы оказались куда развитее, чем мы думали. У них имелась почти абсолютно совершенная антиракетная защита. Поэтому мы вновь отступили, попытались блокировать их и таким образом примириться с их существованием. Но своих набегов они не прекращали. Тогда были призваны Имя-носящие, и три миротворца: Санг-ринг из Кралдеи, Карфтинг из Мордеи и я, были выбраны, дабы использовать наши силы и знания процесса реверса. И вот в системе виллизов, за пределами орбиты планеты, астероиды начали формировать планетоид. Скала за скалой, осколок за осколком, планетоид рос и рос, и постепенно орбита его менялась. Мы с нашими машинами расположились за орбитой самой дальней планеты, управляя ростом нового мира и его спиральным путем; когда виллизы поняли, что происходит, было уже поздно, хотя они и попытались уничтожить его. Но пощады они не просили и никто из них не попытался бежать. Они ждали — и день настал. Орбиты двух планет пересеклись, и теперь в этом месте кольцо каменных осколков кружит вокруг красного солнца. Неделю после этого я пил беспробудно.

А однажды я погибал в пустыне, когда моя машина

разбилась и я пытался дойти до поселения. Я шел четыре дня, и небо мое превратилось в наждачную бумагу, а ноги, казалось, отделены были от меня миллионом миль. Я потерял сознание. Не знаю, как долго я пролежал. Вероятно, целый день. Затем, как мне тогда показалось в кошмаре мук жажды, ко мне подошло существо и нагнулось надо мной. Оно было пурпурного цвета, с брыжами вокруг шеи и тремя роговыми выступами на ящероподобном лице. В длину оно было около четырех футов и покрыто чешуей. Сзади имелся короткий хвост, а на каждом пальце был коготь. Глаза его были темные, овальные, с мигательными мембранами. С собой оно несло длинную тростинку и маленький мешок. Я до сих пор не знаю, что или кто это был. Несколько секунд существо рассматривало меня, потом отбежало в сторону. Я перевернулся на бок и наблюдал за ним. Оно воткнуло тростинку в землю и обхватило второй конец ртом. К одиннадцатому разу его щеки стали раздуваться, как резиновые пузыри. Затем, оставив тростинку воткнутой, оно подбежало ко мне и коснулось моего рта передней лапой. Я угадал, что она хочет сказать, и открыл рот. Наклонившись так, чтобы не потерять ни капли, оно впрыснуло горячую грязную воду из своего рта в мой. Шесть раз вода из тростинки переходила в рот существа, а затем в мой. Потом я снова потерял сознание. Когда я пришел с себя, был вечер, и это существо опять принесло мне воды. Утром я уже мог сам подойти к тростинке, присесть и вытянуть порцию влаги. Существо медленно просыпалось, вялое в утреннем холоде. Когда оно подошло ко мне, я вытащил свой хронометр, охотничий нож и все деньги, какие нашлись в кармане, и положил все это перед ним. Оно посмотрело на вещи. Я подтолкнул их поближе и показал на мешочек, который оно несло с собой. Существо отодвинуло вещи назад и защелкало языком. Поэтому я коснулся его передней лапки и поблагодарил на всех языках, мне известных, подобрал свои пожитки и отправился дальше. На следующий день к вечеру я пришел к селению.

Девушка, птица, планета, глоток воды и Данго Нож, расколотый с головы до ног.

В кругах воспоминаний боль помещается рядом с мыслью, видением, чувством и вечными «кто-что-почему». Сон, проводник памяти, сохраняет мой разум в целости. Больше я ничего не знаю. И не думаю, что я зачерствел, если на следующий день я проснулся, пол-

ный еще большей решимости совершить то, что предстояло мне, и думал об этом больше, чем обо всем лежавшем позади.

Передо мной лежали пятьдесят или шестьдесят миль пересеченной местности. Чем дальше, тем более труднопроходимой становилась дорога. Окрестности стали скалистее, суше, у листьев появились острые зазубренные карликовые зазубы.

И деревья здесь были другие, и животные иные. Это были карикатуры на мои создания, которыми я так гордился. Мои ночные певуны издавали хриплос карканье, у насекомых объявились жала, а цветы просто воняли. Исчезли стройные, высокие деревья. Стволы приобрели узловатую, прижатую к земле форму. Мои газели-лсогозы начали хромать. Звери фыркали и убегали от меня. Некоторых, покрупнее, пришлось даже осаживать.

Уши мои болели — я взбирался все выше, — и туман меня не покидал, но я продвигался вперед, медленно, но верно. В тот день я сделал, наверное, миль двадцать пять.

Еще два дня, прикинул я. Или еще меньше. И один день на все остальное.

В ту ночь меня разбудил самый жуткий взрыв, какой я только слышал в жизни. Я сел и прислушался к эху, но лишь звон стоял у меня в ушах. Я сидел с пистолетом в руке и ждал, прислонившись к старому, большому дереву.

На северо-западе, несмотря на туман, я видел зарево, оранжевое полыхание. Оно начинало разрастаться.

Второй взрыв не был таким громким, как первый. И третий, и четвертый тоже. Но к этому времени меня отвлекли другие неприятности.

Земля подо мной задрожала.

Толчки усиливались. Я оставался на месте и ждал.

Судя по виду неба, четверть планеты поыхала огнем.

Поскольку по этому поводу я ничего предпринять не мог, я сунул пистолет обратно в кобуру и закурил сигарету. Что-то тут не так. Совершенно ясно, что Грин Грин лезет из шкуры вон, чтобы поразить меня, хотя должен был бы знать, что произвести на меня впечатление не так-то просто. Естественными здесь такие процессы быть не могут, а кроме Грин Грина и меня больше на сцене не имелось лиц, способных на подобное. Почему? Не хотел ли он просто сказать: «Смотри, я разнесу твой мир в щепки, что ты теперь станешь делать, а?» Неужели он демонстрировал мощь Белиона, надеясь запугать меня?

На мгновение у меня появилось желание найти энерго-ввод и выдать ему такую электрическую бурю, какой он в жизни не видал, чтобы знал, как я испугался. Но я эту идею сразу оставил. Я не желал вести бой на расстоянии, я хотел встретиться с ним лицом к лицу и сказать все, что я о нем думаю. Я хотел, чтобы он меня видел и ответил мне, отчего он уродился таким чертовым болваном, отчего он меня ненавидит только за то, что я принадлежу к расе гомо сапиенс, и прилагает могучие усилия, лишь бы нанести мне удар и боль.

Он не мог не знать, что я уже прибыл и нахожусь в каком-то месте планеты, иначе блуждающий огонь не вывел бы меня к Данго. Поэтому то, что я сделал, уже не могло меня выдать.

Я закрыл глаза, наклонил голову и вызвал Силу. Я попытался вызвать в сознании его картину — как он там, неподалеку от Острова Мертвых следит за поднимающимся конусом своего вулкана, смотрит, как летит черными листьями пепел, как кипит лава, как змеи сернистого дыма ползут в небеса, и со всей силой своей ненависти я послал злорадному пейанцу сообщение:

«Терпение, Грин Грин, терпение, Грингрин-тари. Терпение. Всего через несколько дней мы встретимся на короткое время. Очень короткое время».

Ответа не было, но я и не ожидал его.

Утром идти стало труднее. Сквозь туман начал падать черный пепел, и время от времени земля еще вздрагивала, и животные убегали из этих мест в противоположном моему движению направлении. Меня они полностью игнорировали, и я также старался не замечать их.

Весь северный горизонт пылал огнем. Если бы на любой из моих планет я не обладал абсолютным чувством направления, то мог бы подумать, что направляюсь прямо на восход. Жестокое разочарование.

И это был пейанец, почти что Имя-носящий, представитель самой утонченной в искусстве расы. А в искусстве мести им не было равных из всех существовавших и существующих, а он строил из себя клоуна перед презренным землянином. Ну ладно, он меня ненавидел и хотел со мной покончить. Но это еще не повод делать глупости и забывать прекрасные древние традиции своего народа. Ведь вулкан — всего лишь детская демонстрация силы, которую я, ясное дело, и так предполагал встретить. Мне было даже слегка стыдно за Грин Грина, за такую безвкусицу, совер-

шаемую на моей планете. Даже я, за свой краткий период ученичества, узнал достаточно об изящном искусстве вендетты, чтобы понимать, какую от совершает нелепость. Теперь я, кажется, начал понимать, отчего он не прошел последнего испытания.

Я пожевал на ходу немного шоколада, решив не делать остановки на обед до вечера. Я хотел пройти в этот день как можно больше, чтобы утром мне оставалось всего несколько часов пути. Я выбрал средний равномерный темп, а свет впереди становился все ярче и ярче, пепел падал все гуще, земля вздрагивала почти каждый час довольно ощутимо.

Примерно в полдень на меня напал бородавчатый медведь. Я попытался взять его под контроль, но не смог. Мне пришлось убить его, проклиная имя того, кто довел животное до такого состояния. Туман к этому времени почти развеялся, но сыпавшийся пепел более чем компенсировал эту потерю. Кашляя, я пробирался сквозь сумерки посреди дня. Из-за изменений в характере местности я продвигался медленнее, чем предполагал, и поэтому добавил к пути еще один день.

Но ко времени, когда я расположился на ночлег, мне удалось покрыть приличное расстояние, и я теперь знал, что достигну Ахерона к полудню следующего дня.

Я отыскал сухое место на склоне холма. Его покрывали наполовину ушедшие в землю валуны, торчавшие под разнообразными углами. Я привел в порядок все свои принадлежности, растянул пленку, развел костер и немного перекусил. Затем я закурил одну из моих последних сигар, дабы внести лепту в загрязнение воздуха, и забрался в спальный мешок.

Когда это произошло, мне снился сон. Что именно снилось — сейчас я вспомнить не могу, помню только, что сперва это был приятный сон, который превратился потом в кошмар. Помню, что я начал мечтать во сне, но вдруг понял, что это уже не сон и что я уже проснулся. Но глаз я не открыл и продолжал шевелиться, как будто во сне. Моя ладонь коснулась пистолета. Я лежал и прислушивался, стараясь определить источник опасности. Я напряг «глаза и уши» внутреннего сознания.

В воздухе я ощущал запах дыма и пепла. Я чувствовал пронизывающую холодную влажность земли, на которой лежал. И то, что рядом есть кто-то или что-то. Вслушавшись, я уловил тихий стук потревоженного камня где-то справа от меня. И снова повисла тишина.

Я коснулся пальцем изгиба дужки спуска и повернул ствол в направлении звука.

И вот, нежно-нежно, словно птичка колибри, которая спускается на медоносный цветок, в голову мою, в это мое сумрачное жилище, проникло какое-то щупальце.

«СПИШЬ, СПИШЬ,— казалось, шептал кто-то,— и пока просыпаться не будешь. Не будешь, пока не разрешу. Ты спишь и слышишь меня. Так и должно быть. Нет причин просыпаться. Спи крепко, глубоко, как я тебе велю. Это очень важно, чтобы ты...»

Я не мешал, потому что уже полностью проснулся. Я подавил реакцию и разогнал дремоту, пока пелась усыпляющая формула.

Минуту спустя, когда я по всем правилам наверняка был погружен в сон, в том же направлении, где и раньше, послышался шум движения.

Тогда я приоткрыл глаза и внимательно всмотрелся в очертания теней.

За одним из валунов, примерно в тридцати футах от меня, появился силуэт, которого не было в момент моего отхода ко сну. Я наблюдал за ним, пока не заметил легкого шевеления. Удостоверившись в его местоположении, я щелкнул предохранителем, очень тщательно прицелился и потянул спуск, прочертив линию по грунту примерно в пяти футах от силуэта. Благодаря углу выстрела в его сторону полетели куски гравия, грязи и песка.

**«ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО ВЗДОХНУТЬ
— И Я РАССЕКУ ТЕБЯ ПОПОЛАМ!»**

— пригрозил я ему.

Затем я встал, не спуская его с прицела. Когда я заговорил, то заговорил по-пейански, потому что в свете луча успел заметить, что за валуном притаился пейанец.

— Грин Грин,— усмехнулся я.— Такого увальня я среди пейанцев еще не встречал.

— Да, я совершил несколько ошибок,— признался он, не выходя из тени.

Я тихо рассмеялся:

— Мягко сказано.

— Но у меня были на то извиняющие обстоятельства.

— Оправдания... Ты даже не выучил как следует закон скалы. Рано ты поднял на меня руку. Скала кажется не-

подвижной, но незаметно движется, — я покачал головой. — Бедные твои предки, как могут они покоиться в мире после такого халтурного отмщения, а?

— Я опасюсь, что приближается мой конец.

— А почему бы и нет! Не станешь же ты отрицать, что выманил меня сюда единственно с целью добиться моей гибели?

— Почему я должен отрицать очевидное?

— Тогда почему бы мне не довести дело до логического конца?

— Но подумай, Фрэнсис Сандау, будет ли это логично? Почему я должен был действовать таким образом, когда мог дожидаться твоего появления там, где я находился бы в более выгодном положении?

— Вероятно, я потряс твои чувства вчера вечером.

— Не такой уж я нервный. Нет, я пришел сюда, чтобы получить над тобой контроль.

— И проиграл!

— ... и проиграл.

— Зачем тебе это понадобилось?

— Мне нужен ты.

— Для чего?

— Мы должны как можно быстрее улететь отсюда, ведь в твоём распоряжении имеется средство передвижения.

— Естественно, но чего ты испугался?

— За всю жизнь, Фрэнсис Сандау, ты приобрел несколько друзей и множество врагов.

— Называй меня просто Френк. У меня такое чувство, словно мы давно знакомы, мертвый.

— Тебе не следовало посылать вчера сообщение, Френк. Теперь о твоём присутствии знают, и если ты не поможешь мне бежать, то встретишься с еще более страшным, суровым мстителем, чем я.

Ветер переменил направление, и до меня донесся сладковатый, отдающий плесенью запах, так пахнет кровь пей-анцев. Я щелкнул кнопкой фонарика и направил луч на Грин Грина.

— Ты ранен?

— Да.

Я опустил фонарик, отступил боком к рюкзаку и раскрыл его левой рукой. Отыскав пакет первой помощи, я перебрал его псайанцу.

— Сделай перевязку, — произнес я, снова поднимая фонарик. — Они дурно пахнут, твои раны.

Он развернул бинт и повязал его поверх глубокой раны

на плече и предплечье. На несколько ран помельче, на груди, он не стал обращать внимания.

— Похоже, тебе пришлось драться.

— Пришлось.

— И как дела противника?

— Я ранил его. Мне повезло, я почти его убил. Но теперь уже слишком поздно.

Я заметил, что у него нет оружия, поэтому уложил пистолет в кобуру и подошел к нему.

— Делгрэн из Дилпеи шлет тебе горячий привет,— сообщил я.— По-моему, тебе посчастливилось попасть в его ассенизаторский список.

Он усмехнулся:

— Делгрэн был следующим на очереди после тебя.

— Ты по-прежнему не убедил меня. Почему я должен оставить тебя в живых?

— Но я возбудил твое любопытство, что и охраняет пока мою жизнь. Ты даже снабдил меня бинтами.

— Но терпение мое истощается, как песок, просеивающийся сквозь мелкое сито.

— Тогда это ты не овладел законом скалы.

Я закурил сигарету.

— Сейчас пословицы выбираю я, а не ты.

Он завершил перевязку ран.

— Предлагаю сделку.

— Какую?

— У тебя где-то есть спрятанный корабль. Возьми меня с собой и увези с этой планеты.

— Я что я получу взамен?

— Жизнь!

— Едва ли ты можешь мне угрожать.

— Я тебе не угрожаю. Я предлагаю свои услуги, чтобы спасти твою жизнь, если ты спасешь мою.

— От чего спастись?

— Ты знаешь, что я возвратил к жизни нескольких людей?

— Да, ты стащил Воспроизводящие Ленты... Кстати, как ты это смог сделать?

— Телепортация. Это мой дар. Я могу переносить небольшие предметы с места на место. Много лет назад, когда я только начинал подготавливать мою месть, я несколько раз посетил Землю, и каждый раз, кстати, кто-то из твоих врагов ли, друзей ли, но умирал. Потом я ждал, пока не накопил достаточных средств, чтобы купить эту планету, которая казалась мне самым подходящим местом.

А для миротворца несложно научиться обращаться с Лентами.

— Друзей, врагов... Ты воспроизвел их тут?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ты увидел, как снова будут страдать твои близкие и любимые, прежде чем сам умрешь. О Боже, жаль, что это не получилось. А твои враги должны были наслаждаться твоими мучениями.

— А почему ты поступил так нехорошо с человеком по имени Данго?

— Он меня раздражал. Это должен был быть образец и предостережение для тебя. Заодно я избавился от него, доставив ему максимум мучений. Таким образом он служил сразу трем полезным делам.

— Какое же третье?

— Мое удовольствие, конечно.

— Понятно. Но почему здесь, на Иллирии?

— О Боже! Разве это не твоя любимая планета после Вольной, которая недоступна? Разве это не твое любимое детище?

— Это так.

— Чего же лучше искать?

Я выбросил сигарету и загасил ее каблуком.

— Ты оказался сильнее, чем я предполагал, — добавил после паузы Грин Грин. — Ты, Френк, смог его однажды убить, а меня он победил и отобрал у меня нечто, не имеющее цены...

А я вдруг оказался на резной крыше дома, на Вольной, в саду на крыше. Я покурил сигару, а напротив сидел Льюис Бриггс в образе бритой мартишки, и я пробежал глазами список имен, который он мне вручил. Так что телепатия здесь ни при чем. Просто память и логическое мышление плюс мрачные предчувствия.

— Майк Шендон, — прошептал я.

— Я не знал, что это такое, а иначе я бы его не воспроизвел ни в каком случае.

Я мог бы и пораньше догадаться. Ведь я знал, что он воспроизвел всех, но был занят мыслями о Кати и прочем.

— Ты дурак с куском кости вместо мозга, — выругался я. — Дурак и сукин сын!

В моем родном XX веке искусство или же ремесло, можно судить и так и этак, шпионажа пользовалось куда более лестной известностью среди широких народных масс,

чем, скажем, морская пехота США или Американская Медицинская Ассоциация. Как я понимаю, в условиях международной напряженности срабатывал механизм романтического бегства от действительности. Затем он выбился из-под контроля, как и все прочее, если оно оставляет след на эпохе. В длинном ряду популярности героев, начиная с принцев Эпохи Возрождения и кончая бедными трудолюбивыми юношами, которые жили честно, старательно трудились и женились в результате на дочерях своих начальников, люди с капсулами цианистого калия в дупле зуба, с прекрасными любовницами-шпионками и невозможно трудными заданиями, в которых секс и насилие на скорую руку заменяли любовь и смерть, эти люди пришли к славе в семидесятые годы, и в самом деле их вспоминают теперь с ностальгией, подобно Рождеству в средневековой Англии. Конечно, это была абстракция подлинного явления. Но в наши дни шпионы — это еще более тоскливое зрелище, чем в двадцатом веке. Они собирают всякие мелочи для передачи своему начальству, которое вводит их в компьютеры. Таким образом становится известным какой-то второстепенный факт, кто-то пишет малопонятный доклад, доклад помещают в архив и о нем забывают. Как я уже упоминал, по сравнению со стратегической или тактической тайной межзвездная война — исключительное явление, а классический шпионаж имеет дело с военными сведениями. Поэтому в наши дни настоящие, талантливые шпионы работают в промышленной сфере. В двадцатом веке мало кто знал о человеке, доставившем в руки компании «Дженерал моторс» микрофильмы чертежей последнего детища мозгового треста Форда, или о девице, у которой на подкладке лифчика или лобке помещался набросок последней модели Диора. Эти шпионы не устаивались особого внимания. Но теперь только они и сохранили древние навыки. Межзвездная торговля невозможно напряженна. Все, что может дать вам какое-то преимущество: новый технологический процесс, секретное расписание поставок — приобретает особую важность, сравнимую с Манхэттенским проектом. Если вы желаете знать что-то, что имеется у кого-то другого, то в этом деле хороший шпион без преувеличения стоит своего веса в пенке для курительных трубок.

Майк Шендон был настоящим шпионом, лучшим из всех, какие у меня когда-либо работали. При мысли о нем я не могу сдержать некоторого укола зависти. Он был всем, чем я когда-то хотел стать. Он был примерно на два

фута выше меня ростом и фунтов на двадцать пять тяжелее. Глаза у него были цвета только что отполированного красного дерева, а волосы черными, как чернила. Он был чертовски ловок, голос имел до отвращения красивый и одевался всегда безукоризненно. Бывший выходец с планеты фермеров Вава, он обладал дорогостоящими вкусами и неспособностью сидеть на одном месте. В школу он не ходил и обучался самостоятельно, когда проходил перевоспитание после совершения одного антиобщественного поступка. В дни моей молодости было бы сказано так: он проводил все свободные часы в тюремной библиотеке, отбывая срок за крупную кражу. Сейчас так не говорят, но смысл тот же самый. Перевоспитание его было успешным, если судить по тому факту, что во второй раз его поймали не очень скоро. Конечно, у него были блестящие способности. Я был даже удивлен, что его выследили вторично, хотя он любил говорить, что ему это было на роду написано. Он был телепатом и обладал почти фотографической памятью. Он был силен, вынослив, умел пить, и женщины вешались ему на шею. Поэтому, как мне кажется, укол зависти имеет свои основания.

Он работал на меня несколько лет, прежде чем я познакомился с ним лично. Один из моих вербовщиков обнаружил его и направил в «Специальную учебную группу при Объединении Сандау», проще говоря, «шпионскую школу». Год спустя он уже был вторым в своем классе. Он проявил себя, когда дело дошло до производственных исследований, как мы это называем. Его имя продолжало появляться в секретных донесениях, и я решил пригласить его на обед.

Искренность и хорошие манеры — вот и все, что я мог потом вспомнить. Это был прирожденный проходимец.

Телепаты встречаются редко, и полученная телепатическим путем информация не имеет цены в суде, и все же дар этот явно чего-то стоил. Но чего бы он ни стоил, работать с ним было не так-то легко. Сколько бы он ни зарабатывал, он всегда тратил больше.

Лишь годы спустя после его смерти я узнал о размерах его деятельности по шантажу. Но попался он, конечно, при работе «на сторону».

Мы знали, что в системе секретности Объединения имеется серьезная течь. Но мы не знали, где и как утекают сведения, и потребовалось пять лет, чтобы выяснить причину. К этому времени Объединение Сандау порядочно лихорадило.

Но мы его пришили. Это было трудное дело, и нам пришлось нанять еще четырех телепатов. Мы загнали его в угол и отдали под суд. Он был осужден, приговорен и отправлен на очередное перевоспитание. Мне пришлось взять три контракта на миротворение, чтобы поддержать наше ОС. Мы пережили немалые трудности, но все обошлось благополучно.

В неприятности входил также побег Шендона из заключения. Это произошло несколько лет спустя, но весть разнеслась быстро. Суд проявил к нему излишнюю снисходительность.

Таким образом, имя его было занесено в список лиц, разыскиваемых полицией. Но ведь Вселенная велика...

Это произошло на побережье Кусбей, в Орегоне, где я выбрал себе местечко для отдыха, на Земле, у моря. Два или три месяца представлялись вполне подходящим сроком, пока я наблюдал за нашим объединением с несколькими североамериканскими компаниями.

Жизнь рядом с морем — целительное время для утомленной психики. Морские запахи, чайки, песок, то прохлада, то жара, то сухость, то влажность, вкус морской соли на языке и постоянное присутствие сине-серо-зеленого испещренного барашками пены беспокойного водного пространства производят омывающий эффект на эмоции, проясняют взгляд на мир и очищают сознание. Я прогуливался вдоль берега каждый день до завтрака и каждый вечер после ужина. Звали меня Карлос Палермо, если это кого-то интересовало. После шести недель я начал чувствовать себя чистым и здоровым снаружи и внутри, и к тому же после объединений с местными компаниями моя финансовая империя снова пришла в состояние равновесия.

Мой дом — белое каменное строение с красной черепичной крышей и закрытым задним двориком — находился на берегу небольшой бухты. В стене со стороны моря имела черная железная решетка-калитка, а сразу за ней располагался пляж. С юга пляж ограничивал высокий откос серой глины, с севера берег заключали непролазные кусты и древесная поросль. Здесь все дышало миром, и я ощущал мир в себе.

Ночь была прохладной, можно даже сказать зябкой. Большая, в три четверти, луна, не спеша, опускалась на западе, разбрасывая блики на волнах. Звезды казались цветением ярких растений. В дали вздыхающего морского полотна собравшиеся вместе восемь плавучих буровых

платформ время от времени загорали звезды. Временами на металле плавучего острова отсвечивали лунные лучи.

Я не слышал, как он подобрался. Очевидно, он прокрался сквозь заросли на севере, подождал, когда я подойду насколько возможно ближе, приблизился насколько мог и напал, когда я ощутил его присутствие.

Одному телепату скрыть свое присутствие от другого легче, чем это может показаться. Одновременно он имеет возможность следить за действиями второго. Это достигается с помощью «блокирования» — когда воображается экран вокруг себя и эмоционально человек старается оставаться, насколько удастся, нейтральным.

Признаю, что это довольно трудно сделать, если вы до смерти ненавидите человека и подкрадываетесь к нему с целью прикончить его. И это, вероятно, спасло мне жизнь.

Не могу сказать, что я действительно почувствовал чье-то зловещее присутствие за спиной. Просто получилось, что, прогуливаясь вдоль линии прибоя и вдыхая ночной воздух, я вдруг был охвачен тягостным чувством. Подобные безымянные мысли порой будят человека посреди тихой теплой ночи, когда вы вдруг просыпаетесь без определенной причины, некоторое время лежите, раздумывая, что за дьявол вас разбудил, потом вдруг слышите непонятный звук в соседней комнате, усиленный тишиной, наэлектризованный неожиданной тревогой и сжимающим все внутри напряжением, такие вот мысли вдруг промчались у меня в голове, я почувствовал мурашки в пальцах рук и ног — старый антропоидный рефлекс, — и ночь показалась мне еще темней, и в море вдруг объявились невиданные чудовища, и щупальца их, скрытые волнами, уже тянулись ко мне.

Светящаяся полоска над головой означала пролетающий стратосферный транспорт, который в любую секунду мог выйти из строя и метеором низринуться мне на голову.

Словом, когда я услышал позади хруст песка, адреналин был уже на своем месте в крови.

Я быстро обернулся, одновременно пригибаясь. Правая нога моя поскользнулась, и я упал на одно колено.

Удар в голову бросил меня на правый бок. Тут он на меня кинулся, и мы сцепились на песке, стараясь каждый занять ключевую позицию. Кричать было бесполезным расходом сил, потому что поблизости никого не было. Я попытался запорошить ему глаза песком. Я попытался уда-

рить его коленом в пах и еще в дюжину чувствительных мест. Но он был отлично натренирован, весил больше, и реакция у него была мгновенной.

Как это ни странно, но минут пять мы дрались молча, прежде чем я узнал его. Мы дрались уже на мокром песке, под ногами была вода, и он уже сломал мне нос прямым ударом головы и вывернул два пальца, когда я попытался сжать его горло. На его мокрое лицо упал лунный свет, и я увидел, что это Шендон, и понял, что мне придется убить его, чтобы остановить. Оглушить — этого будет мало. Тюрьмы или больницы лишь отодвинут новую встречу с ним на будущее. Он должен был умереть, чтобы я мог спокойно жить. Как мне кажется, и он рассуждал подобным образом.

Секунду спустя в спину мне воткнулось что-то твердое и острое, и я дернулся в сторону. Если этот человек решил убить меня, то не имеет значения, каким способом я с ним покончу. Главное — успеть первым.

Вокруг плескались волны прибоя. Он прижал мою голову, чтобы опустить ее под воду, но я нащупал рукой камень.

Первый удар скользнул по предплечью, которое он поднял для защиты. У телепатов иногда бывает преимущество в драке, потому что они знают, что через долю секунды собирается предпринять противник. Но страшная штука — знать и не иметь возможности предотвратить удар. Со второго раза я раздробил ему левую глазницу, и он, очевидно, понял, что ему пришла смерть, потому что завыл как собака. Через мгновение я опустил камень на его висок и на всякий случай ударил его еще два раза. Потом оттолкнул в сторону и откатился. Камень выскользнул из моих пальцев и упал рядом, в воду.

Я долго лежал там, смотрел на звезды, пока волны прилива окатывали меня и лениво покачивали тело смертельного врага в нескольких футах от меня.

Когда я собрался с силами, я обыскал его и среди прочего обнаружил пистолет. Он был заряжен и отлично функционировал.

Другими словами, он хотел прикончить меня голыми руками. Он предположил, что у него хватит для этого сил, и был готов рискнуть получить рану, лишь бы убить меня именно так. Он мог спокойно пригвоздить меня из-за кустов, но мне повезло, что он послушался голоса своей ненависти. Это мог бы быть самый опасный человек, с которым я только сталкивался, но он иногда забывал подумывать голо-

вой. И за это я его уважал, потому что на его месте поступил бы наоборот, пошел бы путем полегче. Даже если причины любого насилия, в которое я ввязываюсь, и лежат в кругу эмоций, я никогда не позволял чувствам диктовать мне средства.

Я заявил о нападении в полицию, и Шендон остался лежать мертвым там, на Земле. Где-то в Далласе он превратился в кусочек Ленты, и все, чем он был и надеялся быть, всило теперь меньше унции. А через тридцать дней и эта Лента должна была исчезнуть.

Несколько дней спустя, накануне моего отлета, я стоял на том самом месте, на одном берегу Большого Озера, а по другую его сторону располагался Токийский залив, и я знал, что если вы уже отправились в его воды, то назад вам дороги нет. Отражения звезд мерцали и двоились, как сквозь поле деформационного генератора, и хотя я знать этого не знал, но где-то уже посмеивался некто с зеленой кожей. Он вышел на рыбалку в Залив.

— Ты дурак и сукин сын!— повторил я.

Глава 6

Необходимость начинать все сначала раздражала меня. Но кроме раздражения я испытывал и определенный страх. Шендон один раз промахнулся, поддавшись чувствам. Едва ли он дважды допустит одну и ту же ошибку. Это был опасный человек, а теперь он явно обзавелся еще чем-то, от чего стал еще более опасным. Кроме того, он знал о моем присутствии на Иллирии из посланного мною Грин Грину сообщения накануне вечером.

— Ты поставил на мою задачу,— заявил я.— Поэтому ты мне и поможешь ее разрешить.

— Не понимаю,— произнес Грин Грин.

— Ты поставил на меня ловушку, теперь у нее выросли новые зубцы,— объяснил я.— Но приманка осталась на месте, как и раньше, и я пойду на все, и ты пойдешь со мной.

Он засмеялся.

— Прошу прощения, но мудрость обволакивает мой мозг и подсказывает, что мой путь лежит в противоположном направлении. По доброй воле я назад не пойду, а пользы от меня как от пленника не будет. Практически, я стану лишь ненужным балластом.

— Передо мной только три возможности,— проронил я.— Я могу прикончить тебя на месте, могу позволить тебе уйти на все четыре стороны, могу позволить идти со мной. Первую возможность мы пока оставим в стороне, потому что мертвый ты для меня не представляешь никакой пользы. Если ты отправишься своей дорогой, то я продолжу свой путь. Добившись того, чего хочу, если мне это удастся, я вернусь на Мегапёю. Там я всем расскажу, как провалился твой многовековой план мести назойливому землянину. Я расскажу, как ты отказался от своего плана и бежал, потому что тебя до безумия напугал другой человек, тоже землянин. И если после этого ты вдруг надумаешь жениться, то подыскивать пару тебе придется на другой планете, да и там среди пейанцев разнесется слух. И никто не будет называть тебя «Дра», несмотря на твое состояние. Мегапёя откажется принять твои кости, когда ты сохнешь. Ты никогда больше не услышишь звона приливного колокола, зная, что он звонит по тебе.

— Да будут слепые твари на морском дне, чьи брюхи как круги света, вспоминать удивительный вкус твоих потрохов,— сказал он.

Я выдул колечко дыма.

— И если я отправлюсь дальше один и меня убьют, то неужели ты думаешь, что тебе удастся убежать? Если ты сражался с Майком Шендоном, то неужели ты не заглянул в его мысли? Ведь ты, кажется, упомянул, что ранил его? И ты полагаешь, что этот человек простит тебе это? Он не настолько тонок, как пейанцы. Он не станет тратить время на изысканные ритуалы. Он просто начнет искать тебя, а когда найдет, то прирежет, как свинью. Поэтому, выиграв ли я или проиграю, конец у тебя один — бесчестие и смерть.

— А если я решу идти с тобой и помогать тебе, что тогда?— поинтересовался он.

— Я забуду о мести, которую ты намеревался свершить. Я докажу тебе, что «пайбадра» не имела здесь места, то есть отсутствовал состав оскорбления, и ты сможешь отменить месть с честью. Я не стану требовать возмещения убытков, и каждый из нас отправится своим путем, каждый будет свободен от обязанностей пред другим.

— Нет,— возразил он.— Пайбадра была — это твое избрание в Имя-носящие. Я не принимаю твоего предложения.

Я лишь пожал плечами:

— Ладно. Тогда что ты скажешь вот на это. Поскольку

твои чувства и намерения мне известны, то для нас обоих бесполезно строить мост по классическим канонам. Тот самый решающий момент, когда враг осознает и инструмент, и движущего его, и пайбадру и понимает, что вся его жизнь была лишь предисловием к этому моменту большой иронии, весь этот миг будет почти, если не полностью, разрушен.

— Тогда я могу предложить тебе удовлетворение вместо прощения,— продолжал я.— Помоги мне, а потом я представлю тебе честную возможность свести со мной счеты, когда все останется позади. Что ты на это скажешь?

— Какие средства ты думаешь избрать?

— Пока не знаю. Подойдет все, на что ты согласишься.

— Какие гарантии ты даешь?

— Я клянусь Именем, которое ношу.

Он отвернулся и некоторое время молча размышлял, после чего произнес:

— Согласен. Я пойду с тобой и буду помогать.

— Тогда вернемся в лагерь и расположимся поудобнее. Ты должен побольше рассказать мне о некоторых вещах, которые ты лишь слегка затронул.

Я повернулся к нему спиной и направился в лагерь. Там я расстелил пленку, чтобы мы могли поместиться на ней вдвоем, и подбросил дров в костер.

Прежде чем мы оба уселись, земля вздрогнула.

— Это ты наделал?— я показал рукой на северо-запад.

— Частично.

— Зачем? Пытался меня напугать?

— Нет, не тебя.

— Шендон тоже не испугался.

— Наоборот.

— Может быть, ты расскажешь мне поподробней, что случилось?

— Во-первых, относительно нашего соглашения. У меня только что возникло встречное предложение... его тебе будет интересно выслушать, надеюсь.

— Какое?

— Ты направляешься туда, чтобы спасти своих друзей,— он показал рукой, куда я иду.— Предположим, имеется возможность совершить это без риска? Предположим, что Майк Шендон будет сейчас нами обойден? Не лучше ли все сделать именно так? Или ты жаждешь его крови немедленно?

Я сидел и обдумывал его предложение. Если я оставлял Майка в живых, то рано или поздно он снова до меня

доберется. С другой стороны, если я получу сейчас то, что нужно, и не буду при этом стоять у него на пути, то потом я найду тысячу безопасных способов вывести его из игры. К тому же я прибыл на Иллирию готовый стрелять или предпринимать другие действия по отношению к врагу. Я был готов встретиться лицом к лицу со смертельным врагом. Какая разница, если переменятся лица и декорации? И все же...

— Я внимательно слушаю твое предложение.

— Те люди, которых ты ищешь, находятся здесь потому, что я воспроизвел их. Ты знаешь, как я это сделал. Я использовал Ленты. Ленты до сих пор у меня, в сохранности, и лишь я знаю, как их найти. Я рассказал уже, как они ко мне попали. То же самое я могу сделать и сейчас. Я могу переправить Ленты сюда немедленно, если ты попросишь. Затем мы можем покинуть это место, и ты вновь восстановишь этих людей, по своему желанию. Когда мы взлетим, я укажу тебе место, куда надо стрелять или бросить бомбу, и мы уничтожим Майка Шендона, не подвергая себя опасности. Разве это не более простой и безопасный способ? Наши разногласия мы обсудим потом, как и было договорено.

— В твоём предложении две большие дыры. Для Рут Ларри Ленты не будет, это раз. Мне придется покинуть остальных, это два. То, что я смогу снова воспроизвести их потом, не имеет значения, если я должен оставить их позади сейчас.

— Аналоги, которые ты воспроизведешь, помнить об этом не будут.

— Это не существенно. Они есть уже сейчас. Они также реальны, как ты и я. И не важно, что их можно продублировать... Они на Острове Мертвых, правильно?

— Да.

— Выходит, если я должен буду разрушить его, чтобы погубить Шендона, я погублю и остальных?

— Это неизбежно.

— Я отклоняю твое предложение.

— Это твое право.

— Будут какие-либо иные предложения?

— Нет.

— Теперь, когда мы можем вернуться к первоначальному предмету нашей беседы, расскажи мне, что произошло между тобой и Шендоном.

— Теперь у него есть Имя.

— Что?!

— За ним стоит тень Белиона.

— Этого не может быть. Так не бывает. Он не мир-формист...

— Потерпи минутку, Френк, я понимаю, что здесь необходимо разъяснение. Вероятно, некоторые вещи Дра Марлинг тебе не сообщил. Он был из ревизионистов, так что это понятно. Ты знаешь, что Имя-носящий должен иметь не только Имя, чтобы формировать миры...

— Но это необходимо. Это неотъемлемый психологический прием, который позволяет высвободить подсознательный потенциал, необходимый на определенных ступенях работы. Чтобы творить миры, человек должен ощущать себя Богом.

— Тогда почему я не могу?

— Я никогда о тебе не слышал, пока ты не стал моим врагом. Я не видел образцов твоей работы, кроме тех, что у меня перед глазами, сработанные поверх моих творений. Если это образец, то заявляю, что работать ты не можешь. Паршивый из тебя вышел мастер.

— Считай, как тебе угодно. Тем не менее я с очевидностью в состоянии манипулировать необходимыми процессами.

— Это может выучить любой. Мы разговариваем о творческой работе, следов которой я тут не примечаю.

— Я говорил о пантеоне Странти. Он существовал еще до появления миротворцев, как ты знаешь.

— Ну и что из этого?

— Ревизионисты, такие, как Дра Марлинг и его предшественники, использовали старую религию для своей работы. Они видели ее символы не как таковые, а как средство психологической настройки. Твое утверждение как Шимбо Громотворца было лишь средством закрепить в подсознании особый способ организации. Для фундаменталиста это святотатство.

— А ты фундаменталист?

— Да.

— Тогда зачем ты сам пошел учиться делу, которое считаешь грязным? Ответь!

— Чтобы получить Имя.

— Кажется, я что-то не понял.

— Мне нужно было Имя, а не профессия. Я руководствовался религиозными, а не экономическими соображениями.

— Но это лишь психологическое средство...

— В том-то и дело! Это не просто средство. Это подлин-

ная церемония и влечет за собой подлинный результат — контакт с божеством. Это обряд посвящения для высших жрецов странты.

— Тогда почему бы тебе было не принять святой сан, вместо того чтобы изучать инженерию планет?

— Потому что произвести обряд может только Имя-носящий, я двадцать семь живых имен — все были ревизионистами. Они не санкционировали бы обряда по известной причине.

— Двадцать шесть,— уточнил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Марлинг покоится в недрах горы, и Лоримель Многорукий пребывает в счастливом ничто.

Он склонил голову и помолчал.

— Еще на одного меньше. Я помню время, когда их было сорок три.

— Печально.

— Да.

— Зачем же тебе понадобилось Имя?

— Чтобы стать священником, но не миротворителем. Но ревизионисты не потерпели бы такого среди своих. Они позволили мне завершить учение и затем отвергли меня. Потом, чтобы больше оскорбить и унижить меня, следующим посвященным стал инопланетянин.

— Понимаю. Поэтому ты предназначил меня для отщепенства?

— Да.

— Но это едва ли моя вина. Практически всю эту историю я слышу впервые. Я всегда считал, что присвоение Имени лишь формальный обряд.

— Теперь ты станешь знать больше. Ты должен понять, что к тебе лично я зла не питаю. Я ударяю через тебя по тем, кто святотатствует. Ясно?

— Зачем же ты занялся миротворением, если, по-твоему, это аморальное занятие?

— Миротворение само по себе ничего дурного не представляет. Я протестую только против использования истинной религии в данных целях. В ортодоксальном смысле слова Имени я не ношу, и работа эта хорошо оплачивается. Так отчего же мне не заниматься ею?

— Не вижу причин отказываться, если кто-то действительно вздумает дать тебе заказ. Но какое тогда ты имеешь отношение к Белиону, а Белион к Майку Шендону?

— Грех и наказание — таковы наши отношения, как мне кажется. Я самостоятельно произвел обряд присвоения

Имени в храме в Прилбеи. Ты знаешь, как это делается — приносится жертва, произносится формула, и ты начинаешь продвигаться вдоль внешней стены храма, почтительно приветствуя каждое божество, а потом загорается одна из пластин с изображением, и в тебя входит Сила. И это будет твоим Именем.

— Ну и?

— У меня загорелось изображение Белиона.

— Значит, ты утвердил себя?

— Скорее, это он утвердил меня своим Именем. Я не желал именно его, потому что он разрушающий бог, а не созидающий. Я надеялся, что ко мне придет Кирвар Четырехлицый Отец всех Цветов.

— Каждому по делам его.

— Верно, это была самая первая и самая главная моя ошибка. Белион начал управлять мною, даже если я его не призывал. Не знаю, но, быть может, он даже руководил мною в подготовке мести для тебя, потому что ты носишь Имя его исконного врага. Да, даже сейчас я чувствую, как происходит перемена в моих мыслях. С тех пор как он меня оставил, все пошло не совсем так, как раньше...

— Как он мог тебя оставить? Союз заключается на всю жизнь!

— Но характер моего утверждения мог не обязывать к этому. Теперь его со мной нет.

— Значит, Шендон...

— Да. Он один из редких представителей среди вас, землян, таких, как ты, которые могут разговаривать без слов.

— Я не всегда это умел. Дар развивался во мне медленно, пока я учился у Марлинга.

— Когда я возвратил его к жизни, то в его сознании я тут же обнаружил гнев по поводу того, что он погиб от твоей руки. Но потом он быстро погасил гнев и начал разбираться в обстановке. Его умственные процессы заинтересовали меня, и я стал выделять его среди остальных, начал давать ему поручения. Я часто с ним разговаривал и многому его научил. Он помогал мне подготовиться к твоему прибытию.

— Давно он здесь?

— Примерно один спланф, — сообщил Грин Грин (один спланф — это где-то восемь с половиной земных месяцев). — Я воспроизвел их всех примерно в одно время.

— Зачем ты похитил Рут Ларри?

— Я подумал, что ты можешь и не поверить в воскрешение мертвых. После того, как я начал посылать снимки, ты не начал широкого расследования. Да, как приятно было бы заставить тебя искать подольше, чтобы ты, наконец, обнаружил, что все они именно здесь. Поскольку ты не реагировал, я решил подать более прозрачный намек. Я позволил себе похитить одного из тех людей, которые что-то для тебя значили. Если бы ты опять не прореагировал, даже после моего послания, я бы похитил еще одного, и еще, пока ты не надумал бы начать свой розыск.

— Выходит, Шендон стал твоим любимцем. И ты ему доверял.

— Если так можно сказать. Он был очень старательным и способным учеником. Он умен и обладает приятными манерами, с ним было интересно проводить свободное время.

— До последних дней.

— Да. Как я сожалею, что неправильно оценил его старательность и желание помогать. Естественно, он разделял мое желание отомстить тебе. Так же, как и остальные твои враги, но они были глупее, и среди них не было телепатов. Я наслаждался возможностью непосредственного общения хоть с кем-нибудь.

— Что за кошка пробежала между такими милыми друзьями?

— Это случилось вчера, и я сперва подумал, что это из-за желания отомстить. Но это означало уже Силу. Он оказался хитрее, чем я мог предположить. Он провел меня, как мальчишку.

— Каким образом?

— Он заявил, что желает не просто мертвого Сандау. Он хочет отомстить тебе лично и убить своими руками. Мы начали спорить. В конце концов, он отказался подчиниться моим приказам, и я пригрозил ему суровым наказанием.

С минуту Грин Грин молчал, после чего продолжил:

— Тогда он меня ударил. Он напал на меня без оружия, с голыми руками. Пока я защищался, во мне рос гнев, и я решил, что он умрет мучительной смертью. Я воззвал к Имени, которое носил, и Белион услышал и пришел ко мне. Я достиг энерговогода и, стоя в тени Белиона, заставил землю дрожать, вызвал пламя и дым, заключенные в сердце мира. И таким образом он на мгновение заколебался, ища опоры на краю бездны. Я сильно обжег

его, но он сумел удержаться и не упал. Он достиг своей цели: вынудил меня вызвать Белиона.

— Зачем это ему понадобилось?

— Он знал историю моего посвящения. Я рассказал ее ему также, как и тебе. Он знал, как я получил Имя, и относительно его он составил план, который удачно скрыл от меня. Даже узнай я об этом плане, я бы только посмеялся. Не более. И даже когда я понял, что он пытается сделать, я лишь захохотал, поскольку был уверен, что ему ничего не удастся. Но я ошибался. Он сумел заключить договор с Белионом.

— Он вызвал во мне гнев и подверг мою жизнь опасности, зная, что я вызову Белиона, если у меня будет достаточно времени. И когда я встал в тени Белиона, он напряг свою мысль и волю и заключил контракт. Итак, он начал игру за власть — не на жизнь, а на смерть. Он сказал: «Взгляни на сосуд, то есть на меня. Разве я не более превосходноеместилище силы и разума, чем то, которое ты избрал когда-то. СМОТРИ на меня. Сложи все силы моего ума и тела. Сделав это, ты, быть может, оставишь пейанца и перейдешь ко мне, чтобы мы шагали вместе до конца моей жизни. Я призываю ТЕБЯ. Я способен лучше всех живущих людей служить тебе и твоим целям — огню и разрушению. Этот, что стоит передо мной,— он слаб, он рад был бы заключить союз с Отцом Цветов, если бы у него был выбор. Приди ко мне, и мы оба выиграем от этого союза».

Здесь Грин Грин сделал паузу.

— И что же дальше?

— Неожиданно я остался один.

Где-то каркнула птица. Ночь заготовила в своих кладовых запасы влаги и принялась обильно покрывать ею мир. Скоро на востоке разгорится горизонт. Я смотрел на огонь и ничего не видел.

— Да, похоже, теории автономного комплекса придется собирать собственные кости,— вымолвил я.— Но мне приходилось слышать о обмене психозами между телепатами. Это было что-то в таком роде.

— Нст. Белион и я были связаны обрядом. Но он нашел более подходящего носителя и покинул меня.

— Но я не уверен, что он существует, как таковой.

— Ты... Имя-носящий... ты не веришь? Я начинаю разочаровываться в тебе.

— А пайбадры? Подумай, до чего тебя довела предыдущая? Я сказал только, что не убежден. Я не знаю... Что

произошло после того, как Шендон заключил союз с Белионом?

— Он медленно отвернулся от трещины, раскрытой между нами, и повернулся ко мне спиной, будто я вовсе не существовал. Я коснулся его мыслью и почувствовал Белиона. Шендон поднял руки, и весь остров задрожал. Тогда я бросился бежать. У причала я сел в лодку и поплыл к берегу озера. Вскоре вокруг меня начала кипеть вода. Затем началось извержение. Я добрался до берега, и когда взглянул назад, там уже показался над водой конус вулкана. Я еще мог различить на берегу острова фигуру Шендона. Руки его были подняты, в воздухе вокруг вились искры и дым. И я отправился искать тебя. Немного позже я получил твое послание.

— А до этого он мог пользоваться энергопроводами?

— Нет. Он даже не ощущал их присутствия.

— А что с остальными?

— Они все остались на острове. Некоторые из них в наркотическом трансе, чтобы не волновались.

— Понятно.

— Вероятно, теперь-то ты изменишь планы и сделаешь, как предлагал я?

— Нет.

Мы сидели у костра. Через пятнадцать минут на востоке показался свет зари. Начал подниматься туман, небо по-прежнему было затянуто тучами. В лучах солнца тучи запылали огнем. Поднялся прохладный ветер. Я все раздумывал о моем бывшем шпионе, который сейчас играет с вулканами и заключает союз с Белионом. Да, ударить необходимо было именно сейчас, пока он еще опьянен новым могуществом. Если бы можно было выманить его с острова в неиспорченную Грин Грином область Иллирии. Там все живое стало бы моим союзником. Но он на эту удочку не попадет. И еще я бы хотел отделить его от всех остальных, но не мог придумать способа, как это сделать.

— Сколько у тебя ушло времени, чтобы загадать эту местность?

— Этот район я начал изменять лет тридцать назад, — произнес он.

Я покачал головой, встал и забросал костер комьями земли, пока он не погас.

— Пошли. Нам лучше поспешить.

Как считали древние скандинавы, на заре времен в центре всего пространства существовал Гинцунга-гап в окружении вечных сумерек. Северный его край был закован

во льды, а южный пылал в огне. В течение веков эти силы сражались, и в результате потекли реки, а в бездне замерцали первые проблески жизни. Согласно цеумерианскому мифу, Еп-ки сражался с Тиматом, морским драконом, и таким образом земля была отделена от суши. Сам Еп-ки был чем-то вроде огня. Ацтеки были уверены, что первые люди были сделаны из камня и что огненные небеса предзнаменуют новую эру. А о том, как миру наступит конец, существует множество историй: о Судном Дне, а также о Геттердаймерунге и расщеплении атомов. Я лично не раз видел, как рождаются и гибнут миры и люди и на самом деле и в переносном смысле. И всегда одно и то же. Всегда огонь и вода.

Пусть вы и ученый, но в душе вы остаетесь алхимиком. Вы живете в мире жидкостей, твердых веществ, газов и тепловых эффектов, которыми сопровождаются переходы из одного состояния в другое. Эти процессы вы видите, ощущаете. Все, что вы знаете об их подлинной природе, остается в уме. Поэтому когда речь идет о повседневной жизни, о приготовлении чашки кофе или о полете змея в потоках времени и ветра, то вы имеете дело с четырьмя основами древних философий: землей, огнем, водой и воздухом.

Скажем прямо, воздух вызывает ощущение чего-то легковесного, с какой стороны ни подходи. Конечно, без него не проживешь, но его не видно глазом, и пока он ведет себя тихо, то его принимаешь как данность и почти не обращаешь на него внимания. Земля? Тут все дело в том, что она очень долговечная. Все твердые вещества тяготеют к монотонной неизменчивости.

Но вода и огонь — совсем не то. Они не имеют формы, они многоцветные, и они постоянно в движении. Предрекая наказание, пророки редко грозят землетрясением или ураганами. Нет! За многочисленные прегрешения вам грозят пламенем и потопом. Первобытные люди встали на верный путь, когда научились управляться с первым и не забывали иметь под рукой немного второго, чтобы вовремя погасить костер. Разве не случайно мы заполняем преисподнюю огнем, а океаны чудовищами? Не случайно, я думаю. Огонь и вода — они оба подвижны, а это в первую очередь ассоциируется с жизнью. Оба они загадочны и умеют ранить или убивать. Не удивительно, что и другие разумные существа во Вселенной относились к ним подобным образом. Это все алхимический подход.

И в наших отношениях с Кати было что-то подобное.

Что-то грозное, подвижное, загадочное, полное сил рождения и способное ранить или убить. Она два года работала моим секретарем до того, как мы познакомились и поженились. Невысокая, темноволосая девушка, которая любила яркие платья, а также кормить крошками птиц. У нее были маленькие красивые руки. Я нанял ее через агентство на Маале. Во времена моей молодости люди были довольны, если брали на работу сообразительную девушку, умеющую печатать, стенографировать и вести переписку. Но в наши более сложные и напряженные дни я взял ее на работу по совету моего агентства, поскольку она имела степень доктора по теории и практике секретарской деятельности Маальского института. Боже! Первый год все шло вверх тормашками. Она перепутала весь мой личный архив, и переписка шла с опозданием на полгода. Потом я, за солидную цену, заказал машинку образца XX века, научил ее стенографии, и она превратилась в прекрасную прилежную выпускницу колледжа со специализацией по ведению дел. Дела вернулись в свое нормальное русло, и я думаю, что мы были единственными людьми, которые могли разобрать каракули Грегга, что имело свою ценность для секретности и рождало что-то общее между нами. Но она была ярким маленьким языком пламени, а я — мокрым одеялом, и в течение первого года я частенько доводил ее до слез. Потом я уже не мог без нее работать и понял, что дело не только в том, что она хорошая секретарша. Мы поженились и счастливо прожили шесть лет, шесть с половиной. Фактически. Она погибла в пожаре при катастрофе в космопорте Майами, когда ехала встречать меня. У нас было два сына, один еще жив. И с тех пор огонь преследовал меня, так или иначе, все годы. Вода всегда была моим другом.

Хотя я чувствую больше расположения к воде, чем к огню, все мои миры рождены, как первым так и вторым. Кокитус, Новая Индиана, Святой Мартин, Бунинград, Мерсия, Иллирия и остальные — все они появились на свет в процессе расплавления, охлаждения, испарения и омовения. Вот я шел сквозь леса Иллирии — мир, который был задуман как парк, курорт — вся Иллирия, которую купил враг, идущий рядом со мной. Исчезли люди, которым предназначался этот мир: отдыхающие, туристы, — все те, кто верил еще в деревья и гладь озер, и в горы с их тропами. Они исчезли отсюда, и деревья, среди которых я шел, были согнуты, стволы их скрючены узлами, озеро, к которому мы направлялись, было замутнено. Земля эта

стонала от ран и огня, кровь ее вытекала из горы, поднимающейся перед нами. Огонь, как всегда поджидал меня. Над головой висели низкие тучи, из их серой белизны сыпался посланный огнем пепел, бесконечный поток приглашений на погребение. Иллирия понравилась бы Кати, если бы она увидела ее в другое время и в другом месте. Одна мысль о ее присутствии здесь и сейчас, когда карнавалом управлял Шендон, вызывала у меня тошноту. Продвигаясь все дальше вперед, я тихонько слал проклятия. Вот и все, что я думаю об алхимии.

Мы брели примерно с час, и Грин Грин начал жаловаться, что у него болит плечо и что он вообще устал. Я сказал, что горячо сочувствую ему, но только пока пусть он продолжает свой путь. Этого ему наверное хватило, потому что он сразу затих. Еще через час я позволил ему передохнуть, а сам залез на дерево и разведаль, что лежит впереди. Мы приближались к цели, и скоро местность должна была перейти в главный склон холма. Вся дальнейшая дорога будет идти по спуску. День посветлел, насколько это позволяли тучи, и туман почти полностью исчез. Стало гораздо теплее. Пока я карабкался по дереву, по мне текли струйки пота, а на каждой ветке я поднимал облако пепла и пыли. Несколько раз я чихнул, глаза у меня запорошились и заслезились.

Над верхушками дальних дерсвьев я уже видел верхнюю часть острова. Слева от него и немного сзади я видел дымящийся конус свежесросшего вулкана. Я с чувством выругался и спустился вниз.

До берега Ахерона мы добрались через два часа.

В маслянистой воде моего озера отражались языки пламени, и ничего больше. Лава и раскаленные камни жутко шипели, попадая в воду. Глядя на останки своего творения, я чувствовал себя грязным, потным и липким. Маленькие ленивые мысли соответствовали маленьким ленивым волнам, которые выбрасывали на берег полосы пены и пемзовые осколки. По всему озеру целые плавучие острова подобной грязи медленно плыли в направлении берега. На мелководье белела брюхом мертвая рыба, и в воздухе пахло тухлыми яйцами. Я сел на камень и закурил сигарету, рассматривая пейзаж.

В миле от берега, посреди озера, находился мой Остров Мертвых. Он не изменился — все такой же мрачный и неподвижный, словно тень без хозяина. Я наклонился и кончиками пальцев попробовал воду. Она была довольно

горячей. За островом к востоку виднелся свет. Там как будто светился конус еще одного вулкана, но поменьше.

— Я выбрался на берег в четверти мили к западу отсюда,— сообщил Грин Грин.

Я кивнул и продолжал смотреть. Было еще рано, и я решил позволить себе передышку, чтобы рассчитать свои шансы. Под южной стороной острова — той, которая была обращена к нам, лежала узкая полоска песчаного пляжа. Тут же была небольшая бухта в двести футов в поперечнике. От бухты вверх шла естественного вида извилистая тропинка, выводившая к высоким острым пикам верхушки.

— Как ты думаешь, где он сейчас?— обратился я к Грин Грину.

— Примерно в двух третях от подножия, в домике-шалле. Там у меня была лаборатория. Я расширил многие пещеры в стене за ним.

Сам собой напрашивался при этом единственный путь — брать остров с лицевой стороны, потому что все остальные не имели побережья у подножья и отвесно поднимались прямо из воды.

Единственный, но не совсем.

Я сомневался, что Грин Грин, Шендон или еще кто-нибудь знал, что и по северной стене можно было взобраться вверх. На вид она была неприступной — так я ее и задумал, — но на самом деле все было не так уж и плохо. Я всегда любил устраивать запасной выход наравне с парадным подъездом. Если мы пойдем этим путем, то придется взбираться на самый верх и с тыла спускаться к шале.

Я решил, что так и сделаю. И еще я решил, что буду держать при себе этот план до последней минуты. В конце концов, Грин Грин был телепатом, и вся история, которую он мне выложил, вполне могла быть кучей навоза. Я-то это хорошо понимал. Шендон и он вполне могли играть на одной стороне, и даже никакого Шендона могло и не быть. Я не верил Грин Грину ни на ломаный цент, хотя уже не имелось в природе центов, да еще ломаных.

— Двинули,— буркнул я, поднимаясь и бросая сигарету в мой бывший Ахерон, ныне сточную канаву.— Покажи, где ты оставил лодку.

Мы двинулись по берегу влево, к тому месту, где, как он помнил, была им вытащена на берег лодка. Только на месте ее не оказалось.

— Ты уверен, что это то самое место?

— Конечно.

— А где же лодка?

— Очевидно, один из толчков сбросил ее обратно в озеро и она уплыла.

— Ты смог бы доплыть до острова с раненым плечом?

— Я пейанец, — ответил он с таким видом, словно спокойно мог бы переплыть Ла-Манш с обеими ранеными плечами, а потом развернуться и переплыть его в обратную сторону без отдыха. Я его специально спрашивал, чтобы поддеть.

— ... но плыть до острова нельзя, — добавил он.

— Почему?

— Там горячие потоки от вулкана. И чем ближе к острову, тем горячее.

— Тогда будем строить плот. Я буду срезать пистолетом деревья, а ты пока найдешь что-нибудь подходящее, чтобы связывать бревна.

— Например? — поинтересовался он.

— Ты лично довел местные леса до такого безобразия, так что тебе лучше знать. Я заметил по пути еще крепкие лианы.

— Они несколько шероховатые. Мне понадобится нож.

Я на секунду заколебался.

— Ладно. Держи!

— Вода может покрыть плот. Будет горячо.

— Тогда воду придется охладить.

— Как?

— Скоро пойдет дождь.

— Но вулканы...

— Дождь будет не такой сильный.

Он пожал плечами, кивнул и направился резать лианы. Я начал валить и обдирать деревья, выбирая одинаковые, дюймов шести в диаметре, не меньше. При этом я не забывал, насколько возможно, следить за происходящим у меня за спиной.

Скоро начался дождь.

В течение последующих нескольких часов с небес непрерывно падал мелкий холодный дождик, промочив нас до костей. Дождь усыпал оспинами поверхность Ахерона, смыл частично пыль и пепел с прибрежной растительности. Я выстругал два широких весла и срезал пару длинных шестов, пока поджидал Грин Грина, набравшего достаточный запас связочного материала, чтобы скрепить плот. Пока я его ждал, земля вдруг страшно дернулась и жуткого вида расселина появилась в конусе вулкана, рассекая его до половины. Река лавы цвета неба на закате стала изли-

ваться из прорехи. В моих ушах еще несколько минут звучало эхо взрыва. Затем поверхность озера вздыбилась и в виде небольшой приливной волны, миниатюрного цунами, стремительно понеслась с мою сторону. Я бросился бежать изо всех сил и успел взобраться на самое высокое дерево, растущее вблизи.

Вода добралась до подножия дерева, но выше чем на фут не поднялась. За двадцать минут прошло три таких волны. Потом вода начала отступать, оставив мне вдоволь ила взамен бревен и уже вырезанных весел.

Я разозлился. Я знал, что дождь не загасит вулкана, и может даже подстегнуть его деятельность, и все же...

Я был зол, как черт. Смыло всю мою работу.

Я прильнул к земле и в нескольких сотнях ярдов слева почувствовал ощутимое притяжение энергопровода. Откуда-то издалека донесся крик пейанца, но я не стал обращать на него внимания. В общем, в этот момент я уже был не совсем Фрэнсис Сандау.

Я двинулся в сторону энергопровода, взобрался на небольшой холмик, чтобы достигнуть самого узла. С этой точки у меня был отличный вид на все озеро и на сам остров за гранью встревоженных вод. Видимо, моя зрительная чувствительность возросла. Я вполне ясно видел это шале. Мне представилось, что я даже заметил какое-то движение в том месте, где поручень огораживал конец двора, выходившего на обрыв над водой. Глаза землян уступают по остроте зрения пейанцам. Ведь Грин Грин сказал, что ясно различал Шендона после того, как переплыл на берег с острова.

Я стоял над одной из крупных вен Иллирии, или небольшой артерией, и чувствовал ее пульс, и в меня вошла Сила, и я послал ее вперед.

Довольно скоро моросивший дождик перешел в мощный ливень, и когда я опустил поднятую ладонь, сверкнула молния и прокатился гром, словно кто-то бил в жестяной барабан. Ветер, внезапный, как прыгнувший кот, и холодный, как арктический ореол вокруг солнца, ударил мне в спину и, проносясь мимо, погладил щеку.

Грин Грин вновь что-то закричал. Кажется, он находился где-то справа от меня.

Затем небеса принялись с шипением слать вниз тяжкие дождевые потоки, шале совсем исчезло из виду, и сам остров превратился в серый призрак. Пламя вулканов виднелось слабой искрой над водами острова. Вскоре ветер понесся вперед, как грузовой поезд, и его завывания слились

с раскатами грома в непрерывный жуткий грохот. Воды Ахерона собрались в волны вроде тех, что получили мы, и двинулись в противоположном направлении — туда, откуда пришли раньше. Если Грин Грин что-то и кричал мне, то я уже не мог его слышать.

Вода струями бежала у меня по волосам, стекала по лицу и шее. Я ничего не видел, но мне и не нужны были глаза. Меня окутывала энергия. Температура упала, дождь хлестал почти целыми полотнищами, которые с текучим треском разрывались, и звук напоминал удар кнута. День стал темен, как ночь. Я захохотал — и воды поднялись столбами, закачались, как великаны-джинны, и молнии снова швыряли ослепительную перчатку, и вся моя машина еще ни разу не сказала мне: «Предел — полный ход!»

«Френк, остановись, он узнает, что ты здесь!» — пришла мысль, адресованная той части меня, к которой и хотел направить ее Грин Грин.

«Но он и так уже знает, что я тут, разве не так? — примерно так ответил я. — Спрячься, пока это не кончится! Жди!»

И вместе с низринувшимся дождем и поднявшимся ураганом грунт подо мной снова стал вздрагивать. Искра вулкана, плававшая в сумерках передо мной, разгорелась и засияла, как погребенное в море солнце. Затем вокруг него заплясали молнии, клюя макушку острова, покрывая его разными именами, и одно из них было моим.

Следующий толчок бросил меня на колени, но я снова встал и поднял обе руки.

...И теперь я стоял в каком-то месте, состоявшем не из твердого вещества, не из воды и не из газа. Здесь не было света, но не было и тьмы. Было не холодно и не жарко. Быть может, оно находилось внутри моего сознания, а может, и нет.

Мы смотрели друг на друга, и в своих бледно-зеленых руках я сжимал громомолнию, держа ее как винтовку перед грудью наискосок.

Он своим видом напоминал широкую серую колонну, и был покрыт чешуей. У него была морда крокодила и огненные глаза. Когда он говорил, три пары его рук постоянно меняли положение. Но в целом он также не двигался с места.

«Старый враг, старый товарищ», — обратился он ко мне.

«Да, Белион, я здесь».

«Твой цикл завершен. Избавь себя от

унижения пасть от моей руки. Уступи, Шимбо, и сохрани мир, тобой созданный».

«Едва ли этот мир должен погибнуть, Белион».

Молчание.

И немного спустя:

«Тогда будет противоборство».

«...Если ты не отступишь».

«Я не отступлю».

«Да будет так».

И он исчез.

... И я снова находился на маленьком холме, медленно опуская руки, потому что сила покинула меня.

Это была странная метаморфоза, ничего подобного со мной никогда не случалось. Сон наяву, если хотите. Фантазия, рожденная напряжением и гневом.

Дождь продолжал идти, но уже не с такой силой, как раньше. Ветер потерял долю свирепости. Молнии больше не сверкали, и гром тоже утих. Земля больше не вздрагивала. Огневая активность вулкана прекратилась, оранжевое свечение на макушке уменьшилось, и трещина в склоне уже не кровоточила лавой.

Глядя на все это, я вновь почувствовал холод, и то, что я промок, и что земля под ногами твердая. Наша бесконечная битва была прервана в самом начале. Лично я был этим сейчас доволен: вода в озере стала на вид прохладнее, и серый остров казался на таким уж и недоступным.

Пока я смотрел, сквозь прореху в тучах пробилось солнце и на сверкающих каплях воздушной влаги развернулась радуга. Она изогнулась сквозь промытый воздух, окантовав аркой Ахерон, остров, дымящийся конус, словно картинку внутри блестящего пресс-папье, отчего все стало похоже на нерсальную миниатюру.

Я покинул свой холмик и возвратился на место, где находился до этого. Нам еще нужно было построить плот.

Глава 7

Оплакивая с горя отсутствие у себя трусости, я вдруг обнаружил, что последняя прореагировала тем, что навалилась на меня, отчего я опять был напуган чуть ли не до смерти.

Я прожил уже слишком долго, и с каждым новым днем шансы моей гибели все больше увеличивались. Хотя факт

этот формулируется иными словами, но отношением к нему моего страхового агентства может служить размер страховой премии. Их компьютер классифицировал меня в один разряд со случаями неизлечимой ксенопатии — в соответствии с их критериями и показаниями моих шпионов. Это придает уверенности, возможно, они правы. Впервые за очень долгий срок я предпринял новое опасное предприятие. И я чувствовал, что немного вышел из формы. Если Грин Грин и заметил, что мои руки дрожат, то никаких замечаний он не сделал. В этих руках заключалась его жизнь, и у него и без того на этот счет мысли имели мрачную окраску. Сейчас он мог убить меня в любое время — если вы подумаете как следует, то согласитесь. Он это знал. И я знал. И он знал, что я знаю. И...

Сдерживал его единственный факт, что он не мог обратиться с Иллирии без меня. Рассуждая логически, это означало, что его корабль остался на острове. Из чего следовало, что, если в распоряжении Шендона имеется корабль, он может отправиться на наши поиски с воздуха, что бы ни имели в виду наши иллюзорные покровители под перспективой противоборства. Что означало, что мы поступим разумно, укрывшись под кронами деревьев на берегу, и что в путешествие следует отправиться под покровом ночи. Соответственно, я перенес наши строительные работы в глубь леса. Грин Грин нашел эту идею великолепной.

В облачном одеяле в тот день появилась проплешина, но полностью небо не очистилось. По-прежнему шел дождь. Стало немного светлее, и над нами проплыли две белые луны, Каттонталус и Флопсус, нельзя было только рассмотреть их ухмылки и глазницы.

Позже, в тот же день, с острова поднялось большое серебряное насекомое, вдвое большее «Модели-Т», отвратительного вида, как личинка жука, и шесть раз описала круг над озером, сначала расширяя круги по спирали наружу, а потом сужая их внутрь. Мы укрылись под многочисленными ветвями, при этом еще зарылись в листья и оставались там, пока «насекомое» не вернулось на Остров Мертвых. Все это время я судорожно сжимал мой древний амулет. Старина-кролик не выдал и на этот раз.

Плот мы закончили за пару часов до заката и остаток дня провели, сидя на земле, прислонившись спинами к деревьям.

— Грош за идею, — проронил я.

— Что такое грош?

— Древняя дснежная единица, когда-то распространен-

ная на моей родной планете. Впрочем, обдумав предложение, я его снимаю — теперь они очень ценятся.

— Странное предложение — купить мысль. В древности это было обычным среди твоего народа?

— Это было связано с развитием торговли. У всего есть своя цена и так далее.

— Чрезвычайно интересная концепция. И я понимаю, кстати, как люди вроде тебя вполне могут в нее верить. Ты бы выкупил пайбадру?

— Это уже сутяжничество. Пайбадра — это причина действия.

— Но ты бы заплатил человеку, чтобы он оставил намерение отомстить тебе?

— Нет.

— Почему же?

— Ты бы взял деньги, но продолжал бы искать удовлетворения, надеясь усыпить меня чувством ложной безопасности.

— Я говорил не о себе. Ты же знаешь, что я богат и что пейанцы не бросают своих вендетт ни за что и никогда... Нет. Я подумал о Майке Шендоне. Он твой соплеменник и тоже может думать, что у всего имеется своя цена. Как мне помнится, первый ущерб тебе он нанес потому, что ему требовались деньги, и, стараясь добыть их, он делал это за твой счет. Теперь он ненавидит тебя за то, что ты послал его в тюрьму, а потом убил его. Но поскольку он твой сонародник, а ваша раса любит назначать денежную плату за все вещи, то, может быть, если ты заплатишь ему достаточно за его пайбадру, он будет удовлетворен и уйдет с нашего пути.

Купить выход из нашего положения за деньги? Эта мысль мне в голову не приходила. Я прибыл на Иллирию, готовый сражаться с врагом — пейанцем. Теперь я держал его в руках, и он мне больше не угрожал. Его место занял землянин, ставший теперь моим врагом номер один. Может быть, Грин Грин и прав. Мы народ корыстный, хотя нельзя сказать, что сильно отличаемся в этом от других рас, но некоторых и в самом деле превосходим. И в неприятности Шендон вляпался в первую очередь из-за своих дорогостоящих вкусов. События на Иллирии разворачивались стремительно, и, к моему удивлению, мне и в голову не пришло, что выход можно найти в моих деньгах.

С другой стороны, учитывая список расходов Шендона, который был представлен еще на первом суде, он тратил деньги со скоростью горного потока, падающего с высоты.

Допустим, я дам ему полмиллиона в универсальных кредитных карточках. Всякий другой поместил бы эти деньги понадежней и всю жизнь жил бы на дивиденды. Шендон же истратит их за пару лет. И потом у меня вновь возникнут проблемы. Он решит, что, выдохнув их у меня один раз, сможет сделать это и во второй, и так далее. И, возможно, он не станет съедать свою гусыню, несущую золотые яйца. Но такой вариант, в этом я был уверен, меня не устроит.

И все же, если он пойдет на соглашение, я мог бы купить его — сейчас. После я успею организовать команду профессиональных убийц, и они быстро выведут его из игры, насколько можно будет.

Но если они промахнутся...

Тогда он снова сядет мне на хвост, и вновь один вариант — или он, или я.

Я обдумывал эту мысль, рассматривая ее со всех сторон. В конце концов я пришел к единственному выходу, вернее выводу.

У него имелся пистолет, но он желал прикончить меня голыми руками.

— Ничего не выйдет, — заявил я. — Он не из числа торговцев.

— Гм, я не хотел оскорбить тебя. Я все еще не совсем понимаю психологию землян.

— И не только ты.

Я наблюдал, как гаснет день и тучи зашнуровываются на ночь. Скоро наступит время подтащить плот к воде и отправиться в путь по утихомирившимся водам. Лунный свет нам помогать не будет.

— Грин Грин, — произнес я. — В тебе я узнаю себя, потому что я, вероятно, стал более пейанцем, чем землянином. Я не думаю, что дело именно в том, что «я — настоящий», — это продолжение того, что уже было во мне. Я тоже могу убивать, как делал бы ты, и я также буду держаться моей пайбадры, разверзись хоть земля, хоть небо.

— Я знаю, — промолвил он, — и уважаю тебя за это.

— Я вот что хочу сказать, когда все закончится, и если мы оба доживем до конца, я мог бы найти в тебе друга. Я мог бы ходатайствовать за тебя перед другими Именами, чтобы они дали тебе возможность нового посвящения. Я был бы рад видеть высшего жреца странتي с Именем Кир-вара Четырехлицего Отца Всех Цветов.

— Ты пытаешься узнать мою цену, землянин?

— Нет. Я делаю разумное предложение. Думай, как здесь подсказывает тебе твоя совесть. И все же, ты не нанес мне пайбадры.

— Пытаясь убить тебя?

— Из-за ложной пайбадры. Это меня не волнует.

— Ты знаешь, что я могу покончить с тобой, когда захочу.

— Я знаю, что ты так думаешь.

— Мне казалось, что я надежно защитил эту мысль.

— Это результат дедукции, а не чтения мыслей.

— Ты действительно во многом как пейанец,— проговорил он немного погодя.— Я обещаю не убивать тебя и отсрочить месть, пока мы не рассчитаемся с Шендоном.

И мы сидели и ждали, пока не наступит ночь. И она наступила.

— Пора,— сказал я.

— Пора,— откликнулся он, мы поднялись и подняли плот с двух сторон.

Мы отнесли его к воде и опустили в теплые волны.

— Весла взял?

— Да.

— Тогда с Богом.

Мы забрались на плот, установили равновесие и начали грести и отталкиваться о дно.

— Если он выше взяток,— спросил Грин Грин,— то почему продавал твои секреты?

— Если бы мои люди заплатили ему больше, он продал бы противоположную сторону.

— Тогда почему нельзя подкупить его сейчас?

— Потому что он мой соплеменник и ненавидит меня. Вот и все. Такая пайбадра не продается.

Тогда я думал, что я прав.

— В сознании землян всегда присутствуют темные области,— заметил он.— Мне всегда хотелось узнать, что там творится.

— И мне тоже.

Неожиданно появилась луна, за тучками возникло расплывчатое световое пятно, которое медленно поплыло к зениту.

Рядом с плотом тихо плескалась вода, и маленькие волны разбивались о наши ботинки. Нам вслед с берега полетел прохладный ветерок.

— Вулкан успокоился,— вымолвил Грин Грин.— О чем вы говорили с Белионом?

— Так ты, значит, заметил?

— Я несколько раз попытался войти с тобой в контакт, и я понял то, что обнаружил.

— Белион и Шимбо ожидают. Потом будет быстрый выпад, и один из них получит удовлетворение.

Вода была черной, как тушь, и теплой, как кровь. Остров высился угольной горой на фоне сероватой беззвездной ночи. Мы отталкивались, пока дно не ушло от нас вниз, тогда мы снова начали грести, тихо и осторожно. У Грин Грина была пейанская любовь к воде. Я чувствовал это по тому, как он двигался, по тем клочкам эмоций, которые я улавливал.

Путь через лик темных вод... Чувство было жутковатое — из-за всего, что это место для меня значило, из-за той струны, что была тронута во мне, когда я его благоустраивал. Здесь отсутствовало чувство мирного ухода, как в Долине Теней. Это был скорее обух мясника в конце загона. Я ненавидел его и боялся. Я знал, что у меня не хватит духу повторить его еще раз. Это было одно из тех творений, что случаются раз в жизни, и лучше бы они не случались. Этот путь через черное озеро означал для меня столкновение с чем-то, чего я сам не понимал и не принимал. Я плавал себе по Токийскому заливу — и вдруг передо мной ответ на все вопросы: нависает над головой туча, куча остатков всего, что тонет и не возвращается на берег, мусорный контейнер для всего, что осталось от прошлого, которое не вернешь, место, символизирующее бесплодность всех изменений, плохих и хороших, камень, дробящий ценности, вот он, дает нам знать о бесполезности жизни вообще, которая в один день должна быть окончена. У меня под ногами плескалась теплая вода, но я дрожал в ознобе и сбился с ритма. Грин Грин коснулся моего плеча, и мы снова начали грести в лад.

— Зачем ты создал его, если так ненавидишь?— спросил он меня.

— Мне хорошо платили,— ответил я.— Бери влево. Активнее. Пойдем через черный ход.

Наш курс изменился, и мы начали забирать к западу. Я греб потише, он усилил работу веслом.

— Черный ход?— удивился он.

— Да,— буркнул я и не стал вдаваться в подробности.

Когда мы приблизились к острову, я прекратил всякие раздумья и стал механическим устройством, как и всегда делаю, если думать приходится сразу слишком о многом. Я гресб, и мы скользили сквозь ночь, и скоро среди темноты справа по борту выросла громада острова. Его таинствен-

ные огни мерцали во тьме. Впереди на вершине конуса вулкана горел огонь, его свет пересек наш путь, бросая слабый красный отсвет на прибрежные скалы.

Мы обогнули остров и начали подплывать к нему с севера. Несмотря на темноту, я словно видел весь северный склон, как днем. На карте памяти отпечатались все его шрамы и зубцы, на кончиках пальцев я ощущал шероховатость его камней.

Мы очень осторожно подплыли ближе, и я тронул черную скалу веслом. Мы держались под стеной, пока я смотрел вверх, после чего тихо прошептал:

— На восток.

Несколько сотен ярдов — и мы оказались у места, где был упрятан мой «ход». Внутри скалы шла расщелина-труба сорока футов, где, упираясь спиной и ногами, можно было взобраться на узкий уступ, откуда, пройдя по узкому карнизу в шестьдесят футов, добраться до «лестницы» из скоб, ведущей наверх.

Я объяснил все это Грин Грину, и он занялся плотом, а я отправился наверх. Затем полез и он, без жалоб, хотя его плечо наверняка сильно болело.

Когда я добрался до верхушки трубы, то взглянул вниз, но плот различить уже не смог. Я сообщил об этом Грин Грину, и он облегченно вздохнул. Я подождал, пока он взберется наверх, и помог ему выкарабкаться из расщелины. После этого мы двинулись вдоль выступа в восточном направлении.

На это ушло примерно пятнадцать минут, и снова перед нами лежал путь наверх. Первым опять пошел я, объяснив, что взбираться предстоит пятьсот футов, пока не достигнем следующего выступа. Пейанец вздохнул еще раз и последовал за мной. Скоро руки у меня начало саднить, и, когда мы выбрались на выступ, я улегся плашмя, закулив сигарету. Через десять минут мы двинулись дальше. К полуночи, без несчастных случаев, мы выбрались на верхушку бергового склона.

Мы шли еще минут десять, а потом увидели его.

Он бродил с потусторонним видом. Несомненно, он был накачан наркотиками по самые уши. А может, и нет. Трудно сказать наверняка.

В общем, я подошел к нему, взял за плечо, встал перед ним и поинтересовался:

— Коткор, как поживаешь?

Он взглянул на меня из-под тяжелых век. Весил он приблизительно триста пятьдесят фунтов, был одет в белое

(идея Грин Грина, надо понимать), глаза имел голубые, светлую кожу и тихий голос. Он слегка шепелявил, отвечая мне:

— Я думаю, что у меня все данные.

— Отлично. Ты знаешь, я пришел сюда, чтобы встретиться в своего рода поединке вот с этим человеком — Грин Грином. Но совсем недавно мы стали союзниками против моего бывшего сотрудника — Майка Шендона.

— Одну минуту,— промямлил он.— Да,— заявил он чуть погодя.— Ты проигрываешь.

— Как это понимать?

— Шендон убивает тебя через три часа и десять минут.

— Нет. Он не сможет.

— Если не убьет, то потому, что его уничтожишь ты. Тогда мистер Грин прикончит тебя через пять часов и двадцать минут.

— Почему ты в этом уверен?

— Грин — это мироформист, сработавший Коррлин?

— Да.

— Тогда он тебя убьет.

— Как?

— Вероятно, с помощью тупого оружия. Если тебе удастся этого избежать, то, возможно, ты покончишь с ним своими руками. Ты всегда оказывался сильнее, чем выглядел. Это обманывало людей. Но полагаю, что на этот раз это тебе не поможет.

— Спасибо. Тебе не мешает выспаться.

— ...Если только вы оба не имеете тайного оружия,— продолжал он.— А это возможно.

— Где сейчас Шендон?

— В шале.

— Мне нужна его жизнь. Как до него добраться?

— В тебе присутствует определенный динамический фактор. Какая-то способность, которую я не могу оценить полностью.

— Понимаю.

— Не используй ее.

— Почему?

— У него она тоже есть.

— Это я тоже знаю.

— Если ты сможешь его убить вообще, то без ее помощи.

— Ладно.

— Ты мне не доверяешь?

— Я никому не доверяю.

— Помнишь тот вечер, когда ты принял меня на работу?

— Смутно.

— Это был лучший ужин в моей жизни. Свиные отбивные. Причем сколько угодно.

— Теперь припоминаю.

— Ты мне тогда рассказывал о Шимбо. Если пробудишь его, то Шендон пробудит другого. Слишком много перемен и фатальный конец.

— Может, Шендон с тобой договорился?

— Нет. Я просто оцениваю вероятности.

— Может ли Яри Всемогуший сотворить камень, который не сможет поднять?— вмешался в разговор Грин Грин.

— Нет,— коротко ответил Коткор.

— Почему нет?

— Он не станет его сотворять.

— Это не ответ.

— Ответ. Подумай. Ты бы стал?

— Я ему не верю,— проронил Грин Грин.— Когда я его воспроизвел, он был вполне нормальный. Вероятно, его подкупил Шендон.

— Нет,— возразил Коткор.— Я пытаюсь вам помочь.

— Тем, что предрекаешь Сандау гибель?

— Но он погибнет.

Грин Грин поднял руку — и неожиданно в ней очутился мой пистолет. Видимо, он телепортировал его из кобуры у меня на поясе таким же путем, каким получил Ленты. Он дважды выстрелил и вернул пистолет назад.

— Зачем ты это сделал?

— Он лгал, пытался тебя запугать и разрушить твою уверенность.

— Когда-то он был моим близким помощником. Он научился мыслить наподобие компьютера. Думаю, он старался быть объективным.

— Получишь Ленту — и тогда сможешь попробовать воспроизвести его снова.

— Пойдем. У меня осталось два часа и пятьдесят минут.

И мы отправились в путь.

— Я не должен был этого делать?— спросил он меня немного погодя.

— Нет.

— Мне жаль.

— Великолечно. Только больше никого не убивай без моей просьбы.

— Ладно... Ты много раз убивал, Френк, да?

— Да.

— Почему?

— Я или они — так стоял вопрос. Я решил — лучше они.

— Разве?

— Ты мог бы не убивать Боджиса.

— Я думал...

— Заткнись!

Мы двинулись дальше. Миновали расщелину в скале. Мимо вились щупальца тумана, трогая нашу одежду. Еще одна фигура-тень показалась в стороне, там, где мы вышли на путь, ведущий вниз по склону.

— ...Идете на смерть,— прошелестела она, и я остановился, глядя на нее.— Леди Карли.

— Проходи, проходи,— промолвила она.— Спешి к своей гибели. Ты и знать не мог бы, что это значит для меня.

— Когда-то я тебя любил,— выскочило у меня совсем не к месту.

Она покачала головой.

— Кроме себя самого, ты любил только деньги. И ты получил их. Ты убил больше людей, чем я знаю, чтобы сохранить свою империю. И вот, наконец, появился человек, который может прикончить тебя. Я радуюсь, что присутствую при твоём конце.

Я включил фонарик и направил на нее. Волосы ее были такие огненно-рыжие, а лицо такое белое... Овал ее лица напоминал формой сердце, и у нее были зеленые глаза, как я помнил. На секунду я снова страшно потянулся к ней.

— Что, если погибнет он?— предположил я.

— Тогда, вероятно, я вновь ненадолго стану твоей. Но надеюсь, что нет. Ты черный человек, и я желаю твоей смерти. Я сама найду способ, если ты снова попытаешься завладеть мною.

— Тихо,— угрожающе произнес Грин Грин.— Я вернул тебя к жизни. Я заманил сюда этого человека, чтобы убить. Мне пришлось подчиниться воле другого человека, который, к счастью или к несчастью, имеет такое же намерение по отношению к Сандау. Но сейчас наши с Френком судьбы скреплены вместе. Не забывай обо мне. Я воспроизвел тебя, и я, создатель, сохраню тебя. Помоги нам в бою с врагом, и я награжу тебя.

Она вышла из светового пятна, и до нас донесся ее смех.

— Нет!— воскликнула она.— Нет! Благодарю!

— Но я тебя любил,— промолвил я.

Наступила тишина, затем она прошептала:

— Ты смог бы снова?

— Я не знаю, но ты что-то для меня значишь, что-то важное...

— Проходите мимо. Все долги списаны. Иди, ищи Шендона на свою погибель.

— Пожалуйста. Когда-то ты была моя, и это очень много для меня значило. Леди Карли, я никогда не забывал о тебе, даже когда ты ушла. И Альгольскую Десятку я не трогал, хотя часто говорят, что это моих рук дело.

— В этом я уверена.

— Я могу доказать тебе обратное.

— Не старайся. Уходи!

— Хорошо. Но я не перестану...

— Что не перестанешь?

— Думать о тебе, хоть немного.

— Уходите, пожалуйста, уходите!

Что нам оставалось делать?

Все это время мы разговаривали на дралмине. Я даже не заметил, как переключился на него с английского. Забавно!

— Ты любил многих женщин, Френк?— прервал молчание Грин Грин.

— Да.

— Ты говорил ей правду... что будешь думать о ней?

— Да.

Мы шли по спуску, пока внизу я не различил свет окна в шале. Мы продолжали движение в том же направлении, и, наконец, появился последний силуэт. Он приблизился.

— Ник!

— Верно, мистер, это я! Будь я проклят, это его голос! Подойдите-ка поближе!

— Сейчас. Вот свет,— я окатил себя лучом фонарика, чтобы ему было видно.

— Боже! Это действительно ты! Тот парень, внизу, он свихнулся. Ты знаешь, он тебя хочет убрать.

— Догадываюсь.

— Он хотел, чтобы я ему помог, а я сказал, пусть идет и займется самоэротизмом. Он страшно разозлился. Мы подрались. Я расквасил ему нос и сбежал оттуда. Но он меня искать не стал. Сильный малый.

— Знаю.

— Я помогу тебе достать его.

— Отлично.

— Но мне не нравится этот тип, который с тобой.

«Старина Ник бушует, совсем как раньше... Великолепно!»

— То есть?

— Это он все сварганил. Это он вернул меня сюда, как и всех остальных. Хитрый такой, сукин сын! На твоём месте, Френк, я бы его убрал, и поживее.

— Теперь мы союзники. Он и я.

Ник сплюнул.

— Я-то вас не забуду, мистер,— обратился он к Грин Грину.— Когда мы покончим с тем парнем, я займусь вами. Лично. Помните, как вы меня допрашивали, вначале? Думаете, было смешно? Теперь наступила моя очередь!

— Ладно, ладно... Хорошо.

— Нехорошо! Совсем плохо! Вы обозвали меня коротышкой или каким-то пейанским словом в том же смысле. Ты тупое растение! Теперь я тебя зажарю! Я, конечно, рад, что снова живу, и обязан этим вам. Но я тебя отлуплю, зараза! погоди немного. Я с тобой покончу тем, что будет у меня под рукой.

— Сомневаюсь, малыш,— спокойно промолвил Грин Грин.

— Давайте подождём, а там посмотрим,— предложил я.

Итак, к нам присоединился Ник. Он зашагал рядом со мной.

— Он сейчас внизу?— спросил я.

— Да. У тебя есть бомба?

— Есть.

— Тогда лучше будет кинуть бомбу. Убедимся, что он внутри, и запустим её в окно.

— Он один?

— Ну... Нет. Но ведь это не будет убийством. Как только ты получишь Ленты, ты восстановишь девушку.

— Кто она?

— Её зовут Кати. Я её не знаю.

— Это моя жена,— проронил я.

— Ладно. Тогда этот вариант отпадает. Придётся входить.

— Да уж,— промычал я.— Если придётся, то я займусь Шендоном, а ты хватай Кати и прикрывай её.

— Он её не тронет.

— Почему?

— Понимаешь, Френк, мы здесь уже несколько месяцев, с тех пор как проснулись. Мы не знали, где мы и

почему. И этот зеленый сказал, что знает об этом не больше нашего. Все, что мы знали, — это что мы умерли. И о тебе узнали, только когда он и Майк начали спорить. Грин забыл про защиту, и Майк залез ему в мозги. Так было, кажется. Словом, Майк и девушка... да, Кати... у них что-то такое, значит, между ними. Словом, вроде как любовь.

— Грин, почему ты мне этого не сообщил?

— Я полагал, это не важно. Разве нет?

Я не ответил, потому что не знал, так ли это. Я быстро думал. Я прислонился спиной к скале и нажал на педаль газа в уме до предела. Я пришел, чтобы найти и убить врага. Теперь он стоит рядом, пока я ищу другого вместо него. И теперь я узнаю, что он спит с воспроизведенной моей женой, которую я прибыл спасать... Это меняло дело. Каким образом — я точно не знал. Если Кати любит его, я не мог ворваться туда и застрелить его у нее на глазах. Даже если он просто пытался использовать ее, если ему было наплевать, я этого сделать не мог, пока он что-то для нее значит. Похоже, что оставалось испробовать предыдущее предложение Грин Грина — попытаться купить его. У него теперь новый дар силы и красивая женщина. Добавьте к этому мешок денег — и, возможно, его удастся склонить к отступлению.

Я мог бы просто повернуться и уйти. Взобраться на борт «Модели-Т» и менее чем через день уже лег бы на курс к Вольной. Если ей нужен Шендон, то оставим его ей. Я мог свести счеты с Грин Грином и возвратиться домой. «Мой дом — моя крепость».

— Нст, это важно.

— Это вносит изменения в твои планы? — поинтересовался Грин Грин.

— Да.

— Из-за девушки?

— Вот именно.

— Ты странный человек, Френк. Пройти такой путь, добраться сюда и передумать из-за девушки, которая всего лишь древнее воспоминание, не более.

— У меня отличная память.

Идея оставить врага моего Имени, да еще в теле ловкого человека, мне совсем не нравилась. Ловкого и умного, который не прочь увидеть меня мертвым. Такое сочетание не даст мне покоя даже ночью, даже на Вольной. С другой стороны, какая польза от мертвой гусыни, если она несет золотые яйца. Забавно все же, прожив достаточно долго,

наблюдать врагов, друзей, любимых, ненавидимых в хороводе вокруг себя, как в гигантском маскараде, где они то и дело меняются масками.

— Что будешь делать?— спросил Ник.

— Поговорю с ним. Попробую договориться, если получится.

— Будь добр, повтори, что ты сказал. Ведь ты заявил, что он не продаст своей пайбадры,— заметил Грин Грин.

— Я так и думал, когда говорил. Но теперь, из-за Кати, мне необходимо попытаться купить его.

— Этого я не понимаю.

— И не старайся. Наверное, вам обоим лучше подождать здесь, на случай, если он начнет стрелять.

— Что нам делать, если он всадит тебе пулю в живот?— поинтересовался Грин Грин.

— Тогда это твоя забота. До свидания, Ник!

— Пока, Френк.

Я стал спускаться к шале, прикрывшись своим телепатическим экраном. Приблизившись, стал пробираться ползком среди камней. Наконец, я оказался в полутораэтажных футах от шале. Меня прикрывали два громадных валуна, отбрасывавших могучие тени. Я положил ствол пистолета на предплечье и взял на прицел черный ход.

— Майк!— позвал я.— Это Френк Сандау!— и стал дожидаться его ответа.

Прошло примерно полминуты, пока он решил откликнуться:

— Чего тебе?

— Я хочу поговорить.

— Говори.

Свет в домике подо мной неожиданно погас.

— Это правда? То, что мне рассказали о тебе и Кати?

После непродолжительного молчания он произнес:

— Думаю, что да.

— Она с тобой?

— Возможно. А что?

— Пусть она сама скажет.

И я услышал ее голос:

— Наверное, это правда, Френк. Мы не понимали, где мы оказались... и я не могла забыть пожар... Я не знаю, как...

Я закусил губу.

— Не надо извинений. Это было давно, и я переживу.

Майк засмеялся:

— Кажется, ты в этом уверен.

— Да. Я решил выбрать самый легкий способ.

— Умереть?

— Сколько ты хочешь??

— Деньги? Френк, ты испугался.

— Я пришел прикончить тебя, но я этого не сделаю, если тебя любит Кати. Она утверждает, что это так. Ладно. В таком случае я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Сколько ты возьмешь за то, чтобы упрятать свое наследство и смыться отсюда?

— Что за наследство?

— Не важно, забудь. Так сколько?

— Я не думал, что ты мне это предложишь, поэтому не могу сказать сразу. Я потребую гарантированный пожизненный доход, причем большой. Потом несколько крупных приобретений на мое имя... Мне нужно составить список... Ты действительно намерен? Это не твои фокусы?

— Мы оба телепаты. Я предлагаю одновременно снять защитные экраны. То есть я настаиваю на этом, как на одном из условий.

— Кати просила не убивать тебя, и, если бы я сделал это, она бы мне не простила. Ладно, она значит для меня много. Я возьму твои деньги, жену и уйду.

— Благодарю.

Он засмеялся:

— В конечном итоге мне повезло. Как ты думаешь оформить все это?

— Если не возражаешь, я выдам тебе всю сумму сразу, а потом мои юристы оформят передачу.

— Не возражаю. Я желаю, чтобы все было законно. Я хочу миллион, и еще по сто тысяч ежегодно.

— Многовато.

— Только не для тебя.

— Я просто комментирую... Хорошо, я согласен.— «Как все это принимает Кати,— подумал я.— Она не могла настолько измениться за несколько месяцев. От такого разговора ее должно тошнить».— Еще два условия,— добавил я.— Пейанец, Грингрин-тари — теперь он мой. У нас с ним счеты.

— Бери. Кому он нужен? Что еще?

— Ник-карлик тоже уйдет со мной целым и невредимым.

— Этот маленький ублюдок?— Майк рассмеялся.— Конечно. Он мне даже где-то понравился. Это все?

— Все.

Первые лучи солнца зашекотали брюхо неба, и вулканы задымили, словно факелы титанов.

— Что теперь?

— Подожди, пока я поговорю с остальными.

«Грин Грин, он согласен. Я купил его пайбадру. Мы улетаем через несколько часов. Передай Нику».

«Я слышу, Френк. Мы скоро подойдем к тебе».

Теперь осталось рассчитаться с пейанцем. Все получилось слишком легко. Я все еще не исключал возможности ловушки. Это должна быть очень хитрая драконовская ловушка. Я был склонен сомневаться в возможности сделки между Грин Грином и Майком. И все же окончательно это выясню через несколько минут, когда я и Майк снимем экраны.

Но после всех моих трудов уладить дело, как бизнесмены заключают сделку...

Потом я понял, что это неправильно. Это? Да, что-то, но я не знал, что. Какое-то чувство, корни которого таятся в пещерах, или, может, на ветвях деревьев, или в самых древних океанах. Сквозь пепел, дым и туман светился Флопсус, и был он цвета крови.

Ветер стих, и все вокруг, казалось, погрузилось в покой. Затем на меня напал сжимающий внутренности страх, но я подавил его. Гигантская ладонь была готова опуститься с неба и расплющить меня, но я не дрогнул. Я завоевал Остров Мертвых, и Токийский залив пылал вокруг. Теперь я смотрел вниз, в Долину Теней.

С моим воображением легко отыскать зловещее предзнаменование в чем угодно. Я вздрогнул и подавил дрожь. Не стоит показывать Шендону страх с моим сердце.

Я не мог уже больше ждать.

— Шендон. Я снимаю экран. Снимай тоже.

— Договорились.

... и наши мысли встретились, сплелись и расплелись.

— Ты не лгал.

— И ты тоже.

— Тогда по рукам.

— По рукам.

И в это мгновение из подземных пределов мира пришло громовое «НЕТ» и отразилось от башен неба, подобно цимбалам загрохотало внутри наших голов. Тело мое пронзила вспышка красного жара. Затем, медленно, я встал, и ноги мои были тверды, как горы. Сквозь зеленые и красные полосы я видел все ясно, как днем. Я видел, как внизу из шале вышел Майк Шендон и не спеша поднял голову к

нсбу. Наконец, наши глаза встретились, и я понял, что сказанное или написанное в том месте, где я держал в руках громомолнию, оказалось правдой:

«Будет противоборство».

«Да будет так».

Тьма. Таков был изначальный курс событий с самого моего отправления с Вольной и вплоть до настоящего момента. И ход вещей был сильнее соглашения двух людей. Наш конфликт был жалок и мелок, и исход его не имел роли для противоборства того, что управляло сейчас нами.

Да. Управляло.

Я всегда считал, что Шимбо искусственный довесок, часть моей измененной личности, встроенной в меня пейзажами, чтобы я мог конструировать миры. Наши воли никогда не сталкивались. Он приходил только по моему зову и уходил по моей воле.

Он никогда не пытался принудить меня к чему-то. Возможно, где-то глубоко внутри я действительно хотел, чтобы это был Бог, и, возможно, это желание было движущей силой, а мои паранормальные способности — материалом для того, что происходило. Не знаю... Однажды, когда он пришел, вспыхнул такой яркий свет, что я заплакал без причины. Проклятье! Это не ответ. Но я просто не знаю ответа.

И мы стояли, смотрели друг на друга, два врага, которыми управляли два еще более древних противника. Я представлял удивление Майка. Я попробовал связаться с ним, но мои телепатические способности оказались полностью погашенными. Наверное, он и сам припомнил более раннюю сцену противостояния.

Потом я заметил, что над головой сгущаются тучи. Я понимал, что это означаст. Земля под ногами слегка задрожала. И это я тоже понимал.

Один из нас умрет, хотя оба хотели жить.

— Шимбо, Шимбо,— прошептал я внутри себя.— Господин Башни Темного Дерсва, нужно ли так?

... И я сразу же понял, что ответа не будет, даже для меня, не считая всего, что последует.

Прокатился гром: тихий, протяжный, как отзвук дальней дроби барабана.

Огни за водами озера вспыхнули ярче.

Мы находились на концах дуэльного поля в аду, нас омывали волны света, прочерченные туманом и испещренные пеплом. И Флопсус спрятал свой лик, тронув края туч багровым.

Когда напряжение сил достигло предела, им требуется некоторое время, чтобы прийти в движение. Я чувствовал, как входят они в меня из ближайшего энергопровода и наплывают волнами. Я стоял, не в силах шевельнуть пальцем или закрыть глаза под неподвижным взглядом противника. Сквозь световые узлы я видел, как он время от времени мигает, и разобрал очертания Того, кто был мне известен под именем БЕЛИОН.

Я сжимался и расширялся одновременно и через долгие мгновения понял, что все более неподвижным, маленьким и подчиненным становится Сандау. И одновременно я чувствовал, как гнездятся в моих пальцах молнии, их вершины качались высоко надо мной в небесах, ожидая, когда их направят вниз, чтобы впиваться в землю. Это был я, Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворец.

Серый конус вулкана снова был рассечен сверху донизу, и оранжевая кровь выплескивалась в Ахерон, шипя и клубясь паром. Потом я расколол небо и послал на землю потоп света. Небесные мортиры салютовали, и небесные ветры снова пришли в движение, и низринулсся дождь.

Он был как тень, как ничто. Потом он вновь оказался на том же месте, когда погас свет. Мой враг. Домик за его спиной горел, и кто-то крикнул:

— Кати!

— Френк, назад! — закричал зеленокожий человек, а карлик потащил меня за руку, но я смахнул их в сторону и сделал первый шаг в сторону врага.

Мой противник также сделал шаг, и земля задрожала, сползая и проваливаясь сама в себя местами.

Когда он сделал второй шаг, ударили ветры, и он упал, вызвав вокруг себя трещины. Я сделал второй шаг и тоже упал, потому что земля ушла из-под ног.

Мы лежали, и остров трясся, вздрагивал, стонал, дергая каменным плечом, на котором мы лежали, и изо всех трещин лез дым.

Когда мы поднялись и сделали третий шаг, мы оказались почти друг против друга. Я разнес в пыль скалу за его спиной, сделав четвертый шаг, а он, ступив вперед, обрушил на меня лавину камней сверху. И опять — вестер, шестой — дождь, огонь и скалы.

Вулканы озарили подоблачную часть неба и сражались с молниями за верхнюю. Вестер хлестал волны, и с каждым толчком мы все больше и больше погружались в эти огром-

ные волны. Я слышал сквозь завывания ветра, раскаты грома, неутихающий дождь, как они бьются о скалы. За спиной моего врага все еще горело наполовину рухнувшее шале.

После моего двенадцатого шага разразился ураган, а после его шага — весь остров начал раскачиваться и стелать, дым повалил гуще и более едкий.

Что-то тронуло меня, это было неправильно, и я захотел узнать причину.

На скале стоял зеленокожий человек, а в его руках был пистолет. Секунду назад пистолет висел у меня на поясе, он не предназначался для нашей схватки.

Сперва он направил его на меня. Потом рука его заволновалась и, прежде чем я успел ударить его, он направил пистолет вправо.

Метнулась огненная линия — и мой враг упал.

Но подвижность острова спасла его, потому что зеленокожий упал при следующем толчке, и пистолет выпал. Тогда мой враг снова поднялся, оставив на земле кисть правой руки. Сжимая рану левой, он сделал шаг мне навстречу.

Между нами начала раскрываться трещина, и тут я увидел девушку.

Она выбралась из горного шале и отступила к тропе наверху, по которой я спускался. Тут она замерла, наблюдая, как мы приближаемся друг к другу. И перед ней раскрылась трещина, и кто-то закричал внутри меня, потому что я понял, что не дотянусь до нее и не спасу.

...Потом оно лопнуло, я задрожал и бросился к ней, потому что Шимбо исчез.

— Кати! — закричал я, когда она покачнулась и стала падать.

...И откуда-то выпрыгнул Ник, замер на краю трещины и ухватил ее за кисть руки. На мгновение я подумал, что он удержит ее.

Дело оказалось не в силе. Сил у него хватило бы. Дело было в весе и моменте, в равновесии.

Они упали в трещину, и я слышал, как чертыхнулся Ник.

Тогда я поднял голову и повернулся к Шендону. Смертельная ненависть и ярость жгли меня. Я потянулся к пистолету и, словно во сне, вспомнил, куда он пропал.

Тут меня накрыли катящиеся камни, и падая, я почувствовал, как сломалась правая нога. Вероятно, я на миг потерял сознание, но боль привела меня в чувство. За это

время он сделал еще один шаг, и был совсем близко, и мир вокруг меня скользил в ад. Я видел обрубок его правой руки, и глаза маньяка, открытый рот — для последнего слова и хохота, и я поднял правую руку и, поддерживая ею левую, сделал пальцами, как было нужно. Я вскрикнул, когда мне обожгло палец, а его голова отделилась от туловища, подскочила и откатилась, глаза его были открыты, смотрели, последовав за моей женой и лучшим другом в раскрытую пасть трещины. Остатки Шендона с глухим стуком рухнули на землю, и я долго смотрел на тело, пока темнота не утатила меня к себе на дно.

Глава 8

Я очнулся, когда начало рассветать. Сверху по-прежнему падал дождь. В правой ноге пульсировала боль, под коленом — плохое место. И боль не из приятных. Гроза прошла. Земля не дрожала. Когда я смог приподняться, то от потрясения даже забыл о боли.

Большая часть острова исчезла, погрузившись в Ахерон, а все, что осталось, изменилось до неузнаваемости. Я находился примерно в двадцати футах над уровнем воды на широком скальном полотне. Шале полностью исчезло, рядом валялся обезглавленный труп, благо он еще не смердел. Я отвернулся и оценил собственное положение.

Затем, под дымящимися еще факелами вчерашней ночи кровавого пира, я медленно протянул руку и начал один за другим снимать с себя камни. Один чертов камень за другим...

Боль и монотонное движение притупляют восприятие, берегут мысли от блужданий и перенапряжения.

Даже если это были настоящие боги, какое это имело значение? Что они мне? Я снова был там, где и родился тысячу лет назад — в шкуре человека, в боли и грязи. Если боги и реальны, то они лишь используют нас, чтобы играть в свои игры. Всех их в одно место. «И тебя тоже, Шимбо,— добавил я.— Ты ко мне больше не подходи». Какого черта должен я искать порядка, если его нет? Я вымыл руки в луже. Это утешило мой большой палец на левой руке. Не будем вдаваться в подробности. В основе лежат вещи, которые можно потрогать и купить. И если мне не удастся попасть в Залив, то сколько бы там Имени оставалось, но вся собственность будет моей. Я буду

владеть всем Большим Деревом, всем Деревом Познания и Зла. Я откатил последний камень и оказался на свободе.

Теперь оставалось только найти энерговод и отдохнуть до вечера, пока не прилетит «Модель-Т». Я открыл каналы сознания и ощутил, что неподалеку кто-то живой. Немного погодя, почувствовав себя лучше, я уселся и выпрямил ногу обеими руками. Когда боль утихла, разорвал штанину и обнаружил, что перелом открытый. Я обвязал его насколько мог крепче, медленно перевернулся на живот и пополз в направлении энерговода, оставив позади останки Шендона.

По ровному месту ползти было не так уж и тяжело. Но когда пришлось затаскивать себя на сорокапятиградусный склон, то я так выдохся, что даже не смог выругаться. Склон оказался не только крутой, но еще и скользкий. Я оглянулся на Шендона и покачал головой. Он не просто сам знал — вся его жизнь была тому подтверждением. Я почувствовал сожаление. Он почти сумел. Но он ввязался в неподходящую игру, совсем как мой брат.

Я пополз дальше. До энерговода оставалось всего несколько сот ярдов, но я выбрал путь подлиннее и полегче. Один раз, когда я отдыхал, мне послышался звук, похожий на всхлипывание. Но я не был в этом уверен.

Потом я услышал его вновь. Теперь громче, и доносился он откуда-то из-за моей спины.

Я подождал, пока он повторится, и направился в ту сторону.

Десять минут я лежал и отдыхал рядом с огромным валуном. Он находился у высокой каменной стены. Приглушенный плач доносился откуда-то отсюда. Похоже, здесь была пещера, но я не имел желания проводить научные исследования и поэтому истощно заорал:

— Эгей, в чем дело?

Полная тишина.

— Эгей!

— Это ты, Френк?

Это был голосок леди Карли.

— Привет, красотка. Прошлой ночью ты пожелала мне идти навстречу гибели. А как твой собственный поход?

— Меня завалило в пещере, Френк. Я не могу отодвинуть камень.

— Дорогуша, это не камень, это каменище. Я как раз по другую сторону.

— Ты можешь вытащить меня?

— А зачем ты туда залезла?

— Я спряталась, когда началась буря. Потом я пыталась прорыть ход наружу, но у меня обломались все ноги... и я не могу найти способ обойти камень.

— Карли, милашка. Его, кажется, не обойдешь.

— Что случилось?

— Все умерли. Остались только мы с тобой да кусочек Острова. Тут была целая битва, а сейчас идет дождь.

— Ты сможешь вытащить меня?

— Сомневаюсь. Мне повезет, если я сам выберусь отсюда в моем состоянии.

— Ты в соседней пещере?

— Нет, я снаружи.

— Тогда что значит «отсюда»?

— С этой проклятой скалы обратно на Вольную — вот что это значит, леди Карли.

— Значит, придет помощь?

— Для меня. «Модель-Т» спустится лишь к вечеру. Такая у нее программа.

— На борту должны быть машины... Ты смог бы взорвать скалу или прорыть под ней ход?

— Леди Карли. У меня переломана нога, парализована рука, и такое множество растяжений, напряжений, порезов, ушибов и ссадин, что я даже не стал их считать. Мне повезет, если я влезу в корабль, не потеряв сознания, после чего обязательно просплю неделю. Прошлой ночью я предоставил вам возможность вновь стать моим другом. Помните, что вы мне ответили?

— Да...

— Ну вот, сейчас ваша очередь.

Я развернулся на локтях и стал отползать.

— Френк!

Я не ответил.

— Френк! Подожди! Не уходи! Пожалуйста!

— Почему бы и нет?— остановился я.

— Помнишь, что ты сказал мне тогда, ночью?

— Да. И помню ваш ответ. Впрочем, все это было прошлой ночью, когда я был другим человеком... У вас был шанс, но вы его упустили. Если бы у меня остались силы, я бы выцарапал ваше имя и дату на этом камне. Очень приятно было с вами познакомиться.

— Френк!

Я даже не обернулся.

«Перемены в твоём характере продолжают изумлять меня, Френк».

«Ага, ты тоже выбрался, Грин. Подо-

зреваю, что ты в другой пещере и тоже желаешь, чтобы тебя откопали».

«Нет, я, собственно, всего в нескольких сотнях ярдов от тебя. Решил подождать тебя по направлению твоего движения. Рядом со мной энерговод, но мне он уже ни к чему. Я дам знать, когда услышу тебя близко».

«Зачем?»

«Близится мое время. Я уйду в край смерти. В прошлую ночь меня сильно ранило».

«Что ты от меня хочешь? У меня полно своих забот».

«Меня беспокоит последний обряд. Ты говорил, что совершал его для Марлинга, поэтому ты должен его знать. К тому же ты сказал, что у тебя имеется глиттен...»

«Я в это больше не верю. И никогда не верил. Я сделал это для Марлинга, потому что...»

«Ты высший жрец. Ты носишь имя Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца. И ты не можешь отказать мне в последней просьбе».

«Я отказался от Имени и отказываю тебе».

«Ты заявил, что если я тебе помогу, то ты скажешь за меня слово на Мерапее. Я тебе помог».

«Знаю. Но теперь поздно, ты умираешь».

«Тогда выполни мою последнюю просьбу».

«Я помогу тебе всем, чем смогу, кроме последнего обряда. После вчерашней ночи я с такими вещами покончил навсегда».

«Ладно. Тогда просто приходи ко мне».

И я дополз до него. К этому моменту дождь прекратился. Жалко. Он делал честное дело — вымывал из его тела жизненную влагу. Грин Грин лежал, прислонившись спиной к камню, и сквозь его плоть местами просвечивала белизна костей.

— Жизненная сила пейанцев — удивительная вещь, — констатировал я. — И все это ты заработал прошедшей ночью?

— Мне больно говорить. Я знал, что ты остался в живых, поэтому не позволял себе умереть, пока ты меня не отыщешь.

Мне пришлось снять остатки рюкзака со спины и открыть его.

— Вот, прими. Это от боли. Действует на представителей пяти рас.

Он вежливо отстранил мою руку:

— Я не желаю туманить сознание в последние минуты.

— Грин, я не буду исполнять обряд, а дам тебе корень

глиттена и ты сможешь принять его сам. Но ничего больше я не предприму.

— Даже если в обмен я дам тебе то, чего ты больше всего хочешь?

— Что я хочу?

— Возможность вернуть их всех к жизни. У них не останется памяти о том, что произошло.

— Ленты?!

— Да.

— Где они?

— Услуга за услугу, Дра Сандау.

— Обряд?

— Кати, новая Кати, которая никогда не встречала Майка Шендона. И Ник — любитель бить по чужим носам.

— Это тяжелое условие, пейанец.

— У меня нет выбора. И пожалуйста, поскорее!

— Хорошо. Я пойду с тобой этой ночью. А где Ленты?

— Когда обряд уже нельзя будет остановить, я скажу тебе.

Я засмеялся:

— Ладно, ты мне не доверяешь, но я тебя не виню.

— Ты держал экран и мог задумать уловку.

— Возможно. Я и сам не уверен.

Я развернул глиттен и разломил корень на куски нужной величины.

— Мы отправляемся в путь вместе с тобою, — начал я, — и только один из нас вернется сюда...

Пройдя через холодную серость, а потом через черную теплоту, мы зашагали в сумеречном свете. Здесь не было ни звезд, ни ветра. Была лишь ярко-зеленая трава, высокие холмы и холодная северная заря. Казалось, что все звезды были сброшены с черного лунного неба, после чего их истолкли в ступе и распылили по вершинам холмов.

Идти было легко. Мы словно весело прогуливались, хотя у нас была цель. Тела наши были вновь невредимы. Грин Грин шагал слева. Мы находились среди холмов сна, навеянного глиттеном. Или это был не сон? Все казалось реальным, и воспоминание о наших измученных телах, лежавших под дождем на голой скале, казалось памятью о сне давней давности. Мы словно всегда были здесь, Грин Грин и я — так казалось, — и нас окутывало чувство мира и дружелюбия. Все было почти так же, как

и в прошлый раз, когда я посетил это место. Возможно, я действительно не уходил отсюда.

Некоторое время мы пели старинную пейанскую песню, после окончания которой он сказал:

— Я отдаю тебе пайбадру, которую держал на тебя, Дра. Больше у меня нет к тебе претензий.

— Благодарю, Дра-тари.

— Я обещал тебе кое-что сказать. О Лентах... Они лежат под моим пустым телом, которое я имел честь носить, будучи живым.

— Ясно.

— Но они тебе не пригодятся. Я перенес их туда силой сознания из тайника, где они хранились. Они были повреждены, так же как и образцы тканей. Таким образом, я сдержал свое слово, хотя и не лучшим образом. Но у меня не было выбора. Я не мог пойти сюда один.

Я должен был бы расстроиться, но почему-то этого не произошло. Это было не то место.

— Ты сделал то, что должен был сделать. Не беспокойся. Возможно, это даже к лучшему, что я не смогу их воскресить. Со времени их смерти они все так переменились. Они могли бы почувствовать себя одиноко в непривычном мире, как когда-то почувствовал себя я. Они могли бы и не поступить, как поступил я: вступил в борьбу с миром. Не знаю, пусть будет так, как есть. Кончено.

— Теперь я должен рассказать о Рут Ларри. Она находится в больнице для умалишенных в Фаллоне Кобача на Дрисколле. Она зарегистрирована там под именем Риты Лоуренс. Ее лицо изменено, так же, как и сознание. Тебе необходимо освободить ее и отправить к докторам.

— А почему она там?

— Это было проще, чем переправлять ее на Иллирию.

— Вся боль, которую ты причинил, она ничего для тебя не значила?

— Нет. Видно, я долго работал с веществом жизни.

— ...И довольно плохо работал. Я склонен считать, что это Белион был внутри тебя.

— Я не хотел этого говорить, потому что не желал оправдываться, но я тоже это подозреваю. Вот почему я пытался убить Шимбо. И когда ты стал лицом к лицу с ним, который был частью меня, я ударил по нему. После того, как он меня оставил, я почувствовал отвращение ко многим вещам, сделанным мною. Белион должен был отправиться назад, в Ничто, поэтому и пришел Шимбо. Нельзя было позволить Белиону сотворять новые игры жестокости

и уродства. Шимбо, рассыпающий планеты, как жемчужины жизни в океане темноты, должен был вступить с ним в противоборство. И он победил.

— Нет!— воскликнул я.— Нам не обойтись друг без друга. Я оставляю себе Имя!

— Ты огорчен всем этим, и справедливо. Но нельзя так просто забыть о таком призвании, как твое. Пройдет время...

Я не ответил. Мысли мои обратились внутрь.

Мы шли путем смерти. Как бы ни было нам приятно, но это было лишь следствием действия глиттена. И если обычные люди могут пристраститься к нему из-за эйфории и видений, то телепаты используют его особым образом.

Когда его принимает один человек, он увеличивает его силы.

Если же его примут двое, они могут увидеть общий сон, всегда приятный. И для странтианцев это всегда один и тот же сон, потому что из-за их психической тренировки подсознание воспроизводит его рефлекторно. Такова традиция.

...И оба они видят один сон, и лишь один из них проснется.

Таким образом глиттен используют в обряде смерти, чтобы умирающий уходил в некое место, от которого я тысячу лет старался держаться подальше, не в одиночку.

Этот эффект используют также и для дуэлей. Потому что, если только это не оговорено и не закреплено ритуалом, назад возвращается сильнейший. Такова природа наркотика, она вводит какие-то спящие части мозга в конфликт с другим сознанием, хотя вы сами этого не осознаете.

Грин Грин был в таком состоянии, что я не опасался ловушки. Даже если это была дуэль, мне нечего было бояться, учитывая его состояние и его обещание.

Но когда мы шагали рядом, я вдруг подумал, что под видом приятного, почти мистического обряда я уже несколько часов ускоряю его смерть.

Телепатическая эвтаназия.

Убийство мыслью.

Я был рад помочь сотоварищу пройти последний путь, если он этого хотел. Но это заставило меня подумать о собственной последней дороге. Я был уверен, что она уж никак приятной не будет.

Говорят, что как бы вы ни любили жизнь, как ни наслаждались каждой минутой, но когда-нибудь вы захо-

тите смерти, будете ждать ее прихода, просить прийти. Когда об этом говорят, то подразумевают мучения и то, что все были бы рады избежать мучений и уйти таким приятным путем.

Я не надеялся, что уйду приятным путем в тихую теплую ночь. Нет, я буду драться за каждый дюйм света. Болезнь, которая и забросила меня в такую даль времен, заставила меня пережить достаточно мучений, даже агонию, пока меня не заморозили. Я много об этом раздумывал и решил, что никогда не соглашусь на легкий способ. Я желал жить и чувствовать. Есть книга. Ее написал человек, которого я уважаю,— Андре Жид. Она называется «Плоды Земли». Он уже лежал на смертном одре, знал, что осталось немного, несколько дней, он писал ее словно голубыми молниями. И завершил ее за три дня — и умер. В ней он перечисляет все прекрасные взаимопревращения воды, воздуха, огня и земли, вещей, которые его окружали, всего, что он любил, и видно, что он говорил им всем: «Прощайте»,— и, несмотря ни на что, не хотел уходить. Примерно так же думаю и я. Поэтому несмотря на мое сочувствие Грин Грину, я не сочувствовал и не одобрял его выбора. Я бы предпочел лежать на камнях с переломанными костями, ощущать дождь, и удивляясь этому, и немного сожалея, и много еще чего желая. Может быть, вот этот голод и позволил мне стать мироформистом.

...Мы взошли на холм и остановились на его вершине. Я уже знал, что мы увидим внизу.

Беря начало между двумя массивными выступами серого камня, с дном из зеленой травы, такой же яркой под ногами, которая потом становилась все темнее, она лежала перед нами. Большая Темная Долина. И вдруг я увидел перед собой темноту, совершенную тьму, где не было ничего, совсем ничего.

— Я пройду с тобой еще сотню шагов,— произнес я.

— Спасибо, Дра.

И мы спустились с холма, направляясь в долину.

— Что скажут обо мне на Мегапее, когда узнают, что я ушел?

— Не знаю.

— Скажи им, что я был глупцом, который пожалел о своей глупости прежде, чем пришел сюда.

— Скажу.

— И...

— Да, это я тоже передам. И попрошу, чтобы твои

останки были перенесены в горы, в место твоего рождения.

Грин Грин благодарно склонил голову:

— Тогда это все. Ты будешь смотреть, как я уйду?

— Да.

— Как печально, что в конце виден свет.

— Так говорят.

— Пойду на его поиски.

— Счастливой дороги, Дра Грингрин-тари.

— Ты выиграл свои битвы, и ты покинешь это место.

Построишь ли ты миры, которых я уже никогда не смогу увидеть и создать сам?

— Возможно, — прошептал я, глядя в темноту — ни звезд, ни комет, ни метеоров.

Но вдруг там что-то появилось.

В пустоте плыла Новая Индия. До нее, казалось, миллион миль, но все детали были ясно видны и светились. Она медленно отодвинулась вправо, пока ее не закрыла скала. К тому времени в поле зрения вошел Кокитус. За ним последовали все остальные: Святой Мартин, Бунинград, Ужасный, М-2, Хонкитонк, Мерсия, Иллирия, Вершина, Тангия, Безумство, Родена, Вольная, Кастор, Поллукс, Централия, Дэнди и так далее.

По какой-то глупой причине глаза мои вдруг наполнились слезами. Мимо проходили все миры, какие я придумал и построил. Я уже позабыл, что это так красиво.

Чувства, наполнявшие меня во время их создания, снова возвратились ко мне. Там, где была пустота, теперь висели миры. Это был мой ответ. Когда я наконец уйду в Долину, они останутся после меня. Я совершил что-то в жизни и знал, как совершить больше.

— Там действительно свет! — воскликнул Грин Грин, и я не сразу понял, что он ухватил меня за руку, глядя на парад планет.

Я дотронулся до его плеча:

— Да встретишься ты с Кирваром Четырехлицым, Отцом всех Цветов!

Я не собрался с мыслями и не разобрал его ответ, когда он прошел мимо двух камней, вошел в Долину и исчез из виду.

Я повернулся лицом на восток, если таковой здесь имелся, и направился обратно.

Обратный путь...

Медные гонги и головастики.

Я лежал на шершавом потолке. Нет. Лежа лицом

вверх — подо мной находилось ничто, — я пытался удерживать мир на плечах. Планета была тяжелая, в спину давили камни. Потом подо мной был залив с его кондомами, плавающими деревьяшками, канатами водорослей, пустыми бутылками. Я слышал, как плещутся волны. Они плескались, и брызги долетали до моего лица. Жизнь — холод, запахи. Может быть, я слышал крики птиц. Я побывал у Долины Теней и теперь возвращался назад. Если повезет, я вновь убегу от ледяных пальцев волны Залива. Я упал, и мир вокруг раздвоился, затем снова соединился и стал таким, каким я его покинул.

Небо было словно грифель, испятнанное сажей. Моросило. Камни впились в спину. Было отвратительно знобко.

Я уселся, тряся головой, чтобы прояснить мысли. Рядом лежало тело зеленокожего человека-пейанца. Я произнес последние слова, и голос мой дрогнул, когда я произносил их.

Я уложил тело Грин Грина в более удобное положение и накрыл своей пленкой. Я вытащил Ленты и биоцилиндры, покрытые его телом. Он был прав: они были разрушены. Я уложил их в рюкзак. По крайней мере, Бюро Безопасности будет счастливо узнать, что все так разрешилось. Потом я дополз до энсерговвода и стал ждать, подняв экран над Силой, чтобы привлечь внимание «Модели-Т». И продолжал следить за небом.

Я видел, как она уходит от меня, ее стройные бедра обтянуты белым и слегка покачиваются, ее сандалии щелкают по плитам патио. Я хотел пойти за ней, объяснить, какую роль я играл во всем случившемся. Но я знал, что это ничему не поможет, так зачем терять лицо. Когда сказка кончена и звездная пыль грез садится на землю, и вы чувствуете, что последняя строчка никогда не будет написана, то зачем лишние упражнения в бесплодных попытках? Ведь были же и великаны и карлики, и жабы и волшебные грибы, и полные драгоценностей пещеры, и не один, а целых десять волшебников...

Я почувствовал приближение «Модели-Т» еще прежде, чем увидел ее воочию.

Десять волшебников, финансовых, десять торговых баронов Алгола.

И все они были ее дяди.

Я надеялся, что союз будет сохранен, скрепленный поцелуем. Я не планировал двойной игры, но когда та сторона стала играть нечестно, нужно было что-то предпринимать. И все же это было не моих рук дело. Был вовлечен

весь механизм, и я был не в силах его остановить, если бы даже захотел.

Я чувствовал, как садится моя старушка «Т», и потерял ногу в месте перелома. Стало больно, и я отдернул руку.

Деловое соглашение, сказка, вендетта... В конце я выиграл и должен был бы великолепно себя чувствовать.

Показалась «Модель-Т». Она быстро снижалась и повисла надо мной, как планета, пока я управлял посадкой через узел энергоснабжения.

В своей жизни мне случалось бывать в шкуре труса, бога, сукина сына, да всего и не перечислить. Если живешь очень долго, без этого не обойтись. Приходится проходить все фазы. Сейчас я был просто обеспокоен, сильно устал, и у меня было лишь одно желание.

Я посадил «Модель-Т» на ровное место, открыл люк и пополз к кораблю.

Теперь уже было все равно, все то, о чем я думал, когда пламя взметалось высоко, все это не имело значения. Как ни смотри на вещи, они уже не имели значения.

Я добрался до корабля и залез в люк.

Усевшись за пульт, я повысил чувствительность управляющих приборов до максимума.

Болела нога.

Мы медленно взлетели.

После этого я взял все необходимое, посадил корабль и еще раз вылез наружу.

Прости, что я ушел, малыш.

Я тщательно прицелился и распилил валун.

— Френк, это ты?

— Нет, семеро козлят.

Леди Карли выбежала из пещеры, вся в земле, с огромными безумными глазами.

— Ты вернулся за мной!

— Я и не уходил.

— Ты ранен.

— А я что говорил.

— Ты сказал, что уйдешь и оставишь меня там одну.

— Тебе давно пора бы понимать, когда я шучу, когда говорю серьезно, леди.

Она крепко расцеловала меня и помогла мне встать на одной здоровой ноге, забросив одну руку к себе на плечо.

— Теперь сыграем в «кенгуру», — предложил я.

— Что это такое?

— Одна старая игра. Когда я снова смогу ходить, я, так и быть, тебя научу.

— А куда мы теперь?

— Домой, на Вольную. Ты можешь остаться там или уйти, как захочешь. Ты вольная пташка.

— Я могла бы и догадаться, что ты меня не бросишь, но когда ты заявил... Бог мой! Какой жуткий день! Что здесь случилось?

Остров Мертвых постепенно погружается в Ахерон. Идет дождь.

На ее нежных руках запеклась кровь, волосы были спутаны.

— Ты же понимаешь, что я вовсе не думал тебя оставлять здесь.

— Понимаю.

Я осмотрелся. Когда-нибудь я восстановлю все это.

— Боги! Ну что за жуткий день!

— Наверху сияет солнышко. Думаю, мы доберемся туда, если ты мне поможешь.

— Обопрись на меня.

И я положил руку на ее плечико...

Этот бессмертный



1

— Ты из калликанзаридов,— неожиданно сказала она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои лапы и рога я оставил в Управлении...

— Так ты слышал это предание!

— Моя фамилия — Номикос!— Я повернулся к ней.

— На этот раз ты намерен уничтожить весь мир?— спросила она.

— Об этом стоит подумать,— я рассмеялся и прижал ее к себе.— Если именно таким образом Земля погибнет...

— Ты ведь знаешь, что в жилах людей, родившихся здесь на Рождество, течет кровь калликанзаридов,— сказала она,— а ты как-то говорил мне, что твой день рождения...

— Все именно так!

Меня поразило то, что она совсем не шутит. Зная о том, что время от времени случается в древних местах, можно без особых на то усилий поверить в разные легенды, вроде тех, согласно которым похожие на древнегреческого бога Пана эльфы собираются каждую весну вместе, чтобы провести десять дней, подпиливая Дерево Жизни, и исчезают в самый последний момент с первыми ударами пасхального перезвона колоколов.

У меня не было обыкновения обсуждать с Кассандрой вопросы религии, политики или эгейского фольклора в постели, но, поскольку я родился именно в этой местности, многое все еще оставалось в моей памяти.

Через некоторое время я пояснил:

— Давным-давно, когда я был мальчишкой, другие сорванцы поддразнивали меня, называя «Константином

Калликанзарос». Когда я подрост и стал уродливее, они перестали это делать. Во всяком случае, в моем присутствии...

— Константин? Это твое имя? Я думала...

— Теперь оно Конрад! Забудь о моем старом имени!

— Оно мне нравится. Мне бы хотелось называть тебя Константином, а не Конрадом.

— Если это тебе доставит удовольствие...

Я выглянул в окно. Ночь стояла холодная, туманная, влажная, как обычно в этой местности.

— Специальный уполномоченный по вопросам искусств, охраны памятников и архива планеты Земля вряд ли станет рубить Дерево Жизни,— пробурчал я.

— Мой Калликанзарос,— отозвалась она поспешно,— я не говорила этого. Просто с каждым днем, с каждым годом все меньше становится колокольного звона. У меня предчувствие, что ты каким-то образом изменишь положение вещей. Может быть...

— Ты заблуждаешься, Кассандра.

— Мне и страшно, и холодно...

Она была прекрасна даже в темноте, и я долго держал ее в своих объятиях, чтобы прекратить ее болтовню, чтобы прикрыть ее от тумана и студеной росы...

Пытаясь восстановить события этих последних шести месяцев, я теперь понимаю, что, пока мы стремились окружить стеной страсти наш октябрь и остров Кос, Земля уже оказалась в руках тех сил, которые уничтожают все октябри. Возникнув извне, силы окончательного разрушения медленно шествовали среди руин, обезличенные и отвратительные. В Порт-о-Пренсе приземлился Корт Миштиго, привезя в допотопном «Планетобусе-9», наряду с другими грузами, рубашки и башмаки, нижнее белье, носки, отборные вина, медикаменты и свежие магнитные ленты из центров цивилизации. Он был богатым и влиятельным галактотуристом. Насколько он был богат, мы не узнали и через много недель, а насколько влиятельным — я обнаружил всего пять дней тому назад.

Бродя среди одичавших оливковых рощ, пробираясь среди развалин средневековых французских замков или мешая свои следы с похожими на иероглифы отпечатками лап чаек, здесь, на морском песке пляжей острова Кос мы просто убивали время в ожидании выкупа, который мог не прийти, который фактически никогда и не пришел...

Волосы у Кассандры были цвета сливок из Катамара и такие же блестящие. У нее мягкие руки, крохотные нежные пальцы. У нее очень темные глаза. Она всегда очень хороша собой. И всего лишь на четыре дюйма ниже меня, и потому, если учесть, что мой рост немного превышает шесть футов, ее изящество является немаловажным достоинством.

Конечно, любая женщина кажется изящнее, когда идет рядом со мной, потому что я начисто лишен всех этих качеств. Моя левая щека напоминает карту Африки, сотканную из разноцветных лоскутков — дикое мясо, последствия лишая, который я подцепил, раскапывая один курган, под которым теперь музей Гуггенхайма в Нью-Йорке с его знаменитыми полотнами.

Глаза у меня разного цвета (я гляжу на людей правым жестким голубым глазом, а когда мне хочется познакомиться с кем-нибудь, я смотрю карим глазом — воплощением искренности и доброжелательности). У меня волосы настолько покрывают лоб, что между ними и бровями остается незаросшая полоса шириной всего в палец. Я ношу ортопедическую обувь, поскольку моя правая нога короче левой.

Кассандра вовсе не нуждается в том, чтобы быть контрастом на моем фоне. Она на самом деле красива.

Я повстречался с ней случайно, отчаянно гонялся за ней, женился на ней против собственной воли. (Последнее было ее идеей.)

Сам я, по сути, об этом не думал даже в тот день, когда вошел в гавань на своей шлюпке, увидел ее на берегу и понял, что жажду ее. Калликанзариды никогда не были образцом в семейных делах. В этом я тоже какое-то исключение.

Утро было ясное утро нашего третьего месяца вместе и последнего моего дня на острове Кос — минувшим вечером я получил вызов.

После ночного дождя все еще было влажно, мы сидели на крыльце и пили турецкий кофе, закусывая апельсинами. Дул свежий бриз, и от него кожа покрывалась пупырышками даже под свитером.

— Отвратительно себя чувствую, — сказал я и закурил, так как с кофе было уже покончено.

— Понимаю, — сказала она, — успокойся.

— Я ничего не могу с собой поделать. Приходится уезжать отсюда и оставлять тебя здесь. И от этого все кажется мерзким.

— Возможно, это продлится всего лишь пару недель. Ты сам об этом как-то говорил. А затем ты вернешься.

— Надеюсь, что так и будет,— кивнул я,— если не потребуется больше времени. До сих пор я не знаю, где буду.

— Кто это Корт Миштиго?

— Актер с Веги, журналист. Важная персона. Хочет написать о том, что осталось на Земле. Поэтому-то я и должен показать ему ее. Я! Лично! Черт возьми!

— А разве можно жаловаться на перегрузку в работе, беря десятимесячный отпуск и плавая празднично из одной местности в другую?

— Да, я имею право жаловаться, и буду! Предполагалось, что эта моя должность будет синекурой.

— Почему?

— Главным образом потому, что я сам все подобным образом обставил. Двадцать лет я тяжело трудился над тем, чтобы музеи, памятники и архив были такими, какими являются теперь. Десять лет назад я все устроил так, что мой персонал сам по себе может справиться с чем угодно. Мне же остается только время от времени возвращаться, чтобы подписывать бумаги, в промежутках занимаясь тем, что мне самому заблагорассудится. Теперь этот подхалимский жест — заставить самого управляющего сопровождать писаку с Веги, хотя это мог бы сделать кто угодно из персонала! Ведь обитатели с Веги вовсе не боги!

— Ну-ка, погоди минутку, пожалуйста,— персбила меня она.— Что за двадцать лет?

Я почувствовал, что тоню.

— Тебе же нет и тридцати лет,— продолжала она.

Я почувствовал, что опустился еще глубже. Я немного выждал, затем стал подниматься вверх.

— Э-э... Есть кое-что, о чем я никогда прежде не говорил тебе... Сам не знаю, почему... А сколько тебе лет, Кассандра?

— Двадцать.

— Хо-хо. Что ж... я почти в четыре раза старше тебя.

— Не понимаю?

— Я и сам не понимаю... так же, как и врачи. Я как будто остановился где-то в возрасте от двадцати до тридцати лет и таким остаюсь с тех пор. Мне кажется, что это нечто вроде... какой-то только мне свойственной мутации. Да разве все это имеет какое-нибудь значение?

— Не знаю... А впрочем, да.

— Но тебя не волнует то, что я хромаю, ни моя избыточная волосатость, ни даже мое лицо. Почему же тебя беспокоит мой возраст? Я молод во всех отношениях!

— Это далеко не одно и то же по сравнению со всем остальным,— сказала она не допускающим возражения тоном.— А что, если ты никогда не состаришься?

Я закусил губу.

— Обязательно состарюсь! Рано или поздно. Ведь я люблю тебя, и я не хочу состариться раньше!

— Но если это будет поздно? Я ведь люблю тебя и не хочу состариться раньше!

— Ты проживешь еще сто — сто пятьдесят лет. Пройдешь специальный курс омоложения. Это от тебя никуда не уйдет.

— Но все равно я не буду такой молодой, как ты!

— Я вовсе не молодой. Я родился стариком.

Но это не подействовало. Она расплакалась.

— До этого момента еще долгие и долгие годы,— старался утешить ее я,— кто знает, что может случиться за эти годы?

От этих слов она расплакалась еще больше.

Я всегда был импульсивным. Голова у меня работает, как правило, весьма неплохо, но мне всегда кажется, что я сначала действую, а потом уж обдумываю, что сказать. Вот и на этот раз я испортил основу для дальнейшего разговора.

Именно это еще одна из причин, почему я выбрал компетентный персонал, обзавелся хорошей радиосвязью и стараюсь большую часть времени проводить на воле. Хотя и есть, конечно, некоторые обязанности, которые нельзя никому перепоручить. Поэтому я сказал:

— Смотри. В какой-то степени радиация коснулась и тебя тоже. Целых сорок лет я не мог понять, что я вовсе не сорокалетний. Возможно, нечто подобное произойдет и с тобой.

— Тебе что, известны другие случаи, подобные твоему?

— Ну...

— Неизвестны?

Помню, что тогда мне больше всего хотелось оказаться на борту своего судна. Не того огромного великолепного корабля, а в своей старой лоханке под названием «Золотой Идол». Оказаться где-нибудь подальше отсюда, ну хотя бы в гавани. Помню, что мне хотелось снова вот так стоять на мостике и опять увидеть Кассандру во всем ее великолепии. Хотелось начать все еще раз с самого нача-

ла — и либо сказать ей обо всем прямо тогда, либо все это время, пока я с ней был, даже рта не раскрывать о своем возрасте.

Это была прекрасная мечта, но, черт возьми, медовый месяц уже заканчивался.

Я молчал, пока она не перестала плакать.

— Так что же?— спросил я в конце концов.

— Все хорошо, не обращай внимания...

Я взял ее за руку и поднес ее пальцы к губам.

— Может быть, это неплохая мысль,— сказала она,— что ты должен уехать на некоторое время.

Холодный бриз обдал нас ледяной влагой, заставив съежиться. Наши руки задрожали. Бриз стряхнул листья с деревьев, и они закружились над нашими головами.

— Не преувеличил ли ты свой возраст?— спросила она.— Ну хоть чуть-чуть?

Судя по ее тону, с моей стороны сейчас самым умным было согласиться с ней. Поэтому я ответил:

— Да,— стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более убежденно.

Она улыбнулась мне в ответ, как бы благодаря за это признание.

Вот так мы и сидели, держась за руки и наблюдая за тем, как разворачивается утро. Через некоторое время она начала напевать, почти не открывая рта. Это была печальная песня, ей было много сотен лет. Баллада о молодом борце по имени Фомоклос, борце, которого никто не мог победить. Постепенно тот стал считать себя величайшим из всех живущих тогда борцов. Он бросил вызов, взобравшись на вершину горы. Поскольку обитель богов была недалеко, они не заставили себя ждать. Уже на следующий день появился мальчик-калека, верхом на огромном, дикого вида псе. Они боролись три дня и три ночи, Фомоклос и мальчик. А на четвертый день мальчик сломал спину гордецу. Там, где появилась кровь не знающего поражения богатыря, вырос цветок без корней, с лопатовидными листьями, питавшийся кровью, который стал ползать по ночам в поисках утраченного духа павшего человека. Но дух Фомоклоса покинул Землю, и поэтому эти цветы обречены вечно ползать и искать.

Все это сейчас излагалось проще, чем у Эсхила, но ведь и мы, простые люди, не то, что были некогда, особенно живущие в материковой части. А кроме того, все на самом деле иначе.

— Почему ты плачешь — неожиданно спросила она.

— Я думаю о картине, изображенной на щите Ахиллеса,— сказал я.— И о том, насколько ужасно быть образованным зверем... И к тому же я не плачу. Эта влага падает на меня с листьев.

— Я готовлю еще кофе.

Пока она готовила кофе, я вымыл чашки. Потом сказал ей, чтобы она присмотрела за «Идолом», пока я буду отсутствовать. Если я вызову ее к себе, то нужно будет вытаскивать лодку на берег.

Она внимательно выслушала и обещала исполнить.

Солнце поднималось все выше. Высоко в небе, как вестник чего-то страшного, появился летучий крыс-паук. Мне страшно захотелось сжать пальцами рукоятку пистолета 38-го калибра, открыть шумную пальбу и увидеть, как падает это чудовище. Но огнестрельное оружие сейчас было на борту «Идола», и поэтому я просто наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду.

— Говорят, что они внеземного происхождения,— сказала она мне, глядя на исчезнувшего вдаль крыс-паука,— и что их завезли сюда с Титана для показа в зоопарках и подобных заведениях.

— Верно.

— И что они очутились на воле в течение Трех Дней и одичали. Они стали крупнее и более агрессивными, чем у себя на родине.

— Однажды я видел животное, имевшее размах крыльев почти десять метров.

— Мой двоюродный дед однажды рассказал мне историю, которую он слышал в Афинах,— начала она,— об одном человеке, который убил крыс-паука безо всякого оружия. Чудовище схватило этого человека прямо на пристани, где он стоял, в Пирее, и взлетело с ним. Но человек голыми руками сломал ему шею. Они оба упали с высоты тридцать метров в залив, и человек остался жив.

— Это было очень-очень давно,— кивнул я,— задолго до того, как Управление развернуло кампанию по истреблению этих бестий. Тогда их было повсюду великое множество, и в те дни они были смелее. Теперь они стараются избегать городов.

— Насколько я помню, того человека звали Константином. Может быть, это был ты?

— Его фамилия была Карагиозис.

— Ты тоже Карагиозис?

— Если тебе так хочется. Только почему?

— Потому, что позже он помогал разыскивать в Афинах возвращенца Рэдпола, и потому, что у тебя очень сильные руки.

— Ты что, заодно с возвращенцами?

— Да, а ты?

— Я работаю в Управлении. У меня нет политической ориентации.

— Карагиозис подверг бомбардировке курорты.

— Да, он совершил это.

— Ты желаешь повторить бомбардировки?

— Нет.

— Я почти о тебе ничего не знаю.

— Ты знаешь обо мне все что угодно. Если хочешь узнать что-то не известное тебе, только спроси.

Она засмеялась.

Я поднял голову к небу и произнес:

— Мое воздушное такси приближается.

— Я ничего не слышу,— пожала она плечами.

— Сейчас услышишь.

Через мгновение оно скользнуло с небосвода прямо к острову Кос, следуя сигналу радиомаяка, который я установил во внутреннем дворе.

Я встал и поднял ее на ноги.

Шестиместный скиммер жужжал уже совершенно низко. Лучи Солнца играли на его прозрачном плоском днище.

— Ты хотел бы взять что-нибудь с собой?— спросила она.

— Ты знаешь, что хотел бы, но не могу.

Скиммер приземлился, открылась дверь пилота, и человек в очках повернулся к нам лицом.

Я помахал ему рукой.

— У меня такое чувство,— сказала она,— что тебе грозят какие-то опасности.

— Весьма сомневаюсь, Кассандра,— рассмеялся я.— Прощай!

— Прощай, мой Калликанзарос.

Я влез в скиммер, который тут же взмыл в небо. Мне оставалось только возносить молитву Афродите, полагаясь на умение пилота управлять машиной. Внизу Кассандра махала мне.

За моей спиной все ярче разбрасывало сеть своих лучей Солнце. Мы летели на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета, четыре часа серых волн, бледных звезд и мого безумия...

Зал кишел людьми, сверху сияла огромная Луна тропиков, и причиной того, что я одновременно видел и то, и другое, было то, что мне удалось выманить Эллен на балкон, все двери которого были настежь распахнуты.

— Снова возвращение из мертвых?— слегка улыбнувшись, она поздоровалась со мной.— За год всего лишь одна открытка с Цейлона.

— Неужели вы скучали обо мне?

— Могла бы...

Она была маленькая и, подобно всем, кто ненавидит день, густо кремовая. Несмотря на свой искусственный загар, она мне напоминала прекрасно выполненную живую куклу с неисправным механизмом.

У нее были пышные, очень пышные красно-каштановые волосы, завязанные в такой гордиев узел, что казалось невозможным его развязать. Цвет ее глаз было трудно определить. Все зависело от ее мимолетного каприза, но все же они были глубоко-глубоко синими. Что бы она ни одевала, одежда ее была всегда коричневой и зеленой. Этой одежды было столько, что казалось, ее можно завернуть в нее с ног до головы, отчего эта женщина казалась каким-то бесформенным растением.

Это было ее странной прихотью, если только она не стремилась скрыть свою беременность, в чем я, правда, очень сомневался.

— На Цейлоне я был совсем недолго. Большую часть времени я провел на Средиземноморье.

Внутри раздались аплодисменты. Я был рад, что меня там не было. Актеры только что закончили «Маску Деметры» Гребера, сочиненную им в честь наших гостей с Веги. Пьеса продолжалась два часа: нудная и плохая. К тому же написана она была пятистопным ямбом.

Гребер писал длинные, пронизанные метафизикой поэмы. Он много рассуждал о просвещении и ежедневно выполнял на пляже упражнения для дыхания. Во всем же остальном он был вполне пристойным человеком.

Аплодисменты утихли, послышалась негромкая музыка, как будто играли стеклянные бубенцы, и стал слышен тихий говор.

Эллен облокотилась о перила.

— Я слышала, что вы женились.

— Да,— кивнул я.— А зачем меня позвали сюда?

— Спросите у своего босса.

— Я спрашивал. Он сказал, что мне предоставляется роль гида. Но я хотел узнать: почему? Мне нужна истинная причина. Я все время думаю об этом, но тем не менее причина этого становится для меня все более загадочной.

— Но откуда же мне знать истинную причину?

— Вам известно все.

— Вы переоцениваете меня, дорогой. А как она из себя?

Я пожал плечами:

— Похожа на наяду.

— А на кого похожа я?— спросила с усмешкой Эллен.

— Я бы не стал говорить кому-либо, на кого вы похожи.

— Я оскорблена. Я просто должна быть на кого-то похожа, так как в противном случае...

— Да, именно так. Вы — уникальны!

— Тогда почему же в прошлом году вы не забрали меня с собой?

— Потому что вы любите быть на людях. Требуется, чтобы весь город был перед вами. Вы могли бы быть счастливы только здесь, в Порт-о-Пренсе.

— Но я несчастна здесь!

— Но вы здесь менее несчастны, чем были бы в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попытаться,— сказала она и повернулась ко мне спиной, чтобы взглянуть на огни в районе гавани.— Вы знаете,— продолжала она, немного погодя,— вы настолько дьявольски уродливы, что поэтому даже и привлекательны...

Я замер рядом с ней, в нескольких сантиметрах от ее плеча.

— Поймите,— продолжала она ровным голосом,— вы — кошмар, который шествует как человек.

Я опустил руку и слегка кивнул:

— Я знаю об этом. Приятных сновидений.

Я уже повернулся, но она удержала меня за рукав:

— Подождите.

Я посмотрел на ее руку, перевел взгляд на ее глаза, затем опять на руку. Она отпустила рукав.

— Вы же знаете, что я никогда не говорю правду,— начала она.— И я подумала кое о чем, что вам следовало бы знать в отношении этой поездки. Здесь Дональд Дос Сантос, и я думаю, что он также собирается в путь.

— Дос Сантос? Любопытно!

— Он сейчас в библиотеке вместе с Джорджем и каким-то арабом.

— Что?!— воскликнул я.— Арабом? С руками, покрытыми шрамами? Желтоглазый? Как его имя? Хасан?

— Да. Вы что, с ним уже встречались?

— В прошлом он кое-что сделал для меня,— признался я.

Я улыбнулся, хотя внутри меня все похолодело, ибо я терпеть не могу, когда мой собеседник догадывается, о чем я думаю.

— Вы улыбаетесь?— спросила она.— О чем вы думаете?

— Я думаю о том, что вы относитесь ко многому гораздо более серьезно, чем это казалось мне раньше.

— Чепуха! Я уже не один раз говорила вам, что я трусливая лгунья. Даже всего несколько секунд назад, а ведь речь идет о небольшой стычке во время большой войны. И вы совершенно правы, что я здесь менее несчастна, чем где-нибудь в другом месте Земли. Поэтому-то, может быть, вы поговорите с Джорджем и уговорите его взяться за работу на Галере или на Бакабе. Это возможно?

— Безусловно,— кивнул я.— Кстати, как там коллекция жуков Джорджа?

Некоторое подобие улыбки.

— Растет,— ответила она,— и очень быстро. И так же живут и ползают, а некоторые из этих тварей радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, а почему бы тебе не поволочиться за другими женщинами вместо того, чтобы проводить свое время с этими жуками?» Но он только трясет головой. Тогда я говорю: «Джордж, когда-нибудь одна из этих уродин укусит тебя, и ты станешь импотентом. Что ты тогда станешь делать?» Тогда он объясняет, что этого не может случиться, и снова читает лекции о ядах насекомых. Может быть, он и сам какой-нибудь огромный паук в личине человека? Мне кажется, что ему доставляет удовольствие, определенное сексуальное удовлетворение наблюдать за тем, как они копошатся в своих банках. Не знаю, что еще...

Я повернулся и заглянул в зал, потому что ее лицо уже не было ее лицом. Когда мгновением позже я услышал ее смех, я снова повернулся к ней и сжал ее плечо.

— О'кей. Я теперь знаю немного больше, чем прежде. Спасибо. Мы еще встретимся?

— Мне подождать?

— Нет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я побрел прочь...

Пересечь зал — трудное и продолжительное занятие, если он полон людей и они знакомы с вами. Если все они держат в руках бокалы, а у вас к тому же заметная тенденция прихрамывать.

Так вот, все это было здесь, и я прихрамывал.

Я пробирался вдоль стены по периметру людской толпы и внезапно очутился среди молодых дам, окружавших старого холостяка.

У него не было подбородка, почти не было губ и волос. Выражение, которое некогда имела плоть, покрывавшая его череп, давным-давно перешло к его темным глазам. И оно появилось в этих глазах, как только они увидели меня. Насмешливое выражение надвигающейся ярости.

— Фил,— произнес я, поклонившись. Никто иной не может расписать маску, подобную этой.— Я слышал, что говорят, будто это умирающее искусство, но теперь я понял, что это не так.

— Вы все еще живы?— удивился он, причем голос у него был на семьдесят лет моложе, чем все остальное.— И снова, как обычно, опоздали.

— Я ничтожно раскаиваюсь,— сказал я ему,— но меня задержали на именинах одной дамы семи лет от роду, в доме моего старого знакомого.

— Все ваши приятели — старые приятели, не так ли?— рассмеялся он, и это был удар ниже пояса. Именно потому, что я когда-то был знаком с его родителями и водил их вдоль южного фасада Эрехтейона в афинском Акрополе, показывая, что вывез оттуда лорд Элджин.

Посадив их отпрысков на колени, я рассказывал им сказки, которые были как мир стары еще в те времена, когда возводился этот акрополь.

— И мне нужна ваша помощь,— добавил я, не обращая внимания на насмешку и нежное и пикантное женское окружение.— У меня весь вечер уходит на то, чтобы пересечь этот зал и выйти туда, где Сэндс разместился со своими придворными с Веги... Простите меня, мисс,— сказал я,— а вечер уже закончился, и очень жаль, что я спешу и не могу задержаться возле вас.

— Вы — Номикос!— выдохнула одна прелестная крошка, уставившись на мою щеку.— Мне давно хотелось...

Я поймал ее руку, прижал к своим губам, заметил, как порозовели ее щеки, и усмехнулся.

— Не судьба!— с этими словами я отпустил ручку.— Ну так как же?— спросил я Гребера.— Уведите меня отсюда в максимально быстрый срок в вашей придворной мане-

ре, продолжая разговор, чтобы никто не осмелился нас перебить. О'кей? Давайте двигаться.

Он резко кивнул.

— Простите меня, дамы. Я скоро вернусь.

Мы начали продвижение через зал, мимо множества беседующих друг с другом людей. Высоко над головой плыли поворачивающиеся люстры, похожие на многогранные глыбы из хрусталя. Тихо звучала телестра — арфа, расшвыривая звуки своей песни, напоминавшие звуки цветного стекла.

Люди жужжали и копошились, словно насекомые Джорджа, и мы избегали столкновения с ними, переставляя без остановки одну ногу за другой.

Нам, слава богу, удалось ни на кого не наступить.

Вечер был теплый. Большинство мужчин было одето в легкую, как пух, черную форму, предписанную для персонала в случае торжественных вечеров. Те, что были одеты иначе, не были представителями администрации.

Черное одеяние, несмотря на всю свою легкость, было весьма неудобным. На груди слева красовалась зелено-голубая эмблема Земли — кружок диаметром в два дюйма. Чуть ниже его — символ одного из департаментов, еще ниже — значок, обозначающий ранг. Воротник униформы через небольшой промежуток времени начинал казаться «гаротой». Мне, по крайней мере, чудилось, что я вот-вот задохнусь, сдавленный этим железным ошейником.

Дамы были одеты, или зачастую раздеты, по своему собственному усмотрению, обычно во что-то яркое, сопровождаемое мягкими полутонами, если только не принадлежали к персоналу администрации. В этом случае они были плотно упакованы в короткие черные платья, но все же со свободным воротником.

— Я прослышал о том, что здесь находится Дос Сантос? — поинтересовался я.

— Так оно и есть.

— С какой целью?

— Не знаю, да меня это и не интересует.

— Ай-яй-яй! Что же произошло с вашей замечательной гражданской совестью? Департамент литературной критики не раз расхваливал вас за это.

— В моем возрасте запах смерти ввергает меня в состояние все большей и большей тревоги, стоит мне только почуять.

— Неужели Дос Сантос источает именно такой запах?

— Он весь им пропитан!

— Я слышал, что он нанял одного из ваших прежних партнеров еще во время мадагаскарского дела.

Фил склонил набок голову и стрельнул в меня взглядом, полным насмешки.

— Слухи очень быстро доходят до вас. Вы ведь друг Эллен? Да, Хасан здесь. Он наверху, вместе с Досом.

— И кого же он на этот раз хочет избавить от бремени жизни?

— Я ведь вам уже сказал раньше, что ничего не знаю об этом, да и не хочу знать.

— И все-таки, может быть, решитесь угадать?

— Не имею особого желания.

Мы наконец-то выбрались в часть зала, где было не столь многолюдно, и я остановился, чтобы пропустить одну-другую рюмочку рома.

— Вы не откажетесь, Фил?— спросил я, протягивая своему напарнику бокал.

— Мне показалось, что вы страшно торопитесь?

— Верно, тороплюсь, но все хочу прикинуть, какое сложилось положение.

— Ну-ну. А пока, что ж. Мне пополам с кока-колой.

Я украдкой взглянул на него. Когда он отвернулся, я мысленно последовал за его взглядом в направлении легких кресел, расположенных в нише северо-восточной части зала, рядом с телинотой. На ней играла пожилая дама с металлическими глазами. Рядом попыхивал трубкой Управляющий планетой Земля Лорел Сэндс.

Эта трубка — одна из интересных граней личности Лорела. Настоящая трубка, изготовленная в мастерской Мерсхалума. На планете таких трубок осталось совсем немного. Что же касается всего остального в его личности, то его можно было бы назвать чем-то вроде антикомпьютера. Закладываешь в него несколько самых различных, тщательно собранных фактов, цифр и статистических данных — и он превращает все это в сплошной мусор.

Проницательные черные глаза, медленная всепонимающая манера говорить, цепко держа собеседника одним лишь взглядом. Редкие, но выразительные жесты, когда кажется, что он прямо-таки режет воздух ладонью или тычет воображаемых дам под бок своей трубкой.

Темные волосы с седыми висками, высокие скулы, загар под стать цвету его твидового костюма (он умышленно избегал темной одежды).

На свою политическую должность он назначен Управляющим по делам Земли на Тапере и со всей серьезностью

относится к исполнению своих функций, зачастую даже чрезмерно демонстрируя свою самоотверженность, несмотря на периодические приступы язвы.

Он далеко не самый умный человек на Земле. Но он — мой босс! И кроме того, он один из лучших моих друзей.

Рядом с ним сидит Корт Миштиго. Я почти ощущаю физическую ненависть, которую питал к нему Фил — от его бледно-синих пяток с шестью пальцами до повязки на лбу, алый цвет которой весьма красноречиво свидетельствует о принадлежности к верховной касте. Причем он ненавидел его не столько из-за него самого, сколько, я был уверен, из-за того, что он был ближайшим родственником, а именно внуком, самого Татрема Миштиго, который сорока годами раньше начал показывать всему миру, что величайшими современными писателями являются уроженцы Веги. Старый джентльмен до сих пор не отдает ему пальму первенства, и я ни за что не поверю, что Фил способен простить ему это.

Краем глаза я заметил Эллен, которая поднималась по широкой, богато украшенной лестнице в другом конце зала.

Краем другого глаза я увидел, что Лорел смотрит в мою сторону.

— Меня, — сказал я, — уже обнаружили, и я должен теперь идти засвидетельствовать свое почтение этому Вильяму Синбруку. Идем вместе?

— Да... Прекрасно, — кивнул Фил. — Страдания — это как раз то, что нужно для души.

Мы прошли к нише и встали между двумя креслами. Здесь, в этом месте, было сосредоточение власти.

Лорел медленно поднялся и подал нам руки. Миштиго поднялся еще медленнее и не протянул руки. Выражение его янтарных глаз оставалось равнодушным, когда нас представили ему. Его оранжевая рубашка свободного покроя постоянно трепетала, так же как и его многокамерные легкие непрерывно выдавливали воздух через передние ноздри, расположенные у основания его широкой грудной клетки.

Он коротко кивнул и повторил мое имя, затем повернулся к Филу, изображая на лице гримасу вроде улыбки.

— Вы не могли бы изложить значение своей пьесы по-английски? — попросил он.

Голос его напоминал звон затухающего камертона.

Фил повернулся на пятках и побрел прочь.

Затем мне показалось, что представителю Веги на

мгновение стало дурно, однако я вовремя вспомнил, что смех обитателей Веги напоминает отчаянное блеяние козла, когда его душат. Я стараюсь держаться подальше от уроженцев Веги...

— Садитесь,— предложил Лорел, стараясь скрыть смущение. Я подтянул к себе кресло и сел напротив них.

— О'кей.

— Корт намерен написать книгу,— сказал Лорел.

— Вы уже сообщили об этом.

— Книгу о Земле!

Я поклонился.

— Он еще хотел бы, чтобы вы были его проводником в поездке по некоторым старым местам.

— Я польщен.— Мой голос прозвучал несколько натянуто.— Кроме того, меня разбирает любопытство: почему именно меня он решил избрать в качестве своего гида?

— А также любопытство относительно того, что ему, возможно, известно о вас, не так ли?

— Да. Не стану этого скрывать,— вынужден был согласиться я.

— Все, что могла сказать Уэллина.

— Отлично. Теперь я удовлетворен,— усмехнулся я.

Откинувшись на спинку кресла, я стал медленно цедить содержимое своего бокала.

— Я начал с того, что навел справки о записях Актов гражданского состояния Земли, как только во мне созрел замысел осуществить этот проект, просто ради общего ознакомления с данными о людях; затем, после того как я нашел подходящую кандидатуру, я обратился к личным делам Земной Администрации.

— Гм-м...— протянул я.

— И на меня произвело большее впечатление то, чего в нем не было, чем то, что было записано в личном деле.

Я пожал плечами.

— В вашем послужном списке есть немало пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимались почти всю свою жизнь. И, между прочим, когда вы родились?

— Не знаю. Я родился в маленькой, крохотной деревушке, где в том году потеряли счет дням. Во всяком случае, как мне потом сказали, это случилось на Рождество.

— Согласно вашему личному делу, вам сейчас семьдесят семь лет. Согласно записям Актов гражданского состояния, вам либо сто одиннадцать, либо сто тридцать лет.

— Я приврал относительно своего возраста, чтобы получить работу. В те годы все еще продолжалась депрессия.

— Поэтому я составил краткий биографический очерк Номикоса, в своем роде выдающегося человека, и, воспользовавшись описанием его физических данных, проследил, имеются ли его аналогии во всех хранилищах информации, включая и закрытую.

— Один собирает древние монеты, другие сооружают модели ракет... — сказал я спокойно.

— И я обнаружил, что вы могли бы обзавестись еще тремя-четырьмя, даже пятью лицами: все они были греками, и один из них, по крайней мере, был очень знаменитый человек. Это Константин Коронес, старший из них. Он родился двести тридцать четыре года назад... И тоже на Рождество. Один глаз голубой, другой — карий. Такая же правая нога, такие же волосы на голове, когда ему было двадцать три года. Такого же роста, такого же примерно веса.

— Такие же отпечатки пальцев? Такая же структура сетчатки глаза? — живо поинтересовался я.

— Этих данных не было во многих старых записях. Возможно, в те времена люди были более необразованными? Не знаю. Более легкомысленными, наверное, в отношении тех, кто имел доступ к записям Актов.

— Вам известно, что на нашей планете в настоящее время более четырех миллиардов человек? Проследивая записи в течение трех-четырёх веков, я абсолютно уверен в этом, вы могли найти двойников очень многих из ныне живущих людей. Что же здесь такого особенного?

— Вы просто чем-то заинтересовали меня, вот и все! Как будто вы дух своей планеты, и вы столь же любопытно изучены, как и сама эта планета. Я не сомневаюсь в том, что мне никогда не достичь ваших лет, каков бы ни был ваш возраст, и мне было бы очень интересно узнать: какого же рода чувства владеют человеком, прожившим столько лет, — особенно если учесть ваше положение хранителя истории и искусства вашего мира. И вот почему я остановил на вас свой выбор, — закончил он.

— А теперь, когда вы повстречались со мной, калеккой и все такое прочее, я могу отправиться домой?

— Конрад! — трубка угрожающе метнулась ко мне.

— Нет, мистер Номикос. Здесь имеются также и чисто политические и практические соображения. Это суровый мир, а у вас очень высокий потенциал выживаемости. Я хочу, чтобы вы были со мной, потому что я хочу выжить!

Снова я пожал плечами:

— Что ж, ладно. И что вы хотите еще?

Он раскудахтался:

— Я чувствую, что не нравлюсь вам.

— Что привело вас к такой мысли? Только из-за того, что вы оскорбили моего друга и задали мне неуместные вопросы, создав впечатление, что нуждаетесь в моих услугах из чистой прихоти...

— Что эксплуатировал ваших соотечественников. Что превращал вашу планету в бордель и дал всей человеческой расе понять ее глубокую провинциальность в сравнении с галактической культурой, неизмеримо более старой...

— Я ни слова не говорил — ваша раса, моя раса! Я говорю только от своего имени. И я повторяю: вы оскорбили моего друга, задали мне неуместные вопросы и создали у меня впечатление, что хотите, чтобы я служил вам просто из вашей прихоти.

Снова звуки, издаваемые козлом, когда его душат.

— Целых три пункта! Да ведь это не оскорбление памяти Гомера или Данте, после чего человек может выступать от имени всей человеческой расы.

— В настоящее время Фил — наилучший из тех, которыми мы располагаем.

— В таком случае уж лучше обходиться без них.

— Нет причин, чтобы обращаться с ним подобным образом.

— Полагаю, что есть. В противном случае я не поступил бы так. А во-вторых, я задаю любые вопросы, какие мне хочется, а ваше право — отвечать или нет, если последние покажутся вам оскорбительными. И, наконец, никто не собирается производить на вас какое-нибудь впечатление. Вы находитесь на гражданской службе. Вам дано поручение. Спорьте со своим начальством, а не со мной! Кроме того, мне только что пришло в голову, что вряд ли вы располагаете соответствующими знаниями, чтобы говорить слово «прихоть» столь свободно, как вы себе только что позволили.

Судя по выражению лица Лорела, его язва молчаливо комментировала происходящее.

— Тогда называйте свою грубость чистосердечностью, если хотите, или продуктом другой культуры, и оправдывайте свое влияние на Землю софистическими упражнениями или чем-нибудь другим, что вам взбрет в голову в самый последний момент, и, используя любые средства, снабдите меня соответствующими сведениями о вас всех,

чтобы я мог вынести ответное суждение. Вы ведете себя как представитель монарха в подвластной ему колонии,— сказал я ради того, чтобы остановить его,— и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я прочел также и все книги вашего деда. Взять для примера хотя бы его нашу-мевшую «Глаз земной проститутки». Так вот, вам никогда не стать таким специалистом, как он. Он обладал чувством, обычно называемым состраданием. У вас его нет. Все, что вы ощущаете, например в отношении старого Фила, в двойном размере относится и к вам — в моей книге...

Та часть моего выпада, в которой говорилось о его деде, должно быть, затронула больное место, так как он вздрогнул, не выдержав укола моего голубого глаза.

— Поэтому, пожалуйста, поцелуйте меня в локоть,— сказал я по-вегански нечто эквивалентное земному выражению для подобных случаев.

Сэндс не знает в достаточной степени веганский язык, поэтому он не мог уловить смысл моих слов, однако он сразу стал сокрушенно озиаться в надежде, что нас никто не подслушивает.

— Конрад, пожалуйста, не пренебрегай обязанностями своей профессии. Господин Миштиго, давайте приступим к планированию путешествия.

Миштиго улыбнулся.

— И сведем к минимуму различия между нами?— спросил он.— Ладно.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку, там тихо. И там мы сможем воспользоваться картой-экраном.

Я почувствовал, как во мне все напряглось, когда мы поднимались, ибо наверняка наверху был Дос Сантос, ненавидящий веганцев, и конечно же, где Дос Сантос, там и девушка в красном парике, ненавидящая всех. Знал я и то, что наверху был Эммет и Эллен тоже. Вероятно, туда же мог забрести и Фил, устроив там второй форт Самтер. И, наконец, там Хасан, который просто сидит и курит с непроницаемым видом. Если вы станете подле него и сделаете несколько глубоких вдохов, то вам станет уже все равно, что там говорят веганцы, да и люди тоже...

3

Я надеялся, что у Хасана будет не все в порядке с памятью и он будет витать в своих мыслях высоко среди облаков. Надежда эта рассеялась, как только мы вошли в

библиотеку. Ему было лет 60—80, если не больше, но на вид не более сорока, а в действительности он еще мог действовать как тридцатилетний. Курс лечения Спранга-Сансера по отношению к нему был особенно эффективен. Такое случается редко. По сути дела, почти никогда. Во время лечения некоторые пациенты испытывают внезапный анафилактический шок без видимых причин на это, и даже после вливания адреналина не всегда удается вывести их из этого состояния. Очень многие застывают в возрасте от 50 до 60 лет.

Но некоторые редкие экземпляры по-настоящему молодуют после полного курса, примерно один из сотни тысяч.

Меня поразило то, что именно к нему было благосклонно колесо Фортуны. Со времени событий на Мадагаскаре прошло более пятидесяти лет, когда Хасана наняли люди из Рэдпола в своей вендетте против талеритов. Платил ему (да покоится прах его с миром) сам большой К., поручивший Хасану разделаться с афинской компанией «Недвижимое имущество» Управления по делам Земли. Ему это удалось, причем довольно неплохо. С помощью одного крохотного расщепляющего устройства. Все произошло мгновенно. Некоторые называли после этого Хасана убийцей-наймитом, и он действительно был последний наемник на Земле.

Кроме того, за исключением Фила (который не всегда был владельцем шпаги без лезвия и эфеса), Хасан был одним из тех, кто помнил старого Карагиоза.

Поэтому, выставив вперед свой лишай и задрав подбородок, я сразу же попытался затуманить его сознание. То ли здесь были замешаны какие-то древние инстинкты, в чем я сомневаюсь, то ли он был выше, чем я полагал, что вполне возможно, то ли он просто забыл мое лицо, что также было невероятно, хотя и в очень малой степени, или он придерживался профессиональной этики или доверял звериному инстинкту (в различной степени он обладал и тем и другим, а в большей мере — низменным звериным коварством). Когда же нас представили друг другу, он и бровью не повел.

— Мой телохранитель, Хасан,— сказал Дос Сантос, одаривая меня своей самой липкой улыбкой, когда я пожимал его руку, которая однажды (можно и так сказать) потрясла мир.

Еще и сейчас это была очень сильная рука.

— Конрад Номикос,— сказал Хасан, скосив взгляд, как будто он читает мое имя с бумажки, зажатой в руке.

Со всеми остальными я был знаком, поэтому, выбрав кресло подальше от Хасана, я почти все время старался держать перед своим лицом бокал, чтобы чувствовать себя в большей безопасности.

Диана стояла рядом со мной.

— Доброе утро, мистер Номикос.

— Добрый вечер, Диана,— я чуть-чуть опустил свой бокал.

Высокая, стройная, почти во всем белом, она стояла рядом с Дос Сантосом, напоминая свечку. Я понимал, что такое впечатление создается главным образом из-за красного парика, который она носила.

Мне несколько раз доводилось видеть, как этот парик задирается в сторону, обнажая часть безобразного и мигрирующего шрама, который она всегда прятала под париком. Я частенько задумывался над происхождением этого шрама, обычно в тех случаях, когда бросал якорь где-нибудь во время своих морских странствований и разглядывал фрагменты созвездий сквозь дыры в облаках либо когда выкапывал из земли поврежденные временем статуи.

У этой девушки были пурпурные губы — скорее всего, я полагаю, татуировка, но я никогда не видел, чтобы она улыбалась. Мышцы ее челюстей были всегда натянуты, как канаты, так как она почти никогда не разжимала зубов. Она едва шевелила губами, когда отрывисто разговаривала. Было очень трудно определить ее настоящий возраст. Во всяком случае, ей уже, несомненно, было за тридцать.

Она и Дос составляли весьма интересную пару. Он смуглый, говорливый, вечно курящий, неспособный спокойно посидеть более двух минут. Она выше него на добрых десять сантиметров. Мне и сейчас неведома полная истина ее жизни. Полагаю, что никогда она не станет известной до конца.

Она подошла поближе и встала рядом с моим креслом, пока Лорел представлял Корта Сантосу.

— Вы!— процедила она.

— Да, я.

— Будете проводником во время поездки.

— Об этом известно всем, кроме меня,— кивнул я.— Уверен, что в этом вопросе вы могли бы довольно легко поделиться со мной частичкой своей осведомленности.

— Ничего не знаю ни по какому вопросу.

— Вы говорите точно так же, как Фил.

— И мысли такой не было.

— И тем не менее это так. Так почему же?

— Что «почему»?

— Почему вы и Дос здесь сегодня вечером?

Она немного просунула язык между зубами, затем сделала движение, будто собирается выдавить сок из него или сдержать пытавшееся сорваться с губ слово. Затем посмотрела на Досу, но он был слишком далеко, чтобы услышать сказанное, да и смотрел он в другую сторону. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящую коку из графина, стоявшего на изысканном подносе.

Находка формулы кока-колы была главной археологической сенсацией века, как утверждали веганцы. Она была утрачена в течение Трех Дней и вновь открыта где-то через добрый десяток лет. Имелось большое количество напитков, сходных по составу, но ни один из них не воздействовал на метаболизм веганцев так, как настоящая кока-кола. Второй «важнейший вклад Земли в Галактическую культуру» — так называл ее один из современных историков. Первым вкладом, разумеется, были в высшей степени изысканные социальные проблемы такого рода, возникновения которых их потерявшие терпение философы на Веге ждали в течение многих поколений.

— Пока не знаю, — сказала она, снова глядя на меня. — Спросите у Доса.

— Обязательно.

И я спросил. Хотя позже. И не был разочарован, несмотря на то, что ничего особенного не ожидал.

Но пока я все еще сидел, изо всех сил пытаюсь что-либо подслушать. И тут мне припомнилось, что когда-то, давным-давно один сморщенный старичок заметил, что мне свойственно телепатическое исполнение желаний. Вкратце его теория звучала так:

— Мне хочется узнать о том, что же где-то происходит. Я располагаю почти достаточной информацией, чтобы угадать. Следовательно, я догадываюсь. Только догадки эти приходят ко мне так, будто я увидел или услышал все это своими глазами и ушами...

Это не настоящая телепатия, как я полагаю, потому что догадки оказываются иногда неверными. И все же, несмотря на это, у меня было ощущение, что телепатия здесь все же присутствует.

Старик мог мне многое рассказать об этом, но он не знал причин.

И вот я стою посредине комнаты и смотрю на Миштиго.

Я — Дос Сантос.

И я говорю:

— Отправится вместе со мной. И не забывайте, что он будет не как посланник Рэдпола, а просто как частное лицо.

— Я и не выпрашиваю у вас покровительства,— произнес веганец.— Однако я весьма вам благодарен. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших соотечественников,— произнося эти слова, он улыбнулся,— если только они захотят этого во время всего путешествия, в чем я, однако, весьма сомневаюсь. И все же я был бы глупцом, если бы отказался от защиты.

— Очень разумно с вашей стороны,— сказал Дос, слегка поклонившись.

— Разумеется. А теперь скажите мне,— он кивнул в сторону Эллен, которая только-только закончила спор с Джорджем и теперь гордо отошла от него.— Кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, руководителя министерства охраны дикой природы.

— Какова ее цена?

— Мне не известно, какую последнюю плату она назначала.

— Ну, а какова была предпоследняя?

— Такой никогда не было.

— Все на Земле имеет какую-то цену.

— В данном случае, я полагаю, вам придется самому это выяснить.

— Непременно,— кивнул он.

Женщины Земли всегда обладали какой-то странной привлекательностью для обитателей Веги. Один веганец сказал мне однажды, что они заставляют его ощущать себя в какой-то связи с другими животными.

Весьма интересная мысль, ибо такую же точно идею высказала в отношении веганцев одна девушка для развлечений на одном из модных курортов. У нее тоже каждый раз возникало ощущение, что она является другим животным. Мне кажется, что эти характерные выводы веганцев щекочут грудь и возбуждают обоих партнеров.

— Между прочим,— сказал Дос,— вы в конце концов перестали избивать свою жену?

— Какую именно?— спросил Миштиго.

Все расплылось, и я снова очутился в своем кресле.

— Что,— спрашивает меня Джордж Эммет,— вы думаете об этом?

Я пристально посмотрел на него. Всего лишь секунду назад его здесь не было. Он неожиданно подошел ко мне и пристроился на широком подлокотнике моего кресла.

— Повторите, пожалуйста, я что-то задремал.

— Я сказал, что мы должны уничтожить всех крысс-пауков. Что вы думаете об этом?

— Как мы это сделаем?

Он стал смеяться. Я подождал, пока этот смех прекратится.

— Я вывел новую породу... Это на самом деле грациозно и грандиозно! Порода называется «слиши».

— А что это такое?— поинтересовался я.

— «Слиши» — это паразиты с планеты Бакаба,— пояснил он, наклонившись ко мне.— Это вроде крупного клеща. Мои красавицы имеют в длину почти сантиметр. Они надежно зарываются в плоть и выпускают в высшей степени ядовитые вещества в качестве отходов своей жизнедеятельности.

— Смертельные?

— Мои — да.

— Вы не могли бы лично мне одолжить один экземпляр?— спросил я у него.

— Зачем?

— Мне хотелось бы подбросить его кое-кому на спину. Вернее, мне пригодилась бы парочка дюжин. У меня ведь уйма друзей...

— Моя порода не действует на друзей. А только на крысс-пауков. На людях они просто-напросто подохнут,— он явно получал удовольствие, говоря об этих тварях.— Их организм должен иметь в качестве основы скорее медь, а не железо,— пояснил он, заметив мой недоуменный взгляд.— А крысс-пауки как раз принадлежат к таким созданиям. Именно поэтому мне надо бы отправиться в это путешествие вместе с вами.

— Вы хотите, чтобы я отыскал для вас крысс-паука и держал его, пока вы не прицепите к нему своих «слиши»? Именно этого вы хотите?

— Мне хотелось бы поймать пару крысс-пауков — за последний месяц я израсходовал всех своих. И я уверен, что «слиши» поработают на славу. Мне хочется возбудить эпидемию.

— Какую эпидемию?

— Эпидемию среди крысс-пауков. «Слиши» в земных условиях размножаются слишком быстро если мы предоставим им подходящий организм и если начать в определенное время, то зараза распространится очень быстро. Я имею в виду просто пору размножения юго-западного крысс-паука. Он начинается через шесть—восемь недель

на территории Калифорнии, в месте, некогда называвшемся Капистрано. Сейчас там уровень радиоактивности в норме. Я знаю, что именно там вы окажетесь к тому времени, совершая путешествие с Миштиго. А я буду ждать вас там со своими «слиши».

— Гм-м... Вы говорили об этом с Лорелом?

— Да. И он считает, что это отличная мысль. Он даже встретится с вами там и сделает фотографии. Есть не так уж много возможностей поглазеть на них в естественных условиях их обитания: как они затмевают небо, кружа над своими гнездами, как копошатся среди руин, пожирая диких свиней, разбрасывая по улицам заброшенных городов свои зеленые экскременты,— довольно замечательно, не правда ли?

— Что-то вроде праздника всех Святых. А что же произойдет с дикими кабанами, если мы полностью уничтожим крыс-пауков?

— Их станет гораздо больше. Но я считаю, что пумы позаботятся о том, чтобы они не стали столь же многочисленными, как кролики в Австралии. В любом случае уж лучше свиньи, чем крыс-пауки, не так ли?

— Я не в восторге ни от тех, ни от других, но в данное время, я полагаю, свиньи все-таки лучше, чем крыс-пауки. Я думаю, вы сможете побывать там.

— Спасибо. Я был уверен, что вы поможете мне.

Лорел извиняющимся тоном пригласил присутствующих взглянуть на широкий экран, медленно опустившийся к столу посреди комнаты, где стоял Лорел. Он нажал кнопку на столе, и свет в комнате погас.

— Я сейчас намерен показать вам серию карт,— сказал он.— Если мне только удастся засинхронизировать эту штуку. Вот. Все отлично.

На экране появились очертания северной части Африки и большей части Средиземноморья.

— Именно здесь вы хотели бы побывать вначале, не так ли?— спросил он у Миштиго.

— Да, как раз здесь,— ответил веганец, оторвавшись от неслышного для других разговора с Эллен, которую он прижал в нише с бюстом Вольтера.

Освещение в комнате совсем погасло, и Миштиго подошел к столу. Он взглянул на карту, затем на присутствующих, однако не выделяя кого-нибудь взглядом.

— Мне хотелось бы посетить некоторые ключевые местности, по той или иной причине игравшие важную роль в истории вашей планеты,— сказал он.— Мне хотелось бы

начать с Египта, Греции и Рима. Затем хотелось бы посетить ненадолго Мадрид, Париж и Лондон.— По мере того как он все больше углублялся в маршрут своего путешествия, картина на экране соответственно менялась.— Затем мне хотелось бы посетить Берлин, Брюссель, Ленинград, Москву. Потом пересечь Атлантический океан и сделать остановку в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго. Затем отправиться на юг, на полуостров Юкатан, а потом снова на север, на этот раз в Калифорнию.

— Именно в таком порядке?— поинтересовался я.

— Да.

— Почему вы не включили в свой маршрут Ближний Восток, Индию и Дальний Восток?— послышался голос Фила. Он подошел незаметно, так как в комнате было достаточно темно.

— Я ничего не имею против этих районов, однако сейчас они в основном покрыты болотами и лесами, и к тому же там довольно большая радиоактивность. Могу добавить, что эти районы в основном не отвечают моей цели.

— Какова же ваша главная цель?— Фил не унимался.

— Написать книгу.

— О чем?

— Я пришлю вам экземпляры со своим автографом.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Когда вы хотите отправиться в путь?— спросил я у веганца, так как этой перепалке не было конца.

— Послезавтра.

— Хорошо.

— Я приготовил для вас подробные карты,— продолжал Миштиго,— всех вышеназванных районов. Лорел обещал мне, что завтра днем они будут доставлены в вашу контору.

— Прекрасно. Однако есть во всем этом что-то общее, о чем вы, видимо, не осведомлены. Это связано с тем, что все названные вами местности находятся внутри материка.

В наши дни у нас на Земле культура носит большей частью островной характер, и для этого есть веские основания. В течение Трех Дней материи получили особенно большую дозу облучения, и почти все места, которые вы назвали, до сих пор нельзя считать соответствующими норме. Они еще имеют достаточно высокую долю радиоактивности. Однако это не единственная причина угрожающей опасности...

— Я хорошо знаком с вашей историей и прекрасно знаю о том, что нужно предпринимать меры предосторожности против радиации,— прервал он меня.— Кроме того, мне известно, что в древних местностях живет большое число мутированных организмов. Я и это не сбрасываю со счетов, но вовсе не обеспокоен этим.

Я пожал плечами:

— Раз так, то я не возражаю.

— Прекрасно,— он в очередной раз отхлебнул кока-колу из своего бокала.— Можете включить свет, Лорел.

Экран постепенно погас, загорелись лампы.

— Это правда, что вы знакомы с несколькими «емамба» здесь, в Порт-о-Пренсе?— спросил у меня веганец.

— Правда,— ответил я.— Почему они вас заинтересовали?

Он подошел поближе к моему креслу.

— Насколько мне известно, колдовские обряды, совершаемые местными «вуду», почти не претерпели каких-нибудь изменений за прошедшие столетия.

— Возможно. Только вот меня здесь не было, когда они начались, и поэтому я не уверен, так ли это на самом деле.

— Я знаю, что участников не очень-то смущает присутствие чужаков...

— Это верно. Однако они разыгрывают для вас на самом деле первосортное представление, если вам удастся найти подходящий «хоупфер» и предложить небольшие подарки.

— Мне очень хотелось бы стать свидетелем обряда. Если бы мне удалось посетить с кем-нибудь, кто не является для них чужаком, посетить их... э-э... представление, то тогда я, вероятно, смог бы увидеть именно то, настоящее...

— Чем вызвано ваше такое сильное желание? Нездоровое любопытство к обычаям дикарей?

— Нет. Я изучаю различия религий с целью сравнения.

Я внимательно смотрел на его лицо, но оно абсолютно ничего не выражало.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз посещал нечто подобное с Мамашей Джулией и Папашей Джо и некоторыми другими, и хотя «хоупфер» был отсюда недалеко, я не был уверен в том, что они согласятся взять вместе со мной обитателя Веги. Ну, разумеется, у них никогда не было возражений, когда я приводил с собой людей.

— Что ж...— начал я.

— Я хочу только понаблюдать,— сказал он,— сам оставаясь в стороне. Они вряд ли ощутят мое присутствие.

Я промямлил нечто невразумительное и сдался. Я хорошо знал Мамашу Джулию и полагал, что в этом не будет ничего плохого. Поэтому я сказал:

— О'кей, я поведу вас. Сегодня вечером, если хотите.

Он согласился, поблагодарил меня и ушел на поиски еще одной бутылки кока-колы.

Джордж, который все это время не слезал с подлокотника моего кресла, наклонился ко мне и тихо заметил, что было бы очень интересно произвести рассечение веганца.

Я согласился с ним.

Когда Миштиго вернулся, Дос Сантос был рядом с ним.

— Вы собираетесь вести мистера Миштиго на языческие церемонии?— спросил он, дрожа от негодования и раздувая ноздри.

— Это так,— кивнул я.— Собираюсь.

— Только вместе с телохранителями, а вы таковым не являетесь.

Я поднял вверх ладони.

— Я в состоянии справиться со всем, что бы ни произошло.

— Вас будут сопровождать Хасан и... я.

Я попробовал было протестовать, но незаметно между нами втиснулась Эллен.

— Я хотела бы тоже пойти с вами,— сказала она.— Я никогда еще не была на подобных обрядах.

Я пожал плечами.

Если идет Дос Сантос, это значит, что идет и Диана. Нас становится довольно много. Поэтому один лишний посетитель особого значения не имеет. Все это было испорчено еще до того, как началось.

— А почему бы и нет?— Вот и все, что осталось мне сказать...

«Хоупфер» был расположен внизу, в районе гавани, возможно, вследствие того, что был посвящен Агве Вейс, морскому божеству. Хотя, скорее всего, из-за того, что сородичи Мамаша Джулии всегда ютились в гавани.

Агве Вейс — не очень-то ревнивый божок, поэтому множество других божеств украшали стены своими ярко раскрашенными изображениями. Чуть поодаль от берега были гораздо более искусно выполненные «хоупферы», но они мало-помалу все более переходили в собственность коммерческих заведений.

Огромная ладья Агве переливалась яркими синими, оранжевыми, желтыми, зелеными и черными цветами и внешне выглядела несколько неподходящей для моря.

Противоположная их стена был почти полностью занята изображениями пурпурно-малинового Дамбала Вedo со множеством затейливых колец и завитков. Впереди Папаша Джо ритмично отбивал такт, едва раскачиваясь, на нескольких барабанах «рада». Он сидел чуть правее двери, через которую мы вошли — кстати, единственной. Среди ярких изображений сердец, фаллосов и крестов на нас загадочно глядели христианские святые.

Флаги, мачете, багровые сердца заполняли все свободное пространство стен, и, как ко всему этому относились христианские святые, невозможно было прочесть по их напряженным лицам, заключенным в дешевые рамки для литографий, напоминавших окна в какой-то чужой мир из этого сюрреалистического окружения.

На небольшом алтаре теснились многочисленные бутылки со спиртным: бутылки, созданные из тыкв, священные сосуды для духов «лоа», талисманы, трубки, флаги, стереографии каких-то неизвестных людей, а среди всего прочего — пачка сигарет для Папаши Лаба.

Служба шла полным ходом, когда молодой «хоуизи», по имени Луис, ввел нас.

Комната имела в длину около восьми метров и около пяти в ширину, высокий потолок и грязный пол.

Танцоры двигались около центрального столба замедленно, неестественно важно. Их черная плоть блестела в тусклом свете керосиновых ламп. Когда мы вошли в комнату, в ней стало темно.

Мамаша Джулия взяла меня за руку и улыбнулась. Она отвела меня почти к алтарю и сказала:

— Эзрум был добр.

Я кивнул.

— Ты нравишься мне, Номикос. Ты долго живешь, много путешествуешь и ты возвращаешься.

— Всегда, — согласился я.

— Эти люди с тобой? — Она движением своих темных глаз указала на моих спутников.

— Это друзья. Они не беспокоят.

Она рассмеялась, услышав мои слова. Я тоже рассмеялся.

— Я буду держать их подальше от вас, если вы разрешите им остаться. Мы будем оставаться в тени у стен комнаты. Если же вы скажете, чтобы я увел их, мы уйдем.

Вижу, что вы уже изрядно натанцевались и осушили немало бутылок.

— Оставайся. Приходи как-нибудь поболтать со мной днем.

— Обязательно приду.

Она ушла в круг танцоров. Мамаша Джулия была довольно крупной, хотя голос у нее был весьма тихий. Двигалась она, как огромная резиновая кукла, не без грации, ступая в такт со звуками барабанов, отбиваемыми Папашей Джо.

Через некоторое время барабанная дробь заставила все — мою голову, землю, воздух — закружиться. Я наблюдал за танцорами и следил за теми, кто смотрел на танцоров. Я выпил пол-литра рому, пытаюсь не отставать, но угнаться за присутствующими было тяжело. Миштиго продолжал потягивать коку прямо из бутылки, которую принес с собой. Никто не заметил, что он синий, а пока мы добрались сюда, было уже довольно поздно, и я решил, что пусть будет что будет, пусть все идет своим чередом.

Красный Парик стояла в углу. Она казалась надменной и одновременно испуганной. Она держала в руке бутылку, но не поднимала ее.

Миштиго держался за Эллен, прижав ее к себе, но не более того. Дос Сантос стоял у двери и следил за всеми, даже за мной. Хасан, припав к стене справа от двери, курил трубку с длинным черенком и крохотной головкой. Он казался умиротворенным.

Мамаша Джулия, полагаю, именно она, начала петь. Ее поддержали голоса остальных. Пение продолжалось довольно долго, навсвая дремоту. Я выпил еще, но жажда не утолялась, и поэтому выпил еще.

Не знаю, сколько времени мы здесь находились, когда это произошло.

Танцоры поцеловали столб, затем снова стали петь, гремя бутылками, выливая из них воду. Пара «хоуизи», казалось, стала одержимой, их речь стала бессвязной. Воздух был наполнен дымом, я прислонился к стене спиной, и мне казалось, что мои глаза сомкнулись на секунду-другую.

Звук раздался на самом неожиданном месте.

Кричал Хасан.

Этот долгий вопль заставил меня рвануться вперед. Голова моя закружилась, я едва удержал равновесие и громко стукнулся спиной о стену.

Барабанная дробь продолжалась. Ни один такт не был

пропущен. Однако несколько танцоров остановились, озираясь.

Хасан вскочил на ноги — с оскаленными зубами, прищурив глаза. От дикого напряжения его потное лицо избороздили морщины, борода вскинулась вверх, полы его плаща, зацепившиеся за какие-то мелкие украшения на стене, напоминали черные крылья. Руки его в замедленном гипнотическом ритме душили несуществующего и стоявшего будто бы рядом с ним человека. Из его глотки исторгался звериный рык. Он продолжал кого-то душить.

Наконец он дернулся, руки его обвисли. Почти сразу же рядом с ним оказался Дос Сантос и стал что-то говорить ему. Но, казалось, они находились в разных мирах.

Один из танцоров стал тихо стонать. К нему присоединился еще один. Затем все остальные.

Мамаша Джулия отделилась от круга танцующих, подошла ко мне — как раз тогда, когда Хасан начал все сначала, но на этот раз его жесты были не очень убедительны. Скорее, они были театральны.

Барабан продолжал монотонный ритм. Папаша Джо даже не удосужился поднять свой взор.

— Плохой знак,— сказала Мамаша Джулия.— Что ты знаешь об этом человеке?

— Многое,— сказал я, напрягаясь, чтобы усилием воли прояснить свое сознание.

— Ангилсоу,— сказала она.

— Что?

— Ангилсоу. Это темный бог. Бог, которого нужно бояться. Твоим другом овладел Ангилсоу.

— Объясни, пожалуйста.

— Он редко посещает наш «хоупфер». Он здесь нежелательный. Те, кто им одержим, становятся убийцами.

— Мне кажется, что Хасан накурился какой-то дряни, что-то вроде мутированной махорки, вот почему он...

— Нет,— перебила она меня,— здесь Ангилсоу. Твой друг станет убийцей, потому что Ангилсоу — бог смерти и он навещает только свои собственные капища.

— Мамаша Джулия,— произнес я,— Хасан и есть убийца. Если вам дать кусочек жевательной резинки за каждого, кого он убил, и вы захотите все это разжевать, то вы рискуете превратиться в бурундука. Он профессиональный убийца, обычный, в рамках закона. Поскольку Кодекс дуэлей распространен на материках, то обычно он зарабатывает себе на хлеб подальше от морских берегов. Ходят слухи, что при случае он совершает и незаконные убийст-

ва, но этого никому не удалось доказать. Поэтому скажи мне вот что. Ангилсоу — бог каких убийц? Профессионалов или просто любителей крови? Ведь есть между ними разница, не так ли?

— Для Ангилсоу все равно, какого рода убийца,— покачала она головой.

Дос Сантос, чтобы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он попытался развести ему руки в стороны. Попробуйте представить себе, что вы в клетке и пытаетесь голыми руками разогнуть ее прутья.

Я пересек комнату, то же сделали еще несколько человек. Это оказалось очень своевременно, так как Хасан наконец-то заметил, что кто-то стоит перед ним, и уронил руки. Затем он вытащил клинок с длинным лезвием из-под своего плаща.

Пустил бы он его против Доса или против кого-нибудь другого — дело темное, потому что в этот момент Миштиго закупорил свою бутылку с кокой большим пальцем и ударил ею Хасана около уха. Хасан упал лицом вперед. Дос подхватил его, а я вырвал клинок из пальцев убийцы, после чего Миштиго продолжил прерванное занятие — приканчивать свою бутылку коки.

— Интересный обряд,— заметил через мгновение веганец.— Я никогда не подозревал, что у этих обитателей гавани такие сильные религиозные чувства.

— Это просто указывает на то, что вам ни в чем и никогда не следует быть абсолютно уверенным, не так ли?

— Да,— жестом он указал в сторону зрителей.— Все они пантеисты!

Я покачал головой.

— Нет. Это первобытные анимисты.

— Разве между этими религиями существует какая-нибудь разница?

— Придется объяснить. Вот эта бутылочка коки, которую вы только что осушили, займет место на алтаре, или «пе», как они его называют, как сосуд для Ангилсоу, поскольку она испытала темно-мистическое столкновение с этим богом. Вот так пантеист трактует то, что сейчас произошло. А вот анимисты могут даже сойти с ума от того, что кто-то незванный появился во время церемонии и стал причиной беспокойства вроде того, которое мы только что совершили. Анимист, возможно, будет доведен до такого состояния, что принесет в жертву непрощенных гостей, поразбивав им головы подобным же образом, но теперь, уже торжественно выполненным способом, и швырнув их тела в

дальний закуток бухты. Это будет жертва Агве Вейс — морскому божеству. Следовательно, лучше мне не объяснять Мамаше Джулии, что все эти люди, которые стоят вокруг и глядят на нас, являются анимистами. Простите меня, я отлучусь на минутку...

Все на самом деле было не так уж плохо, но мне хотелось слегка встряхнуть его. Думаю, что мне это вполне удалось. После того как я извинился перед хозяевами и пожелал им доброй ночи, я подхватил Хасана. Он изрядно похолодел, и я был единственным, кто был достаточно сильным, чтобы тащить его.

На улице, кроме нас, никого не было. Огромная ослепительная ладья Агве Вейс пересекла волны где-то у самого восточного края мира, расплескав по небу все его любимые цвета.

Дос Сантос шел рядом со мной.

— Пожалуй, вы были правы. Нам, наверное, не следовало приходиться.

Я не удосужился ответить ему, но Эллен, которая шагала впереди всех с Миштиго, остановилась, обернулась и сказала:

— Чепуха! Если бы не пошли, то никогда не стали бы зрителями этого замечательного драматического монолога без слов.

К тому времени я почти догнал ее. Обе ее руки взметнулись и обхватили мое горло. Она не собиралась усиливать давление, но корчила ужасные гримасы.

— Я одержима Ангилсоу, — дурачилась она, — и вы это сейчас почувствуете! О-о!

Она рассмеялась.

— Отпустите мое горло, или я швырну на вас этого араба, — спокойно произнес я, сравнивая каштановый цвет ее волос с пунцово-оранжевым цветом неба над нсю. — Он, между прочим, очень тяжелый.

Затем, секундой раньше, чем отпустить, она усилила хватку, причем намного сильнее, чем мгновение назад, но я знал, что это шутка. Еще через мгновение она опять оказалась рядом с Миштиго, и мы снова двинулись в путь.

Что ж, женщины никогда не дают мне пощечин, потому что я всегда успеваю подставить лицо нужной щекой, а они боятся лишая. Поэтому, как мне кажется, им остается единственное в этом случае — слегка придушить меня.

— Ужасающе интересно, — сказала Красный Парик. — Очень непривычное ощущение. Будто внутри меня что-то

танцевало вместе с ними. Странное это ощущение. Я, по сути дела, не люблю танцы — какого угодно рода...

— Какой у вас акцент? — прервал я ее. — Никак не могу определить, какой местности он соответствует.

— Сама не знаю, — засмеялась она. — Я в некотором роде франко-ирландского происхождения. Жила на Гэбридах, потом в Австралии, Японии...

Хасан застонал и напряг мышцы. Я ощутил резкую боль в плече.

Я усадил его у порога какого-то дома и стал вытряхивать из него различные орудия его ремесла. Здесь были два метательных ножа, еще один кинжал с тяжелой рукояткой, длинный охотничий нож с зазубренным лезвием, шнурки-удавки и небольшая металлическая коробка, содержащая различные порошки и пузырьки с жидкостями, которую я опасался проверять. Мне очень понравилась острая свайка, и я оставил ее себе...

На следующий день, вернее, вечер, я поил старого Фила, чтобы прихватить его с собой, намереваясь использовать его в качестве оплаты за допущение в свиту Дос Сантоса в «Ройяле». Рэдпол все еще относился к нему с почтением, считая его чем-то вроде второго Ома Нейка — сторонника возвращения к старому, хотя он начал убеждать в своей непричастности к этому движению еще полвека назад, когда напустил на себя мистицизм и респектабельность.

В то время как его «Зов Земли», по всей вероятности, лучшее из всего, что он написал, гремел по всей матушке-Земле, увидели свет несколько статей о Возвращении, что помогло вызвать именно то волнение, которое я сам хотел начать.

Сейчас он может сколько угодно отскататься от этого, но тогда он был настроен возмутителем спокойствия, и я уверен, что он и сейчас с удовольствием вернулся бы к своей прежней мысли.

Кроме того, мне нужен предлог: я хотел бы посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбной взбучки, которую он получил на «хоупфере». На самом же деле я жаждал получить возможность переговорить с этим арабом и выяснить, что он соблаговолит, если только найдет нужным, рассказать мне о своем последнем поручении.

Идти от здания Управления до «Ройяла» было совсем немного. У нас с Филом ушло всего семь минут неспешного шага.

— Вы закончили писать элегию в мою честь?— спросил я.

— Я все время работаю над ней.

— Вы повторяете это добрых двадцать лет. Мне хотелось бы, чтобы вы поспешили, потому что я боюсь, что не смогу прочесть ее.

— Я бы мог показать некоторые другие отличные вещи, посвященные Лорелу, Джорджу, даже одна в честь Дос Сантоса. У меня есть еще множество знаменитых имен. Ваше же для меня представляет загадку.

— Почему?

— Мне хочется, чтобы она была современной. Вы же не стоите на месте, все время что-то делаете, меняетесь...

— Вы не одобряете этого?

— У большинства людей хватает благодушия совершить что-либо в течение первой половины своей жизни и остановиться на достигнутом. Элегия в их честь не представляет для меня особых хлопот. У меня их полным-полно. Но я опасаюсь того, что ваша элегия будет совершенно не соответствовать вашему облику на тот момент, когда она будет закончена. Такая работа меня не устраивает. Я предпочитаю обдумывать тему на протяжении многих лет, тщательно взвешивая все стороны человеческой индивидуальности, не подгоняя себя. Вы, люди, чья жизнь подобна песне, вызываете у меня тревогу. Я считаю, что вы пытаетесь вынудить меня написать о вас нечто эпическое, а я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я что-то упускаю.

— Я полагаю, что вы становитесь несправедливым,— сказал я ему.— Другим уже посчастливилось прочитать оды в их честь, а на мою долю досталась лишь пара эпиграмм.

— Могу вам сказать, что у меня есть предчувствие, что я совсем скоро закончу элегию в вашу честь. И я постараюсь своевременно прислать вам экземпляр.

— О! А откуда у вас такое предчувствие?

— Разве можно определить источник вдохновения?

— И все-таки расскажите...

— Это пришло мне в голову, когда я размышлял. Я тогда составлял элегию для одного веганца — просто, разумеется, чтобы поупражняться. И вот тут я понял, что думаю о том, что скоро закончу элегию в честь грека,— он на мгновение задумался.— Представьте себе чисто умозрительно, как двух разных людей, каждый из которых выше другого, пытаются сравнить друг с другом.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переминаться с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Так что я могу себе представить. И что же из этого?

— Ничего. У вас совершенно иной подход к проблеме.

— Это культурная традиция, от которой мне никак не избавиться. Вспомните узлы, лошадей, Горашиб, Трою. Понимаете? Коварство и хитрость у нас в крови.

Десяток шагов он молчал.

— Так что же: орел или решка?— спросил я у него наконец.

— Простите?

— Это загадка калликанзаридов. Выбирайте!

— Решка.

— Неправильно.

— А если бы я сказал «орел»?

— Хо-хо. У вас был только один шанс. Правильный ответ таков: который угоден калликанзариду. Вы проиграли бы в любом случае.

— В этом есть определенный произвол, не так ли?

— Именно таковы калликанзариды. Это скорее греческое, а не восточное искусство утонченного коварства. И они не такие загадочные, потому что наша жизнь часто зависит от ответа, а калликанзариды, как правило, желают, чтобы противник проиграл.

— Почему?

— Спросите у следующего калликанзариды, которого встретите. Если только такая возможность вам еще представится.

Мы вышли на нужный нам перекресток.

— Почему вы неожиданно снова связались с Рэдполом? Вы же давно должны были уйти в отставку.

— Я ушел в подходящее время, и все, что меня с ним связывает, это мысль, удастся ли снова возвратиться, как в добрые старые времена? Появление Хасана всегда что-то означает, и я хочу знать, каково это что-то.

— Вас не тревожит, что я вас разыскал?

— Нет. Это может вызвать определенные неудобства, но я сомневаюсь в том, что ожидается фатальный исход.

Здание «Ройяла» возвышалось над нами. Мы вошли внутрь и постучали в дверь из темного дерева.

— Входите.

— Привет,— произнес я, заходя туда.

Добрых десять минут прошло прежде, чем мне удалось повернуть разговор к прискорбному случаю с бедуином, но

тут же Красный Парик отвлекла меня, появившись в комнате.

— Доброе утро,— сказала она.

— Добрый вечер,— усмехнулся я.

— Что нового в мире искусства?

— Ничего.

— Памятники?

— Нет.

— Архивы?

— Нет.

— Какой интересной работой вам приходится заниматься?

— О, она слишком разрекламирована благодаря усилиям нескольких романтиков из бюро Информации. На самом деле все, что мы делаем,— это таскаем, восстанавливаем и сохраняем записи материальной культуры, которые составлены на Земле человечеством.

— Что-то вроде мусорщиков культуры?

— Что-то вроде этого. Я думаю, что более верное сравнение вряд ли можно бы придумать.

— Ну, а зачем?

— Что «зачем»?

— Почему вы это делаете?

— Кто-то же должен этим заниматься, потому что это все-таки мусор культуры. Поэтому-то его и стоит собирать. Я уверен, что мой мусор — лучше, чем что-либо другое на Земле.

— Вы преданы этому делу настолько же, насколько скромны! Это довольно неплохо.

Она предложила мне бокал, немного отпила из своего и сказала:

— Они на самом деле еще здесь?

— Кто?

— Боги и Компания. Старые боги. Вроде Ангилсоу. Я считала, что все они давно покинули нашу Землю.

— Нет, они не покинули ее. Только то, что большинство из них похожи на нас, не означает вовсе, что они поступают, подобно нам. Когда люди покидают нашу Землю, они не предлагают своим богам отправиться вместе с собой, а у Бога есть своя собственная гордость. А кроме того, возможно, они должны были оставаться в любом случае, это называется «апанке» — судьба смерти. От нее не уйти.

— Так же, как и от прогресса?

— Да... Если уж говорить о прогрессе, то не улучши-

лось ли состояние Хасана? В последний раз, когда я его видел, он был совсем плох.

— Улучшилось. С таким толстым черепом нечего бояться. Как с гуся вода...

— А где он?

— В зале для игр.

— Мне хотелось бы лично выразить ему свое сочувствие. Вы меня извините?

— Извиняю, — сказала она, поклонившись.

Повернувшись, она направилась послушать, о чем беседуют Дос Сантос и Фил. Фил, разумеется, очень обрадовался ее приходу.

И никто не обратил внимания на мой уход.

Зал для игр был расположен в другом конце длинного коридора. Приближаясь, я услышал, как один резкий отрывистый звук следовал за другим примерно через равные промежутки времени.

Я открыл дверь и заглянул внутрь.

Кроме него, в зале никого не было. Он стоял спиной ко мне, но, услышав, как дверь открылась, быстро обернулся. На нем был длинный пурпурный плащ-халат, в правой руке нож. Затылок его прикрывал здоровенный кусок пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним находился поднос с ножами. Мишень он разместил у противоположной стены. Из мишени торчало два лезвия: одно в центре и одно примерно в шести дюймах от центра, слева от него.

— Добрый вечер, — не спеша ответил он. — Как ваши дела? — спросил он, немного помолчав.

— О, прекрасно. Я пришел, чтобы задать этот же вопрос. Как ваша голова?

— Очень сильно болит, но уже не так, как прежде.

Я закрыл за собой дверь.

— Прошлым вечером вам, видимо, что-то пригрезилось?

— Да. Мистер Дос Сантос рассказал мне, как я боролся с привидениями... Но, к сожалению, этого я сейчас не помню.

— Не накурились ли вы той дряни, которую толстяк доктор Эммет называет каннабасисом?

— Нет, Карачи. Я курил одно растение, которое питается человеческой кровью. Я нашел его возле древнего Константинополя и постарался очень тщательно высушить его цветы. Одна старуха сказала мне, что с его помощью можно заглядывать в будущее. Но она мне солгала, это...

— Так что, выпитая цветком-вампиром кровь побуждает к насилию? Это нечто новое, достойное того, чтобы записать. Между прочим, вы только что называли меня Карачи. Я бы хотел, чтобы вы называли меня в дальнейшем таким образом как можно реже. Меня зовут Номикос Конрад.

— Да, Карачи. Я был удивлен, увидев вас. Я полагал, что вы давным-давно умерли, когда ваша лодка взорвалась в заливе.

— Карачи тогда и умер. Вы никому не рассказывали, что я на него похож?

— Нет. Я не болтлив.

— Это очень хорошая черта.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке и метнул. Он вонзился дюймах в десяти от центра мишени.

— Вы давно работаете на господина Дос Сантоса?— спросил я его.

— Примерно месяц,— ответил араб и тоже метнул нож. Он воткнулся в пяти дюймах от центра мишени.

— Вы его телохранитель?

— Да. Мне поручено также заботиться о синекожем.

— Дос говорит, что опасается за жизнь Миштиго. Такая угроза существует на самом деле или же он просто пере-страховывается?

— Возможно, и то, и другое. Не знаю. Он платит мне только за то, чтобы я нес охрану.

— А если я заплачу вам больше, вы скажете мне, кого вас наняли убить?

— Меня наняли только как телохранителя, но будь по-иному, я вам все равно ничего не сказал бы.

— Я так не считаю. Давайте заберем ножи.

Мы пересекли зал и повытаскивали ножи из мишени.

— А теперь, если все-таки я буду вашей жертвой, что вполне возможно,— продолжал я,— почему бы нам не уладить все прямо сейчас? Каждый из нас держит по два клинка. Тот, кто выйдет живым из этой комнаты, скажет, что на него напал другой и ему пришлось прибегнуть к самообороне. Свидетелей нет. Но вас вчера видели пьяным и очень расстроенным.

— Нет, Карачи.

— Что «нет»? Нет — значит, что это не я? Или нет — потому что вы не можете выполнить свою работу подобным образом?

— Я мог бы сказать, что это не вы. Но все равно вы не знали бы, правду ли я сказал или нет. Разве это не так?

— Верно.

— Я еще мог бы сказать, что не хочу так поступать.

— И это действительно так?

— Но я вам ничего же не сказал, Карачи. И все же, чтобы вы были удовлетворены ответом, я скажу вам вот что. Если бы я пожелал убить вас, я не сделал бы этого, имея в руке нож. И я бы не выбрал в качестве оружия борьбу.

— Почему?

— Потому, что много лет назад, когда я был еще мальчишкой, я работал на курорте в Керчи, обслуживая столики состоятельных клиентов, негоциантов. Тогда вы обо мне ничего не знали. Я только-только покинул свой Памир. Тогда вы и ваш друг прибыли в Керчь.

— Теперь я вспомнил. Да... В том году умерли родители Филадельфии. Они были моими хорошими друзьями, и я собирался отправить Филадельфию в университет. Но тут подвернулся какой-то веганец, который увел у него первую жену и отправился с ней в Керчь. Да, это был... Забыл его имя.

— Это был Прильпай Дигго. И он был похож на гору, возвышающуюся на краю огромной долины: высокий, казалось, его невозможно было сдвинуть с места. Он боксировал на веганский манер, кулаками, обвязанными кожаными ремнями с десятью заостренными шипами, торчавшими вокруг всей руки.

— Да, я помню...

— Вы никогда прежде не дрались таким способом, но боролись с ним за эту девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и земных женщин, даже я забрался на стол, чтобы лучше видеть происходящее. Уже через минуту ваша голова была в крови. Он все хотел, чтобы кровь потекла по вашим глазам, но вы упорно стряхивали ее. Мне было тогда пятнадцать лет. И к тому времени я убил всего лишь троих. Я думал, что вы вот-вот умрете и я так и не дождался, что вы дотронетесь до него. А затем ваша правая рука молотом обрушилась на него с непостижимой быстротой! Вы ударили его прямо в середину той двойной кости, которая есть на груди синекорых — кости у них более прочные, чем у нас, — и раскололи его, как яйцо. Я никогда не смог бы сделать ничего подобного. В этом-то уж я уверен, и вот я узнал, что вы сломали хребет крыссы-паука.. Нет, Карачи, я убивал бы вас только с почтительного расстояния...

— Но ведь это же было так давно... Я считал, что никто не помнит этого.

— И вы отвоевали девушку!

— Да. Правда, я сейчас уже забыл ее имя.

— Но вы не вернули ее назад, поэтому, наверное, он и ненавидит вас.

— Фил? Из-за этого... Я даже забыл, какой она была на вид.

— Зато он ничего не забыл. Вот почему, как мне кажется, он вас ненавидит. Я чую эту ненависть, чую ее источник. Вы отобрали у него его первую жену! И я был этому свидетель.

— Это была ее собственная мысль.

— Вот он и страдает, а вы остаетесь молодым! Печально, Карачи, когда у друга есть причина ненавидеть друга.

— Да.

— Вот почему и я не отвечаю на ваши вопросы.

— Может ли случиться такое, чтобы вас наняли убить веганца?

— Может.

— Почему?

— Я сказал, что это возможно, а не то, что это свершившийся факт.

— Тогда я задам вам еще вопрос, и делу конец. Ну что хорошего, если веганец умрет? Его научная книга, может быть, была бы очень полезной для улучшения взаимоотношений между людьми и веганцами.

— Не знаю, что здесь могло бы быть хорошего, Карачи. Я предлагаю вот что: давайте лучше перейдем к нашим ножам.

Мы так и сделали. Я наконец уловил особенности этих ножей и воткнул два подряд в центр мишени. После этого два ножа просвистели рядом с моими, причем я даже слышал, как последний лязгнул о лезвие одного из моих ножей и он завибрировал, как защемленная пила.

— Скажу вам вот что,— произнес я, снова вытаскивая нож.— Я старший в этой поездке и отвечаю за безопасность всех ее участников. Поэтому я так же буду охранять и веганца.

— Это было бы довольно неплохо, Карачи. Защита ему будет нужна.

Я положил ножи на поднос и двинулся к двери.

— Мы отправляемся, да будет вам известно, завтра в десять часов утра. Конвой скиммеров ждет нас на первой взлетной площадке на территории Управления.

— Хорошо. Спокойной ночи, Карачи.

— Я же вас просил: зовите меня Конрад. Хорошо?

— Да.

Я закрыл дверь, но эхо ударов ножей о мишень долго и неотступно преследовало меня...

4

Пока шесть больших скиммеров пересекали океан, держа курс на Египет, я в своих мыслях перелетел на остров Кос, к Кассандре, а затем не без труда оторвался от своих мечтаний и стал думать о поджидающей нас таинственной стране песков Нила, крокодилов, мутантов, о мертвых фараонах, вечный сон которых ныне был потревожен одним из моих проектов.

Затем я стал размышлять о человечестве, устроившемся на посадочной станции на Титане, работающем в Земном Управлении, терпящем унижения на Галере и Бакабе, гнущем спины на Марсе и перебивающемся случайной работой на Рильпахе, Витане, Дивбахе и добром десятке планет Веганской Лиги. После этого мысли мои вернулись к самим веганцам.

Эта раса синеккожих людей, с их чудными лицами и смешными фамилиями, пригрела и накормила нас, холодных и голодных. Она высоко оценила тот факт, что наши колонии на Марсе и Титане неожиданно были вынуждены перейти на самообеспечение и сумели выстоять целое столетие после тех злополучных Трех Дней, прежде чем был изобретен достаточно надежный межзвездный транспорт.

Подобно жуку-вредителю (сравнение Джорджа Эммета), мы стали искать себе второй дом, потому что испоганили свой прежний. Прибегали ли тогда веганцы к инсектицидам? Нет! Это была древняя мудрая раса, она позволила нам поселиться на их планетах, жить и работать в их городах, на их материках и посреди моря. Потому что даже такой высокоразвитой цивилизации, как веганская, требуется ручной труд существ с отдельным большим пальцем.

Хороших домашних слуг нельзя заменить никакими машинами. Не меньший спрос имеется также на механиков, обслуживающих машины. А также хороших садовников, рыбаков, шахтеров, работников искусств, особенно если речь шла об искусстве ранее неведомой расы. Разумеется, было общепринято, что наличие мест проживания людей понижало стоимость смежных районов, населенных веган-

цами, но с лихвой компенсировалось вкладами людей в увеличение общего благосостояния привилегированных веганцев в целом.

Мысль об этом вернула меня на Землю. Веганцы никогда прежде не сталкивались с совершенно разоренной цивилизацией, и поэтому наша родная культура произвела на них довольно глубокое впечатление.

Они были очарованы нами, очарованы настолько, что даже решили терпеть находящееся на Галере наше правительство. Очарованы настолько, что за баснословные деньги покупали билеты для посещения Земли, и это только для того, чтобы поглазеть на развалины некогда богатой цивилизации. Очарованы даже в такой степени, что покупали на Земле обширные территории и устраивали там курорты.

Есть какая-то особая притягательная сила у планеты, постепенно превращающейся в музей (нечто подобное некогда сказал о Риме Джеймс Джойс).

Вот таким-то образом мертвая Земля все еще приносит своим внукам небольшой, но весьма ощутимый доход каждый финансовый веганский год. Вот почему существует Управление. Этим живут Лорел, Джордж, Фил и все остальные.

В какой-то мере даже я сам.

Далеко внизу серо-голубой ковер океана казался темно-бурой землей материка, а вскоре он и на самом деле кончился. Мы приближались к Новому Каиру.

Посадка была произведена за пределами города. По сути дела здесь не было взлетно-посадочной полосы. Мы просто опустились на шести скиммерах на свободную площадку и оставили Джорджа в качестве часового.

В Старом Каире уровень радиации все еще был высок, поэтому люди, с которыми приходилось иметь дело, живут главным образом в Новом Каире. Это облегчало проведение экскурсии.

Миштиго хотел посмотреть мечеть Конг-бай в Городе Мертвых, уцелевшую после Трех Дней. Он настоял на том, чтобы я пустил его в свой скиммер, и мы сделали несколько кругов на небольшой высоте.

Миштиго при этом делал фотоснимки и любовался видами развалин. Что касается памятников, то ему хотелось осмотреть пирамиды Лукеса и Карнаки в Долине Царей и Цариц.

К нашему счастью, мы осмотрели мечеть только с воздуха. Внизу под нами сновали какие-то быстрые темные

тени, останавливаясь только для того, чтобы швырнуть камни в наши аппараты.

— Кто это?— поинтересовался Миштиго.

— Пораженные радиацией,— ответил я.— Люди-мутанты. Они очень различаются размерами, формами и степенью умственной и моральной деградации.

После нескольких кругов он удовлетворенно улыбнулся, и мы вернулись в лагерь. Отсюда мы двинулись по разбитой дороге: два временных помощника, я, Миштиго, Дос Сантос, Красный Парик, Эллен и Хасан.

Постепенно дорога становилась шире. То тут, то там стали попадаться пальмы, дававшие некоторую тень. Коричневые дети с огромными глазами смотрели нам вслед. Они присматривали за шестиногой коровой, которая, как и тысячу лет назад, подобно всем этим существам, вертела водоподъемное колесо, причем единственным отличием при этом было то, что она оставляла на песке не четыре, а шесть отпечатков копыт.

Мой уполномоченный в этой местности Рамзес Смит встретил нас на постоялом дворе. Его загорелое лицо было покрыто густой сетью морщин. У него были типичные для этих людей печальные глаза, однако он время от времени весело смеялся, что несколько скрашивало общее грустное впечатление, которое он производил.

Мы сидели, потягивая пиво в главной комнате двора, дожидаясь Джорджа. Местные часовые должны были сменить его у скиммеров.

— Работа продвигается довольно быстро,— сообщил мне Рамзес.

— Хорошо,— кивнул я, весьма довольный тем, что никто не спрашивал меня, в чем, собственно, состоит эта «работа». Мне хотелось уловить удивление на лицах присутствующих.

— Как поживают ваши жена и дети?— спросил я у управляющего.

— Спасибо. Вполне прилично.

— А новорожденный?

— Он выжил, и без каких-либо дефектов,— с гордостью сказал Рамзес Смит.— Я отправил свою жену на Корсику на время ее беременности. Вот это фото.

Я сделал вид, что внимательно изучаю карточку, издавая при этом одобрительные, как и положено, междометия.

— Если уж мы заговорили о снимках,— начал я,— то не нуждается ли вы в дополнительном оборудовании?

— Нет, нет. У нас хорошая аппаратура. Все идет как по маслу. Когда вы хотели бы посмотреть работу?

— Сразу же после того, как что-нибудь перекусим.

— Вы — мусульманин?— вмешался в разговор Миштиго.

— Я испанской веры,— серьезно ответил Рамзес.

— В самом деле? Это ведь та самая метафизическая ересь, которая отрицает тройственную природу Христа?

— Мы не считаем себя еретиками!

Я сидел, размышляя о том, насколько правы были мы, греки, выпустив на свободу логику в этот несчастный мир. Ход моих мыслей прервал Миштиго, пустившись в перечисление забавного перечня изречений христианской ереси.

В порыве ярости за то, что мне пришлось быть гидом в этом путешествии, я записал их все в журнал путешествий.

Позднее Лорел сказал мне, что это был отличный, хорошо отработанный документ, что лишний раз доказывает, насколько мерзко я должен был чувствовать себя тогда. Я даже занес туда анекдот о случайной канонизации Будды как святого Иосафата в шестнадцатом столетии.

В конце концов, пока веганец сидел здесь и высмеивал нас, я понял, что или сейчас нагрублю ему, или переменю тему разговора. Поскольку я сам христианином не был, эта теологическая комедия ошибок вовсе не оскорбляла мои религиозные чувства. Меня гораздо больше тревожило то, что представитель чужой нам расы снизошел до того, чтобы потрудиться над исследованием с целью выставить нас в качестве скопища идиотов.

Еще раз осмысливая все это сейчас, я понял, что был неправ. Успех видеоленты, которую я тогда делал, подтверждает позднюю мою гипотезу в отношении веганцев: они сами себе настолько дьявольски наскучили, а мы были для них настолько новы и неизвестны, что они в равной степени ухватились за наши извечные как философские, так и религиозные проблемы.

Это в полной мере относится и к их представителю, бывшему тогда перед нами во плоти. Они мало разбирались в истинности тех или иных учений и порядком погрязли в разбирательстве: кто на самом деле писал пьесы Шекспира, действительно ли Наполеон умер на острове Святой Елены, кто первый из европейцев вступил на Американский континент и является ли книга Гарри Деникена свидетельством посещения Земли разумными существами, им не известными, и так далее.

Высокоразвитое общество Веги прямо-таки с аппетитом набрасывалось на наши средневековые теологические споры. Забавно!

— О вашей книге, Миштиго,— перебил я веганца.

— Да?

— У меня впечатление,— начал я,— что вы не желаете никоим образом никогда и нигде вступать в ее обсуждение. Я уважаю, разумеется, подобные чувства, но это ставит меня в несколько неудобное положение как главу этой поездки.

Мы оба поняли, что подобный вопрос мне следовало поднять, будучи с ним наедине, особенно после его ответа Филу на приеме в Порт-о-Пренсе, но я хотел расшевелить его своими придирками и переменить тему разговора.

— Меня очень интересует, будет ли это прежде всего отчет о тех местах, которые мы посетили, или вы хотели бы, чтобы вам оказали помощь, обращая внимание на местные особенности различного рода... ну, скажем, политические или культурные.

— Меня прежде всего интересует составление дневника путешественника,— сказал веганец.— Однако я буду очень благодарен вам за то, что вы сможете сопровождать нашу поездку. Я считаю, что в этом в первую очередь заключается ваша работа. У меня ведь только общие представления о земных традициях и текущих событиях, и я не очень-то силен в этих сложностях.

Дос Сантос, раскуривая свою трубку, не преминул задать вопрос:

— Сэр Миштиго, как вы относитесь к движению за Возрождение? Сочувственно или считаете, что это — мертвое дело?

— Да,— ответил веганец,— именно так я и считаю. Я уверен, что игра не стоит свеч. Я отношусь с уважением к таким намерениям, но не представляю, каким образом вы надеетесь их осуществить. Почему ваши люди должны отказаться от уверенности в будущее, которым они ныне располагают, ради того, чтобы вернуться на эту некогда породившую их планету? Большинство представителей ныне живущего поколения никогда в жизни не видели Земли, они знают ее только по видеоснимкам, и вы должны признать, что они вряд ли являются достаточно убедительными документами...

— Я с вами не согласен,— перебил веганца Дос Сантос,— и нахожу ваше отношение к нам до отвращения аристократическим.

— Таким ему и надлежит быть,— ответил Миштиго.

Джордж и Диана появились почти одновременно. Официанты стали расставлять тарелки.

— Я бы предпочел есть за отдельным столиком,— сказал Дос Сантос официанту.

— Вы здесь потому, что самиnapросились,— напомнил я.

Он украдкой взглянул на Диану, которая, как оказалось, сидела справа от меня. Я заметил едва заметное движение ее головы сначала влево, потом вправо.

Дос Сантос овладел собой после моего критического замечания, слегка поклонился и улыбнулся.

— Простите мой латиноамериканский темперамент,— сказал он.— Мне вряд ли следовало ожидать, что я обращаю кого-нибудь в сторонников Возвращения всего лишь за пять минут, и мне всегда трудно скрыть свои чувства.

— Это нечто очевидное,— улыбнулся я.— А сейчас давайте есть.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Взгляните-ка на этого сфинкса,— сказала Красный Парик, указывая на гравюру на дальней от нее стене.— Речь его, старая, как сама природа, чередовалась длинными промежутками молчания и загадок. Он уже не открывает рта, а просто выжидает. Чего он ждет? Кто знает?

Я попросил передать мне соль. Мне хотелось, очень хотелось осыпать ее солью так, чтобы она стала неподвижной, и изучать ее без особой спешки, но вместо этого я посолил картофель.

Почаще глядите на Сфинкса!..

Солнце высоко в небе, короткие тени, жара — вот так это было. Я не хотел, чтобы сцена была испорчена скиммерами или песчаными вездеходами, поэтому я заставил всех отправиться пешком. Идти было недалеко, и я сделал небольшой крюк, чтобы добраться до места с ожидаемым эффектом.

Мы прошли гораздо больше мили — дорога шла то вверх, то вниз. Я отобрал у Джорджа его сачок для бабочек, чтобы предоставить ему паузы, когда мы несколько раз проходили мимо полей, лежавших на нашем пути.

Над головой пролетали птицы с ярким оперением, далеко, почти у самого горизонта, была видна пара верблюдов. Невысокая смуглая женщина прошла семенящей походкой мимо нас, держа на голове высокий кувшин. Миштиго отметил этот факт в своей карманной книжке с запоминающим устройством.

Я кивнул женщине и поздоровался с ней. Женщина поздоровалась в ответ, но головой, естественно, даже не пошевелила.

Эллен, вся взмокшая, обязала себя большим треугольным веером из перьев. Красный Парик шла не сгибаясь, крохотные бусинки пота выступили на ее верхней губе, глаз не было видно из-за стекол поляроидов.

Наконец мы добрались, взойдя на последний невысокий холм.

— Смотрите!— показал рукой Рамзес.

— Матерь божья!— по-испански воскликнул Дос Сантос.

Хасан что-то пробурчал.

Красный Парик быстро повернулась ко мне, затем снова отвернулась. Из-за очков я не уловил выражения ее лица.

Эллен не переставала обмахиваться веером.

— Что это они там делают?— спросил Миштиго.

Я впервые увидел, что он искренне удивлен.

— Они разбирают великую пирамиду Хеопса,— сказал я. Немного выждав, Красный Парик спросила:

— Почему?

— Как раз сейчас,— сказал я ей,— существует острая нехватка строительных материалов в этой местности, а развалины Старого Каира все еще радиоактивны. Поэтому и нарушается правильность геометрических форм этого древнего сооружения.

— Они же оскверняют памятник величия человеческой расы!— воскликнула она.

— Нет ничего дешевле былой славы,— заметил я.— Настоящее — вот что интересует нас сейчас, и нам именно сейчас нужны строительные материалы.

— И сколько же времени длится это безобразие?— скороговоркой спросил Миштиго.

— Разборку начали три дня назад,— пояснил Рамзес.

— Что дает вам право поступать подобным образом?

— Имеется разрешение Земного филиала Департамента искусств, памятников и архитектуры.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно сверкали.

— Вы?..— выдохнул он.

— Я,— удостоверил я,— являюсь уполномоченным по подобным делам. Все правильно.

— Почему же никому не известно о подобных ваших акциях?

— Потому что очень немногие забираются в эту глушь,— разъяснил я.— И это является еще одной веской причиной разборки этой штуковины. На нее теперь почти никто не смотрит. И я на самом деле имею полномочия разрешать подобные акции.

— Но я прибыл с другой планеты, чтобы увидеть ее!

— Что ж, смотрите, да побыстрее,— сказал я ему,— скоро ее не станет.

Он обернулся и впился в меня взглядом.

— Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления о действительной ценности этого сооружения. Либо, если и имеете...

— Как раз наоборот. Я точно знаю, какова ее ценность.

— И эти несчастные создания, которых вы заставляете так трудиться,— голос веганца становился все выше по мере того, как он наблюдал происходящее,— под палящими лучами Солнца, вашего гнусного Солнца, ведь они работают в самых примитивных условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о простейших механизмах?

— Разумеется. Но они довольно дороги.

— А ваши надсмотрщики не расстаются с бичами,— указывающий перст инопланетянина гневно дрожал в жарком воздухе.— Как вы только можете так обращаться со своими соотечественниками! Это же извращенность!

— Все эти люди согласились работать добровольно, за символическую плату. Да и совесть актера не позволяет им пускать в ход плети, даже в том случае, если люди будут сами просить об этом. Все, что мы позволяем им делать,— это шумно рассекать бичами воздух...

— Совесть актеров?

— Они — члены союза. Хотите взглянуть на кое-что интересное?— я сделал знак рукой.— Взгляните-ка вон на тот холм.

— Что там происходит?

— Мы снимаем фильм.

— Зачем?

— Когда мы закончим разборку, мы собираемся смонтировать фильм под названием «Строительство Великой Пирамиды». Ведь если прокрутить пленку назад, то должно получиться кое-что интересное. Это может оказаться смешным, но нам нужны деньги. Ваши историки высказывают различные предположения о том, каким же, собственно, образом нам удалось возводить подобные сооружения. Этот фильм может доставить им некоторое удовлетворение. Я

решил, что лучше всего здесь подходит грубая сила и невежество масс.

— Грубая сила? Невежество?

— Да, да. Смотрите, как они навалились друг на друга, как быстро вскакивают. В фильме все будет наоборот. Вес камней будет их давить, они будут падать от неимоверных усилий. Это будет первый снятый фильм за многие годы! И я уверен, что им очень нравится участвовать в съемках величественного произведения искусства!

— Вы — безумец! — провозгласил Дос Сантос, глядя на пирамиду.

— Нет, — покачал я головой. — Отсутствие монумента может быть в своем роде само по себе чем-то вроде монумента.

— Монумент в честь Конрада Номикоса? — засмеялся всгонец.

— Нет, — вмешалась Красный Парик. — В такой же мере, как искусство созидания, существует также искусство разрушения. Я думаю, он как раз в нем и собирается преуспеть. Он изображает из себя нового Калигулу. Похоже, я даже начинаю понимать почему!

— Благодарю вас, — поклонился я.

— Я вовсе не одобряю это, хотя актеры с любовью играют свою роль.

— Любовь — это отрицательная форма ненависти, — пожал я плечами.

— Я умираю. Египет умирает, — нараспев произнесла Эллен.

Миштиго рассмеялся.

— Вы более трудный человек, Номикос, чем я. Нельзя было такого даже предположить. Но вы вовсе не незаменимы.

— Ну, так попробуйте уволить Гражданскую службу, в том числе и меня.

— Это может оказаться легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Обязательно!

Мы снова повернулись к пирамиде Хеопса. Миштиго принялся за свои записи.

— Мне хотелось бы, чтобы вы лучше смотрели на все происходящее через... Вообще, давайте пока покинем это место. Наше присутствие может мешать работе и тем самым вызывает напрасную трату драгоценной для всех нас пленки. Как только фильм будет готов, я обязательно приглашу вас на первый просмотр.

— Да. Я посмотрел все, что хотел. Давайте вернемся в гостиницу. Мне хочется побеседовать с кем-нибудь из местных жителей.— Он немного помолчал, а потом, будто размышляя, добавил:— Мне хотелось бы посетить Луксор, Карнак и Долину Царей раньше, чем это предусмотрено графиком. Я надеюсь, что вы еще не начинали демонтаж этих заповедных мест?

— Пока еще нет.

— Хорошо. Значит, мы должны побывать там, опережая ранее составленные графики.

— Только бы не оставаться здесь,— устало произнесла Эллен.— Эта жара сводит меня с ума.

По дороге на постоянный двор Диана спросила у меня:

— Вы действительно имели в виду именно то, что говорили сегодня?

— В определенном смысле. Для меня это естественно.

— И как же вы относитесь к этому?

— Совершенно спокойно.

Всю остальную часть пути на ее лице не было прежнего выражения. Оно было слегка забавное...

5

Наша фулука скользила вдоль величественного вида колоннады Луксора. Миштиго сидел ко мне спиной, не отрывая глаз от этих колонн и время от времени записывая на диктофон свои впечатления.

— Позвольте рассказать вам о боадилах,— сказал я.

— Где мы высадимся на берег?— спросил у меня Миштиго.

— Примерно в миле выше течения. Мне очень хочется рассказать вам кое-что о боадилах.

— Я знаю, что это такое. Нечто вроде помеси удава с крокодилом, не так ли? Я уже не раз упоминал, что изучил все, что есть на вашей планете.

— Читал о них — это одно...

— Но я видел их живыми. В зоопарке на Галере имеются четыре экземпляра животных.

— ...а видеть их на свободе — совсем другое дело.

— Вы и Хасан располагаете полным арсеналом. У вас за поясом три гранаты, у Хасана — четыре!

— Гранатой нельзя воспользоваться, когда боадил окажется рядом с вами. Это будет скорее самоубийство, а не самозащита. Да и передвигаются они довольно быстро!

Он наконец обернулся ко мне.

— А чем вы пользуетесь в таких случаях?

Я вытащил оружие, которое всегда стараюсь иметь под рукой, когда попадаю в тропические области Земли.

Он внимательно посмотрел на него.

— Как оно называется?

— Это автомат. Он стреляет метацианидовыми пулями. У них сила удара не менее тонны. Точность стрельбы небольшая, но в этом нет необходимости. Прототипом этого оружия является так называемый «шмайсер» — огнестрельное оружие двадцатого века.

— Он довольно громоздкий, — недоуменно заметил Миштиго. — Неужели с его помощью можно убить боадила?

— Если посчастливится, — усмехнулся я. — У меня еще есть пара штук в одной из коробок. Хотите один?

— Нет, благодарю вас. — Некоторое время он молчал, а затем произнес: — Но вы все-таки расскажете все известные сведения о боадилах? Тогда, когда я наблюдал за ними, они почти не высывались из воды и казались весьма медлительными.

— Так вот... Голова этого зверя напоминает голову крокодила, только больше. Длина около двенадцати метров. Способны сворачиваться в огромный шар, ошетилившийся массой зубов. Они проворны как на суше, так и в воде. И наконец, у них множество маленьких ножек с каждой стороны, что обеспечивает им такую...

— Сколько ног?

— Гм-м... — Я задумался. — По правде говоря, я никогда не считал их. Одну секунду. Эй, Джордж, — обратился я к самому видному биологу Земли, в данный момент дремавшему в тени паруса. — Сколько ног у боадила?

— А-а. — Голова его повернулась в нашу сторону.

Он поднялся, слегка потянулся, затем подошел к нам.

— Боадилы... — он как бы размышлял вслух. — Они, разумеется, из класса пресмыкающихся, — в этом нет никаких сомнений. Однако относятся они к отряду чешуйчатых, что со всей серьезностью утверждают мои коллеги на Галере, но тут есть о чем поговорить. Лично я считаю, что они напоминают фоторепродукции, выполненные художником незадолго до Трех Дней, мезозойских фитоавров, разумеется, с дополнительным количеством ног и способностью сжиматься в клубок. Поэтому я предпочитаю относить их к отряду крокодилов.

Он облокотился о борт и стал смотреть на мелькающие

воды реки. Я понял, что больше он не собирается говорить, и еще раз спросил:

— Так все-таки сколько ног у боадилов?

— Ног? Никогда не подсчитывал. Если вам повезет, то, возможно, такой случай представится. Они здесь водятся в изобилии. У меня был один молодой боадильчик, но он в неволе недолго протянул.

— И что же с ним случилось?

— Его сожрал мой гигантский утконос.

— Гигантский?

— Гораздо больше обычного — высотой более трех метров, — пояснил он. — Да и к тому же с зубами. Представляете? Насколько нам известно, их встречали всего раза три-четыре... в Австралии. Нам один достался совершенно случайно. Вероятно, как вид они скоро исчезнут — в отличие от боадилов. Они — яйцекладущие млекопитающие. Яйца их не слишком малы, чтобы голодная планета позволила им существовать какое-то продолжительное время. Возможно, их сейчас осталось считанные единицы.

— Похоже, что так, — подтвердил Джордж. — Хотя может быть, что и не так.

Миштиго отвернулся, качая головой.

Хасан частично распаковал своего робота-голема и вошел с его настройкой. Эллен в конце концов перестала обнажать свое тело под жгучими лучами по частям и теперь лежала на солнце загорая нагишом.

Красный Парик и Дос Сантос о чем-то сговаривались. Эти двое никогда не уединялись просто так — у них всегда было что-то на уме. Величественные колонны остались за кормой, и я решил направить фулуку к берегу, чтобы посмотреть, что нового среди гробниц и развалин храмов...

Следующие шесть дней были хотя и небогаты событиями, однако в чем-то незабываемыми: они были заполнены активной деятельностью и были даже прекрасными в своем роде...

Похоже было, что Миштиго должен был брать интервью у каждой каменной глыбы, попадающейся нам на протяжении четырех миль пути до Карнака. В сиянии дня и при свете факелов мы пробирались среди руин, пугая летучих мышей, змей и насекомых, вынужденно слушали монотонную речь веганца, делившегося своими впечатлениями с диктофоном.

Ночью мы располагались лагерем на песчаных пляжах, устраивали двухсотметровую зону, снабженную

электросигнализацией и выставляли двух часовых. Боадилы — животные холоднокровные, и поскольку ночи здесь были довольно прохладные, особенная опасность нам не угрожала.

Ночи озарялись огромными кострами всюду, где мы располагались на ночлег, в основном из-за того, что веганцу хотелось, чтобы все было как можно более примитивным — для создания надлежащей атмосферы, как мне кажется.

Мы отогнали наши скиммеры далеко на юг в одно хорошо знакомое мне место и оставили их на попечение нескольких служащих Управления, сами же наняли фулуку.

Миштиго хотел путешествовать именно так. По вечерам Хасан либо упражнялся с асегаем, который он выменял у одного великана-убийцы, либо раздевался до пояса и часами боролся со своим не знающим усталости роботом. Он был настоящим противником. Хасан отрегулировал его так, чтобы силой он вдвое превосходил среднестатистического мужчину, а реакция была на 50% быстрее. Память робота содержала сотни борцовских приемов, а регулятор теоретически не давал ему возможности убить или покалечить своего партнера. Робот был высотой в полтора метра и весил добрых сто двадцать килограммов. Изготовлен он был на Бакабе и стоил довольно больших денег.

Он был в какой-то мере карикатурой на человека, а мозг его, если такой имеется, размещался ниже того места, где располагался пупок у настоящего человека. Несмотря на все ухищрения конструкторов, несчастные случаи все-таки случались. Люди погибали от рук роботов, когда что-то портилось в их электронных мозгах, а зачастую вследствие собственных ошибок. Однако я сам приобрел такую штукину и почти в течение целого года боксировал с ним по пятнадцати минут ежедневно. Я привык относиться к своему роботу как к человеку. И все же, в один прекрасный день, он стал драться нечестно, и мне пришлось добрый час колотить его, пока я не вышиб из него остатки его поврежденного мозга. После этого я не заводил роботов, а этого продал одному торговцу верблюдами, притом за немалую цену, хотя и неисправного. Не знаю, удалось ли тому починить робота, мне это было уже безразлично, потому что торговец был турком.

Хасану же очень нравилось возиться со своим спарринг-партнером при свете костра, а мы, сидя на одеялах вокруг костра, наблюдали за ними.

На третий вечер рассудок оставил меня.

Я вспоминаю об этом отдельными фрагментами, как серию не связанных, освещенных молниями, моментальных снимков...

Я разговаривал с Кассандрой почти целый час и под конец передачи обещал ей на следующее утро вызвать скиммер, чтобы вечер провести с ней на острове Кос.

Я запомнил ее последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Мне снятся дурные сны.

— Вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, может быть, ее плохие сны были следствием ударной волны, двигавшейся назад во времени из точки отсчета, имевшей 9,6 балла по шкале Рихтера.

Какой же жестокой злобой сверкали глаза Дона Сантоса, когда он аплодировал Хасану, швырнувшему своего робота на землю могучим броском. Однако земля продолжала трястись и после того, как робот поднялся на ноги и стал кружить вокруг араба, согнув руки в локтях. Земля еще долго тряслась и вибрировала.

— Какая мощь! Я еще до сих пор ощущаю, как дрожит земля!— воскликнул Дос Сантос.

— Это сейсмическое волнение,— усмехнулся Джордж,— хотя я не специалист в этой области.

— Землетрясение!— завопила его жена, освободившись из объятий Миштиго.

Причины бежать не было, да и убегать, в общем-то, было некуда. Вокруг не было ничего, что могло бы упасть на нас. Земля вокруг была ровная и почти гладкая. Поэтому мы просто сидели, а нас швыряло из стороны в сторону. Несколько раз нас даже опрокидывало. Невообразимой была пляска пламени костра.

Хасан отключил голема и сел рядом со мной и Джорджем. Толчки не затихали почти в течение часа, затем через некоторое время толчки, после небольшого перерыва, возобновились, на этот раз с меньшей силой.

Так продолжалось всю ночь, а после того, как вторая волна землетрясения успокоилась, мы связались с Порт-о-Пренсом. Расположенные там приборы указывали на то, что эпицентр землетрясения находился на порядочном расстоянии от нас к северу. Это было очень плохим признаком, ибо означало, что землетрясение произошло где-то в Средиземноморье. Скорее всего, в Эгейском море.

Неожиданно мне стало не по себе. Я старался связаться с островом Кос. Никакого ответа.

Моя Кассандра, моя любимая! Где она сейчас?

В течение двух часов я старался выяснить это. Затем снова связался с Порт-о-Пренсом. И мне ответили. И не кто-нибудь, а сам Лорел!

— Конрад! Я не знаю, как вам это сказать... То, что произошло...

— Ну, говорите же! — нетерпеливо потребовал я, чуть не крича в микрофон. — Говорите!!!

— Спутник-наблюдатель прошел над вашим районом около двадцати минут назад (эфир был заполнен треском помех). На телевизионном изображении, которое он передает в настоящее время, уже нет кое-каких островов в Эгейском море...

— Что? — закричал я.

— Боюсь, что Кос — один из них.

— Нет!!!

— Я очень сожалею, — сказал Лорел, — но именно это передает спутник. Даже не знаю, что еще сказать...

— Этого достаточно. Вполне. До свидания. Мы еще поговорим с вами позже.

— Подождите, Конрад!

— Нет!!!

Я совсем потерял голову. Вокруг меня носились перепуганные летучие мыши. Я стал отмахиваться от них и даже убил одну, когда она устремилась ко мне.

Через некоторое время двумя руками я обхватил огромный камень и чуть было не разбил вдребезги радио, но Джордж положил мне руку на плечо, и я опустил камень, а тыльной стороной ладони ударил по его лицу.

Не знаю, что с ним стало, так как только я нагнулся, чтобы снова поднять камень, за моей спиной послышался звук шагов.

Я опустился на одно колено и повернулся, зачерпнув в ладонь горсть песка, чтобы швырнуть его в чьи-то глаза. Все остальные были уже здесь: Миштиго, Красный Парик, Дос Сантос, Рамзес, Эллен, трое местных служащих, Хасан — все они приближались ко мне.

Кто-то крикнул:

— Рассыпайтесь в разные стороны!

Увидев выражение моего лица, они развернулись всею. Затем все они слились в одно существо, которое я изо всех сил ненавидел какой-то животной ненавистью.

Мне хотелось колотить, бить, кромсать всех их. Они улыбались, скалили белые зубы, подступая ко мне, словно неясные черные тени. Казалось, с их губ слетали убедительные слова, казалось, что сама судьба руководит ими. И

поэтому я швырнул песок в самого ближайшего из них и набросился на него.

Мой удар снизу перевернул его вверх тормашками, но сбоку на меня напали два египтянина. Я стряхнул их с себя и увидел краем глаза, что искусный в бою араб держит в руке нечто похожее на плод акала. Он размахнулся им в мою сторону, но я мгновенно нагнулся. Тогда он сам набросился на меня, а мне удалось ударить его головой в живот, и он растянулся на земле.

Затем те двое, которых я расшвырял, снова схватили меня. Где-то в стороне громко закричала женщина, но нигде не было видно ни одной из них, по крайней мере я не видел ни одну.

Я вырвал правую руку и с размаху ударил кого-то. Противник упал, но его место занял другой. Прямо впереди какой-то синий человек запустил в меня камнем и попал в плечо. От боли я обездумел еще больше. Подняв что-то сопротивляющееся тело, я со всей силы швырнул его в другого нападающего, затем нанес удар кулаком в чье-то лицо.

Я встряхнулся и осмотрелся. Все остальные тоже замерли. Это было нечестно, что все они застыли, когда мне так хотелось крушить всех и вся. Поэтому я поднял одного из них, что валялся у меня под ногами, и сильным ударом в челюсть еще раз свалил его на землю. Затем опять поднял, но кто-то завопил:

— Карагиозис!.. — и начал на ломаном греческом языке перечислять другие имена.

Я опустил свою жертву и обернулся.

Там, возле костра, находились двое: один высокий и бородатый, другой — приземистый, тяжелый, с лысой головой, будто вылепленный из смеси земли и замазки.

— Мой друг говорит, что он раздавит тебя, грек! — отозвался высокий, что-то делая за спиной другого.

Я двинулся на них, но человек из замазки и грязи метнулся на меня. Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил, схватил противника под мышки и бросил его через бедро. Тот вскочил на ноги так же быстро, как и я, и снова бросился на меня, схватив меня одной рукой за шею. Я тоже схватил его за шею и еще за локоть — наши объятия сомкнулись, но мои были сильнее.

Я стал переносить вес своего тела то на одну, то на другую ногу, пробуя его силы. Он был таким же быстрым, как и я, и отвечал на каждое мое движение, едва я только усиливал свое действие.

Я протянул руки, сделал шаг назад и изо всех сил дернул его на себя. Освободившись на мгновение, мы стали кружить друг около друга, отыскивая слабое место в противнике. Я хотел дернуть его за ноги, поэтому держал свои руки как можно ниже, сильно наклонившись вперед, потому что мой противник был невысок. На мгновение мои руки оказались слишком близко к нему, и он метнулся ко мне быстрее, чем кто-либо, с кем мне удавалось бороться. Он схватил меня за туловище, сжал так, что мне показалось, будто изо всех моих пор проступила выжатая влага. Острая боль пронзила все мое тело. Он стал давить все сильнее, и я понял, что если мне не удастся сейчас же освободиться, то вскоре он сломает мне хребет.

Я сжал кулаки, упершись ими в его живот, и стал отталкиваться. Хватка его стала еще крепче. Я сделал шаг назад и изо всех сил рванул руки. Рванул вверх. Мои ладони оказались у его лица, я толкнул их под его подбородок, прямо в горло, и дернул вверх.

Он отлетел назад. Любому другому этот резкий рывок сломал бы шею. Однако он быстро вскочил на ноги, и я понял, что он не смертный боец, а одно из тех существ, которых рожают не женщины, а, подобно Антею, порождает чрево самой матери-Земли.

Я навалился всем своим весом ему на плечо, и он упал на колени. Я ударил его ребром ладони по горлу, сразу же отступив вправо, и, упершись коленом в нижнюю часть спины, стал тянуть его за плечи к себе, стараясь сломать ему позвоночник.

Но это мне не удалось. Он все больше прижимал свою голову вниз, к земле, и оторвать от нее не было никакой возможности. И стоило только мне слегка зазеваться, как он сразу же вскочил и снова набросился на меня.

Я изменил тактику и решил задушить его. Руки мои были гораздо более длинными, чем его. Я впился в горло моего противника обими руками и изо всех сил стал давить его кадык большими пальцами. Он попытался оттолкнуть меня, упершись локтями в мою грудь. Но я продолжал сдавливать его горло, ожидая, когда же его лицо потемнеет и выкатятся из орбит глаза. Локти мои стали сгибаться под напором его рук. Еще мгновение... и он тоже вцепился мне в горло.

Так мы и стояли некоторое время, пытаясь задушить друг друга. Только его задушить было невозможно. Мое лицо стало багровым под усилием его мышц. В висках откуда-то, как будто издали, я услышал крик:

— Прекратите это, Хасан! Ему не положено делать это!..

Мне показалось, что это был голос Красного Парика. Во всяком случае, это имя первым пришло мне в голову. И это означало, что Дос Сантос где-то поблизости. И она произнесла «Хасан» — имя, мне очень знакомое. И благодаря этому картина происходящего со мной стала постепенно проясняться.

Я понял, что зовут меня Конрад, что я нахожусь сейчас в Египте, что лишенное всякого выражения лицо передо мной — просто лицо робота. Голова создания, которое можно отрегулировать так, чтобы он был в пять раз сильнее человека, и что скорее всего так оно и было. Было на самом деле. Это было создание, реакция которого намного быстрее и которому было разрешено использовать все свои возможности. Только вот считается, что робот может убить разве что по чистой случайности. Это же создание всерьез пыталось отправить меня на тот свет.

А это означало скорее всего то, что регулятор робота был неисправен.

Я освободил его шею, схватил его за правую кисть и локоть и потянул так, чтобы он оказался как можно ниже. Как только равновесие моего противника оказалось нарушенным, он отпустил меня, но я удвоил усилия и стал выкручивать ему руку, ожидая, что в конце концов сломается его локтевой сустав.

Но ничего не произошло. Ничего не хрустнуло. Рука робота просто неестественно скривилась.

Я отпустил его запястье, и он упал на одно колено, а рука его сама по себе раскрутилась и опять приняла нормальный вид.

Если бы я мог читать мысли Хасана, то я узнал бы, что робот включен на максимальный срок, максимально возможную длительность непрерывного действия — на два часа! Это было очень много.

Единственное, что я знал, так это то, что моим противником является робот-борец. А это означает, что боксировать он не станет.

Я бросил мимолетный взгляд через плечо на то место, где я стоял, когда это началось, — на палатку с рацией. Теперь она была метрах в пятнадцати отсюда.

За эту секундную паузу робот-борец едва не прикончил меня, рванувшись ко мне и схватив меня одной рукой за шею сзади, а другой обхватив меня ниже подбородка. Он мог бы сломать мне шею, если бы успел швырнуть меня

назад, но в это мгновение земля снова задрожала. Подземный толчок был настолько силен, что нас обоих швырнуло на землю, и мы невольно отпустили друг друга.

А через несколько секунд я был уже на ногах. Земля все еще дрожала. Но робот тоже был на ногах и снова двинулся на меня. Мы были как два пьяных моряка, затеявших драку на корабле, который трепал страшный шторм.

Робот сделал выпад, но я успел отойти. Через мгновение я ударил его прямым левым, и, пока он пытался схватить меня за левую руку, я нанес ему сильный удар правой рукой. А затем я снова отступил.

Он опять бросился на меня, но я удерживал его на дистанции короткими ударами. Бокс был для него то же самое, что четвертое измерение для меня,— он просто не был в состоянии постичь его. Но робот продолжал наступать, отражая и пропуская мои удары, я же пятился назад к стоящей позади меня палатке.

Земля все еще дрожала. Где-то далеко кричала женщина. Я нанес удар правой ниже пояса, надеясь выбить ему мозги. И вот я увидел то, что хотел увидеть — здоровенный камень, которым я хотел разбить рацию. Я сделал ложный выпад левой, затем, схватив робота за плечо и бедро, поднял его высоко над головой, отклонился назад и швырнул его прямо на камень.

Он ударился о него животом. Затем робот вновь стал подниматься, но теперь уже медленнее, чем прежде. Поэтому я успел ударить его ногой в живот, после чего робот грузно опустился на песок. Странное жужжание послышалось из его туловища.

Земля затряслась снова. Робот сник, вытянувшись, и единственным признаком того, что он еще функционирует, было то, что пальцы его левой руки продолжают шевелиться. Они сгибались и разгибались, делая причудливые движения.

Я медленно повернулся и увидел, что все стоят здесь: Миштиго, Эллен, Дос Сантос, Рамзес, Красный Парик, Хасан, Джордж и три облепленных пластырем египтянина.

Я сделал шаг в их направлении, и они снова разошлись по сторонам. Лица их были искажены ужасом. Но я покачал головой.

— Нет, теперь я уже пришел в себя,— сказал я.— Только оставьте меня в покое. Я хочу спуститься к реке, чтобы выкупаться...

Сделав несколько шагов вперед, я почувствовал, что

земля вокруг меня завертелась и внезапно наступила темнота...

Все последующие ночи были одной сплошной пыткой огнем и каленым железом. Дух, который был вырван из моей души, оказался погребен глубже, чем любая из мумий, лежавших под этими песками. Говорят, что мертвецы забывают других мертвецов в царстве Аида. Но я надеялся, что Кассандра меня не забудет!

Время лечит, и вот по истечении нескольких дней я снова возглавил экспедицию. Правда, Лорел предложил мне передать руководство кому-нибудь другому, а самому отправиться в отпуск. Но я не мог так поступить. Что бы я стал делать, предоставленный самому себе? Нет! В таких случаях всегда очень важно продолжать что-то делать, чтобы хоть чем-то заполнить образовавшуюся пустоту. Поэтому я остался гидом, и все время свои мысли переключал на те маленькие тайны, к которым мы прикасались во время путешествия.

Я разобрал робота и осмотрел регулятор. Он был, как я и предполагал, сломан, это означало, что это сделал я на ранней стадии единоборства либо Хасан, чтобы охладить мой разрушительный пыл. Если это сделал Хасан, то, значит, он хотел, чтобы я был не просто избит, а забит до смерти. Однако в этом случае возникает вопрос: зачем? Интересно, известно ли его работодателю, что когда-то я был Карагиозисом? Если это так, то для чего ему хотелось убить основателя и первого Секретаря его собственной партии, человека, который поклялся, что он не потерпит, чтобы при его жизни Земля была распродана и превращена в место для развлечения банды синих пришельцев? Человека, который поклялся бороться за освобождение Земли до последнего. Человека, который организовал вокруг себя ядро единомышленников, систематически снижающего до нуля стоимость собственности на Земле, принадлежащей веганцам, и даже пошел на то, чтобы уничтожить процветающее агентство таллеристов по покупке недвижимости, основавшееся на Мадагаскаре.

Человека, идеалам которого он был сам предан, хотя в настоящее время и старался направить свою деятельность в более мирное русло.

Почему ему вдруг захотелось, чтобы этот человек погиб?

Следовательно, либо изменил делу партии, либо не знает, кем я являюсь на самом деле, и на уме у него что-то другое, когда он поручал Хасану прикончить меня.

Или, может быть, Хасан подчиняется приказу кого-то еще?

Но кто же мог быть этим его таинственным хозяином? И опять же, для чего ему моя смерть?

Ответа у меня не было. И я решил, что его надо найти немедленно!..

Первым меня стал утешать Джордж.

— Очень жаль, Конрад, — сказал он, стараясь не смотреть на меня.

Говорить что-нибудь человеческое всегда было для него трудно. Он расстраивается и старается побыстрее покончить с этим. Вряд ли моя с Эллен выходка прошлым летом привлекла его внимание. Все его страсти прекращаются за пределами биологической лаборатории. Я помню, как он делал вскрытие последней собаки на Земле. После того как он в течение четырех часов чесал ее за ухом, вычесывал блох из хвоста и умилялся ее лаем, он повел Вольфа к себе в лабораторию. Вольф медленно плелся, волоча в зубах кухонное полотенце, с которым очень любил забавляться. В лаборатории Джордж сделал укол животному и произвел вскрытие. Ему, как он потом говорил, было очень интересно сделать вскрытие, пока Вольф был еще здоров.

Скелет любимца Джорджа до сих пор стоит у него в лаборатории. Поэтому вряд ли у этого человека было особое желание снять мерку для деревянного спального мешка.

Если бы он и желал моей смерти, то это должна быть утонченная, быстрая и экзотическая смерть. Однако к подобной экзотике, с помощью робота, он не питал особого пристрастия.

В этом я был уверен.

Эллен же, хотя и способна была на сильные чувства, по сути, ведет себя, как неисправная кукла с автоматическим заводом. Что-то всегда заскакивает в ее механизме как раз перед тем, как ее чувства должны вырваться, а уж на следующий день ее столь же страстно влечет к чему-нибудь другому.

Ее соболезнавание звучало, насколько я помню, приблизительно так:

— Конрад, вы даже не представляете себе, как я удручена! В самом деле! Хотя я даже не встречалась с вашей женой, но я так понимаю ваши чувства!

Ее голос то поднимался, то опускался, приобретая все-

возможные оттенки, и я знал, что она свято верит во все то, о чем сейчас говорит. И за это я был ей благодарен.

— Нет вашей женщины, и у вас на сердце тяжесть. Словами не облегчить эту тяжесть. Что на роду написано, то нельзя зачеркнуть. Я скорблю вместе с тобой, Карачи.

Его слова не удивили меня. Этим человеком никогда не владела злоба или ненависть. У него не было личных мотивов убить меня. Поэтому я был уверен, что его соболезнование было самым искренним.

Миштиго не сказал ни слова мне в утешение. Это чуждо самой природе веганцев. Для синих смерть — событие радостное. В соответствии с их этическими воззрениями, она означает акт завершения — рассеивание духов мира человека на мельчайшие частицы, воспринимающие наслаждение в огромном всеобщем организме. Материально смерть — это торжественная ревизия всего того, чем обладал покойник. Это торжественный раздел его состояния, сопровождаемый пиршеством.

— Печально, что так получилось, друг мой, — сказал Дос Сантос. — Утрата женщины — все равно что потеря собственной крови. Печаль ваша велика и безутешна. Она подобна тающему огню, который никак не может потухнуть. Все это прискорбно и ужасно. Смерть — настоящая жестокая и темная штука, — заключил он, и его глаза стали влажными. — Кем бы вы ни были — веганцем, евреем, мавром — для испанца Сантоса жертва есть жертва, нечто, воспринимаемое на недоступном для меня туманном мистическом уровне.

Затем ко мне подошла Красный Парик и сказала:

— Ужасно... Очень жаль. Что тут говорить еще.

Я кивнул:

— Спасибо.

— Есть кое-что, о чем я должна спросить у вас. Но не сейчас, позднее.

— Как хотите, — сказал я и, когда все ушли, стал снова глядеть на реку и размышлять об этих последних днях.

Она, казалось, была опечалена не меньше других, но у меня было ощущение, что эта пара — Дос Сантос и Диана — в чем-то причастна к тому, что связано с роботом. Хотя я сам уверен, что именно Диана кричала Хасану, когда робот душил меня, чтобы он его остановил. Значит, остальные молчали. Но я почти уверен, что прежде, чем что-либо предпринять, Дос всегда советуется с ней.

В результате не осталось никого, кого я мог бы подо-

зреть. И не было каких-либо очевидных мотивов. Все это могло быть чистой случайностью. Однако...

Однако чувство того, что кто-то хотел меня убить, по-кинуть меня не могло. Я знал, что Хасан вовсе не прочь заняться двумя поручениями сразу от различных заказчиков, если только интересы их не пересекаются. И от этого я почувствовал себя счастливым.

Это давало мне какую-то цель, с этим уже можно было что-то делать. На самом деле ничто так не вызывает желание жить, как уверенность в том, что кто-то хочет тебя убить. Я должен был определить, кто это! Выяснить причину. И остановить убийцу!..

6

Второй выпад со стороны смерти произошел очень скоро, и как бы мне ни хотелось увязывать его с деятельностью кого-либо из людей, этого я не мог сделать. На этот раз это был просто один из капризов слепой судьбы, который иногда сваливается на голову, подобно незваному гостю к обеду.

Финал же этого случая тем не менее совершенно ошеломил меня и придал ходу моих мыслей новый поворот, спутав прежние догадки.

Вот как это было.

Веганец сидел у самой реки, делая зарисовки противоположного берега. Я полагаю, что окажись он на том берегу, то он делал бы зарисовки этого берега, на котором сидел сейчас. Это предположение весьма цинично, но меня беспокоил сам факт того, что он ушел один в это душное болотистое место, не сказав никому о том, что он уходит, и не взяв с собой ничего более существенного, чем карандаш.

И это случилось.

Старое замшелое бревно, которое несло по течению рядом с берегом, внезапно перестало быть старым замшелым бревном. Длинный змеиный хвост взметнулся вверх, на другом конце появилась огромная пасть, полная зубов, множество крохотных ножек коснулись твердой почвы и понесли чудовище вперед так быстро, как будто оно катилось на колесах.

Я завопил, что было мочи, и рванулся вперед, схватившись за свой пояс. Миштиго выронил свой блокнот и стал удирать. Однако боадил был уже в непосредственной бли-

зости к нему, и я не мог стрелять. Поэтому я стремительно бросился к нему, но к тому времени, когда я оказался возле веганца, чудовище уже дважды обвило его... и пришелец стал на два порядка еще более синим.

Теперь оставался только один способ заставить чудовище разжать свои объятия, по крайней мере в этот момент.

Я обхватил боадила за голову как раз в тот момент, когда в его крохотном мозгу мысли о завтраке приняли законченную форму. Мне удалось просунуть свои пальцы под чешуйчатые наросты, расположенные по бокам головы чудовища. Затем я стал изо всех сил сдавливать своими большими пальцами его глаза. Боадил, будто гигантская плеть, хлестнул меня хвостом.

На ноги я поднялся метрах в трех от того места, где находился прежде. Миштиго был отброшен еще дальше. К тому времени, когда чудовище напало снова, он был уже на ногах.

Однако боадил напал не на веганца, а на меня. Он встал на дыбы, приподнявшись над землей метра на три, и обрушился на меня сверху. Я бросился в сторону, и огромная плоская голова промахнулась всего на несколько дюймов, обдав меня фонтаном камешков и грязи.

Я попытался подняться, но на этот раз был сбит с ног ударом хвоста. Я встал на четвереньки и попытался отползти назад, но было уже слишком поздно. Я оказался внутри петли, охватившей меня вокруг бедер.

Две синие руки вцепились в тело боадила, но они не смогли сдержать дьявольские объятия дольше двух-трех секунд. Теперь мы оба были завязаны узлами.

Я сопротивлялся, как мог, но что можно сделать толстому бронированному кабелю, снабженному множеством рвущих кожу ног?

Мою правую руку могучее объятие пригвоздило к туловищу, а левую руку я даже не мог вытянуть, чтобы как-то воздействовать на глаза чудовища. Кольца все больше сжимались. Я стал отбиваться и царапаться, пока мне в конце концов не удалось, страшно ободрав, освободить одну руку. Этой рукой я старался схватить нижнюю часть туловища боадила и наконец огромным усилием отодвинул его голову немного в сторону. Гигантское кольцо обвилось вокруг моей талии, оно сжимало меня все сильнее, и даже сильнее, чем несколько дней назад робот-борец.

Затем боадил рванул свою голову от меня, вырвался из моей руки и, широко распахнув пасть, мотнул головой вниз.

Соппротивление, которое оказывал Миштиго, в какой-то степени отвлекало чудовище и замедляло расправу со мной. А это дало мне возможность подготовиться к защите.

Я воткнул свои руки в его пасть и стал раздвигать челюсти в разные стороны. Небо боадила было покрыто слизью, и моя ладонь через мгновение начала медленно соскальзывать вниз. Я изо всех сил старался давить на нижнюю челюсть. Пасть приоткрылась еще сантиметров на двадцать и застыла в таком положении.

Боадил решил немного отодвинуться, чтобы освободить свою пасть, а поэтому хватка его колец немного ослабла. Мне удалось встать на колени. Миштиго так и остался придавленным к земле. Моя правая рука еще немного соскользнула, и голова чудовища вот-вот могла вырваться. И в следующее мгновение я услышал громкий крик, и почти сразу же по телу боадила пробежала дрожь. Я рванул руки, почувствовав, как на секунду сила этой твари резко уменьшилась. Раздалось ужасное щелканье зубов и последнее напряжение тела. На мгновение я потерял сознание.

Затем я стал освобождаться из объятий обмякшего тела боадила, пронзенного острием деревянного копья. Жизнь покидала чудовище, и движения его стали скорее судорожными, чем агрессивными.

Еще дважды его удары повергали меня наземь, но мне удалось высвободить Миштиго, после чего мы отбежали метров на пятнадцать и стали наблюдать за его агонией. Смерть наступила далеко не сразу.

Рядом с чудовищем невозмутимо стоял Хасан. Асегай, на упражнения с которым он потратил столько времени, сделал свое дело.

Когда Джордж произвел вскрытие этой твари, мы узнали, что острие пронзило тело в двух дюймах от сердца, перерезав главную артерию.

Кстати, у него оказалось две дюжины ног, которые, как и можно было ожидать, были поровну распределены по обеим сторонам тела.

Рядом с Хасаном стоял Дос Сантос, а рядом с испанцем, как всегда, находилась Диана. Здесь же были и все остальные из нашего лагеря.

— Прекрасный спектакль,— сказал я, тяжело дыша.— Отличный удар. Спасибо.

— Не за что, Карачи,— пожал плечами Хасан.

«Не за что»,— сказал он. Если бы тогда он хотел убить меня, то для чего ему понадобилось спасать меня сейчас от

боадила? Если только не было на самом деле правдой то, что он сказал еще тогда, в Порт-о-Пренсе,— то, что его наняли, чтобы охранять веганца. Если это у него главное задание, а убить меня лишь побочное, то ему нужно было спасать меня в качестве еще одного средства сохранения жизни Миштиго.

Но тогда...

Пожалуй, лучше, черт возьми, забыть это.

Наш скиммер должен был прилететь к нам в лагерь на следующий день, и мы должны были отправиться в Афины, сделав одну промежуточную остановку для того, чтобы посадить Рамзеса и его товарищей в Новом Каире.

Я был рад тому, что покидаю эту страну, с ее плесенью, пылью, мертвыми божествами, наполовину являющимися животными. Я уже был по горло сыт этими местами.

Из Порт-о-Пренса на связь вышел Фил, и Рамзес позвал меня в рубку.

— Да,— произнес я в микрофон.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в ее честь, и мне хотелось бы прочесть ее вам. Даже несмотря на то, что я никогда с ней не встречался, я старался изо всех сил и, как я полагаю, поработал довольно-таки неплохо...

— Фил, пожалуйста, как раз именно сейчас мне совсем не до поэтических соболезнований. Может быть, как-нибудь в другое время...

— Но это вовсе не что-нибудь, напоминающее анкету. Я знаю, что вы недолгоблively такого рода поэзию, и в некоторой мере я не могу порицать вас за это.

Моя рука потянулась к выключателю, но через мгновение я остановился и вместо того, чтобы отключить связь, взял одну из сигарет Рамзеса.

— Ну, что ж, валяйте. Я слушаю.

И он начал декламировать. Работа была совсем неплохая. Я многое позабыл, помню только то, что почти через всю планету неслись четкие и ясные слова, а я стоял и слушал их, весь покрытый ранами. Он расписывал добродетели нимфы, за которой охотился Посейдон, но которую был вынужден уступить своему брату Аиду. Поэт оплакивал ее судьбу. И пока он читал свою поэму, мой рассудок совершал путешествие во времени, в те два счастливых месяца на острове Кос. И не было в нем ничего такого, что случилось позже.

Мы стояли на палубе моей лодки, купались и загорали

вместе, держась за руки, ничего не говоря друг другу, здесь, на бесконечном пляже, который навсегда остался в наших сердцах.

Мы стояли на палубе моей лодки... Он кончил этим. Затем он несколько раз прокашлялся, и мой остров растаял, унося частицу моего «я», именно ту частицу, которая была связана с островом Кос.

— Спасибо, Фил,— очнулся я.— Все было прекрасно.

— Я польщен вашей оценкой,— сказал он.— Сегодня днем я вылетаю в Афины. Мне захотелось присоединиться к вам в этой части путешествия. Если только на это будет ваше согласие...

— Пожалуйста,— ответил я.— Только позвольте, Фил, один вопрос: почему? Откуда такое желание?

— Я решил, что мне надо еще раз увидеть Грецию. Так как вы собираетесь быть там, то это, возможно, напомнит мне некоторые старые времена. Мне бы хотелось бросить последний взгляд на некоторые древности.

— Есть что-то фатальное в ваших словах, Фил.

— Я чувствую, что дни мои клонятся к закату. И поэтому мне хочется еще раз побывать там. У меня предчувствие, что это моя последняя возможность.

— Я уверен, что вы ошибаетесь. Итак, все мы будем обедать в «Саду у Алтаря» завтра вечером, около восьми.

— Отлично. Тогда и увидимся.

— До свидания.

— До свидания, Конрад.

— Не опаздывайте.

Я принял душ, обмазал целебными мазями раны и переоделся в чистую одежду. Затем я разыскал веганца, который только что закончил такую же процедуру. Я окинул его зловещим взглядом.

— Поправьте меня, если я ошибусь,— заявил я.— Есть одна причина, по которой вы захотели, чтобы я был ведущим этого спектакля, а именно, что у меня высокий потенциал выживания. Правильно?

— Да, это так.

— Пока я старался изо всех сил, чтобы мой потенциал способствовал общему благосостоянию.

— Вы так расцениваете то, что в одиночку, без всякого оружия, набросились на всю группу в целом?

Мне захотелось вцепиться ногтями в его горло, но я сумел сдержаться и опустить руки. Наградой мне была искра страха, промелькнувшая в его расширившихся глазах и заставившая слегка вздрогнуть уголки рта. Он сделал шаг назад.

— Я больше не буду оправдывать ваши надежды на это, — сказал я ему. — Я здесь только для того, чтобы переправить вас в любое место, куда вы захотите отправиться, и доставить вас назад в целости и сохранности. Сегодня утром вы меня поставили перед проблемой, задевшись легко доступной приманкой для боадила. Я вас предупреждаю, что не собираюсь для вас таскать каштаны из огня для раскуривания вашей сигареты. Если вы теперь пожелаете пойти куда-нибудь один, то сначала проверьте, насколько безопасно данное место.

Он смущенно отвел глаза в сторону.

— Если же вы не проверили этого, — продолжал я, — то берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы оказываетесь без оружия. Вот все, что я должен вам сказать. Если же вы не пожелаете прислушаться к этому совету, то скажите мне это сейчас же, и я оставлю вас и найду вам другого проводника. Между прочим, Лорел уже предложил мне поступить подобным образом. Так каково будет ваше слово?

— Лорел на самом деле так сказал?

— Да.

— Как это странно. Я подчиняюсь вашему требованию. Я понимаю, что оно очень благоразумно.

— Великолпно. Вы говорили, что хотите посетить Долину Царей. Может быть, сегодня? Вас мог бы свести туда Рамзес. Мне не очень-то хочется делать это самому. Что-то я устал. И к завтрашнему отлету, который, кстати, намечен на десять утра, я хотел бы немного отдохнуть. Так что?

Так и не дождавшись от него ответа, я пошел прочь.

Веганец промолчал. К счастью для тех, кто спасся, так и для еще не родившихся, Шотландия не очень сильно пострадала в течение Трех Дней.

Я достал из холодильника ведро со льдом и бутылку содовой, включил охлаждающий змеевик рядом со своей койкой, открыл виски из своих запасов и провел весь остаток дня, размышляя о тщетности людских устремлений...

Позже, в этот вечер, когда я протрезвел до допустимого уровня, я взял себя в руки и, слегка покачиваясь, пошел подышать свежим воздухом.

Приближаясь к восточному краю предупредительного ограждения, я услышал голоса и сел, облокотившись о крупную скалу и стараясь послушать, о чем говорят. Я различил монотонный голос Миштиго, и мне очень захотелось узнать, с кем он говорит.

Но это не удалось.

Собеседники были довольно далеко от меня, а акустика в пустыне не всегда наилучшая. И все же я сидел, напряженно прислушиваясь, и, как уже не раз бывало, это произошло.

Я сижу на одеяле рядом с Эллен. Моя рука обнимает ее плечи. Моя синяя рука...

Картина немного затуманилась, как только я внутренне отпрянул от отождествления себя с веганцем. Но я преодолел это и вновь прислонился к скале.

Мне было одиноко. Эллен казалась все-таки помягче, чем скала, и, кроме того, меня распирало любопытство. Поэтому я превозмог свое отвращение и снова очутился там...

— ...нельзя увидеть отсюда, — говорил я, — но если вы хотите знать, то могу сказать, что наша звезда, вы называете ее Всгой, является звездой первой величины на вашем бедном небосклоне и находится в созвездии, которые вы, люди, называете Лирой.

— А каков из себя Таллер? — спросила Эллен.

Наступила длительная пауза. Затем:

— Самое важное, как это часто бывает, передать труднее всего. Проблемой при общении является то, что у собеседника нет понятий, эквивалентных тем, о которых приходится говорить. Таллер совсем и не похож на планету. Там нет пустынь. Вся планета имеет упорядоченный ландшафт. Но... позвольте взять из ваших волос этот цветок. Взгляните на него. Что вы видите?

— Прелестный белый цветок. Вот почему я его выбрала и приколола к своим волосам...

— Но это вовсе не так. Это не цветок. Во всяком случае для меня. Ваши глаза восприимчивы к свету с длиной волны от четырех тысяч до семи тысяч двухсот ангстрем. Глаза же веганцев восприимчивы к ультрафиолетовым лучам почти до трех тысяч ангстрем — с одной стороны. С другой стороны, мы не различаем цвет, который вы называете «красный», а в этом «белом» цветке я различаю два цвета, которых нет в вашем диапазоне зрения. Мое тело покрыто узором, который вы не видите, но он очень похож на узор на коже других представителей моей семьи, и поэтому другой веганец, знакомый с родом Штиго, при первой же нашей встрече может назвать мою фамилию и местность, откуда я родом. Некоторые наши картинки вам, землянам, кажутся кричащими или даже одноцветными, обычно синими, так как земной глаз не различает тех от-

тенков, которые различаем мы. Почти вся наша музыка покажется вам заполненной довольно длительными промежутками тишины. На самом же деле эти пробелы заполнены мелодиями, не различимыми вашими ушами. Эти места, заполненные замедленными движениями, очень приятны для уха. У нас чистые города, логически распланированные. Они улавливают дневной свет и долго удерживают его ночью. Все это очень много значит для нас, но я не знаю, как все это описать... человеку.

— Однако люди... я имею в виду людей Земли, живущих на ваших планетах...

— Но на самом деле они не видят их. Они не слышат или не чувствуют так же, как мы! Существует пропасть, которую мы можем оценить и понять, но которую не можем переступить. Вот почему я не в состоянии рассказать вам, каков на самом деле Таллер. Для вас это совершенно другой мир, чем для меня.

— И все же мне хотелось бы увидеть его. Очень сильно. Я думаю, что мне даже понравилось бы там жить.

— Я не уверен в этом. В том, что вы были бы там счастливы.

— Но почему?

— Потому, что эмигранты на Веге есть эмигранты не с Веги. Вы здесь не являетесь представителем низшей касты или расы. Я знаю, что вы не пользуетесь этим термином, но именно он наиболее подходящий. Персонал вашего Управления и его семьи являются наивысшей кастой на этой планете. Затем идут состоятельные люди, не входящие в штат Управления, затем те, кто работает на этих состоятельных людей. Еще ниже те, кто зарабатывают себе на жизнь, обрабатывая землю. Затем, у самого подножия пирамиды, те неудачники, которые обитают в старых местах. Здесь, на этой планете, вы на вершине пирамиды. На Таллере же вы будете на самом дне общества.

— Почему же?

— Да потому, что вы цветок видите именно белым...

И он вернул ей цветок.

Наступило долгое молчание, прерываемое шелестом прохладного ветра.

— И все-таки я счастлива, что вы сюда прилетели,— сказала она.

— Да, здесь очень интересно.

— Рада, что вам здесь нравится.

— Человек, которого зовут Конрад, на самом деле был вашим любовником?

Я был совершенно ошарашен таким неожиданным вопросом.

— Я не понимаю, почему,— сказал он, и мне стало не по себе, будто я попал в положение человека, подглядывающего физическую близость мужчины и женщины (или еще хуже — наблюдая за тем, кто подглядывал).

— И почему же?

— Потому что вы стремитесь к необычному, полному сил, экзотическому. Потому что вы никогда не испытаете счастья где бы то ни было. Просто вы такая, какая есть.

— Неправда... А может быть, так оно и есть. Да, однажды он сказал мне нечто подобное.

В этот момент даже мне было очень жаль ее. Затем, не сознавая того, поскольку я хоть как-то хотел утешить ее, я протянул руку и взял ее руку в свою. Только рука эта была рукой Миштиго, а он вовсе не думал действовать так. А я заставил его!

Неожиданно мне стало страшно. Хотя скорее это чувство возникло у него, и я почувствовал это. Я ощутил, что в его мозгу все поплыло, как после мертвецкой пьянки, как только он почувствовал чье-то присутствие в своем разуме.

Я быстро отпрянул назад и снова оказался спиной к скале, но только после того, как она уронила цветок и я услышал, как она прошептала:

— Держите меня...

«Ох уж эта чертова псевдотелепатия! Это исполнение желаний!— подумал я.— Когда-нибудь я перестану верить в то, что это свойство мне присуще...»

И тем не менее я все-таки на самом деле видел два цвета на том цветке... цвета, для которых у меня не было слов.

Я пробрался назад в лагерь. Пройдя через него, я двинулся дальше. Добрался до противоположного конца нашего незримого, но охраняемого периметра, сел на землю и закурил.

Ночь была прохладной и черной.

После того, как я выкурил две сигареты, я услышал позади себя голоса, но не обернулся.

— В огромном здании, Здании Огня, в тот далекий день, когда все дни и годы получают свой номер, о, пусть тогда мое имя будет возвращено мне,— произнес голос.

— Очень для вас неплохо,— сказал я.— Цитата вполне подходящая. Только вы зря здесь цитируете «Книгу мертвых».

— Почему зря? Я намерен опоздать на эту церемонию. Да и что толку в имени.

— Ну, это зависит от того...

— Предположим, оно... «Карагиозис».

— Извольте сесть так, чтобы я мог вас видеть. Я не люблю, когда кто-нибудь стоит у меня за спиной.

— Хорошо. Ну так как?

— Что «как»?

— Как вы относитесь к имени «Карагиозис»?

— Почему оно должно меня волновать?

— Потому, что оно кое-что значит для вас. По крайней мере, некогда значило.

— Карагиозис был одним из персонажей греческого театра теней, нечто вроде Петрушки средневекового театра Европы. Он был неряхой и шутком.

— Он был греком и очень умным поэтом.

— Ха! Он наполовину был трусом, слюнтяем и вообще каким-то скользким типом.

— Но также наполовину героем. Коварным. В чем-то необузданным. С чувством юмора. Он сорвал с места пирамиду. И кроме того, когда ему хотелось быть сильным, он был сильным!

— И где же он теперь?

— Мне самому хотелось бы это знать. Но почему же об этом вы спрашиваете у меня?

— Потому что этим именем вас называл Хасан в тот вечер, когда вы боролись с роботом.

— О... понимаю... Что ж, это было просто к месту сказано. Это просто синоним дурачка. Кличка, что ли. Подобно тому, что я называю вас «Красный». Вот теперь я думаю о том, как вы выглядите в глазах Миштиго? Веганец ведь не видит цвета ваших волос. Вам это известно?

— Мне безразлично, каким я представляюсь веганцу. Меня больше интересует то, как выглядите вы. Я понимаю, что у Миштиго заведено на вас весьма пухлое досье. Он как-то говорил, что думает, что вы живете уже несколько столетий.

— Преувеличение. Без всяких сомнений, преувеличение. Но, похоже, вам многое известно. А у Миштиго есть на вас досье?

— Да, но пока не такое пухлое.

— Кажется, вы ненавидите Миштиго больше, чем кого-либо. Это правда?

— Да.

— Почему?

- Он с Веги.
- Ну так что же?
- Я ненавижу веганцев, вот и все.
- Нет. Здесь что-то еще.
- Правда. Вы очень сильны, вы знаете это?
- Знаю.

— Фактически вы самый сильный из людей, которых я когда-либо видела. Сильный в таком мире, чтобы сломать шею крысс-пауку, а затем, свалившись в залив, доплыть до берега и спокойно после этого позавтракать.

- Вы взяли очень странный пример.
- Разве?
- Почему вы выбрали именно это?
- Я хочу знать! Мне нужно знать...
- Простите!
- Извинениями вы не отделаетесь. Поговорим еще.
- Я сказал все, что хотел сказать.
- Нет. Нам нужен Карагиозис.
- Кому это нам?
- Рэдполу... не...
- И все-таки, почему?

— Хасан стар, как само время. Карагиозис еще старше. Хасан был с ним знаком, помните и вы его. И он окликнул вас этим именем. Значит, вы и есть? Вы — убийца, мститель, защитник Земли, вы нам сейчас крайне нужны. Очень нужны! Армагеддон уже грянул, но не с громом и молнией, а с чековой книжкой. Веганцы должны погибнуть, другой альтернативы нет. Помогите нам!

- Что вы хотите от меня?
- Пусть Хасан его уничтожит.
- Нет!
- Почему? Кто он вам?

— Никто. Мне он очень не нравится, поверь. Но кто он для вас?— недоуменно спросил я.

- Наш разрушитель.

— Тогда скажите, почему и как, и тогда, возможно, я дам вам ответ получше.

- Я не могу.
- Но почему?
- Потому, что не знаю.
- Тогда пожелаю вам спокойной ночи. И это все.

— Подождите! Я действительно не знаю. Это мнение пришло с Таллера через тамошнего связного Рэдпола. Приказ — он должен умереть! Его книга вовсе не книга. Да и личность — это не личность, а много... Я не знаю, что

означают эти слова, но наша агентура никогда прежде не ошибалась. Вы были когда-то на Таллере, на Бакабе и на других планетах — вы ведь Карагиозис. Вы знаете, что наши агенты никогда не лгут. Если вы Карагиозис, то сами знаете, почему так. Ведь вы сами устанавливали эту шпионскую сеть. Теперь вы слышите их слова, но уже не обращаете на них внимания. Я говорю вам, что они сказали: он должен умереть. Он представляет собой сосредоточение всего того, с чем мы боремся. Они говорят, что он инспектирует то, что не должно подлежать инспекции. Вы знаете их систему. Деньги против Земли. Еще большее усиление эксплуатации со стороны веганцев. Что-либо более определенное нашим агентам выяснить не удалось.

— Мне очень жаль, но я связан обещанием оберегать его. Изложите мне более веские причины, и я, может быть, дам вам другой ответ. Кстати, почему Хасан пытался убить меня?

— Ему было приказано только остановить вас. Лишить вас возможности помешать нам уничтожить этого веганца.

— Ну, разве так... но все равно. Идите своим путем, и я вас позабуду.

— Нет! Вы должны нам помочь! Что для Карагиозиса жизнь одного веганца?

— Я не допущу его гибели без определенной на то причины. А пока вы мне так ничего и не сказали.

— Но я больше ничего не знаю.

— Тогда спокойной ночи.

— Нет! У вас два профиля. Справа — вы полубог, слева — вы демон. Один из них должен помочь мне. И мне все равно, кто из них.

— Даже не пытайтесь причинить вред веганцу. Мы будем защищать его...

Вот так мы сидели и разговаривали. Она взяла предложенную сигарету и закурила.

— Ненавидеть вас, должно быть, очень легко,— сказала она немного погодя,— но я не могу.

Я промолчал.

— Я много раз видела вас, как вы ковыляли в своей черной форме. Такой самоустранный, высокомерный и гордый своей великолепной силой. Вы бы, наверное, раздавили все, что только движется, не так ли?

— Только не красных муравьев и шмелей.

— У вас есть какой-нибудь коварный план, о котором нам ничего не известно? Расскажите нам, и мы будем помогать вам в его осуществлении.

— Это ваше предположение, заметьте, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан окликнул меня этим именем. Фил был знаком с Карагиозисом, а Филадельфия хорошо знает. Он вам когда-нибудь говорил о том, что я...

— Вы же знаете, что нет, — перебила она меня. — Он ведь ваш друг и никогда не предаст вас.

— У меня тогда к вам всего один вопрос. Есть ли у вас еще какие-нибудь указания на мою тождественность, кроме этого случайного оклика Хасана?

— Записей с описанием Карагиозиса не существует. Вы постарались, чтобы их не было.

— Значит, все в порядке. Ступайте и не беспокойтесь.

— Нет!

— Хасан пытался меня убить!

— Да. Он, должно быть, решил, что вас легче убить, чем держать в стороне. Ведь он все-таки знает о вас значительно больше, чем мы все.

— Тогда почему же он спас меня от боадила? Спас вместе с Миштиго?

— Мне бы не хотелось об этом говорить.

— Тогда давайте закончим разговор.

— Нет! Я вот что вам скажу. Асегай был единственным оружием, оказавшимся у него под рукой. И он еще не очень-то искусно владеет им. Должна вам сказать, что он не намеревался поразить боадила.

— Да?

— Он и не целился в него или в вас. Тварь слишком уж корчилась. Он хотел убить веганца, а потом просто бы сказал, что пытался спасти вас обоих, а под рукой ничего не оказалось и что это не что иное, как несчастный случай. К сожалению, этого ужасного несчастья не случилось. Он промахнулся.

— Почему же он просто не позволил боадилу удавить веганца?

— Потому, что вы так отчаянно боролись с этой тварью, что он совсем испугался того, что вы, возможно, спасете его. Он ничего так не боится, как ваших рук.

— Очень приятно сознавать это. Он не прекратит свои попытки, даже если я откажусь сотрудничать?

— Боюсь, что это так.

— Это очень плохо, моя дорогая, потому что я не допущу этого.

— Вы его не остановите, и мы не отзовем его. Даже несмотря на то, что вы — Карагиозис. И как бы я вас ни оплакивала, Хасана вы не сможете остановить. Он настоя-

ший Убийца с большой буквы. И у него еще не было неудач.

— У меня тоже.

— Были. Вы только что изменили Рэдполу и Земле, всему, что хоть чем-нибудь с этим связано.

— Мне не нужны ваши утешения, женщина. Ступайте своей дорогой.

— Не могу.

— Почему?

— Если вы этого не знаете, тогда, значит, Карагиозис и на самом деле дурак, фигляр и персонаж комедии теней.

— Некто по имени Томас Кэрлийн писал когда-то о героях и поклонении им. Он тоже был дураком. Он верил в то, что имеются такие существа. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и целесообразности.

— Иногда к этому добавляются и идеалы.

— Что такое идеал? Призрак призрака, и не более того.

— Только, пожалуйста, не говорите такие вещи мне.

— Вынужден. Ведь это сушая правда.

— Вы лжете, Карагиозис!

— Я не... а если и лгу, то это к лучшему, дорогая.

— Я достаточно стара, чтобы быть кому угодно бабушкой, пожалуй, разве что вам, так что не называйте меня этим дурацким словом — «дорогая» и так далее. Вам известно, что у меня на голове парик?

— Да.

— Вам известно, что я подхватила одну болезнь с Веги и поэтому теперь вынуждена носить парик?!

— Нет. Простите меня, я не знал этого.

— Когда я была моложе, а это было давным-давно, я работала на курорте для веганцев. Я была девушкой для развлечений. Мне никогда не забыть пыхтения их жестких легких, я не смогу забыть прикосновения их синих рук... синих, как у трупа, рук. Я ненавидела их, ненавидела так, как только такой человек, как вы, может понять это, человек, ненавидящий люто, всем своим существом.

— Простите меня, Диана. Мне очень жаль, что это до сих пор причиняет вам страдания. Но я еще не готов к тому, чтобы выступать на вашей стороне. Не подталкивайте меня.

— Так вы — Карагиозис?

— Да.

— Тогда... я в некотором роде удовлетворена.

— Но веганец должен жить!

— Посмотрим...

— Ну, что ж, посмотрим. А пока спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

Я поднялся, оставив ее сидеть, и вернулся в свою палатку. Позже, этой же ночью, она пришла ко мне. Послышался шелест брезента, и она вошла. Я все могу забыть, связанное с ней: и ее красный парик, и туго сжатые челюсти, и ее отрывистую речь, и слегка напускные жесты, и ее горячее тело, и страшные обвинения в мой адрес. Но я всегда буду помнить это — то, что она пришла ко мне, когда я больше всего в ней нуждался, что она была теплой, податливой, но главное, что она пришла ко мне...

7

После завтрака, на следующий день, я уже отправился было искать Миштиго, как он первым нашел меня. Я был внизу, у реки, разговаривая с людьми, на попечение которых я оставил фулуку.

— Конрад,— начал вкрадчиво веганец.— Я хотел бы поговорить с вами.

Я кивнул и указал в сторону оврага.

— Давайте пройдемся. Я уже закончил здесь все свои дела.

Мы пошли пешком. Через минуту он начал:

— Вам известно, что на моей планете существует несколько систем дисциплины мозга, систем, которые время от времени приводят некоторых особ к экстрасенсорным способностям?

— Я слышал об этом,— кивнул я.

— Большинство веганцев, в большей или меньшей степени, знакомы с этими системами. Некоторые имеют даже определенные способности в этом направлении. Многие их не имеют. Но почти все мы одинаково ощущаем наличие экстрасенсорных способностей у других, узнаем, когда они проявляются. Сам я не телепат, но понял, что у вас есть подобная способность, потому что, воспользовавшись ею прошлым вечером, вы использовали ее на мне. Я смог почувствовать это. Среди ваших соплеменников это малораспространенное явление, и я не ожидал, что такое может случиться со мной, и поэтому не предпринял мер предосторожности, чтобы предотвратить подобное. Да к тому же вы выбрали очень удобный момент — вечер, в результате чего мой разум был открыт для вас. Я должен знать, с чем вы столкнулись в моем разуме?

Значит, на самом деле было нечто экстрасенсорное в моих видениях. Обычно в них было то, что касалось непосредственно ощущений объекта, плюс особо выдающиеся мысли и чувства, которые он затем излагал на словах, и притом далеко не всегда я получал истинную картину.

Вопрос Миштиго указывал на то, что он не знает, насколько глубоко я проник в его мысли, а я слышал, что некоторые профессиональные психологи с Веги могли пробиться даже в подсознание. Поэтому я решил блефовать.

— Я понял, что вы собираетесь написать не просто путевые заметки.

Он промолчал.

— К сожалению, я не один знаю истинную цель вашего вояжа на Землю,— продолжал я свое вранье,— вследствие чего вы подвергаетесь определенной опасности.

— Почему?

— Вероятно, они неправильно поняли вашу истинную цель путешествия,— сказал я наугад.

Он покачал головой.

— Кто это они?

— Простите?!

— Но мне нужно знать!

— Еще раз простите. Если вы все-таки узнаете, то я сегодня же доставлю вас в Порт-о-Пренс.

— Нет, я не могу этого допустить. Я должен продолжать. Что же мне делать?

— Расскажите мне подробнее обо всем, и я смогу тогда вам что-нибудь посоветовать.

— Нет, вы и так знаете слишком много.— Он замолчал, а затем востепенел.— Тогда именно в этом настоящая причина, почему здесь Дос Сантос. Он из умеренных. Радикальное крыло Рэдпола, должно быть, что-нибудь узнало об этом и, как вы говорите, неправильно истолковало. По-видимому, мне стоило бы пойти к нему...

— Нет,— поспешно произнес я.— Я не думаю, что так следует поступить. По сути, это ничего не изменит. И все же, что бы вы сказали ему?

— Я понимаю, что вы имеете в виду,— сказал он после некоторой паузы.— Мне тоже пришла в голову мысль, что, возможно, он не такой уж умеренный, как мне показалось. Если это так, то тогда...

— Вы хотите вернуться?

— Не могу.

— Значит, вам придется довериться мне. Вы можете мне сейчас рассказать более подробно...

— Нет! Я не знаю, что вам известно и что вам не известно. Совершенно очевидно, что вы пытаетесь извлечь как можно больше информации, поэтому я думаю, что вам известно слишком много. То, что я думаю, должно пока остаться в тайне.

— Я хочу защитить вас и поэтому стараюсь узнать как можно больше.

— Тогда защищайте мое тело и оставьте мне заботу о моих побуждениях и моих мыслях. Мой разум в будущем будет для вас закрыт, поэтому вам нет необходимости тратить свое время на то, чтобы рыться в нем.

Я вручил ему пистолет.

— Я посоветовал бы вам носить с собой оружие все оставшееся время нашего путешествия. Для защиты ваших побуждений.

— Очень хорошо.

Пистолет исчез под вздувшейся рубашкой.

— Собирайтесь,— сказал я,— мы скоро отправляемся...

Проходя назад в лагерь по другой дороге, я анализировал свои собственные мотивы.

Книга сама по себе не могла ни восстановить, ни разрушить Землю. Рэдпол или движение за Возрождение, даже «Зов Земли» Филадельфии, по сути, мало чем повлияли на все это. Но если творение Миштиго нечто большее, чем просто книга? Исследование? Чего? В каком направлении? Этого я не знал, хотя должен был знать. Потому что Миштиго может оказаться мертвым, если книга направлена против нас, и все же я не могу допустить его гибели, если это произведение хоть в какой-то мере могло нам помочь. И это весьма вероятно.

Следовательно, кто-то должен объявить отсрочку, пока мы не будем уверены, что нас ждет...

— Диана,— сказал я, когда мы стояли в тени скиммера,— ты говоришь, что я кое-что значу для тебя, именно я, Карагиозис.

— Разве это не очевидно?

— Тогда послушай меня. Я уверен, что в отношении веганца вы можете допустить ошибку. Не на все сто процентов, но если вы неправы, то его убийство будет непростительной ошибкой. И по этой причине я не могу его допустить. Воздержитесь от чего бы то ни было, пока не приедем в Афины. Затем запросите разъяснение этого послания Рэдпола.

— Хорошо.

— А как поступит Хасан?

— Он подождет.

— Он сам выбирает место и время, не так ли? Он ждет наиболее благоприятного момента, чтобы наверняка нанести удар?

— Да.

— Тогда ему нужно сказать, чтобы он воздержался от акции, пока не выяснится все во всех подробностях.

— Очень хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут...

— Ну что ж, этого вполне достаточно.

Я повернулся.

— А когда придет второе послание, — сказала она, — и там будет сказано то же, что и в первом, что тогда?

— Посмотрим, — ответил я, не оборачиваясь.

Я оставил ее возле скиммера и вернулся к своему аппарату. Когда послание придет и в нем будет говориться то же самое, я думаю, что мне это еще больше прибавит хлопот. По той причине, что я уже принял решение...

Далеко к юго-востоку от нас, на значительной части Мадагаскара, счетчики Гейгера до сих пор захлебываются воплем боли и отчаяния — и это результат искусства одного из нас.

Хасан, я это точно знал, все еще мог преодолевать любые препятствия, не моргнув своими, привыкшими к смерти, глазами.

Остановить его было очень трудно...

Вот и Эгейское море. Далеко внизу. Смерть, жар, грязевые потоки, новые очертания берегов. Вулканическая деятельность на Хиосе, Икарии, Паросе...

Галикарнас весь ушел под воду.

Западный край Коса показался над водой, но что из этого?

Смерть, грязевые потоки, жар.

Новые очертания берегов...

Я изменил путь нашего конвоя, чтобы собственными глазами увидеть смену декораций. Миштинго делал заметки, а также фотографировал.

— Продолжайте турне, — сказал Лорел. — Материальные разрушения не столь велики, поскольку Средиземное море является скопищем никому не нужного хлама. О тех, кто пострадал, уже позаботились. Кроме, разумеется, тех, кто погиб. Так что продолжайте турне.

Я пронесся низко над остатками Коса, над западной оконечностью острова. Дикая вулканическая местность, свежие, еще дымящиеся кратеры, следы приливных волн, пересекающих сушу.

Единственное, что еще осталось,— это древняя столица. Фукиций поведал мне, что когда-то она была разрушена землетрясением. Ему нужно было бы увидеть это землетрясение. Мой город на севере Коса был основан еще в 365 году нашей эры. Теперь от него ничего не осталось. Ничего и никого. Никто не спасся — ни древо Гиппократ, ни мечеть Лоджия, ни замок родосских рыцарей, ни фонтаны, ни мой дом, ни моя жена. Все было сметено волнами или провалилось в морскую пучину. Исчезло... навсегда... мертвое... и все же для меня лично такое бесмертие.

Чуть дальше к востоку из воды торчали несколько вершин, которые еще совсем недавно были вершинами прибрежного холма. Теперь это были крохотные островки, и пока еще некому было взбираться на их отвесные стены.

— Вы жили здесь?— поинтересовался Миштиго.

Я кивнул.

— Хотя и родились в деревушке Макринице, среди холмов ФеоDOSии?

— Да.

— Но дом свой устроили здесь?

— Совсем недавно.

— «Дом» — универсальное понятие,— сказал он.— Я высоко ценю его.

— Спасибо...

Я продолжал смотреть вниз, чувствуя попеременно печаль, тревогу, тоску, почти безумие, затем полную отрешенность.

Афины после долгого отсутствия показались мне все тем же неожиданным местом, которое действует всегда освежающе, очень часто обновляюще и очень часто возбуждающе.

Фил как-то прочел мне несколько строк одного из последних великих греческих поэтов, Георгия Сафериса, утверждая, что он ссылался именно на мою Грецию, когда писал:

«Страна, которая больше не является нашей страной, не является и вашей...»

Когда я указал ему, что веганцев еще и духа не было, когда были написаны эти строки, Фил находчиво возразил,

что поэзия существует независимо от времени и пространства и что смысл ее заключается в том, что она означает для конкретного читателя.

Это действительно наша страна. Ее не могли отнять у нас ни готы, ни гунны, ни болгары, ни сербы, ни франки, ни турки, ни, наконец, веганцы.

Народ, как и я сам, выжил. Хотя материковая Греция для меня остается такой же, как и прежде. И это несмотря на то, что как Афины, так и я изменились вместе, каждый по-своему.

Что бы ни происходило со мной, все такими же неизменными оставались холмы Греции, запах поджаренных бараньих ног, смешанный с запахом крови и вина, вкус сладкого миндаля, холодный ветер по ногам и ярко-голубые небеса.

Вот почему я чувствовал себя преображенным каждый раз, когда возвращался сюда. Но так как теперь я был человеком, оставившим после себя много лет, подобные чувства я испытывал и ко всей Земле в целом.

Именно поэтому я и боролся, убивал и бросал бомбы. Именно поэтому к каким только уловкам не прибегал я, чтобы помешать веганцам скупить всю Землю. Ради этого я составлял один заговор за другим от имени правительства, находившегося в эмиграции на Таллере. Вот почему я продолжал свое дело, но уже под другим, новым именем, став одной из деталей одного огромного механизма Гражданской службы, ныне правившей этой планетой, и вот почему, в частности, посвятил себя искусству, памятникам и архивам.

На этой должности я мог бороться за сохранение того, что еще оставалось, и ждать очередного Возрождения.

Вендетта, организованная Рэдполом, испугала эмигрантов в такой же степени, как и веганцев. Они не понимали того, что потомки тех, кто пережил Три Дня, по всей вероятности, не уступят лучшие места по береговой полосе морей для организации веганских курортов. Не понимали, что они не станут водить веганцев среди развалин их городов, показывая ради развлечения пришельцам наиболее интересные места земной истории. Вот почему Управление для большей части его персонала является чем-то вроде службы здоровья.

Мы призывали возвращаться потомственных жителей, основателей колоний на Марсе и Титане, но никто не желал вернуться. Они сильно размягчились, паразитируя на теле цивилизации, которая возникла задолго до нашей.

Они растеряли свою тождественность с Землей. Они бросили ее.

И все же именно они были правительством Земли, избранным законным образом отсутствующим уже большинством.

В течение более половины столетия дело не сдвинулось с мертвой точки. Не было новых веганских курортов, прекратились акты насилия Рэдпола. И никто не возвращался на Землю. Возможно, вот-вот начнется новое Возрождение, оно уже как бы висело в воздухе, если чутье Миштиго не изменило ему.

В Афинах мне все казалось тусклым. Шел холодный, моросящий дождь, недавнее землетрясение оставило немало следов на афинских улицах. Однако, несмотря на все это, несмотря на шрамы на моем теле и застрявший в горле вопрос, я чувствовал себя освеженным.

Все так же стоял Национальный музей. Акрополь был еще болес разрушен, чем прежде, а гостиница «Сад у Алтаря» (прежде это был королевский дворец) хотя и покосилась немного, но стояла на месте и функционировала как обычно.

Мы прошли внутрь и зарегистрировались.

Как уполномоченный по делам искусства, памятников и архивов, я претендовал на особый номер, номер 19.

Он был совсем не таким, как в тот день, когда я покинул его. Он был чистым и отремонтированным.

Несколько металлическая пластинка на двери гласила:

«ЭТОТ НОМЕР БЫЛ ШТАБ-КВАРТИРОЙ КОНСТАНТИНА КАРАГИОЗИСА ВО ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ РЭДПОЛА И БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ВОССТАНЕНИЯ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Внутри номера, над кроватью, красовалась надпись:

«НА ЭТОЙ КРОВАТИ СПАЛ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС»

Точно такую же табличку я заметил на дальней стенке узкой продолговатой прихожей:

«ПЯТНО НА ЭТОЙ СТЕНЕ ПОЯВИЛОСЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОГО, ЧТО ЗДЕСЬ РАЗБИЛАСЬ БУТЫЛКА С ЛИКЕРОМ, КОТОРУЮ ШВЫРНУЛ ЧЕРЕЗ ВСЮ КОМНАТУ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС, ПРАЗДНУЯ БОМБАРДИРОВКУ МАДАГАСКАРА. ЕСЛИ ХОТИТЕ, МОЖЕТЕ ЭТО ПРОВЕРИТЬ»

«КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС СИДЕЛ НА ЭТОМ СТУЛЕ»

— уведомляла еще одна табличка.

После всего этого я с ужасом подумал о том, что меня ждет в ванной...

Обед был прекрасным. Джордж и Фил, как всегда, стали спорить, на этот раз предметом их спора была эволюция.

— Неужели вы не заметили, как здесь, на нашей планете, происходит конвергенция жизни и мифов в последние дни?— спросил Фил.

— Что вы имеете в виду?— поинтересовался Джордж.

— Я имею в виду то, что, когда человечество поднялось из тьмы первобытного состояния, оно вынесло с собой легенды, мифы и воспоминания о сказочных созданиях. Теперь мы снова погрузились почти в такую же тьму. Жизненная сила стала слабая и неустойчивая, и намечился возврат к тем первоначальным формам, которые до сих пор существуют только как смутные образы в воображении...

— Чепуха, Фил. Жизненная сила? В каком столетии вы заблудились? Вы говорите так, будто все живое является цельным, единым разумным существом.

— Так оно и есть.

— Пожалуйста, продемонстрируйте.

— В нашем музее имеются скелеты трех сатиров и фотографии живых. Они живут среди холмов этой страны.

— Кентавров здесь также наблюдали, а также цветы-вампиры и лошадей с зачатками крыльев. В любом море теперь водятся морские змеи, завезенные к нам крыссы-пауки бороздят небеса. Имеются даже клятвенные заверения очевидцев, которые встречали Черного Фессальского Зверя — пожирателя людей, костей и всего прочего. Оживают практически все существовавшие в прошлом в народе легенды,— закончил он.

Джордж вздохнул:

— То, о чем вы говорите, ничего не доказывает, кроме того, что в бесконечности времени существует возможность возникновения любой формы жизни, если только присутствуют ускоряющие факторы и подходящее окружение. Существа земного происхождения, о которых вы говорите, являются просто-напросто мутантами, созданиями, возникающими в различных «горячих» местах, разбросанных по всей Фессалии. Мое мнение не изменится, даже если в эту

дверь вломится Черный Зверь с сатиром, восседающим на его спине. И при этом я считаю, что это не доказательство ваших утверждений...

В это мгновение я бросил взгляд в сторону двери, надеясь, разумеется, увидеть не Черного Зверя, а какого-нибудь не вызывающего внешне никаких подозрений старичка или официанта, который принесет Диане вместе с заказанным питьем записку, припрятанную внутри сложенной салфетки.

Но ничего подобного не произошло.

Несколько дней я бродил по афинским улицам и оставался в неведении.

Диана вышла на связь с Рэдполом, но ответа до сих пор не было. Через тридцать шесть часов мы отправимся на скиммерах из Афин в Ламию, а затем пешком по местности, где растут причудливые новые деревья с длинными бледными, в красноватых прожилках, листьями и стволами, увитыми лианами.

Мы пройдем по опаленным солнцем равнинам, испещренным извилистыми козьими тропами. Мы двинемся по высокому каменистым местам с глубокими расщелинами, мимо разрушенных монастырей. Эта затея была явно нелепа, однако Миштиго снова настоял, чтобы все было именно так.

Только потому, что я родился здесь, он считает себя в безопасности. Я пытался рассказать ему о диких зверях, о каннибалах-куретах — диком племени, бродившем здесь. Он хотел уподобиться Павсанию и странствовать пешком. Ну, что ж, решил я, если не Рэдпол, так дикая фауна может позаботиться о нем.

Однако для пущей безопасности я зашел в ближайшее правительственное почтовое отделение, чтобы получить разрешение на дуэль, и уплатил полагающийся смертный налог. Если Хасана нужно будет убить, то я сделаю это на законном основании...

Из небольшого кафе, на противоположной стороне улицы, доносились звуки музыки. Чувствуя, с одной стороны, какую-то внутреннюю тягу, а с другой — что кто-то меня преследует, я перешел улицу и уселся за маленьким столиком спиной к стене.

Не переставая присматриваться, я заказал турецкий кофе и пачку сигарет, и стал слушать песни о смерти, изгнании, бедствии и извечной неверности женщин и девушек.

Внутри кафе оказалось еще меньше, чем я предполагал, — низкий потолок, грязный пол, настоящий сумрак.

Певица была невысокой женщиной в желтом платье и с сильно накрашенным лицом. В кафе было душно и пыльно, под ногами чавкали влажные опилки.

Мой столик стоял почти у самого бара. Посетителей было около дюжины: три девушки с заспанными глазами что-то пили, сидя за стойкой бара, там же восседал мужчина в грязной феске, а другой уже уронил голову на вытянутую руку. Четверо мужчин смеялись за столиком наискось от меня. Остальные посетители сидели поодиночке, пили кофе, слушали песни, взгляд их был рассеянный, они ждали, а может быть, уже перестали ждать, что что-либо произойдет.

Но ничего не произошло. Поэтому, после третьей чашки, я расплатился с тучным усатым хозяином и вышел на улицу.

Снаружи, казалось, стало на пару градусов прохладнее. Я повернул направо и, плохо соображая, долго брел, пока не добрался до обшарпанного забора, который шел вдоль высокого склона Акрополя.

Где-то далеко послышались шаги. Я постоял полминуты, вокруг простиралась только тишина и очень темная ночь. Пожав плечами, я вошел в ворота. От храма Диониса остался только фундамент. Не останавливаясь, я пошел к театру.

Однажды Фил высказал мысль, что история движется гигантскими циклами, подобно часовой стрелке часов, проходя одни и те же цифры изо дня в день.

— Историческая биология свидетельствует о том, что вы заблуждаетесь, — возразил ему Джордж.

— Я не имею в виду повторение того, что было.

— Тогда нам следует договориться относительно языка, на котором мы будем разговаривать, прежде чем начать дальнейшую беседу.

Миштиго рассмеялся:

— И никаких известий, никаких!

Я шел среди руин, в которые время превратило бывшее величие. Наконец я оказался в старом театре и стал спускаться вниз...

Я никак не думал, что Диана совершенно серьезно отнесется к глупым надписям, украшавшим мой номер.

— Им здесь и положено быть. Они на своих местах.

— Ха-ха.

— Когда-то это были головы убитых вами животных. Или щиты поверженных врагов. Теперь же мы цивилизованные люди и живем по-новому.

Я решил изменить тему разговора:

— Какие-нибудь новости в отношении веганцев?

— Нет.

— Вам до сих пор нужна его голова?

— Скажите мне, Константин, Фил всегда был вашим другом? И таким дураком?

— Он вовсе не такой уж дурак. Просто это бич недостаточного таланта. Сейчас его считают последним поэтом-романтиком, вот и лезет он из кожи вон. Он вкладывает свой мистицизм во всякую чепуху, потому что он, подобно Вордсворту, пережил свое время. Сейчас он живет в искаженном прекрасном прошлом. Подобно Байрону, он однажды переплыл пролив Дарданеллы, и теперь единственное, что недостает ему для полного удовольствия, — это общество юных дам, которым он докучает своей философией и воспоминаниями. Он стар. В его произведениях время от времени появляются вспышки его прежней мощи, но весь стиль его теперь уже безнадежно устарел.

— Неужели?

— Я вспоминаю один пасмурный день, когда он стоял в театре Джонса и декламировал гимн, написанный в честь бога Пана. Его слушали человек 200—300, одни только боги знают, откуда их столько здесь взялось, — но это его не смутило. Тогда его греческий не был еще достаточно хорош, но у него был весьма внушительный голос, и от всего его облика веяло каким-то вдохновением. Через некоторое время пошел мелкий дождь, но никто не ушел. Гром аплодисментов раздался, когда он закончил свое чтение. Слушатели прямо дрожали от восторга. Уходя, многие на него оглядывались. На меня это чтение также произвело глубокое впечатление. Затем, через несколько дней, я перечитал эту поэму — и, представьте себе, никакого впечатления. Сплошной собачий бред, набор избитых фраз. Просто важно было то, как он читал это произведение. А сейчас вместе со своей молодостью он растерял часть этой своей мощи, и то, что осталось и что можно было бы назвать искусством, не содержит в себе той силы, какая сделала бы его великим, которая превратила бы его в легенду. Он этим очень обижен и утешает себя туманными выражениями. И все же, если отвечать на ваш вопрос, — то нет, он не всегда был таким глупым. Возможно даже, часть его философии верна.

— Что вы имеете в виду?

— Большие циклы. Век причудливых зверей наступает снова. А также век героев, полубогов и демонов.

— Мне пока что встречались только причудливые звери.
— «КАРАГИОЗИС СПАЛ НА ЭТОЙ КРОВАТИ»,—
разве это не подтверждение моих слов?

8

Я прошел на авансцену. Со всех сторон меня окружали рельефные скульптуры. Вот Гермес, представляющий Зевсу новорожденного бога. Икарий, которого Дионис научил разводить виноград — он готовился принести в жертву барана, а его дочь предлагала пирог богу, который стоял в стороне, беседуя с Сатиром. А вот пьяный Силен, пытающийся поддержать небо, подобно Атланту, но у него это получается немного хуже. Здесь были и все остальные боги — покровители различных городов, на чьи средства сооружался этот театр, и среди них я различил Гестию, Тазия, Эриду с рогом изобилия...

— Ты хочешь совершить жертвоприношение богам?—
прозвучал неподалеку от меня голос.

Я не обернулся. Источник голоса был за моим правым плечом, но я не обернулся, ибо узнал этот голос.

— Возможно,— ответил я.

— Прошло много времени с тех пор, как твоя нога ступала на землю Греции.

— Верно.

— Это из-за того, что не было бессмертной Пенслогны — терпеливой, как эти горы, верящей в возвращение своего калликанзариды?

— Ты решил заделаться деревенским сказочником?

Он рассмеялся.

— Я пасу овец высоко в горах, куда первыми простирются пальцы Авроры, сыплющие розы на небосвод...

— Да, ты плохой сказитель. Почему же ты сейчас не в горах, не развращаешь молодежь своими песнями?

— Виною тому сны.

— Да?

Я обернулся и посмотрел в сторону старого лица — морщины, похожие на почерневшую от времени рыбацкую сеть, белоснежная борода, голубые глаза, цветом под стать слегка пульсирующим на висках венам. Он опирался на свой посох, как воин опирается на свое копьё. Я знал, что ему уже больше ста лет и он не прибегал к омоложению.

— Недавно мне приснилось, что я стою посредине черного храма,— начал рассказывать он,— и бог Аид подошел

и встал рядом со мной. Он схватил меня за руку и стал умолять уйти вместе с ним. Но я решительно отказался и... проснулся. Этот сон встревожил меня.

— Что ты ел в тот вечер? Ягоды из «горячего» места?

— Не смейся, пожалуйста. Затем как-то поздней ночью мне приснилось, что я стою среди песков во тьме. Я налит силой древних горцев и борюсь с самим Антеем, сыном Земли, и побеждаю его. Затем снова ко мне подходит Аид, берет меня за руку и говорит: «Пойдем со мной сейчас же». Но я снова отказываюсь и снова просыпаюсь. Вокруг дрожала земля...

— И это все?

— Нет. Затем, совсем уже недавно и не ночью я сидел под деревом, присматривая за стадом, и мне пригрезилось, хотя я и бодрствовал, что я, подобно Аполлону, сражаюсь с чудовищем Парфенона и мне вот-вот придет конец. Однако на этот раз Аид не пришел ко мне, но когда я обернулся, то заметил рядом с собой Гермеса — его слугу. Он улыбнулся и направил на меня свой жезл, будто винтовку. Я покачал головой, и он опустил свое оружие. Затем он снова поднял его, и я посмотрел туда, куда он его направил. Там передо мной открылись Афины, именно это место, этот театр, — и здесь сидела старуха. Та, которая отмеряет нить земной жизни: сидела, надув губы, недовольная, так как нить тянулась до самого горизонта и конца ей не было видно. Но та, которая прядет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна нить уходила в холмы, другая же бежала через моря и исчезала из виду. Возле первой, на возвышенности, стоял мертвец, который держал нить в своих огромных белых руках. За ним, возле следующего холма, она проходила через раскаленную скалу. На холме за скалой находился Черный Зверь, и он тряс и терзал нить зубами. И вдоль всей длины нити крался иноземный воин. Его глаза были желтыми, а в руках он держал обнаженный меч. Несколько раз он угрожающе поднимал свое оружие. Поэтому-то я и оказался здесь, чтобы встретиться с тобой в этом месте и сказать тебе, чтобы ты вернулся за море. Я хотел предупредить тебя, чтобы ты не шел в холмы, где тебя поджидает смерть, ибо я знаю, что когда Гермес поднимает свой жезл, то эти сны относятся не ко мне, а к тебе. Мой сын сказал, что я обязан разыскать тебя и предупредить. Уходи отсюда сейчас же, пока еще можешь. Возвращайся. Иди к себе, пожалуйста...

Я обхватил его за плечи.

— Я не поверну назад, так как всецело в ответе за свои

поступки — правильные или неправильные, включая свою собственную жизнь. Я должен идти в горы, где находятся «горячие» точки. Спасибо тебе за твое предупреждение. В нашей семье часто снятся необычные сны, и не менее часто они только вводят нас в заблуждение. У меня тоже бывают видения, когда я смотрю глазами других людей, иногда четкие, иногда туманные. Спасибо тебе за твое предупреждение. Просто я вынужден пренебречь им.

— Тогда я вернусь к своему стаду.

— Пошли со мной в гостиницу. Мы завтра могли бы тебя подбросить по воздуху в Ламию.

— Нет, я не сплю в больших зданиях. И я больше не летаю.

— Мы могли бы заночевать лагерем. Я как раз уполномоченный этого памятника.

— Я слышал, что ты снова важная шишка в большом правительстве. Снова начнутся убийства?

— Надеюсь, что нет.

Мы отыскивали ровное место и расположились на его плаще.

— Как ты истолковываешь эти сны?— спросил я его.

— Каждый год до нас доходят твои подарки, но когда ты сам в последний раз посетил нас?

— Около девятнадцати лет назад.

— Значит, тебе ничего не известно о Мертвеце?

— Нет.

— Он выше большинства людей, выше и толще. Его плоть имеет цвет медузы, а зубы как у зверя. Слухи о нем начались около пятнадцати лет назад. Он появляется только по ночам. Он питается кровью, а смеется, как ребенок, рыская по окрестностям в поисках крови,— ему все равно, людей или животных. Он улыбается, заглядывая в спальни людей поздней ночью. Он поджигает церкви, вызывает свертывание молока у кормящих матерей и выкидыш у рожениц. Днем, говорят, он спит в гробнице, охраняемый дикарями-курстами.

— Ему приписывают все несчастья, как когда-то приписывали калликанзаридам.

— Отец, он существует на самом деле. Некоторое время назад что-то стало причиной смерти моей овцы. Что бы это ни было, но значительная часть ее была съедена и выпита вся кровь. Меня взяло любопытство, и поэтому я выкопал укромное убежище, прикрыл его ветками и устроился на ночь. После многих часов ожидания, он появился, и я был так напуган, что не решился заступиться за

стадо и запустить в него камнем из своей пращи — ибо он был как раз такой, каким я тебе его описал: большой, больше, чем ты. Очень толстый. У него цвет свежеевкопанного трупа. Он скрутил голыми руками шею одной овце и стал жадно пить кровь из ее горла. Я плакал, видя это, но боялся что-либо предпринять. На следующий день я перегнал стадо в другую местность, и больше меня никто не беспокоил. Эту историю я рассказываю, когда слишком уж расшались мои внучата, твои правнуки. И вот он ждет там, между холмами...

— М-м-да. Если ты говоришь, что сам видел, то, значит, так оно и есть. Многие страшные вещи появляются вблизи «горячих» мест. И мы знаем об этом.

— Там, где Прометей разбросал слишком много искр Огня Созидания!

— Нет, там, где негодяи разбрасывали свои кобальтовые бомбы, а мальчишки и девочки с горящими глазами приветствовали выпадение радиоактивных осадков... А каков из себя Черный Зверь?

— Он тоже существует, я уверен в этом, хотя сам никогда его не видел. Он размером со слона и очень быстр. Он, говорят, питается плотью, охотясь на равнинах. Может быть, когда-нибудь он и Мертвец повстречаются и погубят друг друга...

— Обычно такого не бывает, но мысль сама по себе хороша. Это все, что о нем известно?

— Да. Все, кого я знаю, видели его только мельком.

— Что ж, иногда приходится начинать даже с меньшими сведениями.

— Я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортане? Это имя мне знакомо. Так звали моего пса. Я, бывало, катался на его спине, когда был ребенком, и колотил ножками по его огромным бронированным бокам. В этих случаях он рычал и хватал меня за ногу, но осторожно. Мой Бортан подох так давно, что даже кости его давно уже успели истлеть.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты в последний раз уехал от нас, он с шумом ворвался в нашу хижину. По-видимому, он шел по твоему следу через половину Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве была другая собака размером с небольшую лошадь с роговыми шишками по бокам и челюстями будто капканы на медведя?

— Нет, я так не думаю. Возможно, именно поэтому они

и вымерли. Зачем собакам броня по бокам, если они всю жизнь ошиваются среди людей? Если он до сих пор жив, то, наверное, он последний пес на Земле. Мы с ним оба были когда-то малышами, и знаешь, это было так давно, что сердце ноет, стоит только подумать об этом. В тот день, когда он исчез, мы охотились, и я решил, что с ним произошел несчастный случай. Я искал его, а не найдя, подумал, что он погиб. Уже тогда он был по собачьим меркам довольно стар.

— Наверное, он получил какую-то рану и побрел куда-то подышать, но это заняло у него многие годы. Однако он остался самим собой и учуял твой след в тот твой последний к нам приезд. Когда же он увидел, что тебя нет, он взвыл и исчез, снова бросился вслед за тобой. С тех пор мы его не видели, хотя иногда по ночам я слышу его завывание среди холмов.

— Собаки очень своеобразны...

— Да, только вот теперь их уже нет на Земле.

Но тут дуновение холодного ветерка коснулось моих век, и... они сомкнулись...

Греция кишит легендами и полна опасностей. Обычно опасны районы материковой Греции, расположенные вблизи «горячих» мест. Одной из причин этого является то, что хотя Управление теоретически руководит всей Землей, по сути оно занимается только островами.

Персонал Управления на материках очень напоминает сборщиков подати двадцатого века в отдаленных районах. И это вполне объяснимо, так как острова претерпели меньшие разрушения, чем весь остальной мир в течение Трех Дней, и, следовательно, именно они стали аванпостами, где расположились религиозные управления, когда таллериты решили, что нам можно предоставить некоторую самостоятельность. На протяжении всей последней истории жители материков решительно противились этому.

В районах, окруженных «горячими» местами, окрестные жители не всегда являются людьми в полном смысле этого слова. В связи с этим возникает антипатия между двумя ветвями человечества, усугубляемая аномалиями в быту и в поведении. Вот почему Греция — особо опасная страна.

Мы могли добраться до места назначения разными способами: по воде, по воздуху. Миштиго же хотел от Ламии идти пешком, наслаждаясь атмосферой легенд и чуждого ему окружения. Вот почему мы оставили скиммеры в Ла-

мии и отправились в Волос пешком. Вот почему мы окунулись в мир легенд.

Я распрощался с Ясоном в Афинах, откуда он морем отправился к себе, на север. Фил настоял на том, что он выдержит путешествие и пойдет с нами, вместо того чтобы где-нибудь потом с нами встретиться. Тоже неплохо в определенном смысле.

Дорога на Волос пролежала через места как с обильной, так и со скудной растительностью. Она идет вдоль огромных скал, редких скоплений бараков, мимо засеянных маком полей. Она пересекает небольшие ручьи, вьется среди холмов.

Стояло раннее утро. Небо было похоже на голубое зеркало, потому что свет Солнца, казалось, наполнял его отовсюду. В темных местах на траве блестели капельки росы. Здесь, по дороге на Волос, я повстречался со своим тезкой.

Когда-то в старину здесь было нечто вроде места поклонения. В юности я часто заходил сюда, ибо мне нравилась какая-то умиротворенность, характерная для него. Иногда мне здесь попадались полулюди или вообще не люди, иногда снились приятные сны или я находил какую-нибудь старую керамику, голову статуи или вообще что-нибудь такое, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

К этому месту нет тропы. Нужно просто знать, где оно находится. Если бы с нами не было Фила, я бы не повел туда никого. Я знал, что ему нравится все, что обещает уединение, безлюдную многозначительность, что сулит приоткрывшийся вид на туманное прошлое, и тому подобное.

Сойдя с дороги и пройдя полмили через рощу, а затем мимо груды скал и через расщелину между ними (нужно знать, в каком точно месте), можно выйти на широкую прогалину, где всегда неплохо передохнуть, прежде чем двинуться дальше. Затем следует короткий крутой спуск — и внизу появится поляна в виде яйца длиной около пятнадцати метров, а в поперечнике около пяти. В одном из ее концов — обширная пещера, обычно пустая. На поляне наугад разбросаны наполовину погружившиеся в землю почти квадратные камни. Деревья и скалы отчасти увиты диким виноградом, а в центре возвышается огромное старое дерево, ветви которого, будто зонтик, закрывают почти все пространство поляны, благодаря чему почти весь день здесь лежит тень. Благодаря этому же данное место трудно разглядеть с расположенной наверху прогалины.

Однако мы смогли различить посреди этого места сатира, ковыряющего в носу. Я увидел, что у Джорджа рука потянулась к пистолету, заряженному усыпляющими пулями, и схватил его за плечо. Пристально посмотрев в его глаза, я покачал головой. Он пожал плечами и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью свирель, которую выпросил у Ясона. Остальным я показал жестом, чтобы они пригнулись и старались не шевелиться. Сам же я сделал несколько шагов назад и поднес свирель к губам. Первые звуки, которые я извлек из свирели, были пробными. Прошло очень много лет с тех пор, как я в последний раз играл на этом инструменте.

Уши сатира поднялись торчком, он стал озиаться. Он сделал быстрые движения в трех разных направлениях, как застигнутая врасплох белка, еще не взбравшаяся на дерево, на котором она надеется спрятаться. Затем застыл, дрожа мелкой дрожью, как только я завел старую мелодию и будто повесил ее в воздухе. Я продолжал играть, все вспоминая и вспоминая другие мелодии, которые когда-то играл, выводя какие-то опьяняющие мелодии, которые, как оказалось, столько лет скрывались в подвалах моего сознания. Все это снова вернулось ко мне, пока я стоял здесь, играя для малого с мохнатыми ногами.

В городе я бы не сумел выводить эти переливающиеся трели, каскады звуков, издавать которые может только свирель, но здесь внезапно я снова стал самим собой. Я увидел новые лица среди деревьев и услышал цокот копыт.

Я медленно пошел вперед.

Будто во сне я заметил, что стою, опираясь спиной о ствол дерева, и они находятся вокруг меня. Они переминались с копытца на копытце, не в состоянии оставаться без движения, а я играл для них, как играл когда-то, много лет назад, не зная, на самом деле они те же, что слушали меня тогда, да и не ощущая необходимости знать это. Они скакали вокруг меня, они смеялись, обнажая белые зубы, глаза их сверкали, они кружились, толкались, тыкая друг друга своими ножками и рожками, высоко вверх подбрасывая свои козлиные ноги, наклоняясь далеко вперед. Они подпрыгивали вверх, громко топали, трамбуя землю.

Я кончил играть и опустил свирель. На этот раз я играл последнюю сочиненную мною песню. Это была погребальная песня, которую я играл в тот вечер, когда решил, что Карагиозису необходимо умереть. Тогда я осознал провал движения за Возвращение. Они не вернутся, не вер-

нутя никогда. Земля погибнет. Я сошел вниз, в парк, при-
мыкающий к гостинице, и играл эту последнюю мелодию.

На следующий день огромная ладья Карагиозиса поки-
нула Пирей...

Они расселись на траве. Время от времени то один, то
другой косили свои глаза. Все они скорбели со мной, слу-
шая эту песню.

Я не знал, сколько времени длились мои наигрывания.
Когда песня закончилась, я опустил свирель и сел. Через
некоторое время один из них протянул руку, дотронулся
до свирели и быстро отдернул ее. Затем он посмотрел на
меня.

— Ступайте,— сказал я.

Но они, казалось, не поняли меня.

Я поднял свирель и проиграл снова несколько послед-
них тактов.

«Земля гибнет, гибнет. Вскоре она станет мертвой...
Расходитесь, бал окончен. Поздно, поздно, очень поздно...»

Самый крупный из них покачал головой.

«Расходитесь, расходитесь, расходитесь... Цените тиши-
ну. Жизнь сделала свой первый ход и сама себя сгубила.
Цените тишину. На что надеются боги, на что? Нити по-
рваны. Им не на что надеяться. Все это была просто игра.
Расходитесь, расходитесь, расходитесь. Поздно, поздно, так
поздно...»

Они продолжали сидеть, и поэтому я резко встал, хлоп-
нул в ладоши и громко крикнул:

— Иду!

Потом повернулся и быстро пошел прочь.

Собрав своих спутников, я повел их к дороге...

9

От Ламии до Волоса более шестидесяти пяти километ-
ров, включая обход одного «горячего» места. В первый день
мы прошли, наверное, одну пятую часть этого расстояния.
Вечером мы расположились лагерем на поляне, немного в
стороне от дороги. Ко мне подошла Диана и сказала:

— Ну, так что?

— Что «что»?

— Я только что вызывала Афины. Рэмпол молчит. И
потому я хотела бы знать ваше решение сейчас.

— Что-то ты настроена очень решительно. Почему бы
нам не подождать еще немного?

— Мы и так ждали слишком долго. Предположим, ему взбредет в голову достаточно быстро завершить турне? Эта местность вполне может подвести его к этому. Здесь очень часто бывают несчастные случаи... Ты ведь знаешь, что скажет Рэдпол,— то же, что и раньше. И это будет означать только то, что и раньше — смерть!

— Мой ответ остается тот же — нет!

Она быстро-быстро заморгала, опустив голову.

— Пожалуйста, пересмотри свое решение...

— Нет.

— Тогда забудь о нашем разговоре. Обо всем забудь. Откажись от роли проводника, и пусть Лорел пришлет нового. Ты сможешь улететь отсюда на скиммере даже завтра утром.

— Нет.

— Ты что, на самом деле, всерьез? Ты всерьез думаешь, что можешь защитить Миштиго?

— Да.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты пострадал, или еще хуже...

— Мне и самому все это не по нутру. Поэтому ты можешь значительно облегчить жизнь нам обоим, если согласишься на отмену предыдущего решения.

— Но я не могу этого сделать.

— Дос Сантос может это сделать, если ты его об этом попросишь.

— Проблема вовсе не в выполнении приказа, черт возьми! Лучше бы никогда не встречаться с тобой!

— Прости.

— Ставкой является Земля, и ты находишься по другую сторону...

— А я полагаю, что это ты.

— Что же ты собираешься сейчас предпринять?

— Так как я не в состоянии переубедить тебя, то мне остается только одно — помешать вам.

— Ты не сможешь убрать секретаря Рэдпола и его супругу без шума. Не забывай, что мы очень обидчивы.

— Я знаю об этом.

— Поэтому ты не сможешь причинить вред Досу, и я не верю, что ты сможешь причинить вред мне.

— Ты права.

— Значит, остается Хасан!

— Еще раз правда на твоей стороне.

— Но Хасан есть Хасан! Что ты можешь предпринять против него?

— Почему бы вам прямо сейчас не дать ему увольнительную и избавить меня таким образом от хлопот?

— Мы не можем этого сделать.

Она подняла взор. Глаза ее были влажными, но лицо и голос ничуть не изменились.

— Если окажется, что ты прав, а мы заблуждались,— произнесла она,— то уж постарайся простить нас.

— Простите и вы меня тоже,— кивнул я.

Всю эту ночь я почти не спал, находясь рядом с Миштиго, но ничего не случилось.

Следующее утро прошло без особых событий, как и большая часть дня.

— Миштиго!— произнес я, как только мы остановились поснимать склоны очередного холма.— Почему бы вам не уехать домой? Вернуться на Таллер, а? Или куда-нибудь еще? Просто уйти отсюда и написать какую-нибудь другую книгу. Чем дальше мы удаляемся от цивилизации, тем меньше мои возможности защитить вас.

— Вы дали мне пистолет, понятно?— Он изобразил правой рукой, будто стреляет.

— Очень рад за вас, что вы так решительно настроены. Но все же подумайте хорошенько.

— Этот козел находится на нижней ветке вон того дерева?

— Да. Им очень нравятся молодые зеленые побеги.

— Я хотел бы сфотографировать его. То дерево называется оливковым?

— Да.

— Хорошо. Я хотел бы знать, как правильно подписать этот снимок: «Козел, объедающий зеленые побеги оливкового дерева». Неплохой заголовок?

— Прекрасный. Снимайте побыстрее, пока козел еще там.

Если бы он не был таким коммуникабельным, таким четким, таким безразличным к самому себе. Я ненавидел его. Я не мог его понять. Он разговаривал только тогда, когда о чем-то спрашивал или отвечал на вопрос. И всякий раз, когда он достаивал вопрос ответом, он был кратким, уклончивым, высокомерным, причем зачастую все это одновременно. Он был самодовольным, тщеславным, синим, во всем проявлялась его власть. Он заставил меня глубоко задуматься о традициях рода Штиго в области философии, филантропии и просвещенной журналистики.

В этот же вечер я разговаривал с Хасаном, после того, как весь день не спускал с него глаз. Он сидел у костра, будто сошел с картины Делакруа. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, попивая кофе.

— Мои поздравления!

— Поздравления?

— За то, что вы не пытались убить меня.

— Нет.

— Вероятно, завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотрите на меня!

Он повернулся в мою сторону.

— Вас наняли убить этого синего?

Он снова пожал плечами.

— Не нужно этого отрицать, да и признавать не нужно. Я уже и так все знаю. И поэтому я не могу допустить, чтобы вы это сделали. Верните деньги, которые заплатил вам Дос Сантос, и ступайте своей дорогой. Я могу раздобыть для вас скиммер к утру. Он доставит вас в любое место, какое вы только пожелаете.

— Но я счастлив здесь, Карачи.

— Ваше счастье тотчас же прекратится, как только с этим синим что-нибудь случится.

— Я телохранитель, Карачи.

— Нет, Хасан. Вы сын верблюда диспентика.

— Что такое диспентик, Карачи?

— Я не знаю эквивалента в арабском, а вы не знаете греческого. Обождите минуточку, и я подыщу другое оскорбление. Вы — трус, пожиратель падали, крадущийся по темным закоулкам, потому что вы — помесь шакала и обезьяны...

— Возможно, это именно так, Карачи, так как мой отец говорил мне, что я родился для того, чтобы с меня живого содрали кожу и четвертовали.

— Почему?

— Я был связан с дьяволом.

— Да?

— Да. Это чертям вы играли вчера? У них были рога, копыта.

— Нет, это были не черти. Это результат воздействия радиации на детей несчастных родителей, которые бросили их умирать в этой глуши. Они же тем не менее выжили, но потому, что глушь для них — это настоящий родной дом.

— О! А я-то считал их чертями. Я до сих пор так о них

думаю, потому что один из них улыбнулся мне, когда я молился о том, чтобы они простили меня.

— Простили? За что?

В глазах араба читалась отрешенность.

— Отец мой был человеком добрым, порядочным, религиозным. Он поклонялся Малаку Тавсу, которого невежды шииты (здесь он сплюнул) называют Иблисом, или Шайтаном, или Сатаной. Его благочестие было широко известно наряду со многими другими добродетелями. Я любил его, но в меня, еще в мальчишку, вселился какой-то бес. Я стал атеистом и не верил в дьявола. Я был дурным ребенком, так как подобрал где-то мертвого цыпленка, насадил его на палку и назвал Ангелом-Павлином. Я дразнил его, швырял в него камни и выщипывал перья. Один из мальчиков постарше перепугался и рассказал об этом моему отцу. Отец выпорол меня прямо на улице и сказал, что с меня сдерут кожу живьем и четвертуют за богохульство, если только я еще раз позволю себе подобное. Он заставил меня отправиться на гору Занджар и вымаливать там прощение. Я пошел туда, но бес не оставил меня. Несмотря на порку, я не верил в свои молитвы. Теперь, когда я уже стал старым, бес этот пропал, но мой отец умер много лет назад и я не мог сказать ему: «Прости меня за то, что я богохульствовал». Становясь старше, я стал ощущать необходимость веры. Надеюсь, что Дьявол в своей великой мудрости и милосердии поймет это и простит меня...

— Хасан, вас трудно оскорбить,— сказал я,— но я предупреждаю вас, поймите меня: ни один волос не должен упасть с головы этого синего.

— Я здесь всего лишь скромный телохранитель...

— Ха-ха! У вас хитрость и коварство.

— Нет, Карачи. Благодарю вас, но это не так. Я горжусь тем, что всегда выполняю принятые на себя обязательства. Таков закон, согласно которому я живу. Кроме того, вы не сможете оскорбить меня до такой степени, чтобы я вынужден был вызвать вас на поединок, тем самым позволив вам выбрать род оружия. Нет, этого никогда не будет. Я не восприимчив к вашим оскорблениям.

— Тогда остерегайтесь,— покачал я головой.— Ваш первый ход против веганца будет и самым последним.

— Если так записано в Книге Судеб, Карачи, то...

— И зовите меня Конрад!

Хасан замолчал, а я поднялся и побрел прочь, обурсыаемый тяжелыми мыслями...

На следующий день все мы были еще живы. Мы быстро собрались и прошли около восьми километров, прежде чем произошла непредвиденная задержка.

— Кажется, где-то плачет ребенок,— внезапно сказал Фил.

— Вы правы.

— Откуда он доносится?

— Похоже, слева, вон оттуда.

Мы пробежали сквозь заросли кустов и вышли к руслу пересохшего ручья. На первом же повороте мы увидели ребенка, лежавшего между камнями, завернутого в грязное одеяло. Его лицо и руки сильно покраснели под палящими лучами Солнца, что говорило о том, что он находится здесь довольно продолжительное время. На его крохотном влажном личике были видны многочисленные укусы насекомых.

Я опустился на колени, чтобы получше закутать его в одеяльце.

Эллен слегка вскрикнула, когда одеяло спереди приоткрылось и она увидела тело ребенка. На груди его был врожденный свищ, и что-то копошилось внутри него.

Красный Парик закричала, отвернувшись и начала всхлипывать.

— Что?— недоуменно спросил веганец.

— Один из покинутых,— сказал я, занимаясь ребенком.— Это один из меченых.

— Как ужасно!— с чувством произнесла Красный Парик.

— Это видимость или факт, что он брошен?— поинтересовался Миштиго.

— И то и другое!

— Передайте его мне,— сказала Эллен, протягивая руки.

— Не прикасайтесь,— Джордж отодвинул ее немного в сторону и наклонился ко мне.— Возьмите скиммер,— приказал он, обращаясь к обступившим его людям.— Мы должны немедленно отправить его в больницу. У меня нет оборудования, чтобы прооперировать здесь. Эллен, помоги мне.

Она заняла место рядом с ним, и они вместе стали рыться в его медицинском наборе.

— Напишите, что я сделал ему, и приколите эту записку к чистому одеялу, чтобы врачи в Афинах знали об этом.

Эллен стала наполнять шприцы для Джорджа, затем

промыла укусы и смазала ожоги. Они вместе накачали ребенка витаминами, антибиотиками и еще черт знает чем.

Дос Сантос связался с Ламией и попросил прислать один из наших скиммеров.

Эллен и Джордж в это время уже завернули ребенка в чистое одеяло и подкололи к нему записку.

— Как это ужасно! — сказал Дос Сантос. — Выбрасывать такое дитя. Ведь ему предстояла такая мучительная смерть...

— Здесь это практикуется давно, — сказал я, обращаясь ко всем. — Особенно вблизи «горячих» мест. В Греции всегда существовала традиция детоубийства. Меня самого вынесли на вершину холма в тот же день, когда я увидел этот мир.

Миштиго закурил свою очередную сигарету, но, услышав мои слова, замер и посмотрел на меня.

— Вас? Но зачем это сделали?

Я рассмеялся и стал рассматривать свои ноги.

— Это запутанная история. Я сейчас ношу специальную обувь, потому что у меня одна нога короче другой. Кроме того, насколько я понимаю, для ребенка я был слишком волосатым. Ну, и глаза у меня разные. Но я думаю, что на все это не обратили бы внимания, не родился я на Рождество, а это очень плохо.

— А что тут плохого — родиться на Рождество?

— Боги, согласно местным поверьям, считают это большим нахальством.

По этой причине дети, которые рождаются в это время, не являются детьми людей. Они зачаты от различных злых духов, которые пугают местное население, расстраивают их планы и все такое прочее. Этих духов называют здесь калликанзаридами. Они очень похожи на тех ребят с рогами и копытами, но, правда, некоторые все же больше похожи на людей. Они могут быть внешне похожи на меня, поэтому мои родители, если только они в самом деле были моими родителями, решили избавиться от меня. Вот почему я был оставлен на вершине холма. Этим был сделан широкий жест — мол, возвращаем дитя его настоящему родителю.

— И что же было потом?

— В нашей деревеньке жил старенький православный священник. Он услышал об этом и пришел к ним. Он им сказал, что они совершили смертный грех и будет лучше, если они побыстрее заберут своего ребенка назад и подго-

товят его для того, чтобы он, священник, окрестил новорожденного на следующий день.

— О! Так вы еще и крещены?!

— Да...— я закурил сигарету.— Они вернулись за мной. Все правильно. Но потом стали утверждать, что я не тот самый ребенок, которого они оставили на холме. Они оставили обычного ребенка, насчет которого у них возникли сомнения, что он мутант, а забирать им пришлось уже настоящего урода. Вот что они потом говорили. Взамен они получили гораздо худшего рождественского ребенка. Никто меня не видел, и поэтому их утверждения нельзя было полностью проверить.

Однако священник настоял на том, чтобы они оставили у себя этого ребенка. И как только они смирились со случившимся, они стали бесконечно добры ко мне. Рос я очень быстро и был очень силен для своих лет.

— Но крещение...

— О, это было для них... как бы наполовину.

— Как это наполовину?

— Во время моего крещения священника хватил удар, и через день он умер. Во всей нашей округе он был один, поэтому я не знаю, все ли было выполнено так, как положено.

— Может быть, лучше проделать это еще раз, на всякий случай?

Я внимательно посмотрел на веганца, но не заметил на его лице и капли иронии.

— Нет. Если небо не захотело меня тогда, то второй раз я просить не собираюсь.

Мы расположились на ближайшей поляне и стали ждать скиммер...

В тот день мы прошли примерно с дюжину километров, что можно считать прекрасным, если учесть состав нашей группы. Ребенок был погружен в скиммер и отправлен прямо в Афины. Когда все было готово к отлету, я громко спросил, не хочет ли еще кто-нибудь уехать. Но никто, однако, не отозвался.

Именно в этот вечер все и случилось...

Мы полумесяцем лежали вокруг костра. Было тепло и приятно. Хасан прочищал свой обрез с алюминиевым стволом. Приклад оружия был из пластика, и поэтому оно было очень легким и удобным.

Возясь с оружием, Хасан наклонил дуло вперед и медленно стал перемещать его прямо на Миштиго.

Должен признаться, проделал он это все мастерски. Длилось это полчаса, и он перемещал дуло едва уловимым движением.

Но, когда положение дула зафиксировалось в моей голове, я вскочил и в три прыжка оказался около араба. Я выбил обрез из его рук, и оружие, отлетев метра на три, стукнулось о камень. Рука моя заныла от удара.

Хасан тотчас же вскочил. Зубы его щелкали, словно курок кремниевого ружья. Мне даже показалось, что из его рта посыпались искры.

— Объяснитесь! — закричал я. — Валяйте, скажите что-нибудь! Все что угодно! Вы ведь чертовски прекрасно знаете, что собирались только что сделать!

Руки Хасана задрожали.

— Давайте! — подбодрил я его. — Ударьте меня! Всего лишь прикоснитесь ко мне! Затем то, что я с вами сделаю, будет называться самообороной. Даже Джордж тогда не сможет сложить то, что от вас останется.

— Я всего лишь чистил оружие. И вы повредили его, Карачи.

— Случайно оружие не направляется в цель. Вы собирались убить веганца!

— Вы ошибаетесь.

— Ударьте меня! Или вы трус?

— Я не хотел бы ссориться с вами, Карачи.

— Тогда вы действительно трус!

— Нет, Карачи, я не трус!

Через несколько секунд он улыбнулся и спросил:

— Вы не боитесь бросить мне вызов?

Следующий ход был за мной. Я надеялся, что до этого не дойдет. Я надеялся, что смогу вывести его из себя настолько, что он ударит меня или вызовет на дуэль. Но теперь я понял, что этого мне не удалось сделать.

И это было плохо. Очень плохо!

Я был уверен в том, что смог бы одолеть любого врага оружием, которое выбрал бы лично. Но если оружие будет выбирать он, то все может сложиться совершенно иначе. Каждый знает, что существуют люди с обычными музыкальными способностями, и есть люди с особыми способностями. Последним достаточно один раз прослушать какое-нибудь произведение, и они тотчас же сумеют проиграть его на пианино или на талинсторе. Они могут взять какой-нибудь новый для них инструмент, и через несколько часов он будет звучать в их руках так, словно они играли на нем несколько лет подряд. Это особый, присущий им талант —

способность быстрого проникновения в суть того, что им предстоит сделать.

Именно такой способностью обладал Хасан в отношении различных видов оружия. Может быть, таким талантом обладают и другие, однако этот араб в течение многих десятилетий оттачивал грани своего мастерства, в равной степени учась обращаться с пистолетом и гранатометом.

Кодекс поединков дает возможность ему выбрать средства дуэли, и он был самым искусным из убийц, с которыми мне довелось когда-либо встречаться.

Но я должен был помешать ему, и единственный способ, который оставался в моем распоряжении, было сделать это на представленных им условиях.

— Аминь!— сказал я.— Я вызываю вас на дуэль.

Он продолжал улыбаться.

— Согласен, перед этими свидетелями. Назовите своего секунданта.

— Фил Гребер. А ваш?

— Дос Сантос.

— Прекрасно. Разрешение на убийство и пошлина на одного человека находятся в моей сумке. Поэтому нет нужды откладывать это занятие надолго. Когда, где и как вы желаете?

— Мы прошли мимо хорошей поляны в километре отсюда.

— Да. Помню.

— Возвращаемся туда завтра на заре.

— Договорились,— кивнул я.— Что касается оружия...

Он достал свой ранец и открыл его. Там было полно всяких интересных шуток, поблескивающих при свете. Он вытащил два предмета и захлопнул ранец.

Сердце мое упало.

— Праща Давида,— провозгласил он.

Я осмотрел оружие.

— Расстояние пятьдесят метров,— добавил араб.

— Что ж, вы сделали хороший выбор,— сказал я ему, поскольку не держал этого оружия в руках уже более столетия.— Мне бы хотелось позаимствовать у вас одну на ночь, чтобы поупражняться. Но, если вы возражаете, то я сумею сделать ее сам.

— Можете взять любую и тренируйтесь хоть всю ночь.

— Спасибо.

Я выбрал пращу и повесил ее к поясу. Затем взял один из наших фонарей.

— Если я кому-нибудь понадобится, то ищите меня на

той поляне, у дороги. Но не забудьте на ночь поставить часовых. Это опасная местность.

— Может быть, мне пойти с вами?— поинтересовался Фил.

— Нет, спасибо. Я пойду один. Увидимся завтра.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

Я отыскал поляну, установил фонарь на одном ее краю так, чтобы свет от него падал на несколько молодых деревьев, а сам пошел на противоположный край. Затем я подобрал несколько камней и запустил их в дерево.

Промах!

Я бросил еще дюжину — было только четыре попадания.

Я продолжал метать камни. Примерно через час мои успехи стали более значительными. И все же на расстоянии пятьдесят метров я, по-видимому, не мог бы состязаться с Хасаном.

Наступила ночь, а я все продолжал тренироваться. Я достиг через некоторое время, видимо, пределов своей точности. Примерно шесть из семи моих бросков попадали в цель.

Однако один фактор, как я понял, был для меня благоприятным. Камни, пущенные мною, били в цель с невероятной силой. Я уже сломал несколько молодых деревьев и был уверен в том, что Хасану это не удастся сделать даже при значительно больших попаданиях.

Если бы мне только удалось попасть в него, все было бы прекрасно. Но даже могучая сила бесполезна, если ее не направить в нужное русло. И я был уверен в том, что он сможет чаще попадать в меня. Я задумался над тем, сколько времени я смогу оставаться в строю и продержаться. Это зависело, разумеется, от того, куда он попадет.

Я бросил пращу и рванул к автомату за поясом, когда услышал хруст веток за спиной справа от меня. На поляну вышел Хасан.

— Что вам нужно?— спросил я.

— Я пришел взглянуть на вашу тренировку,— сказал он, рассматривая сломанные деревья.

Я пожал плечами, вернул автомат в чехол и поднял пращу.

— Наступит восход солнца — и вы увидите...

Мы пересекли поляну, и я подобрал фонарь. Хасан вни-

мательно осмотрел молодое дерево, которое теперь напоминало скорее зубочистку, но ничего не сказал.

Мы побрели назад к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, забрались уже в свои палатки. Дос был нашим часовым. Он шагал вдоль предупредительного периметра, держа в руках автомат. Он помахал нам рукой, и мы вошли в лагерь.

Я сел на бревно около костра, а Хасан нырнул к себе в палатку. Через несколько секунд он вновь появился с трубкой и брусом какого-то, похожего на резину, вещества, которое стал измельчать. Затем он смешал его с небольшим количеством ячменя и этой смесью набил трубку. После того как он раскурил ее, он сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать вас, Карачи,— произнес он.

— Я разделяю это чувство. Мне что-то не хочется быть убитым.

— Но ведь завтра мы должны сражаться.

— Да.

— Вы можете взять назад свой вызов.

— А вы могли бы улететь на скиммере?

— Нет. Я останусь здесь.

— А я не возьму назад свой вызов.

— Печально,— покачал он головой и, немного помолчав, добавил:— Печально, что двое таких, как мы, должны сражаться из-за такого... синего... Он не стоит ни вашей, ни моей жизни.

— Верно,— кивнул я,— но здесь затронуто нечто большее, чем его жизнь. Будущее нашей планеты каким-то образом связано с тем, что он делает.

— Я ничего об этом не знаю,— бесстрастно произнес Хасан.— Я дерусь ради денег, у меня нет другого способа добывать себе пропитание.

— Да, я знаю.

Пламя костра начало гаснуть. Я бросил несколько веток сушняка.

— Вы помните то время, когда мы бомбардировали Золотой Берег во Франции?— спросил он, глядя в костер.

— Помню.

— Кроме синих мы убили тогда многих невинных людей...

— Да.

— И от этого будущее планеты не изменилось ни на йоту, Карачи. Вот мы здесь через много лет после того, а все осталось по-старому.

— Я знаю это.

— А помните ли вы те дни, когда мы сидели в окопе на склоне холма, выходящего к Пирейскому заливу? Время от времени вы меняли ленты в моем пулемете, а я поливал свинцом лодки. А когда я уставал, вы сами становились за пулемет. У нас тогда было мало патронов. Гвардия Управления не смогла тогда высадиться, да, впрочем, и в последующие дни ей это тоже не удалось. Они так и не сумели захватить Афины, и им так и не удалось уничтожить Рэдпол. И мы беседовали друг с другом, сидя там два дня и ночь, в любую минуту ожидая, что огненный шар уничтожит нас. Вы тогда рассказывали о великих державах в небесах.

— Не помню.

— А я не забыл... Вы говорили, что там тоже есть люди, подобные нам, которые живут на планетах возле далеких звезд. Кроме того, там обитают и синие. Многие из людей, говорили вы, заискивают перед этими чужаками, чтобы заслужить их благосклонность, и они продали бы нашу Землю синим, чтобы те смогли превратить ее в музей. Другие же, говорили вы, не хотят допустить этого, но они хотят, чтобы все осталось по-прежнему, как сейчас: мы — их собственность, которой распоряжается Управление. Синие тоже разделились во мнениях относительно этого, поскольку перед ними встал вопрос, насколько это законно и соответствует ли покупка Земли их этическим нормам.

Стороны пришли к компромиссу, и синим были проданы некоторые не тронутые радиацией местности, которыми они стали пользоваться как курортами и из которых они стали путешествовать по всей Земле. Но вы хотели, чтобы Земля принадлежала только людям. Вы говорили тогда, что, если мы уступим синим хотя бы один дюйм, они захотят и все остальное. Вы хотели тогда, чтобы люди со звезд вернулись и возродили города, перепахали «горячие» места, истребили диких зверей, охотившихся на людей. Мы сидели в окопе, готовые каждую секунду принять смерть, и вы говорили, что мы можем видеть, слышать, осязать или пробовать на вкус смерть, но только из-за небесных держав, которые никогда не видели нас и которых мы никогда не увидим. Небесные державы начали все это, и из-за этого людям придется умирать здесь, на Земле. Вы говорили тогда, что вследствие гибели людей и синих эти державы могут вернуться на Землю. Но они, однако, не вернулись. Нам досталась только смерть. И все-таки державы в небе спасли нас в конце концов, потому что с ними нужно

было посоветоваться, прежде чем можно было взорвать огненный шар над Землей. И они напомнили Управлению о старом законе, принятом во времена, следовавшие за Тремя Днями, согласно которому на вечные времена запрещалось зажигать огненные шары в небе над Землей. Вы считали, что они все-таки зажгут его. И они хотели это сделать, но не посмели, потому что мы остановили их у Пирея. Затем я сжег Мадагаскар ради вас, но державы так и не снизили на Землю. И когда у оставшихся людей заводится больше денег, чем надо, они покидают нашу планету и больше никогда не возвращаются. И что бы мы сейчас ни делали, мы не сможем предотвратить этого...

— Только вследствие того, что мы действовали, а не сидели сложа руки, все осталось как прежде, а не превратилось в дерьмо, — покачал я головой.

— Ну что случилось бы, если бы этот синий умер?

— Не знаю. Возможно, станет еще хуже. Если он рассматривает районы, которые мы посетили, как свою потенциальную недвижимость, то тогда, верно, все начнется сначала.

— Рэдпол будет снова сражаться и бомбить их?

— Думаю, что да.

— Тогда давайте убьем его сейчас, прежде чем он пойдет дальше и увидит больше. Кроме того, могут последовать репрессии — возможно, массовые аресты членов Рэдпола. Рэдпол в наше время находится на переднем крае общественной жизни, как в те дни. Но люди еще не готовы. Им нужно время. А вот этим синим... Я могу следить за ним, узнать его намерения. Затем, если возникнет необходимость, я сам могу его уничтожить.

Я принялся к запаху дыма из его трубки. Чем-то этот запах напоминал запах сандалового дерева.

— Что это вы курите?

— Это одно из новых растений, которых раньше не было на Земле. Оно растет в моих краях. Я там побывал недавно. Попробуйте.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала я ничего не почувствовал.

Продолжая курить, я только через минуту почувствовал, что во мне стало нарастать спокойствие и расслабленность.

Я вернул трубку Хасану. Однако это ощущение становилось все сильнее и сильнее. Мне стало очень приятно. Таким спокойным, таким умиротворенным я не был в течение уже многих недель. Огонь, тени, земля — все, что

окужало нас — неожиданно стало более реальным. Ночной воздух, далекая Луна, звуки шагов Дос Сантоса стали отчетливее, стали заслонять те мысли, которые теснились в моей голове. Борьба казалась нелепой. Все равно мы потерпим поражение. У человечества на роду написано, что ему суждено стать собаками, кошками и дрессированными шимпанзе у по-настоящему разумных людей, веганцев, в определенном смысле это была не такая уж и плохая в целом идея. По-видимому, нам нужен был более мудрый, чем мы, народ, чтобы присматривать за нами и направлять ход нашей жизни. Мы превратили свою собственную планету в грандиозную скотобойню в течение трех злосчастных дней. А эти веганы создали очень цельное, умеренное, но не очень эффективное межзвездное правительство, объединившее под своей властью десятки планет.

За что бы они ни брались, они все делали эстетически, красиво. Их собственная жизнь была размеренной, счастливой и очень тщательно отрегулированной. Зачем же мешать им обладать Землей?

Они, по всей вероятности, преобразуют ее намного лучше, чем это сделали бы мы, и почему бы нам не стать их рабами? Ведь жизнь эта не так уж и плоха? Почему бы не отдать им этот старый ком грязи, полный радиоактивных язв и населенный калеками?

В самом деле, почему?

Я еще раз взял у Хасана трубку и вдохнул в себя новую порцию спокойствия. Ведь это так чудесно — вообще не думать обо всех этих неприятных вещах, не думать о том, что ты фактически бессилен что-либо сделать. Ведь это так хорошо — просто сидеть у костра, дышать свежим ночным воздухом, прислушиваться к шорохам в лесу, этого вполне достаточно для нормальной человеческой жизни.

Но я потерял свою Кассандру, свою смуглую колдунью с острова Кос. Ее отняли у меня неразумные силы, приводящие в движение Землю и воздух.

Ничто не могло убить ощущение утраты. Она казалась отдаленной, как бы заключенной в хрустальный сосуд, но от этого не перестала быть утратой.

Никакая трубка Востока не могла убить боль этой утраты. И я уже не хотел никакого покоя. Я жаждал ненавидеть. Мне хотелось сорвать маску со всей Вселенной — с Земли, с небес, с Таллера, с земного правительства, с Управления, чтобы на одного из них найти ту силу, которая отняла у меня ее, и заставить их тоже познать, что такое боль. Я уже не хотел никакого мира. Я не хочу быть заод-

но с чем угодно. Я хотел хотя бы на десять минут стать Карагиозисом, смотрящим на все это сквозь прорезь прицела и держащим палец на спусковом крючке.

«О Зевс Громовержец,— молился я,— дай мне свою силу, чтобы я мог бросить вызов небесам...» Я вернул трубку.

— Спасибо тебе, Хасан, но мне этого мало.

Затем я встал и поплелся к тому месту, куда бросил свою поклажу.

— Очень жаль, что мне придется убить вас утром,— услышал я его слова, сказанные мне вслед.

Потягивая пиво в горной сторожке на планете Дисбах вместе с веганским продавцом информации по имени Крим (который сейчас уже мертв), я смотрел сквозь широкое окно на высочайшую вершину в обследованной части Вселенной. Называлась она Касла, и на нее еще никто не мог взобраться.

Причина, по которой я упомянул об этом, заключалась в том, что утром перед дуэлью я ощущал глубокое раскаяние в том, что я никогда не пытался ее покорить. Это была одна из тех безумных мыслей, о которых иногда размышляешь и обещаешь себе, что когда-нибудь попытаешься это совершить, но затем, в одно прекрасное утро, просыпаешься и понимаешь, что никогда ты уже не сделаешь этого.

В это утро у всех были какие-то пустые, лишенные какого бы то ни было выражения лица. Мир, окружавший нас, был ярким, чистым, прозрачным и наполнен пением птиц.

Чтобы нельзя было воспользоваться рацией, пока не завершится поединок, я вынул несколько важных деталей и для гарантии передал их Филу. Лорел не будет об этом знать. Об этом не будет знать и Рэдпол.

Никто не узнает об этом, пока не завершится поединок.

Подготовка кончилась, расстояние было отмерено. Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Восходящее Солнце было слева от меня.

— Вы готовы, господа?— раздался голос Дос Сантоса.

— Да!— одновременно ответили мы.

— Я делаю последнюю попытку отговорить вас от проведения дуэли. Желает ли кто-нибудь из вас пересмотреть точку зрения?

— Нет!— ответили мы оба.

— У каждого из вас по десять камней одинакового раз-

мера и веса. Первым начинает, разумеется, тот, кого вызвали на поединок. Хасан — первый!

Мы оба кивнули.

— Начинайте!

Он отступил в сторону, теперь нас разделяло пятьдесят метров пустого пространства. Мы оба встали боком, чтобы уменьшить вероятность попадания.

Хасан заложил в пращу первый свой камень. Я следил за тем, как он быстро вращает его позади себя, затем за его рукой, внезапно взметнувшейся вперед.

Позади меня раздался треск.

Больше ничего не произошло.

Он промахнулся.

Я вложил камень в свою пращу и стал рассекал ею воздух, затем отпустил руку и швырнул камень, вложив при этом всю силу своей руки.

Камень скользнул по его левому плечу, едва коснувшись и повредив только одежду. Он потерял точку опоры.

Все вокруг замерло. Даже птицы прекратили свой утренний концерт.

— Господа!— обратился к нам Дос Сантос.— Каждому из вас было предоставлено по шансу уладить свои разногласия. Теперь можно сказать, что вы достойно встретили друг друга и дали возможность испариться своему гневу и, должно быть, уже удовлетворены. Не желаете ли прекратить поединок?

— Нет!— сказал я.

Хасан потерял свое плечо и покачал головой. Затем он подошел к праще, взял второй камень и, сильно размахнувшись, метнул его в меня.

Камень попал точно между бедром и грудной клеткой.

Я упал на землю, и все вокруг померкло. Секундой позже зрение вернулось во мне, но я лежал, скорчившись, и что-то тысячью зубов вцепилось мне в бок и не отпускало.

Все побежали ко мне, но Фил, размахивая руками, велел им вернуться на прежнее место.

Хасан занял свою позицию. Дос Сантос приблизился к нему.

— Ты можешь подняться?— спросил у меня Фил.

— Да. Мне нужна всего минута, чтобы перевести дух...

— Как вы себя чувствуете?— закричал Дос Сантос, находясь рядом с Хасаном.

Фил направился в их сторону.

Я приложил руку к своему боку и медленно поднялся.

Пара дюймов ниже или выше — и, возможно, какая-нибудь кость была бы сломана. А так только сильная боль, как при ожоге.

Я потирал кожу и разминал правую руку. Потом сделал несколько пробных кругов для проверки работы мышц. Все было в порядке. Затем поднял камень и вставил его в пращу. На этот раз все должно сойтись, я чувствовал это.

Праща вращалась все быстрее и быстрее, а затем с силой выстрелила камень.

Хасан упал на спину, схватившись за левое бедро. Дос Сантос подбежал к нему. Они обменялись несколькими словами.

Одежда Хасана смягчила удар. Кость не была сломана. Он сможет продолжать поединок, как только сможет встать на ноги.

Почти пять минут он массировал свое бедро, затем поднялся. За это время моя боль поутихла.

Хасан выбрал третий камень. Он долго и тщательно готовился к броску, несколько раз целился...

Почти все время у меня было предчувствие, и оно непрерывно нарастало, что следовало отклониться чуть-чуть вправо, что я и сделал. Он в это время отпустил камень. Метательный снаряд царапнул левое ухо и задел мой лисай. Щека моя внезапно стала влажной.

Эллен вскрикнула.

Не отклонись я чуть-чуть вправо — и я никогда бы не услышал ее.

Теперь снова была моя очередь.

Гладкий серый камень прямо-таки испускал дух смерти... «Я буду ею», — казалось, говорил он. На сей раз предчувствие не могло меня обмануть.

Я вытер кровь с лица, приладил камень. В моей правой руке была смерть, когда я поднял ее. Хасан, видимо, тоже почувствовал это, так как слегка вздрогнул. И я заметил это!

— Оставайтесь точно на тех местах, где стоите, и бросайте оружие! — раздался внезапно незнакомый голос.

Сказано это было по-гречески, поэтому, кроме Фила, Хасана и меня, никто не мог сразу понять эти слова. Но все мы прекрасно видели, что в руках человека, который оказался на поляне, был автомат. За незнакомцем стояло три дюжины людей и полулюдей, вооруженных мечами, дубинками и ножами.

Это были куреты. Куреты были опасны. Мы знали, что

им обязательно нужно каждый день хотя бы килограмм мяса... обычно поджаренного.

Хотя иногда и тушеного...

Говоривший, казалось, был единственным, кто обладал огнестрельным оружием.

... А над моим плечом все еще крутилась неотвратимая смерть. И я решил подарить ее этому человеку.

Его голова разлетелась на куски.

— Убивайте их! — закричал я.

Повторять уже не было необходимости.

Джордж и Диана открыли огонь первыми, затем свой пистолет навел Фил.

Дос Сантос побежал к своему ранцу, Эллен бросилась к своей палатке.

Хасану мой приказ убивать был ни к чему. Единственным оружием, которым он располагал, была праща. Куреты были гораздо ближе наших пятидесяти метров, и к тому же нападали неорганизованно. Хасан уложил двоих, прежде чем они поняли, в чем дело. Я также попал еще в одного.

Однако бандиты уже пересекли поляну, перепрыгивая через своих убитых.

Как я уже сказал, не все из них были людьми. Среди них было одно высокое худое существо с метровыми крыльями, покрытыми язвами, пара микроцефалов, которые казались совсем безголовыми, так как на их черепах было лишь некоторое количество волос.

Были среди них и сиамские близнецы, несколько уродов с огромными курдюками и трое огромных неуклюжих скотоподобных верзил, которые продолжали двигаться, несмотря на то, что их груди и животы были буквально изрешечены пулями. У одного из таких зверей кисти были длиной, наверное, с полметра и шириной в треть метра. У другого же конечности были слоноподобными. Среди остальных были и такие, которые внешне выглядели как обычные люди, однако все они были грязными и отвратительными, на всех висели лохмотья, некоторые были совсем нагие. От одного их запаха можно было потерять сознание.

Я метнул еще один камень, однако так и не увидел, попал ли в кого-нибудь, так как уже был окружен дикарями. Я начал отбиваться, как мог — ногами, кулаками, локтями. Огонь из автоматов постепенно прекратился, видимо, необходимо было перезарядить их, если была такая возможность.

Мой бок болел. И все же мне удалось повалить троих, прежде чем меня стукнули чем-то тяжелым по затылку и я потерял сознание...

10

Воздух был горячим и спертым. Вокруг царила тишина. Мне совсем не хотелось приходить в себя, ибо я лежал на грязном смрадном полу, лицом вниз. Я застонал, потрогал свое тело — целы ли кости. Потолок был совсем низким. Единственное крохотное окно было отделено от окружающего мира решеткой.

Мы лежали на полу в углу небольшого деревянного барака.

Присмотревшись, я обнаружил в противоположной стене еще окно, но оно выходило не наружу, а внутрь какой-то большой комнаты.

Джордж и Дос Сантос переговаривались через него с кем-то, кто стоял по ту сторону окна. Хасан лежал пока без сознания. Фил, Миштиго и женщины тихо разговаривали между собой в дальнем углу.

Мой левый бок болел, чертовски болел, да и остальные части тела, казалось, не хотели отставать от него.

— Он пришел в себя, — неожиданно произнес Миштиго.

— Всем привет, я снова с вами, — я постарался сказать это с ноткой оптимизма в голосе.

Они подошли ко мне, и я попытался подняться.

— Мы в плену, — сказал Миштиго.

— Неужели? А я и не догадался бы.

— Подобное никогда не случается на Таллере, — заметил веганец, — так же как и на любой другой планете Федерации.

— Очень плохо, что вы там не остались, — усмехнулся я. — Вы не забыли, сколько раз я говорил вам, чтобы вы вернулись?

— Этого не случилось бы, если бы не ваш поединок!

Я ударил его по лицу. Всякому терпению должен быть какой-то предел.

Я еще раз ударил его тыльной стороной ладони и отшвырнул к стене.

— Вы что, пытаетесь доказать мне, что не знаете, почему я стоял в это утро там, на поляне, подобно мишени?

— Знаю. Из-за вашей ссоры с моим телохранителем, — сказал он вызывающе громко, потирая щеку.

— Который намеревался вас убить!

— Меня? Убить?

— Забудем об этом, теперь это уже не имеет никакого значения. Во всяком случае, сейчас... Вы все еще в мыслях своих пребываете на Таллере и с таким же успехом можете несколько часов своей жизни оставаться там.

— Мы что, так и умрем здесь, да?— удивился он.

— Таков обычай этой страны.

Я повернулся и стал разглядывать человека, который внимательно смотрел на меня с наружной стороны решетки. Хасан уже сидел, прислонившись к дальней стене, и держался руками за голову.

— Добрый день,— поздоровался человек по ту сторону решетки.

Произнес он эти слова по-английски.

— Разве уже день?— спросил я.

— А как же,— ответил он.

— А почему же мы все еще живы?

— Потому, что этого захотел я,— заявил незнакомец.— Мне захотелось, чтобы вы, Конрад Номикос, уполномоченный по делам музеев, охраны памятников и архива, и все ваши друзья, включая и этого поэта-лауреата, остались пока в живых. Мне захотелось, чтобы любых пленников, доставшихся им в руки, приводили сюда живыми. Ваши индивидуальности будут, скажем, приправой...

— С кем имею удовольствие разговаривать?— поинтересовался я.

— Это доктор Морби,— вставил Джордж.

— Он их шаман,— заметил Дос Сантос.

— Я предпочел бы термин «врачеватель»,— улыбаясь, поправил его Морби.

Я приблизился к решетке и увидел, что это довольно худой человек, очень загорелый и чисто выбритый. Все свои волосы он заплел в огромную косу, которая как бы коброй обвилась вокруг его головы. У него были близко посаженные глаза, очень темного цвета, высокий лоб.

На ногах были лапти, одет он был в чистое сари зеленого цвета, на шее — ожерелье из косточек человеческих пальцев. С каждого уха свисало по серьге в форме толстой змеи.

— Ваш английский весьма неплох,— сказал я,— и Морби совсем не греческая фамилия.

— Какая наивность!— Он изобразил на своем лице насмешливое удивление.— Я не местный! Неужели вы совершили такую непростительную ошибку, приняв меня за местного?

— Извините!— я тоже усмехнулся.— Вот теперь я вижу, что вы слишком хорошо одеты.

Он расхохотался.

— Э, это старое рваньё. Я просто одел то, что под руку попало. Нет, родом я с Таллера. Я начитался всякой удивительно воодушевляющей литературы с призывом вернуться и решил осесть здесь и помочь Возрождению Земли...

— Да? И что же из этого вышло?

— Управление тогда не приняло меня на работу, и я попытался подыскать ее сам. Поэтому-то я и решил заняться исследованиями. Эта планета предоставляет массу возможностей для этого.

— Какого рода исследованиями?

— Я разработал два учения — по первобытной культуре и антропологии в новом Гарварде. Потом я решил изучить жизнь «горячего» племени где-нибудь в глубинке. И после долгих уговоров добился своего.

Племя приняло меня к себе, и я начал их просвещать. Вскоре, однако, мне стали мешать, мешали все, кто только мог. Это был удар по моему честолюбию. Через некоторое время я пришел к выводу, что мои исследования, моя общественная деятельность практически не интересуют никого и никому не нужна. Я осмелюсь предположить, что вы читали «Сердце Тьмы»? Если это так, то вы понимаете, что я имею в виду. Постепенно я стал находить гораздо в большей степени интересным принимать участие в местных обрядах и укладе жизни, чем просто наблюдать их. Я принял на себя труд перестроить некоторые из их наиболее ужасных обычаев, придав им определенное эстетическое содержание. Вот теперь-то я стал по-настоящему просвещать их! Теперь все, что они делают, выполняется с гораздо большей уверенностью.

— Что же именно стало более утонченным?

— Во-первых, раньше они были просто людоедами. Во-вторых, они были очень простодушными в деле использования своих пленников, прежде чем зарезать их. А теперь все это — очень важные вещи. Если над ними должным образом поработать, то результатом будет высший класс выполнения обрядов и обычаев,— вы должны понимать, что я имею в виду. И вот я здесь, с полным набором обрядов, суеверий, почерпнутых из многих культур, многих эпох, даже многих планет. Разве можно представить лучшее поле деятельности для доктора антропологии? Люди, даже полулюди, даже мутанты — это создания, обожа-

ющие различные ритуалы, а голова моя напичкана самыми различными обрядами и всякими другими подобными штучками. Поэтому я приложил свои знания для общей пользы — и теперь занимаю среди них очень почетное и высокое положение...

— Какое это имеет отношение к нам?— спросил я.

— Жизнь здесь за последнее время стала довольно скучной. И туземцы обеспокоены. Поэтому я решил, что настало время хорошей церемонии. Я переговорил с Прокрустом — вождем и предложил ему подыскать нам несколько пленников. Насколько я помню, на 575-й странице сокращенного издания «Золотого Храма» говорится: «Галаки пользуются дурной славой: охотники за головами, пьют кровь и выедают мозги своих жертв, чтобы стать храбрыми. Шталоны на Филиппинах выпивают кровь убитых ими врагов и съедают в сыром виде часть их головы, чтобы перенять их смелость». Что ж, здесь у нас язык поэта, кровь двух наиболее грозных воинов, мозг выдающегося ученого, железная печень пламенного политического деятеля и необычно окрашенная плоть неземного создания — и все это здесь, в одной-единственной комнате! Великолепный улов, что ни говори.

— Вы в высшей степени откровенны,— заметил я.— А что ждет женщин?

— О, для них мы исполним длительный ритуал плодородия, который завершится долгим жертвоприношением.

— Понятно.

— Все это относится, правда, только к тому случаю, если вас не отпустят подобру-поздорову, не причинив особого вреда.

— О?!

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс проверить себя на соответствие определенным требованиям. Пройдете определенные испытания — и вполне вероятно, что вы все получите долгожданную свободу. В этом отношении он почти что христианин.

— И соответствует, я полагаю, своему имени?

Хасан подошел ко мне и встал рядом, пристально разглядывая через решетку Морби.

— Хорошо, хорошо! — внезапно воскликнул «старший врачеватель». — Мне на самом деле хочется подольше сохранить вам жизнь, понимаете? У вас есть чувство юмора. У большинства куретов его нет, вернее, не хватает, хотя во всем остальном это существа, достойные подражания. Возможно, они могли бы научиться этому у вас...

— Не стоит. Расскажите-ка лучше о способах искупления.

— Да? Впрочем, ладно. Вы являетесь моими гостями и все увидите. Мы же являемся попечителями,— тут Морби усмехнулся,— Мертвяка. Я уверен в том, что один из вас двоих поймет это за время краткого своего знакомства с ним.— Он перевел взгляд с меня на Хасана, затем снова на меня.

— Я слышал о нем,— заметил я.— Расскажите, что нужно сделать?

— Вам предлагается выставить в круг бойца, который через некоторое время, вернее вечером, встретится с ним, когда он снова восстанет из мертвых.

— Что он из себя представляет?

— Представляет? Гм-м... Если так можно сказать... Вампир!

— Чуть! Я спрашиваю, кто он на самом деле?

— Я говорю, что он настоящий вампир. Вы увидите.

— О'кей. Пусть будет по-вашему. Вампир так вампир. Но один из нас все же должен с ним драться.

— Вы согласны?

— Еще один вопрос... Условия?

— Голыми руками. Разрешается все что угодно, как в кэтче. Поймать его совсем не трудно. Он будет просто стоять и ждать вас. Его будет мучить страшная жажда, а также голод. Его можно только пожалеть.

— И если он потерпит поражение, вы отпустите пленников на свободу?

— Таков закон. Но такого еще никогда не случалось.

— Понятно. Вы хотите меня убедить в том, что он очень сильный.

— О, он непобедим. В этом-то и вся загвоздка. Разве можно получить хорошую церемонию, если она заканчивается как-то иначе, чем это ожидает устроитель? Я излагаю всю историю боя перед тем, как он начнется, а затем мои люди становятся свидетелями правдивости моих слов. Это укрепляет их веру в судьбу и мою собственную связь с тем, как она действует.

Хасан взглянул на меня:

— Что он имеет в виду, Карачи?

— Это заранее предопределенная схватка,— сказал я ему.

— Как раз наоборот,— замахал руками Морби.— Вовсе нет. Этого не требуется. Когда-то на этой планете существовала старинная поговорка, связанная со спортом древних:

«Никогда не ставь против чертовых яиц или останешься без денег». Мертвяк непобедим, потому что он рожден с определенными способностями, которые потом были искусно развиты мною. Он отобедал многими борцами и поэтому, разумеется, его сила равна силе всех их, вместе взятых. Всякий, кто читал Фрейзера, знает об этом.

Он зевнул, прикрывая рот.

— Если вы согласны на поединок, то я пойду и посмотрю, как готовится место для церемонии. Сегодня днем вы должны выставить своего бойца. А вечером...— Он опять ухмыльнулся и пошел прочь.

— Чтoб ты споткнулся и сломал себе шею,— вырвалось у меня.

Он улыбнулся и помахал мне рукой...

Я собрал совещание.

— У них здесь есть мутант по прозвищу Мертвяк, который считается очень сильным. Я намерен бороться с ним сегодня вечером. Если мне удастся его одолеть, то нас, может быть, отпустят на свободу. Но я не очень-то верю в эти слова. Поэтому я предлагаю выработать план бегства, в противном же случае нас подадут на горячее. Фил, вы помните дорогу до Волоса?

— Думаю, что да. Но это было так давно. А где мы находимся?

— Если это может нам хоть немного помочь,— ответил Миштиго, расположившийся у окна,— то я вижу сияние. В вашем языке нет соответствующего слова, которым можно было бы передать этот цвет, однако оно вон в том направлении.— И он показал рукой.— Этот цвет я обычно вижу там, где поблизости есть радиоактивный материал или если воздух содержит значительное количество радиоактивных элементов. Это сияние простирается здесь на довольно значительное расстояние.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Это, возможно, «горячее» место,— сказал я.— И если это так, то они, значит, пронесли нас дальше вдоль берега, что уже неплохо. Кто-нибудь был в сознании, когда нас несли?

Никто не отозвался.

— Хорошо. Будем исходить из допущения, что это в самом деле «горячее» место и дорога на Волос должна быть там,— я указал в противоположном направлении от того, которое указал Миштиго.— Поскольку луч солнца падает с

этой стороны барака, а сейчас примерно полдень, держитесь противоположной стороны, как только окажетесь на дороге. Вам надо двигаться на восток. До Волоса не более двадцати пяти километров.

— Они могут пойти по нашему следу,— сказал Дос Сантос.

— Здесь есть лошади,— вмешался Хасан.

— Что?

— Выше по улице. В загоне. Я видел троих возле самой ограды. Возможно, что их больше, хотя на вид это не очень сильные животные, но...

— Кто умеет ездить верхом?— спросил я.

— Я никогда в жизни не ездил на лошади,— сказал Миштиго,— но у нас есть животное, похожее на них, и я ездил верхом.

Все остальные были знакомы с приемами верховой езды.

— Значит, сегодня вечером. Садитесь по двое, если нельзя будет иначе. Если лошадей окажется больше, чем понадобится, то выпустите остальных и разгоните. Пока они будут наблюдать, как я борюсь с Мертвяком, вы сделаете пролом в загоне. Хватайте какое сможете оружие и пробирайтесь к лошадям. Фил, ведите их в Макриницу и повсюду упоминайте фамилию Коронес. Вас примут и защитят.

— Очень жаль,— сказал Дос Сантос,— но ваш план нам не подходит.

— Если у вас есть что-то получше, давайте послушаем,— заметил я.

— Прежде всего,— сказал он,— мы не можем всецело полагаться на господина Гребера. Пока вы были без сознания, он очень сильно страдал от ран и был довольно-таки слаб. Джордж считает, что у него был в конце концов сердечный приступ после нашей схватки с куретами. Если с ним что-нибудь случится, то мы пропали. Нам нужны вы, только вы способны вывести нас отсюда, если нам удастся вырваться на свободу. Вы просто не имеете права рассчитывать на господина Гребера. Во-вторых, вы — не единственный, кто способен драться с этим экзотическим зверем. Я думаю, что Хасан тоже справится с этим...

— Я не могу просить его об этом,— сказал я.— Даже если он победит его, его самого скорее всего тотчас же разлучат с нами, и, несомненно, эти дикари очень быстро с ним расправятся. Скорее же всего он поплатится жизнью. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, но не умер ради вас!

— Я буду драться, Карачи,— заявил Хасан.

— Вам не следует драться, мой друг,— покачал я головой.

— Но я хочу.

— Как вы себя чувствуете?— спросил я у Филя, игнорируя заявление Хасана.

— Лучше, гораздо лучше. Я думаю, что это был всего-навсего какой-то пустяк. Пусть вас мое здоровье не тревожит.

— Вы чувствуете себя настолько прилично, что сможете добраться верхом до Макриницы?

— Не может быть сомнения в этом. Лучше уж верхом, чем пешком. Я практически рожден для верховой езды. Вы должны помнить, как когда-то...

— Помнить?— удивился Дос Сантос.— Что вы имеете в виду, господин Гребер? Как может Конрад помнить...

— Помнить его известную балладу о всаднике,— встала Красный Парик.— Когда-то господин Гребер написал отличную балладу о «красном всаднике».

— Достаточно,— прекратил я все разговоры.— Здесь только я за все в ответе. Я отдаю распоряжения, и только я решаю, что драться с вампиром буду сам.

— В подобной ситуации, я считаю, нам следует быть более демократичными,— пожала плечами Красный Парик.— Не забывайте, что только вы родились в этой стране. Как бы ни была хороша память Филя, вы с большим успехом сможете вывести нас отсюда в ту деревню. Учтите, что мы будем очень спешить. Вы не приказываете Хасану умереть и не бросаете его на произвол судьбы. Он вызывается на все это исключительно, подчеркиваю, исключительно добровольно.

— Я убью Мертвяка,— сказал Хасан,— а затем догоню вас. Я знаю множество способов укрыться от преследования. А затем я пойду по вашему следу.

— Это мое дело — убить вампира!

— Тогда, раз мы не можем договориться, пусть нас рас судит жребий,— заявил Хасан.— Если только у нас не забрали деньги вместе с оружием.

— У меня есть кое-какая мелочь,— сказала Эллен.

— Подбросьте ее вверх,— попросил я и, когда монета стала падать, произнес:— Орел!

Хасан пожал плечами. Он оказался удачливее меня... и мне оставалось только пожелать ему удачи.

Хасан усмехнулся:

— Так у меня на роду написано...

Затем он сел, прислонившись спиной к стене, вытащил узкий нож и начал подрезать ногти. Он всегда был очень опрятным убийцей и считал, что опрятность в чем-то сродни черной магии.

Когда солнце стало медленно клониться к западу, Морби снова навел нас, приведя с собой целый конвой куретов с мечами.

— Пришло время,— торжественно объявил он,— и вы должны сказать нам, кто из вас рискнет сразиться с нашим богатырем?

— Хасан!— сказал я.

— Очень хорошо. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без всяких там глупостей. Меня коробит от мысли, что на праздник будет доставлен испорченный товар...

Окруженные со всех сторон мечами, мы вышли из барака и пошли вдоль деревни. Прошли мимо загона и увидели там лошадей. Даже несмотря на то, что лошади были далеки от совершенства, к тому же их бока были покрыты язвами, каждый из нас, проходя мимо них, все же внимательно осмотрел каждую, как бы уже примеряясь, какую выбрать.

Деревня состояла примерно из тридцати бараков, таких же, как и тот, в котором нас держали. Мы шли по грязной дороге, усеянной мусором. Отовсюду воняло потом, мочой, гнилыми фруктами, едким дымом.

Пройдя около ста метров, мы повернули налево. Улица здесь заканчивалась, и дальше мы шли по тропе вниз с холма к большому расчищенному месту.

Толстая лысая женщина, с невероятно огромной грудью и разъеденная раковыми наростами на лице, возилась около очага, предназначенного для поджаривания туш. Увидев нас, она улыбнулась и громко причмокнула.

Впереди, чуть дальше, была расположена площадка с хорошо утрамбованной голой землей. Огромное, обвитое лианами тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, стояло на одном краю площадки, а вокруг него были расположены в несколько рядов более чем двухметровые факелы, пламя которых развевалось на ветру, подобно знаменам.

На другом конце был виден наиболее аккуратный из всех бараков, увиденных нами здесь, высотой пять метров и метров десяти шириной по фасаду. Он был выкрашен в ярко-красную краску и весь покрыт магическими символами, похожими на языческие письмена североамериканских индейцев. Посреди фасада была высокая дверь, которую охраняли два автоматчика-курета.

Солнце уже почти зашло за горизонт. Морби заставил нас прошагать через всю площадку к дереву. Около ста зрителей восседало на земле по обе стороны площадки с зажженными факелами.

Морби величественно показал в сторону красного ба-
рака.

— Как вам нравится мой дом?— спросил он.

— Просто прелесть,— ответил я.

— Со мной живет один мой приятель, но днем он спит.

С ним вы и должны будете встретиться.

Мы подошли к подножию большого дерева. Морби оставил нас там на попечение стражи, а сам вышел на середину площадки и обратился к куретам по-гречески.

Мы договорились между собой, что будем ждать почти до самого конца поединка, каков бы ни был его исход. Когда дикари будут более всего возбуждены и все их внимание будет сосредоточено на последнем аккорде поединка, мы попытаемся вырваться. Мы поставили женщин в центре нашей группы. Сам я пробрался к воину, державшему меч в правой руке. Я намеревался в случае удачи прикончить его на месте. Но очень плохо было то, что мы находились на дальнем конце площадки. Чтобы пробиться к лошадям, нам нужно было проложить себе путь через все это пространство.

— ...И тогда тем вечером,— говорил Морби,— Мертвый поднялся, сокрушив этого могучего воина, Хасана, переломав ему кости и бросив его на наше место для пиршества. Затем, после того как он убил этого страшного врага, он выпил его кровь прямо из горла, съел его печень, сырую и еще дымящуюся. Вот что он сделал в ту ночь. Велико было его мужество...

— Могучий! О, могучий!— взревела толпа, и кто-то начал колотить в барабан.

— Теперь мы будем звать его, чтобы он снова был с нами!— закричал Морби.

Толпа одобрительно взревела.

— Чтобы снова был с нами!

— Ура! Ура! Ура!

— С острыми белыми зубами!

— С белой, белой кожей!

— Руками, которые все крушат!

— Ртом, который пьет!

— Кровь жизни!

— Великое наше племя!

— Великий Мертвый! Великий Мертвый!

Глотки людей, полулюдей и нелюдей дружно обрушили этот краткий гимн на площадку, как могучую волну прилива. Наши стражники также ревели во всю глотку. Миш-тиго закрыл свои чувствительные уши, лицо его выражало крайнее мучение. Голова моя тоже зазвенела. Дос Сантос перекрестился, но один из стражников покачал головой и поднял свой меч. Дос пожал плечами и снова повернул голову в сторону дикарей. Морби подошел к бараку и трижды постучал по двери. Один из стражников распахнул ее перед ним. Внутри виднелся огромный черный катафалк в окружении черепов людей и животных. На нем покоился огромный гроб черного дерева, украшенный яркими изогнутыми полосками.

По приказу Морби стражники подняли крышку.

В течение следующих двадцати минут он делал множество уколов во что-то, что было внутри гроба. Движения его были медлительными и полными торжественности. Один из стражников отложил в сторону меч и начал помогать ему.

Барабанщики продолжали отбивать прежний ритм.

Толпе стало интересно, и она притихла.

Наступила абсолютная тишина.

Затем Морби повернулся к племени.

— Сейчас Мертвый поднимется!— торжественно провозгласил он.

— Восстанет!— завопила толпа.

— Сейчас он придет, чтобы принять новую жертву!

— Сейчас он придет...— вторила толпа.

— Воскресни, Мертвый!— заорал Морби, повернувшись к катафалку.

И он воскрес!

Огромный и необъятный!

Похоже, что он весил не менее полутора центнеров.

Он присел в своем гробу и стал озиаться. Потом потер грудь, под мышками, шею и поясницу. Выбравшись из своего огромного ящика-гроба, он тяжело облокотился о катафалк. Морби казался рядом с ним карликом. На великане была только набедренная повязка и огромные сандалии из козьей шкуры. Кожа его была белая, мертвенно белая... белая, как медуза...

— Альбинос!— прошептал Джордж, и голос его стал слышен в каждом углу площадки, потому что это был единственный звук.

Морби бросил взгляд в нашу сторону и улыбнулся. Он взял Мертвяка за руку с короткими тупыми пальцами и

вывел из барака на площадку. Мертвяк отпрянул назад, испугавшись света факелов, но затем снова выпрямился. Когда он подошел поближе, я с интересом начал изучать его лицо.

— На его лице нет следов разума,— тихо сказала Красный Парик.

— Вы видите его глаза?— спросил Джордж, шурясь. Его очки были разбиты в драке.

— Да, они розоватые.

— У него есть складка эпикутуса?

— Гм... Да.

— Ха-ха. Он монголоид и, держу пари, полнейший идиот. Вот почему Морби так легко управляется с ним. И посмотрите на его зубы! Похоже, что они подпилены!

Я присмотрелся. Мертвяк оскалился, потому что начал осматривать цветастую верхушку головы Красного Парика, и я увидел уйму отличных острых зубов.

— Его альбинизм является главной причиной ночного образа жизни. Смотрите! Он уклоняется от света факелов! Он чрезвычайно чувствителен ко всей видимой части спектра.

— А что вы можете сказать о его гастрономических наклонностях?— поинтересовался я.

— Они приобретены в процессе воспитания. Многие примитивные народы пили кровь своего скота. Некоторые сохранили этот обычай вплоть до начала двадцатого века. Вы обратили внимание на тех лошадей, мимо которых мы проходили? Кровь, как вам известно, очень питательна, если только вы сможете предохранить ее от свертывания, и я уверен, что Морби наверняка держит этого идиота на подобной диете с самого детства. Поэтому он, конечно, вампир — так он был воспитан.

— Мертвый воскрес!— закричала толпа.

— Мертвый велик!..

Морби медленно огляделся и внезапно направился к нам, оставив вампира одного среди площади с идиотской ухмылкой на лице.

— Мертвый велик!— произнес он, подойдя к нам и ухмыляясь точно так же, как и его воскресшее дитя.— Он изумителен, не так ли?

— Что вы сделали с этим несчастным существом?— спросила Красный Парик.

— Почти ничего,— махнул рукой Морби.— Он родился уже подготовленным для такой роли.

— Что за инъекции вы ему делали?— спросил Джордж.

— О, перед тем, как выпустить его на этот поединок, я накачал его болевые нервы новокаином. Отсутствие реакции на боль только усилит его ореол несокрушимости. Кроме того, я сделал несколько гормональных уколов. За последнее время он набрал вес и поэтому стал несколько неуклюж. Так что уколы послужат некоторой компенсацией излишнего веса.

— Вы говорите о нем и относитесь к нему, словно к механической игрушке!— взорвалась Диана.

— А он и есть игрушка, к тому же бесценная. Вы здесь, Хасан? Готовы?

— Да,— кивнул араб, снимая плащ и бурнус.

На его плечах вздувались огромные мышцы, он несколько раз сжал и разжал пальцы и вышел вперед. На плечах и спине Хасана я заметил несколько рубцов.

— Великий воин Хасан!— провозгласил Морби.

— Великий воин Хасан!— взревела толпа.

— Велика его сила!

— Велика его сила!— орала толпа.

— Но Мертвый все же сильнее!

— Но Мертвый все же сильнее!

— Он сломает Хасану кости и расшвыряет их по пиршественному полю.

— Он сломает Хасану кости...— бушевала толпа.

— Он выпьет кровь из его глотки!— Морби от удовольствия закатил глаза.

— Он выпьет кровь из его глотки!!!— Толпа уже не кричала, а визжала.

— Неодолима его сила!

— Велик Мертвый!

— Сегодня ночью,— тихо произнес Хасан,— он на самом деле станет мертвым...

— Мертвый!— воскликнул Морби, как только Хасан встал рядом с ним.— Я приношу тебе в жертву этого человека!

Затем Морби отошел в сторону и дал знак стражникам, чтобы они оттеснили нас к самому краю площадки.

Идиот улыбнулся еще шире и медленно двинулся к Хасану.

— Бисмалла!— сказал Хасан, делая вид, что он поворачивается к нему спиной.

Через мгновение Хасан нагнулся, зачерпнул горсть земли и бросил в Мертвяка, затем быстро развернулся и нанес сильный удар ногой в челюсть вампира.

Огромная белая голова отклонилась самое большее на

десять сантиметров. Улыбка все еще оставалась на его лице. Затем вверх взметнулись обе короткие руки и схватили Хасана под мышки. Араб схватил Мертвяка за плечи, оставив на коже ярко красные царапины, но тут же отдернул свои пальцы. И там, где они были погружены в мертвенную плоть чудовища, выступили алые капли крови. При виде крови своего любимца толпа яростно закричала. Возможно, запах крови возбуждал их. Новый крик толпы всколыхнулся, когда Мертвяк поднял Хасана на добрых два фута вверх и побежал с ним вперед, сжимая его в своих объятиях.

На пути оказалось большое дерево. Голова Хасана обвисла, когда вампир ударил его головой о ствол.

Затем Мертвяк врезался всем телом в тело Хасана, заблокированное деревом, медленно отступил назад, встряхнулся и стал избивать араба.

Это было настоящее избиение. Он молотил человека своими почти уродливыми короткими толстыми руками, как настоящая ветряная мельница. Хасан закрыл лицо руками и прижал локти к животу. Тем не менее Мертвяк продолжал наносить удары по его голове и бокам. Его руки методически поднимались и опускались. И все это время с его лица не сходила идиотская улыбка.

В конце концов руки Хасана упали, и он сцепил их перед животом. Из уголков рта сочилась кровь.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру...

А затем, откуда-то издалека, как будто с другого края этой ночи, настолько издалека, что только я смог это услышать, раздался голос, который я узнал. Это был знаменитый охотничий рык моего адского цербера — Бортана. Он все-таки где-то набрел на мой след и теперь спешил сюда, пересекая ночь, делая гигантские прыжки, словно горный козел, перепрыгивая реки, как лошадь. Глаза его горели, как два раскаленных угля во мраке ночи.

Он никогда не уставал бежать, мой Бортан. Такие, как он, рождаются без страха, созданные для охоты, отмеченные печатью разносимой ими смерти.

Мой цербер спешил мне на выручку, и никто не мог бы его остановить. Но пока что он был далеко, слишком далеко, по ту сторону ночи... Толпа снова закричала. Вряд ли Хасан сможет продержаться еще хоть немного. Никто не смог бы этого совершить!

Краешком глаза (карего) я заметил неуловимое движение Эллен, будто она что-то бросила правой рукой.

Прошло две секунды. И это случилось! Я быстро отвел

глаза от ослепительной вспышки, которая полыхнула позади идиота.

Мертвяк издал ужасный вопль и ослабил хватку.

Добрый старый параграф 237-1, предложенный мной: «Любой гид и любой член туристической группы обязан иметь при себе не менее трех магниевых вспышек во время путешествия...» Это означало, что сейчас у Эллен осталось только две.

Идиот перестал колотить Хасана. Он попытался отшвырнуть вспышку ногой, закричал, прикрыл глаза, упал и покатился по земле.

Едва переводя дух, за ним наблюдал Хасан.

Вторая вспышка разорвала темноту на поле боя. Мертвяк снова закричал.

Хасан привстал на носки и уцепился за толстую лиану, свисавшую с дерева. Он потянул ее на себя, но она не подалась. Он потянул сильнее. Наконец она оборвалась.

Движения араба стали увереннее, когда он обмотал концы лианы вокруг своих запястьев. Третья вспышка зашипела и ярко вспыхнула. Хасан опустился на колени перед Мертвяком и быстрым движением набросил лиану вокруг его горла.

Вспыхнула еще одна вспышка, и тут Хасан начал затягивать петлю. Идиот обхватил его за талию. Мышцы Хасана-убийцы вздулись, пот смешался с кровью на его лице.

Мертвяк привстал, подняв вместе с собой Хасана. Но тот не переставал затягивать петлю. Лицо идиота больше уже не было белым, оно покрылось разноцветными пятнами. На лбу и на шее, как канаты, вздулись вены. Но, чем выше он поднимался и чем выше поднимал Хасана, тем сильнее лиана врезалась в его шею.

Толпа вопила и беспорядочно кричала. Без устали рокотали барабаны. И тогда я снова услышал вой Бортана, и снова очень-очень далеко.

Мертвяк покачнулся, затем по его телу пробежала судорога, и он отшвырнул Хасана от себя. Лиана соскользнула с его горла, как только вырвалась из рук Хасана.

Араб перевернулся через голову, но подняться с колен ему не хватило сил.

Мертвяк направился к нему.

Вдруг походка его стала нетвердой, он затрясся. Издав kloкочущий звук, великан схватился за горло, привалился к дереву и стал глотать воздух. Рука его скользнула по стволу, и он медленно опустился на землю. Затем снова поднялся, согнувшись пополам. Хасан встал и поднял лиану.

ну. Затем подошел к идиоту. Но на этот раз его хватку разорвать было невозможно.

Тело Мертвяка обмякло, и больше уже он не поднимался...

11

То, что произошло, можно сравнить разве что с тем, когда включают радиоприемник, у которого звук работает на полную мощность, а затем его выключают. Щелк... И полная тишина. Все произошло очень быстро.

Я бросился вперед и одним ударом сломал воину шею. Схватив его меч, я повернул налево и сразу же раскроил череп второго часового.

Затем снова «щелк» — и восстановилась громкость звучания, но на этот раз искаженная чудовищными помехами. Казалось, ночь разорвалась надвое.

Миштиго повалил своего охранника отличным ударом в затылок и лягнул другого в голень. Джорджу удалось нанести удар коленкой прямо в пах ближайшему к нему дикарю и полностью отключить его.

Дос Сантос, ненастоящий быстрый или везучий, получил две тяжелые раны в грудь и плечо.

Толпа бросилась на нас.

Эллен швырнула бурнус Хасана на голову дикаря, который вот-вот должен был выпотрошить кишки из ее мужа. Поэт-лауреат добил его ударом камня по голове.

К этому времени Хасан присоединился к нашей маленькой группе и ловким приемом самураев, который, как мне всегда казалось, был навсегда утерян, быстрым ударом головы выбил меч у ближайшего к нему воина. Схватив оружие, он стал разить дикарей направо и налево.

Мы убили или покалечили всех наших стражников раньше, чем толпа успела пробежать половину расстояния, разделяющего нас, и Диана бросила свои три магнелиевые вспышки в набегавшую толпу.

После этого мы побежали сами. Эллен и Диана поддерживали шатавшегося Дос Сантоса.

Но куреты отрезали нас от деревни, и нам пришлось бежать на север, в противоположную сторону.

— Нам не удастся прорваться, Карачи,— сказал Хасан.

— Я знаю.

— Если только ты и я не задержим их, дав остальным возможность оторваться от погони.

— Хорошо. Где?

— Возле той ямы с очагом. Деревья там подступают к самой тропе, и они не смогут навалиться на нас скопом.

— Хорошо!— Я повернулся к остальным.— Вы слышали? Пробирайтесь к лошадям! Вас поведет Фил! Хасан и я будем сдерживать их!

Красный Парик повернула голову и начала что-то говорить.

— Не спорьте! Идите!

И они ушли. Хасан и я развернулись. Здесь, возле ямы, мы решили дать дикарям бой. Оставшиеся члены нашей группы медленно поднимались по лесистому склону, направляясь в обход деревни, чтобы попасть к загону с лошадьми. Толпа валила прямо на нас.

Первая волна нападающих захватила нас на равнине, где тропа выходила со склона на ровную местность. Слева от нас была яма, на дне которой тлел огонь, справа — густые деревья. Мы убили троих и пустились прочь. Дикари отступили и начали обходить нас с флангов.

Мы стояли спина к спине и отражали все их наскоки.

— Будь хоть у одного из них оружие, мы давно стали бы мертвецами, Карачи.

— Но его у них нет, и в этом пока наше счастье!— рассмеялся я.

Еще один получеловек пал под ударом моего меча. Хасан столкнул на дно ямы другого.

Но теперь они все насели на нас. Один из них решил кинуться на меня и ранил меня в плечо, другой рубанул по бедру.

— А ну назад! Назад, уроды!

Услышав этот голос, дикари отступили за пределы досягаемости наших мечей.

Человек, который произнес эти слова, был ниже среднего роста. Его нижняя челюсть двигалась так, будто она была на шарнирах, словно принадлежала кукле. Его зубы были похожи на костяшки домино — такие же черные и издающие характерный шелкающий звук, когда он открывал или закрывал рот.

— О, Прокруст!— услышал я чей-то шепот.

— Несите сети!— заорал вождь.— Живо! И берите их живьем! Только держитесь подальше от их мечей. Они и так слишком дорого нам обошлись!

Морби был рядом с ним и хныкал:

— Я не знал, мой повелитель...

— Молчи! Твоя поспешность стоила нам бога и многих людей.

— Ринемся вперед?— шепотом спросил Хасан.

— Нет. Но будь готов резать сети, когда они начнут кидать их.

— Нехорошо, что они хотят взять нас живыми,— ответил Хасан.

— Мы многих из них послали в ад, чтобы облегчить себе путь туда,— усмехнулся я,— пока мы еще держимся, и у нас в руках оружие. Чего еще желать?

— Если мы бросимся на них, то заберем с собой еще двоих, возможно, четверых. Если же будем ждать, то они в конце концов накроют нас сетью и мы погибнем, не забрав с собой эти две жизни.

— Какая разница нам, если все равно погибнем? Давайте подождем. А вдруг случится что-нибудь совершенно невероятное?

— Будь по-вашему.

Дикари принесли сети и стали набрасывать их на нас. Нам удалось порезать на куски три сетки, прежде чем мы запутались в четвертой. Куреты затянули сеть и потащили нас. Мы упали на землю, и нас начали избивать. Больше всех усердствовал Морби.

— Теперь вы умрете так, как мало еще кто умирал,— наконец сказал он, утирая пот с лица.

— Но остальные убежали!— прохрипел Хасан.

— Ненадолго!— усмехнулся Морби.— Мы выследим их и вернем назад.

Я рассмеялся.

— Вы проиграли, Морби. Они обязательно убегут.

Он снова лягнул меня.

— Вот как вы выполняете ваши обязательства?— спросил я.— Ведь Хасан победил Мертвяка?

— Он сплутовал, ваш Хасан. Ваша баба бросила вспышку.

Прокруст появился рядом с Морби, и тот обратился к вождю.

— Давайте отнесем их в Долину Спящих,— сказал он.— Я там уж дам себе волю, а потом оставим, чтобы они не пропали до будущего пиршества.

— Хорошо,— сказал Прокруст.— Так и сделаем.

Хасан, должно быть, сумел освободить левую руку, потому что рывком выбросил ее вперед и чуть-чуть не достал до Прокруста. Прокруст несколько раз ударил его, да и

меня раз стукнул ногой для порядка. Затем наклонился и потерял царапины на ноге.

— Зачем вы это сделали, Хасан?— спросил я, как только Прокруст отвернулся и приказал привязать нас к кольям, чтобы удобнее было нести.

— Возможно, на моих ногтях еще осталось немного метавинила,— сказал он.

— Что? Где вы его достали?

— Из пуля в моем поясе, Карачи, который у меня не отобрали. Я покрыл им свои ногти после того, как сегодня заострил их.

— О! Так вы оцарапали Мертвяка еще в самом начале вашей встречи.

— Да, Карачи. И оставалось только дожждаться, пока он не свалится. Правда, самое главное было остаться в живых к этому времени.

— А вы образцовый убийца, Хасан!

— Спасибо, Карачи.

Нас привязали к кольям, не снимая сетей. Четверо подняли и понесли нас. Морби и вождь шли впереди, показывая дорогу. Нас несли почти всю ночь...

Мир вокруг нас стал постепенно меняться. Это вполне обычно, когда приближаешься к «горячим» местам, и напоминает путешествие во времени в прошлые геологические эпохи. Деревья вдоль тропы становились все более разнообразными. Все чаще стали попадаться огромные папоротники. В пробелы между листьями на нас смотрели незнакомые желтые глаза. Похожие на птиц создания пролетали над нами, где-то далеко впереди тропу закрывало что-то темное.

Чем дальше нас несли, тем деревья становились все ниже и ниже, а промежутки между ними все шире. Но это уже были не те деревья, которые росли в окрестностях деревни. У этих были искривленные стволы, перепутанные, словно водоросли, ветки. Стволы были покрыты наростами, корни деревьев часто шли над поверхностью земли.

Мелкие невидимые твари с жужжанием разлетались, напуганные светом электрического фонарика Морби.

Подняв голову, я различил слабое пульсирующее свечение как раз на самой границе видимого спектра. Оно исходило откуда-то впереди. Под ногами носильщиков было множество темных стелющихся стеблей неизвестных растений. Они корчились каждый раз, когда кто-то из дикарей наступал на них.

Вскоре деревья исчезли, остались только папоротники, но через несколько минут и они исчезли, их сменили огромные пустоши, покрытые лохматыми красноватого цвета лишайниками.

Смолкли всякие звуки, издаваемые животными и насекомыми. Здесь стояла уже полная тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием наших четверых носильщиков, звуками шагов и приглушенным стуком автомата Прокруста, когда он задевал прикладом о камни. За поясом нескольких носильщиков были кинжалы. Несколько кинжалов нес Морби, у которого к тому же был и пистолет.

Тропа круто пошла вверх. Один из наших носильщиков споткнулся, и мы больно стукнулись о землю. Там, где небосвод смыкался с горизонтом, стало отчетливо видно пурпурное свечение. Очень высоко по нему проплыл черный силуэт крыссы-паука, закрыв на мгновение Луну.

Прокруст внезапно упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но вождь покачнулся и бессильно повис на плечах «старшего врачевателя».

— Что у тебя болит, повелитель?

— Вдруг... головокружение... ноги... немеют. Возьми мой автомат. Он стал... тяжелым...

Хасан тихо хихикнул.

Прокруст повернулся к арабу, его нижняя челюсть куклы упала вниз.

Затем он упал и сам. Морби едва успел подхватить автомат. Стражники поспешно опустили нас на землю и бросились к своему вождю.

— Воды,— прошептал тот и закатил глаза.

Больше он их уже не открывал.

Морби прижал ухо к его груди.

— Он мертв...— медленно произнес он.

— Мертв?!

Носильщик, тело которого было покрыто чешуей, заплакал.

— Он был хорошим,— всхлипывал он.— Великим вождем. Что мы сейчас будем без него делать?

— Он умер,— повторил Морби,— я теперь ваш вождь, пока не будет объявлен новый. Набросьте на него свои плащи. Оставьте тело на том плоском камне впереди. Зверю сюда не зайти, так что его тело осквернено не будет. Мы подберем его по дороге назад. А теперь мы должны отомстить этим двоим.— Он сделал знак своим жезлом.— Долина Спящих здесь совсем рядом. Вы приняли таблетки, которые я вам дал?

— Да.

— Очень хорошо. Накройте Прокруста своими плащами.

Вскоре нас подняли и вынесли на вершину гряды, откуда тропинка сбегала в флюоресцирующую, покрытую воронками впадину. Огромные скалы, окружавшие это место, казалось, были раскалены.

— Это место,— сказал я Хасану,— мой сын описал как место, в котором нить жизни бежит по раскаленному камню. Ему привиделось, что моей жизни угрожает Мертвяк, но богиня Судьбы передумала и столкнула нас с этой напастью. Видимо, когда я снился Смерти, это место было выбрано ею как одно из мест, где я могу умереть...

Носильщики опустили нас на дно выемки, положили на камни и с интересом уставились на Морби. Тот щелкнул предохранителем автомата и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне,— дулом автомата он показал, к какой именно.

Так они и сделали, крепко связав мои руки и ноги. Скала была гладкая, сырая и, как мне показалось, немного светилась.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в трех метрах от меня.

Морби поставил фонарь на землю, чтобы мы оказались в желтом полукруге света. Четверо куретов, как статуи демонов, стояли сбоку от него. В шести метрах позади себя он оставил автомат, а потом подошел к нам.

На его лице играла улыбка.

— Это Долина Спящих,— обратился он к нам.— Те, кто засыпает здесь, больше уже никогда не просыпаются. Тем не менее мясо их хорошо сохраняется, здорово помогая нам в тяжелые годы. Прежде мы вас здесь оставим,— он повернулся в мою сторону.— Вы видите, где лежит мой автомат?

Я ничего не ответил.

— Это оружие мне ни к чему,— продолжал он.— Я сейчас проверю, у кого из вас длиннее кишки. Как вы думаете,— резко обратился он к своим полулюдям,— у кого из них? У грека или у араба?

Дикари молчали.

Морби вытащил длинный тонкий кинжал и приблизился ко мне.

Мы не произнесли ни слова.

— Приготовьтесь оба увидеть это сами,— процедил он сквозь зубы.— Я, пожалуй, начну с вас...

Он рванул мою рубашку и разрезал ее сверху донизу. Затем стал многозначительно вертеть у меня под носом кинжалом. Потом он опустил свое оружие к моему животу и слегка уколол там кожу, как бы прикидывая, где легче всего начинать, чтобы причинить максимально больше боли. При этом он не отводил от меня своего взгляда.

— Вы боитесь?— усмехнулся он.— Пока что ваше лицо не выдает этого, но сейчас выдаст. Взгляните на меня! Я намерен вонзить острие этого кинжала вам в живот очень медленно. Когда-нибудь я пообедаю вашей плотью и уверен, что не разочаруюсь. Что вы на это скажете?

Я рассмеялся.

Его лицо исказилось злобной гримасой, и он недоуменно спросил:

— Вы что, со страха потеряли рассудок, уполномоченный?

— «Орел» или «решка»?— спросил я его.

Он понял, что я имею в виду. И начал что-то говорить, но, услышав тяжелый стук о камень, раздавшийся совсем рядом с ним, резко обернулся.

Истошный вопль заполнил последнюю секунду его жизни. Сила прыжка Бортана повергла его наземь, а еще через секунду его голова покатилась по камням.

Мой Бортан, мое исчадие ада, наконец-то ты нашел меня...

Куреты испуганно закричали, ибо глаза собаки были как раскаленные угли, а в пасти сверкали два ряда острых, как кинжалы, зубов. Голова его была вровень с плечами высокого мужчины. Дикари схватились за свои мечи и напали на него — но что значат эти легкие железки против брони на его боках!

Ему понадобилось не больше минуты, после чего они все были разорваны на части...

— Кто это?— изумленно спросил Хасан.

— Щенок, которого я однажды нашел в мешке в море. Он уже тогда был так силен, что долго не шел ко дну с большим камнем на шее,— ответил я.— Мой Бортан такой же старый, как и я.

У него на лапе была небольшая рана, которую, видимо, он получил во время этой схватки.

— Сначала он искал нас в деревне,— продолжал я,— и жители пытались его остановить. И я не сомневаюсь, что очень много куретов погибло в этом бою.

Бортан подбежал ко мне сзади и облизал шею. Он радостно вилял хвостом, как щенок, делая вокруг меня быст-

рые круги. Он прыгнул ко мне на грудь и снова облизал лицо.

— Ты вернулся, мой старый грязный пес,— тихо сказал я.— Ты знаешь, что все остальные собаки исчезли с Земли?

Вилля хвостом, он подошел ко мне и облизал руку.

— Руки, Бортан! Нужны руки, чтобы освободить меня. Ты должен отыскать их, Бортан, и привести сюда.

Он поднял кисть, валявшуюся на земле, и положил у моих ног. Затем снова стал смотреть мне в глаза и махать своим хвостом.

— Нет, Бортан. Живые руки. Руки друзей. Руки, которые развяжут меня, понимаешь?

Он лизнул мою руку.

— Иди и найди руки, которые освободят меня. Живые руки! Давай! Живо! Беги!

Он повернулся и побежал прочь. Затем остановился, оглянулся и снова выскочил на тропу.

— Он понял?— спросил Хасан.

— Думаю, что да.

Я посмотрел ему вслед.

— У него не совсем обычный для собаки мозг, и он так много прожил, что, наверное, очень многому научился.

— Тогда будем надеяться, что он не отыщет кого-нибудь настолько быстро, что мы не успеем соснуть...

12

Ждали мы очень долго. Ночь была холодной. Порой нам казалось, что время остановилось для нас. Наши мышцы затекли и тупо ныли. От усталости и недоедания у нас кружилась голова. Веревки грубо впились в тела.

— Как ты думаешь, им удалось добраться до вашей деревни?— спросил Хасан.

— Мы дали им неплохой запас времени. Думаю, что они не могли упустить такой возможности.

— С вами всегда было трудно работать, Карачи...

— Я знаю. И сам давно заметил это.

— Как мы все лето гнили на Корсике в темноте...

— Ага.

— Или наш марш в Чикаго, после того, как мы потеряли все наше оборудование в Огайо.

— Да, это был очень неудачный год.

— С вами всегда найдешь неприятности, Карачи. «Рож-

денный вязать узлы на хвосте тигра» — вот поговорка о таких людях. С такими быть очень трудно. Что касается меня, то я люблю тишину и уединение. Томик стихов и свою трубку.

— Тсс... Я что-то слышу.

Раздался цокот копыт. В узком секторе света от опрокинутого фонарика появился сатир. Движения его были нервными. Глаза его перебежали с Хасана на меня, потом опять на Хасана. Казалось, он не понимал, что здесь произошло.

— Помоги нам, маленький рогатик,— сказал я по-гречески.

Он осторожно приблизился. Увидев кровь на растерзанных телах дикарей, он повернулся, как бы собираясь бежать.

— Вернись! Ты мне нужен! Это я, игрок на свирели!

Он остановился и повернулся к нам. Ноздри его дрожали. Заостренные уши стояли торчком.

Он вернулся. На его почти человеческом лице было написано неизмеримое страдание, когда он переступал через разбросанные останки куретов и лужи крови.

— Кинжал, кинжал у моих ног,— сказал я, опустив глаза.— Подними его.

Казалось, ему совсем не нравится прикасаться к чему-либо, созданному человеком, особенно к оружию.

Я просвистел последние такты моей новой мелодии на свирели. «Поздно, поздно, так поздно...» Его глаза покрылись влагой. Он вытер тыльной стороной своей поросшей шерстью ладони эту влагу и зашмыгал носом.

— Подними кинжал и разрежь веревки. Подними его. Нет, не так. За другой конец. Да, да...

Он правильно взял кинжал и посмотрел на меня. Я пошевелил своей правой рукой.

— Вережки. Режь их!

Он подчинился. У него ушло на это около двадцати минут.

— А теперь дай мне нож, об остальном я сам позабочусь.

Он вложил кинжал в мою правую руку.

Я сжал оружие и через несколько секунд был свободен. После чего я сразу же освободил Хасана.

Когда я обернулся, малыша уже не было, и только частый цокот его копыт еще долго звучал в наших ушах.

— Дьявол простил меня...— прошептал Хасан.

Мы постарались побыстрее убраться отсюда. Как-никак

все же «горячее» место. Мы сделали крюк вокруг деревни куретов и двинулись на север, пока не вышли на тропинку, в которой я признал дорогу на Волос.

То ли Бортан нашел сатира и каким-то образом заставил его пойти к нам, то ли он случайно набрел на нас — этого я не знал. Бортан, однако, не вернулся, поэтому я был склонен ко второму варианту.

Ближайшим безопасным местом был городишко Волос примерно в двадцати километрах отсюда. Если Бортан убежал туда, где его могли узнать многие мои родственники, то до его возвращения должно было пройти еще немало времени. То, что я послал его за помощью, было чем-то вроде жеста отчаяния. Если бы он отправился в любое другое место, кроме Волоса, то я не имел бы ни малейшего представления, когда он вернется. Но в любом случае я надеялся на то, что он снова найдет меня.

Пока что мы старались идти как можно быстрее. Но уже примерно через десять километров мы стали шататься от усталости. Мы понимали, что идти дальше, не отдохнув, мы уже были не в состоянии, и поэтому внимательно следили за окрестностями дороги, стараясь отыскать безопасное место, где можно было бы выспаться. В конце концов я узнал один крутой скалистый холм, где я еще мальчишкой пас овец. Небольшая пещера пастуха, расположенная неподалеку от вершины, была сухой и пустой. Мы натолкали в нее немало сухой и чистой травы для постели, забросали ветками вход и с облегчением растянулись на земле. Уже через несколько секунд Хасан начал мирно похрапывать. Мой мозг еще несколько секунд бодрствовал, и в эти секунды я понял, что из всех удовольствий — глоток холодной воды после жажды, спиртное, секс и сигарета после многих дней воздержания — со сном ничего не может сравниться. Сон — лучше всего!

Я мог бы сказать о том, что, если бы наш отряд избрал более долгий путь из Ламии до Волоса — прибрежную дорогу, то всего того, что с нами приключилось, скорее всего никогда бы не произошло, и Фил сегодня был бы еще жив. Но я не могу реально судить о том, что произошло бы в этом случае: даже теперь, оглядываясь назад, я не могу с уверенностью сказать, плохо или хорошо то, что мы поступили именно так, а не иначе. В любом случае, следом за нами, простирая к нам руки, среди руин, шествовали силы окончательного раскола...

К Волосу мы вышли в полдень следующего дня, после того как пересекли глубокое ущелье, возле Макринице мы обнаружили всех остальных членов нашей группы.

Фил вывел их к Макринице, попросил бутылку вина и экземпляр своего перевода «Прометей Раскованный», а затем расположился провести с ними вечер.

Утром Диана нашла его давно похолодевшим, с улыбкой на устах.

Погребальный костер я устраивал в кедровой роще вблизи разрушенного монастыря. Он не хотел, чтобы его тело было погребено в земле. В тот же вечер он должен быть кремирован, а я прощался еще с одним другом. Кажется, если оглянуться назад, то вся моя жизнь в основном была чередой приходов и уходов близких мне людей. Я говорил то «Здравствуйте», то «До свидания». И только Земля остается.

Днем я пошел вместе с группой в Паласаве, который расположен на месте древнего Малка, на мысу напротив Волоса. Мы стояли в тени маленьких деревьев на холме, откуда открывался великолепный вид на море и на скалистые склоны.

— Именно отсюда аргонавты отправились на поиски Золотого Руна,— сказал я, обращая свои слова ни к кому.— Это точно.

— Кто был среди них?— спросила Эллен.— Я читала рассказ об этом в школе, но сейчас уже забыла.

— Среди них были Геракл и Лисей, певец Орфей, сын-внук бога северных ветров и Ясон, их предводитель, ученик кентавра Хирона, пещера которого как раз находится неподалеку отсюда, около самой вершины Пелион.

— Правда?

— Я покажу ее когда-нибудь.

— О, как интересно!

— В окрестностях этих мест боролись также боги и титаны,— заметила Диана, став рядом со мной.— Разве титаны не вырвали из земли гору Пелион и не взгромодили ее на Оосу, пытаясь добраться до Олимпа?

— Да, об этом говорят мифы. Однако боги были добры и после окончания кровавой битвы восстановили это место таким, каким оно было прежде.

— Парус!

На горизонте действительно появилось белое пятнышко.

— Да, этим местом до сих пор пользуются в качестве гавани.

— А может быть, это ватага героев,— заметила Диа-

на,— возвращается еще с одним руном? Если это так, то было бы очень интересно узнать, что они делали бы с ним?

— Важно не само по себе руно,— пояснила Красный Парик,— а то, как оно добывалось. Каждый хороший рассказчик отчетливо понимает это.

— По ту сторону дороги,— сказал я громко,— находятся развалины византийского монастыря, который, по утверждению мною графику, будет отреставрирован через два года. Считается, что именно здесь проходил свадебный пир Пелея, одного из аргонавтов, и морской нимфы Фелиты. Вероятно, вы слышали саму историю этого пира? Были приглашены все, кроме богини Раздора, но она все-таки пришла и подбросила яблоко с надписью: «Самой прекрасной». Парис присудил его Афродите, и этим была предreshена судьба Трои. Впоследствии все, кто встречал Париса, видели, что он был очень несчастен. О, так тяжело принимать решения. Как я уже говорил, эта земля полна мифов.

— Сколько времени мы здесь пробудем?— спросила Эллен.

— Мы хотели провести еще пару дней в Макринице,— сказал я,— а затем мы могли бы двинуться на север. В Греции мы проведем еще примерно неделю, а потом отправимся в Рим.

— Нет!— сказал Миштиго, который все это время сидел на камне и что-то диктовал в свой магнитофон.— Нет, путешествие на этом можно считать законченным. Это была наша последняя остановка.

— Как же так?

— Я полностью удовлетворен и намерен отправиться домой.

— А как же ваша книга?

— Я вышлю вам по экземпляру с автографом, когда она будет закончена. Мне очень дорого время, и я собрал почти весь необходимый материал. Сегодня утром я вызвал Порт-о-Пренс, и скиммер будет послан за мной сегодня вечером. Вы можете продолжать путешествие, но я его уже закончил.

— Что-нибудь было не так?

— Нет, все в порядке, но мне пора уезжать. У меня еще довольно много работы.

Он встал и потянулся.

— Мне еще нужно кое-что упаковать, поэтому я собираюсь вернуться сейчас. У вас здесь действительно красивая страна, Конрад, несмотря ни на что. Мы еще встретимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма.

Я сделал несколько шагов за ним, следя за тем, как он благополучно спустился.

— Интересно, что его побудило так спешить?— громко спросил я.

— Он умирает...— тихо отозвался Джордж.

Мой сын Ясон, который опередил нас на несколько дней, исчез. Соседи сказали, что он вечером, за день до нашего прихода, отправился в царство Аида. Он отправился туда на спине огромной собаки с огненными глазами. Она мчалась, как бешеная, и быстро исчезла в ночной тьме. Мои родственники очень хотели, чтобы мы остались на обед. Дос Сантос все еще отдыхал. Джордж лечил раны и считал, что вовсе не обязательно отправлять его в госпиталь в Афинах.

Всегда приятно возвращаться домой.

Сначала я пошел на главную площадь и провел всю вторую половину дня, беседуя со своими потомками. Я им рассказал о Таллере, о Гаити, об Афинах. Они же рассказывали мне о том, что произошло за последние несколько лет в Макринице.

Затем я выбрал цветы и направился на кладбище, немного там побыл, вернулся домой к Ясону. Там я нашел бутылку вина и выпил ее всю. Выкурил сигарету. Затем заварил полный кофейник и выпил кофе.

И тем не менее мое уныние не проходило, так же как и неопределенность. Окончательный исход всего происходящего до сих пор был мне неясен.

Джорджу болезнь веганца была известна. Он сказал, что у него все симптомы тяжелого нервного расстройства. Неизлечимого.

Безусловно, со смертельным исходом. Хасан был здесь совершенно ни при чем. Причины этой болезни неизвестны — таков был диагноз Джорджа. В связи с этим все требовало полнейшего пересмотра.

Джордж узнал о болезни Миштиго еще до нашего путешествия. Что навело его на этот след? Фил попросил его понаблюдать за веганцем с целью выяснения, нет ли у него признаков какой-то неизлечимой болезни.

Почему?

Он не сказал, почему. И теперь я уже не могу спросить его об этом.

Проблему эту предстояло решать мне. Завершил ли Миштиго свою работу, или у него не осталось времени,

чтобы это сделать? Он сказал, что закончил. Если же он ее не закончил, то получается, что все это время я оберегал фактически мертвеца без всякой на то пользы. Если же он ее закончил, то мне необходимо знать результат этой работы для того, чтобы очень быстро принять решение, касающееся того срока жизни, который ему еще остался.

Обед не дал ничего нового. Миштиго сказал все, что хотел сказать, и не обращал внимания ни на какие вопросы либо отмахивался от них.

Поэтому, как только мы выпили кофе, я и Красный Парик вышли наружу покурить.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Я думал сначала, что, возможно, он это сделал.

— Нет. Что же теперь?

— Не знаю.

— Убить его?

— Возможно, да. Хотя сначала нужно выяснить — зачем?

— Он завершил свою работу.

— Ну и что? В чем она заключается?

— Откуда мне знать?

— Черт побери! Я должен знать! Мне хочется знать, потому что я убиваю кого-то. Меня это очень интересует.

— Интересует? Очень? Да ведь это же очевидно. Веганцы хотят скупить у нас всю Землю. Поэтому Миштиго должен срочно дать отчет о тех местах, которые интересуют их больше всего...

— Тогда почему он не посетил все намеченные места? Почему он ограничился только Египтом и Грецией? Пески, скалы, джунгли, ужасные чудовища — вот и все, что он успел увидеть. Вряд ли все это может привлечь внимание инопланетян.

— Он испугался! И поэтому бежит! Он прямо дрожит от счастья, что остался в живых. Ведь его свободно могли слопать и куреты, и боадил, и черт знает кто еще!

— Ну, что ж, хорошо. Тогда пусть себе бежит. Пусть он передаст им плохой отчет.

— А этого он не может допустить. Если они на самом деле хотят возвратиться к покупке, они не станут раскошеливаться на основании обрывочных данных. Они просто пришлют еще кого-нибудь посмелее, чтобы завершить дело. Если мы уьем Миштиго, они поймут, что мы сейчас представляем реальную силу. Что будем делать попытки бороться против всякого...

— Но он не боится за свою жизнь,— задумчиво произнес я.

— Не боится? Тогда как же это все объяснить?

— Не знаю... Я, однако, обязан все это скорейшим образом выяснить.

— Как?

— А что, если я спрошу у него?

— Ты псих!— сказала она и отвернулась от меня. Она стояла неподвижно, как статуя. Потом я взял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Иди домой,— наконец вымолвила она.— Уже поздно.

Я вернулся в просторный дом Ясона Коронеса, где расположились я и Миштиго. И где провел свою последнюю ночь Фил. В комнате, где он не проснулся, томик «Прометей» все еще лежал на письменном столе рядом с пустой бутылкой. У меня, пока он еще был жив, было неотступное ощущение, что он что-то недоговаривает.

Поэтому я открыл книгу.

Его последнее произведение было написано на чистых листах в конце книги, по-гречески, но не на современном греческом, а на старом, классическом.

Вот оно:

«Дорогой друг! Я плохо себя чувствую, и Джордж хочет переправить меня в Афины. Я не возражаю и отправлюсь туда уже завтра, когда прибудет скиммер. Поэтому сейчас я должен прояснить многое, касающееся наших насущных дел.

Веганец должен покинуть Землю во что бы то ни стало живым — живым любой ценой. Это очень важно. Я боялся вам рассказывать об этом раньше, так как опасался того, что Миштиго мог оказаться телепатом.

Поэтому я присоединился к вам позже, в Греции, хотя с радостью посетил бы и Египет. Именно поэтому я притворился, что ненавижу его, чтобы быть от него как можно дальше, и только после того, как я получил неопровержимые доказательства того, что он не телепат, я решил присоединиться к вам.

Я подозревал, что раз здесь оказался Дос Сантос, Диана и Хасан, значит, Рэдпол жаждет его крови. Если бы он был телепатом, полагал я, то он бы об этом быстро узнал и сам предпринял необходимые меры предосторожности. Если же он не телепат, то я всецело полагался на ваши способности защитить его от чего угодно, включая и Хасана. Но мне не хотелось, чтобы он узнал о том, что мне известно. Однако я пытался предупредить вас, если помни-

те. Татрам Миштиго, его дети — одни из прекраснейших, наиболее благородных разумных обитателей Вселенной, когда-либо в ней живших.

Он философ, великий писатель, бескорыстный служитель общества. Я познакомился с ним во времена моего пребывания на Таллере тридцать с лишним лет назад, и впоследствии мы были с ним большими друзьями.

Мы поддерживали переписку друг с другом до тех пор, пока он сам не приехал на Землю, и еще тогда он делился со мной намерениями Федерации Веги относительно будущего Земли. Я поклялся, что буду держать все в тайне, даже Корт не знает, что я обо всем осведомлен. Старик мог бы полатиться своим авторитетом и положением, если бы это вышло наружу раньше времени.

Веганцы находятся в весьма щекотливом положении. Наши соотечественники-эмигранты своим трудом добились того, что Вега очень сильно зависит от них и в культурном, и в экономическом положении. Веганцам дали понять — и притом недвусмысленно во время восстания Рэдпола, — что имеется туземное население, располагающее мощной организацией и желающее возрождения своей планеты. Веганцам тоже этого хотелось. Им Земля не нужна. И на что она им: если им нравится эксплуатировать землян, то на Таллере их гораздо больше, чем на самой Земле, а ведь они, в общем-то, не эксплуатируют, во всяком случае умышленным образом. Наши бывшие соотечественники и сами решили, что лучше пользоваться плодами своего труда на планете другой системы, чем возвращаться на Землю. Но что это означает? То, что движение за Возвращение зашло в тупик! Никто не возвращается! Вот почему я и отошел от этого движения. По этой причине, я уверен, отошли он него и вы. Веганцы хотят, чтобы проблема нашей родной планеты не висела камнем на их шее. Хотя, с другой стороны, они хотят посещать Землю. Для них очень поучительно смотреть на наше настоящее лицо — протрезвляющий и устрашающий урок того, что можно сделать с целой планетой. Что нам нужно было сделать, так это найти способ обойти наше правительство, наше эмигрантское правительство, находящееся на Таллере. Таллериты вовсе не хотят просто так отказаться от правления: сбор налога с Земли — единственный источник существования этого кукольного правительства.

После долгих переговоров и серьезных экономических обещаний, включая предоставление землянам на других

планетах полного статуса гражданства Веги, казалось, такой способ был найден. Осуществление этого плана было поручено представителю рода Штиго, и в частности самому Татраму. Так как он был уверен, что в конце концов нашел способ возвращения Земле ее автономии и сохранения ее культурной целостности! Вот почему он послал своего внука Корта в эту «инспекторскую» поездку. Корт — существо весьма необычное. Его подлинным талантом является эгоизм, им наделены все Штиго в немалой степени, и он обожает перевоплощения.

Я уверен в том, что он хочет разыграть роль пришельца — этого ужасного и грубого существа, и я не сомневаюсь, что в этом он преуспел блестяще. Татрам также сообщил мне, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от неизлечимой болезни. Я уверен, что это та причина, по которой для этой поездки был выбран именно он.

Поверьте мне, Константин Карагиозис (Коронес, Номикос плюс все остальные известные мне имена), Конрад, что он вовсе не обзорекает недвижность, оставшуюся на Земле. Нет.

Поверьте мне на слово, что он должен жить, и обещаю вам выполнить мою просьбу: сохраните все в тайне. Вы не пожалеете, когда все узнаете.

Мне очень жаль, что я так и не удосужился закончить элегию в вашу честь, и будьте прокляты за то, что вы не вернули мою Дару, тогда, в Греции... Фил».

«Что ж, очень хорошо,— решил я,— жизнь, а не смерть веганцу!» Я не сомневался в том, что Фил знает, о чем просит!

Я вернулся к обеденному столу Коронеса и оставался с Миштиго, пока он не ушел. Я сопровождал его, когда мы возвращались к дому Ясона Коронеса, и помогал ему упаковываться. За все это время мы обменялись не более чем десятью словами. Затем мы вынесли его вещи и поставили перед домом, на том месте, где должен был приземлиться скиммер.

Перед тем как остальные, включая и Хасана, подошли попрощаться с ним, он повернулся и сказал:

— Скажите мне, Конрад, для чего вы разрушили пирамиду?

— Чтобы вызвать раздражение у Веги,— произнес я.— Чтобы вы поняли, что если вы все еще желаете этой планеты, то вы получите ее еще в худшем состоянии, чем после Трех Дней. На ней не останется ничего, на что мож-

но было бы поглядеть. Мы уничтожим все, что осталось от нашей истории, не оставив вам ни крошки...

Воздух с присвистом вышел из глубины его легких.

— Я полагаю, что это похвально,— сказал он,— но мне так хотелось взглянуть на нее. Вы думаете, что когда-нибудь вам удастся восстановить ее? Может быть, даже скоро?

— Почему вы так думаете?

— Я заметил, что ваши люди помечают каждый камень.

Я пожал плечами.

— У меня есть только один серьезный вопрос относительно вашей страсти к разрушению,— сказал он.

— Какой же?

— Это на самом деле искусство?

— Идите к черту!

Затем к нам подошли все остальные. Я медленно покачал головой, так что видела только Диана, и схватил кисть Хасана. Затем, незаметно для других, я отцепил приклеенную к ладони тонкую иглу. И только после этого я позволил ему обменяться рукопожатием с веганцем.

В темнеющем небе зажужжал скиммер. Я помог Миштиго взобраться в него, передал ему его личные вещи и основательно прихлопнул дверь скиммера. Все!

Отлет прошел безо всяких происшествий. Я вернулся домой и сменил одежду.

Пришла пора хоронить друга...

13

Хасан помог мне погрузить труп на повозку и взялся за вожжи. Дос Сантос, который не одобрял кремации, решил остаться в деревне, сказав, что его раны болят. Диана осталась вместе с ним. После нашей последней беседы она больше не разговаривала со мной.

Когда пламя костра достигло вершины деревянной конструкции, на которую мы водрузили тело Фила, я увидел невдалеке от нашей повозки Ясона и сидевшего рядом с ним Бортана. От неожиданности я отпрянул назад. Бортан подбежал ко мне и лизнул руку.

— Могучий охотник, мы потеряли друг друга,— сказал я. Он кивнул своей огромной головой.

Пламя начало пожирать доски. Воздух наполнился ароматом благовоний и запахом горящей смолы.

Ясон подошел ко мне.

— Отец,— сказал он,— Бортан довел меня до того места со светящимися скалами, но там уже никого не было.

Я кивнул.

— Друг-получеловек освободил нас. А перед этим вот этот человек,— я указал на Хасана,— убил Мертвяка. Так что твой сон был верным и неверным.

— Он и есть желтоглазый воин из моего сна.

— Знаю, но это уже в прошлом.

— А Черный Зверь?

— Ни слуху, ни духу.

— Хорошо.

Мы долго смотрели на всепожирающее пламя. Несколько раз уши Бортана тревожно поднимались и расширялись ноздри. Джордж и Эллен сидели, не шевелясь. Хасан невозмутимо смотрел на яркий огонь каким-то отрешенным взглядом.

— Что вы теперь будете делать, Хасан?— спросил я у него.

— Вернусь к горе Зинджар,— сказал он.— И надолго.

— А потом?

Он пожал плечами.

— Не знаю, что еще написано мне на роду...

И вдруг устрашающий вой наполнил ночь; подобно столу безумного гиганта, он сопровождался звуками ломающихся деревьев.

Бортан весь напрягся и зарычал. Ослы, которые были запряжены в повозку, беспокойно задергались. Один из них стал громко и резко кричать. Ясон выхватил палку из костра, и осел замолчал.

И тут прямо на поляну вырвалось нечто такое огромное и уродливое, что не могло бы даже присниться в самом кошмарном сне.

Пожиратель людей...

Могучий и отвратительный. Черный Фессалийский Зверь.

Наконец-то можно было увидеть, что он представляет собой на самом деле. Его привлек, видимо, запах горячей плоти. Он был огромен.

Размером со слона, не меньше.

Каков был четвертый подвиг Геракла? Дикий зверь из Аркадии! Мне вдруг захотелось, чтобы рядом со мной возник Геракл.

Огромный кабан... Щетина острая, как кинжалы. Клыки длиной с человеческую руку. Крохотные свинячьи глазки, безумно бегающие из стороны в сторону.

Деревья валились там, где он бежал.

Когда Хасан выхватил из костра горящее полено, он взвизгнул. А когда араб ткнул его чудовищу прямо в рыло, вепрь отпрянул и завизжал.

Я схватил палку, которую все еще держал в руках Ясон, и побежал вперед. Никто не успел ничего сообщить, а я уже воткнул свое оружие в глаз кабана.

Он снова отклонился и пронзительно взревел, как сирена. Бортан бросился на него и вцепился зубами в ногу.

Я дважды ткнул палкой в горло, но раны эти оказались поверхностными. Тварь изогнулась, несколько раз метнулась из стороны в сторону и в конце концов стряхнула с себя Бортана.

Хасан был рядом со мной, размахивая горящим поленом.

Вепрь бросился на него.

Откуда-то сбоку Джордж выпустил в него весь диск из автомата. Хасан швырнул факел, Бортан снова прыгнул, на этот раз со стороны ослепленного глаза. Все это заставило вепря еще раз прыгнуть в сторону. Теперь он вдребезги разбил пустую подводу и убил двух ослов.

Я подбежал к нему, тыча палкой снизу вверх возле его левой передней ноги, но она переломилась надвое. Бортан продолжал хватать зверя, яростно крутясь вокруг него и тем самым отвлекая его от нас.

Мы с Хасаном непрерывно тыкали в него наиболее острыми палками.

Гигантские копыта вепря рыли землю. Единственный выпученный глаз искал нас, чтобы поднять нас на огромные клыки.

В конце концов чудовищу удалось так отшвырнуть от себя Бортана, что тот не сразу смог прийти в себя, и, пока тот не успел еще вскочить на ноги, наброситься на него, низко наклонив голову.

Я отшвырнул палку и прыгнул к нему как раз в тот момент, когда он приготовился нанести смертельный удар Бортану. Я схватился за оба бивня, но вепрь яростно мотал головой, и я взлетел в воздух. Уже сверху я увидел, что Бортану удалось подняться и отскочить в сторону.

Падение оглушило меня, но все же я слышал дикий визг обезумевшего кабана. Хасан тоже что-то кричал, пытаясь перекрыть визг.

... Яркая молния Зевса дважды расколола черное небо, после чего наступила тишина.

Я медленно поднялся на ноги.

Хасан стоял у погребального костра, держа в руках горящую палку.

Бортан обнюхивал корчившуюся в смертельной агонии гору плоти.

Под кипарисом, рядом с трупом осла, стояла Кассандра, упершись спиной в ствол дерева, держа в руке все еще дымящуюся винтовку для охоты на слонов. На ней были кожаные штаны и синий шерстяной свитер.

Она улыбалась.

— Кассандра!!!

Она выронила винтовку, побледнела и стала медленно опускаться на землю. Но прежде чем она коснулась земли, я сумел подхватить ее на руки.

— О, я о многом спрошу тебя, дорогая, но сейчас молчи. Давай просто сядем с тобой под этим деревом и посидим у костра до конца...

Через месяц Дос Сантос был изгнан из Рэдпола. О нем и о Диане я больше ничего не слышал, кроме разве что слухов о том, что они поселились на Таллере и теперь живут там.

Я надеялся, что это неправда, судя по событиям этих пяти дней. Я знаю о Красном Париже далеко не все и думаю, что никогда большего не узнаю. Но, если доверяешь кому-либо, я имею в виду, надеешься на него, и если он тебе не безразличен, все же будешь стараться быть неподалеку от этого человека, чтобы убедиться — прав он был или нет, несмотря на размолвку. Она, однако, могла поступить иначе, и я уверен, что теперь, в этот момент, может, уже раскаивается.

Не думаю, что еще когда-нибудь увижу ее.

Вскоре после чистки в рядах Рэдпола Хасан покинул свою гору Зинджар и некоторое время был в Порт-о-Пренсе. Затем он приобрел большое судно и однажды утром ушел на нем в море, не попрощавшись и ничего не сказав о цели своей поездки. Полагали, что он где-то нашел себе новую работу. Через несколько дней после этого пронесся слух из Тринидада, что его выбросило на берег Бразилии и он нашел смерть от рук кровожадных дикарей, обитавших в тех местах. Я попытался было проверить это, но у меня так ничего и не получилось.

Тем не менее через два месяца Рикардо Бонавентура, председатель Союза против разрядки и прогресса одной из фракций, отколовшихся от Рэдпола (партия радикальной политики), умер от апоплексического удара прямо на засе-

дании одной из секций своей партии. Ходили слухи, что будто бы его отравили. На следующий день после отравления председателя исчез один из его боевиков вместе с содержимым партийного сейфа. Говорят, что это был крупный желтоглазый мужчина с восточными чертами лица...

Ясон продолжает пасти своих многочисленных овец среди холмов и, несомненно, развращает молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна и ни с кем не разговаривает, кроме Джорджа. А тот хочет, пока еще не поздно, провести над зародышем какую-то фантастическую операцию, чтобы его очередной ребенок мог дышать как на суше, так и под водой, ибо ему хочется стать основателем новой расы людей, которые смогут освоить океанские глубины. Эллен не очень-то воодушевлена этой идеей, и, как мне кажется, глубины океана еще долго будут оставаться девственными.

Некоторое время назад я отвез Джорджа в Капистрано наблюдать брачные игры крыс-пауков. Это действительно внушительное зрелище — их полет среди развалин, их охота на диких кабанов. Лорел показывает фильм об этом, в цвете и объеме, на каждом званом ужине в Управлении, ибо теперь это что-то вроде исторического документа о крыс-пауках, которых становится все меньше, благодаря эпидемии, которая вспыхнула среди них после того, как Джордж серьезно занялся их истреблением. Они теперь стали дохнуть, как мухи. Только на прошлой неделе один из них шлепнулся прямо посреди улицы, когда я спешил к Мамаше Джулии за бутылкой рома и ящиком шоколада. Упавший мутант подышал у меня на глазах. Он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Он вполне счастливо летел себе, думая, как бы закусить, и вдруг внутри у него что-то щелкает, и он камнем падает вниз.

Я решил поддержать Управление, во всяком случае, в обозримом будущем. В мои намерения входило также создать партию оппозиции к Рэдполу — что-то вроде партии Независимого возрождения.

Добрые старые политические интриги... Мы не в состоянии отказаться от них даже среди развалин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, мой идеал, я без лишая нравлюсь ей еще больше. Он исчез после нескольких часов, проведенных в Долине Спящих. Моя госпожа была как раз в той лодке, парус которой Хасан увидел на берегу моря. Это не был корабль, полный героев. Зато на нем был почти весь мой арсенал. Она успела выйти в море, как только раздалась первые подземные толчки,

а лодка, которую я собственноручно построил, выдержала цунами, следовавшие после того, как большая часть острова Кос рухнула в море.

После этого она направилась в Волос, потому что помнила, что в Макринице полно моих родственников. И какое счастье, что у нее было предчувствие, что там ее поджидает какая-то опасность, и поэтому она не поленилась попрактиковаться в употреблении тяжелого оружия.

Я приобрел виллу на противоположном от Порт-о-Пренса берегу Гаити. Она всего лишь в двадцати минутах полета на скиммере от столицы. Там есть огромный пляж и дремучие джунгли вокруг него. Мне нужно некоторое время и расстояние между собой и цивилизацией. На следующий день, когда на меня посыпались различные поверенные, они не поняли надписи: «Остерегайтесь собаки!» Сейчас эта надпись уже излишняя.

И вот я, как и все мы, оказался в самой необыкновенной ситуации. Вся планета Земля была приобретена у правительства на Таллере.

Приобретена огромным и могущественным кланом Штиго. Подавляющее число эмигрантов желали, чтобы им было предоставлено гражданство Великой Федерации Веги. Для них было намного лучше это, чем оставаться в подчинении у правительства и работать в Федерации на правах зарегистрированных инопланетян. К этому они стремились довольно долго, и передача Земли, как таковой, сводилась к тому, чтобы найти покупателя получше — из-за того, что наше правительство в изгнании лишилось единственной причины своего существования в ту же минуту, когда был решен вопрос его гражданства. Его существование можно было оправдать лишь до тех пор, пока на планетах имелись Федерации землян. Но теперь они стали полноправными гражданами Веги, и у правительства не осталось подданных, кроме горстки жителей самой Земли, практически его не признававших.

Итак, с молотка шла крупнейшая недвижимость, и единственным покупателем был клан Штиго.

Однако мудрый Татрам понимал, что клану Штиго вовсе незначительно владеть целой планетой. Покупка была оформлена на имя его внука, Корта Миштиго, вскоре после чего новый владелец скончался. В его завещании, согласно последней воле усопшего, в качестве его наследника... был назван я!

Таким образом, я унаследовал целую планету, название которой — Земля!

Что ж, я этого не добивался, умышленно во всяком случае, хотя все, что я ни делал за свою жизнь, вне зависимости от моей воли, предопределяло именно этот исход.

Все началось с того, что Татрам начал изучать всю информацию о землянах, заключенную в четырех огромных компьютерах, и Акты записи гражданского состояния. Он искал туземного администратора, в управление которого можно было бы передать Землю с последующим образованием представительного правительства, которому этот администратор с течением времени должен был передать свои права на владение планетой, предоставленные ему кланом Штиго. Ему нужен был кто-нибудь, кто долгое время жил на этой Земле, обладал организаторскими способностями и у которого не было бы желания навечно закрепить за своими потомками полученную собственность.

Среди других имен машины назвали сначала одно мое имя, затем другое, причем это второе как «возможно, еще не умершего». Затем было просмотрено мое личное дело, затем дело, соответствующее второму имени. Вскоре машина выдала еще несколько имен, и все они были моим именем. Машина начала сортировать на соответствие и те признаки, которые совпадали, и по мере накопления данных начала делать выводы. Ответ был ошеломляющий! Добрых полдюжины считавшихся разными людей слилось в одном...

Конраде Номикосе.

Поэтому Татрем и решил, что меня нужно хорошенько обследовать, как весьма удивительный феномен.

Миссия эта была возложена на Корта. Он должен был окончательно решить, являюсь ли я добрым, честным, благородным, благонадежным, безупречным, преданным, достойным доверия, бескорыстным, благонравным, лишенным всяческого честолюбия.

Результат этого обследования гласил:

«Да, он обладает всеми этими качествами!»

Я, безусловно, одурачил его.

Хотя, возможно, он был прав в отношении отсутствия честолюбия. Я чертовски ленив, и мне совсем не улыбается тащить на плечах груз всех земных страданий изо дня в день, без сна и отдыха.

Но тем не менее я обязательно добьюсь для себя определенных привилегий в обеспечении своих личных удобств. И, по всей вероятности, установлю, что отпуск мой будет длиться не менее шести месяцев.

Один из поверенных, конечно, не первый (тот долго еще отлеживался в больнице), доставил мне послание Кор-та Миштиго.

Вот оно:

«Дорогой... Не-знаю-каким-именем-вас-называть!

Очень неудобно таким образом начинать письмо, поэтому я уважу ваши пожелания и буду называть вас Конрадом.

Так вот, Конрад, теперь вы поняли истинную сущность моего визита. Я чувствую, что совершил правильный выбор, назвав вас в качестве наследника собственности, принятой называться — Земля! Нельзя отрицать вашу глубочайшую к ней привязанность.

Как Карагиозис вы вдохновляли людей на то, чтобы они проливали свою кровь, защищая Землю. Вы восстановили ее исторические памятники, сохранили произведения искусства (одно из обязательных условий моего завещания, между прочим, то, что я настаиваю на восстановлении пирамиды Хеопса), а ваша изобретательность, так же как и ваша нестигаемость — физическая и духовная, — в высшей степени уникальны и удивительны.

Вы также оказались наиболее близким к бессмертию из всех возможных кандидатов (многое я бы отдал за то, чтобы выяснить настоящий ваш возраст), и это вместе с вашей высокой потенциальной выживаемостью делает вас, по сути, единственным кандидатом. Если же даже ваша мутация начнет вам изменять, то всегда есть возможность восстановить ее и прибегнуть к курсу Спранга-Сансера, чтобы продолжить гигантскую череду дней вашей жизни.

Меня так и подмывает назвать вас самым старым из всех известных мне плутов, но это будет невежливо по отношению к вам, ибо, насколько мне известно, вы хоть и законченный обманщик, но все же не плут, ибо не из корысти вы подделали все эти записи в личном деле. Вы довели компьютеры до безумия своими подделками. Сейчас в их программах нет, не считая метрических свидетельств, ни одного грамма документов, удостоверяющих ваш возраст.

Я верю, что делаю правильно, передавая Землю в руки каликанзариды.

Согласно легенде, это может быть роковой ошибкой. Тем не менее я рискну утверждать, что даже это вы присвоили себе, причем просто из озорства, скорее всего. Вы

разрушаете только то, что намереваетесь восстановить. Вероятно, вы и есть тот великий бог Пан, который только притворяется, что умирает. Каким бы огромным ни было данное вам средство, ваши потребности будут удовлетворены. Уже в этом году на Землю будет выслано большое количество самых разнообразных и сложнейших механизмов и каталоги для заявки на любое другое оборудование, которое может вам понадобиться.

Ступайте и плодитесь, становитесь вновь хозяевами своего дома. Не стесняйтесь просить помощь — она будет предоставлена.

У меня не осталось времени написать про вас книгу. Очень жаль. А вот автограф я, как и обещал, вам высылаю...

Корт Миштиго».

Вот в чем суть: бог Пан!

Надеюсь, что все-таки не бог.

Земля — жуткое место для обитания — дикое и жестокое. Руины должны быть расчищены, квартал за кварталом, только после этого можно приниматься за постройку. Это означает работу, много работы. Это означает, что мне понадобятся услуги Управления, а также самого Рэдпола, для того чтобы начать работу. Сейчас я никак не могу решить, сохранить ли экскурсии по нашим руинам. Думаю, что лучше пусть они продолжаются, потому что когда-нибудь у нас будет что показать туристам, показать новое и замечательное.

Человеку свойственно, удовлетворяя свое любопытство, останавливаться на дороге и смотреть сквозь дырки в любом заборе: какое строительство за ним ведется? Теперь у нас есть деньги, что создает совершенно новую ситуацию. Возможно, даже Движение за возвращение снова возродится. Однако если бывшие земляне все захотят остаться веганцами, то и пусть! Мы против них ничего не имеем, мы можем обойтись и без них. Уход оставшегося населения Земли на другие планеты прекратится, как только у ее обитателей появится новое дело, как только они поймут, что у них появилось будущее. Мы добьемся этого. Я устал уже быть кладбищенским сторожем.

Кассандра влюблена в нашу виллу на этом волшебном месте. Я тоже. Она уже больше не возражает против моего неопределенного возраста. И это очень хорошо. Как раз сегодня утром, когда мы лежали на пляже, любуясь, как восходящее солнце разгоняет с небес звезды, я повернулся

к ней и напомнил, что нам предстоит тяжелая и большая работа, полная мелких хлопот и неприятностей.

— Нет, это не так,— ответила она.

— Не преуменьшай того, что нас ждет. Ты слишком оптимистична, Кассандра.

— Нет! Я говорила тебе раньше, что тебе будут угрожать различные напасти, и так оно и было, но тогда ты мне не верил. Теперь же я чувствую, что все будет хорошо.

— Согласен, в прошлом твои предсказания сбывались. Но все равно у меня ощущение, которое я тоже чувствую, что ты недооцениваешь те трудности, которые нам предстоят.

Она вскочила и топнула ногой.

— Ты никогда мне не верил!

— Конечно, верил. Только вот на этот раз ты ошибаешься!

Она ушла прочь от меня, моя сумасшедшая русалка, налево в черные воды. Через некоторое время она вернулась.

— Хорошо,— сказала она, улыбаясь и стряхивая струйки воды с волос.— Может быть, ты и прав.

Я поймал ее за ногу и потянул к себе.

— Прекрати!

— Я верю тебе, Кассандра! На самом деле! Слышишь? Я в самом деле верю тебе! Ты всегда...

— А ты всегда был противным, хитрым калликанзаридом.

Я думаю, что здесь самое подходящее время закончить свой рассказ...

СОДЕРЖАНИЕ

Создания света, создания тьмы	5
Остров Мертвых	149
Этот бессмертный	289

Желязны Роджер
СОЗДАНИЯ СВЕТА, СОЗДАНИЯ ТЬМЫ...

Клуб «Золотое перо»

Выпуск 6

Редактор Н. М. Федоренко
Технический редактор А. Б. Кольчик
Корректор А. И. Асланянц

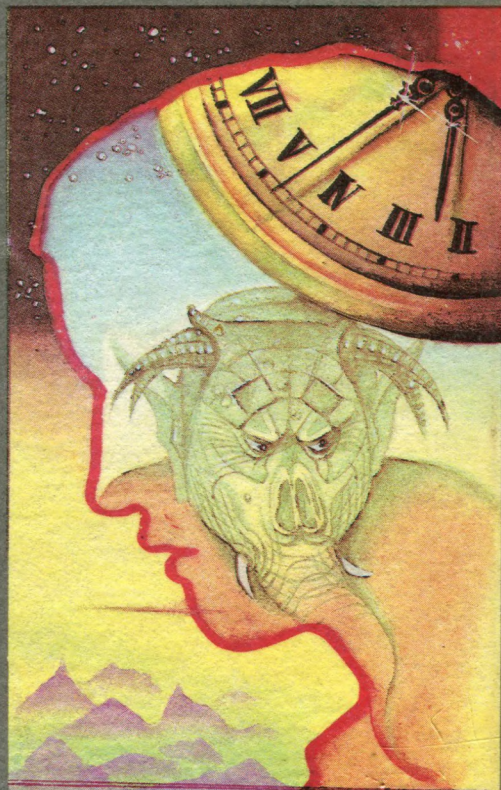
Подписано в печать 18.05.92. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2.
Печать высокая. Тираж 100000 экз. Заказ № 1505.

Коммерческо-производственный центр «Тонар». 133055 Москва, Тихвинский пер., 9, кор. 1.
Фирма «Топикал» Ltd. 109390 Москва, 1-ая ул. Текстильщиков, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в тип. № 7.
127019, Москва, пер. Аксакова, 13.



6



РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ